ОЧЕРКИ

ИЗЪ

БИБЛЕЙСКОЙ ГЕОГРАФІИ

II

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖИВОТНАГО ЦАРСТВА ВЪ СВ. ЗЕМЛѢ

ПРОТОІЕРЕЯ

Н. А. Елеонскаго

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1897

Типографія В. Киршбаума, Дворц. площ., д. М-ва Финансовъ.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖИВОТНАГО ЦАРСТВА ВЪ СВ. ЗЕМЛѢ.

I.

Мягкотѣлыя, черви, паукообразныя, насѣкомыя.

Общія вступительныя замѣчанія. Отношеніе древнихъ Евреевъ къ животнымъ, обитавшимъ въ Палестинѣ. Изученіе животныхъ еврейскими мудрецами. Польза этого изученія въ нравственномъ и религіозномъ отношеніяхъ. Библія—лучшій источникъ для ознакомленія съ палестинскими животными. Порядокъ обозрѣнія животныхъ Св. Земли.—*Мягкотѣлыя. Пурпуровыя раковины;* ихъ различные виды; пурпуръ, доставляемый ими; различные цвѣтовые оттѣнки пурпура. Ловля пурпуровыхъ раковинъ; добываніе изъ нихъ пурпура и его приготовленіе. Матеріалъ, который былъ употребляемъ для окраски въ пурпуръ; дороговизна этого матеріала. Ловля пурпуровыхъ раковинъ, приготовленіе пурпура и пурпуровыхъ тканей Финикіянами и Евреями колѣна Завулонова. Употребленіе пурпуровыхъ тканей съ религіозными цѣлями. Священныя одежды Евреевъ изъ пурпуровыхъ тканей. Пурпуровыя нити въ кистяхъ обыкновенныхъ еврейскихъ одеждъ; религіозное значеніе этого, предписаннаго закономъ, обычая. Рѣдкое употребленіе Евреями пурпура въ обыденной жизни. Употребленіе пурпура у язычниковъ съ религіозными цѣлями. Еврейскія и греческія наименованія пурпура. Пурпуровыя одежды царей, вельможъ и другихъ знатныхъ лицъ. Замѣна пурпура другими красящими веществами.—*Черви.* Упоминаніе о червяхъ вообще въ библейскихъ книгахъ. *Піявки.—Паукообразныя.* Упоминаніе въ Библіи о паукахъ вообще и о паутинѣ. Символическое значеніе паутины въ библейскомъ языкѣ. *Скорпіоны;* особенности въ строеніи и нравахъ скорпіоновъ. Воззрѣніе древнихъ Евреевъ на скорпіоновъ; скорпіоны, какъ символъ всего мучительнаго и злого.—*Насѣкомыя. Червецъ.* Красящее вещество, доставляемое червецомъ. Употребленіе Евреями червленыхъ нитей и тканей. Червленыя ткани у Египтянъ, Финикіянъ, Грековъ и Римлянъ. Употребленіе червеца въ настоящее время. Еврейскія наименованіе червленой краски и червленыхъ тканей. *Пчелы.* Обиліе дикихъ

пчелъ въ древней Палестинѣ. Медъ дикихъ пчелъ; его употребленіе Евреями. Медъ и пчелы, какъ предметы для сравненій. Пчелы въ Палестинѣ въ настоящее время. *Саранча.* Особенности въ строеніи саранчи; ея размноженіе, прожорливость, наклонность жить въ массахъ. Страшныя опустошенія, производимыя саранчею; неудержимое стремленіе саранчи передвигаться съ мѣста на мѣсто въ опредѣленномъ направленіи. Борьба человѣка съ саранчею. Помощь человѣку со стороны природы въ борьбѣ съ саранчею; гибельное дѣйствіе на саранчу излишней влаги и сильныхъ вѣтровъ; каменные скворцы и другія птицы, какъ истребители саранчи. Саранча въ древней Палестинѣ въ древнія времена и ея опустошительныя нашествія на Св Землю; изображеніе саранчи и ея нашествія въ книгѣ пр. Іоиля; вѣрность этого изображенія. Употребленіе саранчи въ пищу Евреями и другими восточными племенами. Саранча въ Палестинѣ въ настоящее время. Еврейскія наименованія саранчи. *Комары, слѣпни, москиты* и др. „Зевувъ“—общее еврейское названіе всѣхъ этихъ видовъ мухъ; происшедшія отъ этого слова наименованія—„Веельзевувъ“ и „Веельзевулъ“. *Моль* и упоминанія о ней въ Библіи. *Шершни. Муравьи.*

Въ Св. Землѣ, въ древнія библейскія времена, обитали многочисленные и разнообразные представители животнаго царства, между прочимъ и такіе, какихъ не встрѣчаютъ тамъ въ настоящее время. Одни изъ нихъ приносили древнимъ обитателямъ Палестины многоразличную пользу, доставляя рабочую силу, матеріалы для пищи и одежды, красящія вещества и проч., и такимъ образомъ содѣйствовали внѣшнему благосостоянію сыновъ Израиля; другіе являлись разрушительною силою и для самой страны и для ея обитателей, грозными врагами, съ которыми, въ видахъ самозащиты необходимо было бороться. Но отношенія древнихъ Евреевъ къ животному царству Св. Земли не ограничивались только тѣмъ, что они или пользовались имъ, или же вели борьбу съ нѣкоторыми изъ его представителей. Міръ животныхъ, кромѣ того, давалъ пищу ихъ любознательности, служилъ для нихъ предметомъ разносторонняго и серьезнаго изученія. Не одинъ только Соломонъ былъ основательно знакомъ съ міромъ палестинскихъ животныхъ и могъ сообщить обстоятельныя свѣ-

дѣнія о каждомъ изъ нихъ (3 Цар. 4, 33). И другіе мудрецы Израиля не уступали знаменитому царю въ основательномъ знакомствѣ съ живыми тварями, окружавшими ихъ, съ ихъ устройствомъ, съ ихъ нравами и съ своеобразными особенностями ихъ жизни. Отсюда-то въ ветхозавѣтныхъ библейскихъ книгахъ мы встрѣчаемъ подробныя описанія напр. коня, бегемота и др. (Іов. гл. 38—41), указанія на характерныя особенности въ нравахъ и жизни муравьевъ, саранчи (Притч. 30, 25—28) и под. И слѣдуетъ сказать, что названныя описанія, несмотря на обиліе въ нихъ поэтическихъ выраженій и оборотовъ, отличаются замѣчательною точностію, которой удивлялись такіе естествоиспытатели, какъ Бюффонъ и А. Гумбольдтъ. Бюффонъ даже составилъ описаніе арабскаго коня, придерживаясь изображенія этого животнаго въ кн. Іова (Ewald, Das Buch Iob).

Обстоятельное и точное знакомство съ міромъ животныхъ имѣло большое значеніе въ духовной жизни Израиля. Давая здоровую пищу для ума, знакомство это вмѣстѣ съ тѣмъ служило руководителямъ духовной жизни народа прекраснымъ пособіемъ при раскрытіи правилъ нравственности. Пророки и мудрецы, обличая или вообще еврейскій народъ, забывшій о законѣ Божественномъ, или извѣстныхъ людей, зараженныхъ какимъ-либо особеннымъ порокомъ, нерѣдко указывали при этомъ на добрыя черты въ жизни животныхъ, упрекали своихъ беззаконныхъ и порочныхъ соотечественниковъ въ томъ, что они въ нравственномъ отношеніи сдѣлались ниже многихъ неразумныхъ тварей, и приглашали обличаемыхъ поучиться хотя у безсловесныхъ. Подобные пріемы сообщали укоризнамъ и назиданіямъ особенную наглядность, живость и силу. «И аистъ подъ небомъ знаетъ свои опредѣленныя времена, говоритъ пр. Іеремія, и горлица и ласточка и журавль наблюдаютъ время, когда имъ прилетѣть; а народъ мой не знаетъ опредѣленія Господня» (Іер. 8, 7). «Пойди къ муравью, лѣнивый, поучаетъ Приточникъ, посмотри на

дѣйствія его, и будь мудрымъ. Нѣтъ у него ни начальника, ни приставника, ни повелителя. Но онъ заготовляетъ лѣтомъ хлѣбъ свой, собираетъ во время жатвы пищу свою» (Притч. 6, 6—8). Но особенно велико и важно было значеніе разсматриваемаго знакомства для религіозной жизни древнихъ Евреевъ. Созерцая дивное разнообразіе животнаго міра, присматриваясь къ устройству отдѣльныхъ тварей, къ образу ихъ жизни, лучшіе люди Израиля приходили къ непоколебимому убѣжденію во всемогуществѣ, премудрости и благости Господа, какъ Творца и Промыслителя вселенной; а это убѣжденіе въ свою очередь оживляло въ нихъ вѣру, наполняло ихъ сердца чувствами преданности Господу, благоговѣнія предъ Нимъ. «Спроси у скота, и научитъ тебя, читаемъ мы въ кн. Іова, у птицы небесной, и возвѣститъ тебѣ; или побесѣдуй съ землею, и наставитъ тебя, и скажутъ тебѣ рыбы морскія. Кто во всемъ этомъ не узнаетъ, что рука Господа сотворила сіе? Въ Его рукѣ душа всего живущаго (Іов. 12, 7—10). Какъ многочисленны дѣла Твои, Господи! взываетъ псалмопѣвецъ, все содѣлалъ Ты премудро; земля полна произведеній Твоихъ. Это море великое и пространное; тамъ пресмыкающіяся, которымъ нѣтъ числа, животныя малыя съ большими; тамъ плаваютъ корабли; тамъ этотъ левіаѳанъ, котораго Ты сотворилъ играть въ немъ. Всѣ они ожидаютъ, чтобы Ты далъ имъ пищу ихъ въ свое время. Даешь имъ, принимаютъ, отверзаешь руку Твою, насыщаются благомъ. Сокроешь лице Твое, мятутся; отнимешь духъ ихъ, умираютъ и въ персть свою возвращаются. Пошлешь духъ Твой, созидаются, и Ты обновляешь лице земли. Да будетъ Господу слава во вѣки; да веселится Господь о дѣлахъ своихъ! Буду пѣть Господу во всю жизнь мою, буду пѣть Богу моему, доколѣ есмь» (Пс. 103, 24—31. 33).

Благодаря указаніямъ библейскихъ писателей на нравы и обычаи различныхъ животныхъ, подробнымъ описаніямъ

многихъ изъ нихъ, мы имѣемъ въ Библіи почти полный перечень представителей животнаго царства, обитавшихъ въ древней Палестинѣ, такъ что при составленіи обзора животныхъ Св. Земли Библія не можетъ не быть признана однимъ изъ первыхъ и лучшихъ пособій.

Обзоръ свой мы поведемъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, начиная, по примѣру Раумера (Palästina), съ животныхъ низшихъ—мягкотѣлыхъ и кончая высшими—млекопитающими.

Изъ мягкотѣлыхъ, обитавшихъ и доселѣ обитающихъ у береговъ свят. Земли, въ водахъ Средиземнаго моря, древніе Евреи знали тѣ виды раковинъ, которые содержатъ въ себѣ красящее вещество, извѣстное подъ именемъ пурпура. По крайней мѣрѣ послѣдній, т.-е. пурпуръ, былъ, какъ это видно изъ Библіи, очень, хорошо извѣстенъ сынамъ Израиля и находился у нихъ въ постоянномъ употребленіи.

Пурпуръ, который считался драгоцѣнностію во всемъ древнемъ мірѣ, добывался главнымъ образомъ изъ двухъ видовъ раковинъ; виды эти: Buccinum; κηρυξ (трубогъ, морская труба) и purpura, πορφυρα (пурпуровая раковина). Сокъ, извлекаемый изъ этихъ раковинъ, первоначально имѣетъ желтоватобѣлую окраску; затѣмъ, подъ вліяніемъ свѣта, онъ постепенно окрашивается въ зеленый, голубой и, наконецъ, въ красный цвѣтъ. Buccinum, или трубогъ, доставляетъ, въ концѣ-концовъ, яркокрасную краску. Пурпуровыя раковины, различаясь между собою по своему строенію, даютъ краску также разныхъ цвѣтовъ. Цвѣта эти: черный, точнѣе темносиній, и красный; затѣмъ—голубой и фіолетовый. Первыя цвѣта—основные, послѣдніе — переходные. Краска, доставляемая трубогомъ, слабо держится на окрашенной матеріи и скоро линяетъ. Поэтому красящее вещество трубога обыкновенно смѣшивали съ красками пурпуровыхъ раковинъ и, благодаря такому смѣшенію, достигали не только проч-

ности колеровъ, но и большаго разнообразія цвѣтовыхъ оттѣнтовъ. Такъ, напримѣръ, путемъ подобнаго смѣшенія получался кровавокрасный пурпуръ. Именно для полученія этого цвѣта, окрашиваемую матерію погружали сначала въ сокъ пурпуровыхъ раковинъ, затѣмъ въ сокъ трубороговъ; и окрашенная такимъ способомъ матерія носила названіе двойной багряницы (díbarha purpura); далѣе получался фіолетовый пурпуръ съ различными оттѣнками—съ оттѣнкомъ гіацинта, аметиста и под. Сверхъ того красильщики къ соку пурпуровыхъ раковинъ прибавляли другія стороннія вещества и добывали то лиловый пурпуръ цвѣта геліотропа, то красноголубой—цвѣта мальвы и т. д. Наконецъ прибѣгали къ тройной окраскѣ и получали темные колера. Словомъ, цвѣтныхъ оттѣнковъ было множество; ихъ насчитываютъ отъ 30 до 40.

Пурпуровыя раковины обыкновенно ловились весною. Ловъ ихъ производился посредствомъ небольшихъ вершей, которыя съ кусками мяса или съ другаго рода приманками, опускались въ море. Мелкія раковины раздроблялись вмѣстѣ съ скорлупою; крупныя животныя отдѣлялись отъ скорлупы, разрѣзывались и изъ нихъ извлекался пурпуровый сокъ. Образовавшуюся такимъ образомъ жидкую массу солили и оставляли стоять дня три; затѣмъ ее варили въ свинцовыхъ сосудахъ на легкомъ жару, при чемъ, вмѣстѣ съ пѣною, снимали мясистыя и другія излишнія частицы. Варка продолжалась до тѣхъ поръ, пока опущенная въ варившуюся жидкость во́лна не окрашивалась въ желаемый цвѣтъ. Въ пурпуровыхъ краскахъ красился самый матеріалъ, изъ котораго уже потомъ приготовлялись ткани. Красилась преимущественно во́лна, или шерсть; иногда красили хлопокъ, ленъ, позднѣе—шелкъ; но послѣдній дурно воспринималъ и недолго сохранялъ краску. Окрашенный матеріалъ обыкновенно поступалъ на рынокъ, въ числѣ другихъ товаровъ, и продавался на вѣсъ. — Отдѣльная пурпуровая раковина содержитъ въ себѣ очень мало красящаго вещества, такъ

что потребно около десяти пудовъ раковинъ (болѣе трехъ центнеровъ) для того, чтобы окрасить надлежащимъ образомъ количество шерсти, не превышающее 60 фунтовъ. Поэтому окрашенный въ пурпуръ матеріалъ продавался очень дорого, и тѣмъ дороже, чѣмъ болѣе употреблено было на него красящаго вещества. Такъ наприм. количество пурпуровой, фіолетоваго цвѣта, шерсти нѣсколько болѣе нашего фунта, продавалось, въ дни юности Корнелія Непота (первая половина 1-го в. предъ Р. Х.), за сто динаріевъ (болѣе 20 руб. золотомъ на наши деньги), а тоже количество тройной тирской окраски въ десять разъ дороже.

Ловля пурпуровыхъ раковинъ въ древности производилась, главнымъ образомъ, Финикіянами, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, отличались замѣчательнымъ искусствомъ въ окраскѣ матеріала въ различные цвѣта и въ приготовленіи пурпуровыхъ тканей. Финикіяне первые начали употреблять тройную окраску, и тирскія пурпуровыя ткани темныхъ колеровъ, иногда съ затканными серебряными нитями, были знамениты тѣмъ, что блестѣли на солнцѣ и переливались различными цвѣтами. — По Іудейскому преданію, содержащемуся въ Талмудѣ, ловлею пурпуровыхъ раковинъ и приготовленіемъ пурпуровыхъ тканей занимались также Евреи колѣна Завулонова, обитавшаго на берегу Средиземнаго моря.

Вслѣдствіе высокой цѣны матеріала, окрашеннаго въ пурпуръ, и ткани приготовленныя изъ этого матеріала имѣли въ древности ограниченное употребленіе. Ихъ или употребляли съ религіозными цѣлями для устройства священныхъ облаченій, или же онѣ шли на одежды лицъ царственныхъ и знатныхъ и служили внѣшнимъ признакомъ высокаго положенія этихъ лицъ въ обществѣ. У древнихъ Евреевъ окрашенный въ пурпуръ матеріалъ и приготовленныя изъ него ткани были почти исключительно предназначены для религіозныхъ цѣлей, при чемъ изъ всѣхъ разнообразныхъ цвѣтовъ пурпура Евреями отда-

валось предпочтеніе двумъ основнымъ цвѣтамъ—темносинему, или голубому, и пурпуровому, или красному. Такъ въ числѣ добровольныхъ приношеній для потребностей скиніи, Моисей повелѣлъ принимать отъ Евреевъ шерсть, окрашенную въ голубой и пурпуровый (красный цвѣта (Исх. 25, 4). Далѣе Моисеемъ было предписано приготовить, между прочимъ, изъ голубой и пурпуровой шерсти, для скиніи, тѣ десять покрывалъ, изъ которыхъ скинія должна была состоять, завѣсу для отдѣленія святилища отъ Святаго-Святыхъ, входную завѣсу (Исх. 26, 1. 31. 36) и завѣсу для воротъ двора скиніи (Исх. 27, 16). Затѣмъ, въ силу тѣхъ же предписаній Моисея, голубая и пурпуровая шерсть шла на устройство первосвященническаго ефода, пояса къ ефоду, наперсника суднаго, верхней ризы къ ефоду и украшеній для этой ризы; при чемъ верхнюю ризу слѣдовало устраивать изъ одной голубой ткани, а украшенія къ ней, или гранатовыя яблоки плести изъ нитей голубыхъ, темноголубыхъ и пурпурныхъ Исх. 28, 5. 8. 15. 33). Наконецъ покрывало, въ которое завертывались священные сосуды слѣдовало готовить изъ голубой, а покровы для жертвенника изъ пурпуровой ткани (Числ. 4, 12. 13). Сверхъ всего этого законъ Моисеевъ предписывалъ всѣмъ Израильтянамъ вплетать въ кисти своихъ обычныхъ одеждъ нити, окрашенныя въ голубой пурпуръ. Предписаніе это также имѣло въ виду цѣль исключительно религіозную. Нити, окрашенныя въ голубой, точнѣе въ темно-голубой цвѣтъ—цвѣтъ южнаго палестинскаго неба, и вплетенныя въ обычныя одежды, должны были постоянно напоминать Израильтянамъ, что законъ написанный для нихъ Моисеемъ, имѣетъ происхожденіе небесное, данъ Господомъ, Богомъ небеснымъ, и дѣлая имъ такое напоминаніе воздерживать ихъ отъ нарушенія закона. «И сказалъ Господь Моисею, говоря: объявя сынамъ Израилевымъ и скажи имъ, чтобы они дѣлали себѣ кисти на краяхъ одеждъ своихъ въ роды ихъ, и въ кисти, которыя на краяхъ, вставляли нити изъ

голубой шерсти. И будутъ онѣ въ кистяхъ у васъ для того, чтобы вы, смотря на нихъ, вспоминали всѣ заповѣди Господни и исполняли ихъ, и не ходили вслѣдъ сердца вашего и очей вашихъ, которыя влекутъ васъ къ блудодѣйству, чтобы вы помнили и исполняли всѣ заповѣди мои, и были святы предъ Богомъ вашимъ» (Числ. 15, 37—40). Объ употребленіи Евреями пурпурныхъ тканей независимо отъ религіозныхъ цѣлей Библія упоминаетъ очень рѣдко. И, какъ кажется, въ обыкновенной жизни онѣ, дѣйствительно, употреблялись въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ (Притч. 31, 22; Пѣс. П. 3, 10). — Съ религіозными цѣлями пурпурныя ткани были употребляемы и язычниками; язычники приготовляли изъ нихъ одежды для своихъ истукановъ (Іерем. 10, 9) *). Кромѣ устройства священныхъ облаченій, пурпуровыя ткани употреблялись въ древности, какъ уже сказано, на одежды царственныхъ и высокопоставленныхъ лицъ. Такъ, еще

*) Въ Еврейской Библіи встрѣчаются два названія для обозначенія пурпура и матеріала, окрашеннаго въ пурпуръ. Названія эти: „*техелеѳъ*“ и „*аргаманъ*“ (tekheleth, argaman). Слово „техелеѳъ“ LXX и другіе греческіе переводчики передали словами υακινθος, υακινθινος (гіацинтъ, гіацинтовый). Но какой именно цвѣтъ слѣдуетъ разумѣть подъ гіацинтовымъ цвѣтомъ, трудно опредѣлить съ точностію. Древніе писатели сравнивали цвѣтъ гіацинта, или гіацинтоваго пурпура, то съ цвѣтомъ моря, то съ цвѣтомъ воздуха, то съ цвѣтомъ безоблачнаго южнаго неба и называли его темнымъ. Основываясь на этихъ сравненіяхъ, можно думать, что „техелеѳъ“ или гіацитовый пурпуръ имѣлъ не голубой, а темноголубой, или темносиній цвѣтъ, а быть можетъ и темносиній съ красноватымъ оттѣнкомъ, т.-е. фіолетовый. Еврейское „техелеѳъ“ въ русскомъ синодскомъ переводѣ Библіи передано словомъ „голубой“ (и словами — „голубой и яхонтовый“ въ Исх. 28, 33), въ переводѣ о. Макарія словомъ „яхонтовый“, а греческія υακινθος, υακινθινος, въ славянскомъ переводѣ — словомъ синета. „*Аргаманъ*“, передаваемое греческими переводчиками словомъ „πορφυρα“, значитъ яркокрасный, кровавокрасный пурпуръ. Еврейское „аргаманъ“ переводчики русскіе передаютъ словами „пурпуръ“, „пурпуровый“; переводчикъ славянскій греческое „πορφυρα“ словомъ „багряница“.

во времена Судей, цари Мадіамскіе носили пурпуровыя одежды (Суд. 8, 26). Въ одежды темноголубаго цвѣта одѣвались Ассирійскіе областеначальники и градоправители (Іезек. 23, 6). Вавилонскіе и Персидскіе цари награждали пурпуровыми одеждами въ знакъ особеннаго своего благоволенія и при назначеніи на высшія государственныя должности. Такъ Вавилонскій царь далъ обѣщаніе, въ знакъ своего благоволенія, облечь въ багряницу того, кто объяснитъ ему смутившее его сновидѣніе, и когда прор. Даніилъ объяснилъ сонъ, царь дѣйствительно повелѣлъ облечь пророка въ пурпуровую одежду и провозгласить его третьимъ властелиномъ въ государствѣ (Дан. 5, 7. 16 29), Мардохей, заслужившій благоволеніе въ глазахъ Персидскаго царя и занявшій при царскомъ дворѣ высокое положеніе, получилъ право носить царскія пурпуровыя одежды (Есѳ. 8, 15). — Подобное же значеніе пурпуровымъ одеждамъ придавали цари изъ династіи Селевкидовъ. Такъ царь Александръ Вана, назначая Іонаѳана Маккавея первосвященникомъ, прислалъ ему пурпуровую одежду; также поступилъ относительно Іонаѳана Антіохъ, относительно Симона Димитрій (1 Макк. 10, 20. 62. 64; 11, 58; 14, 43. 44).—Съ развитіемъ роскоши въ Римской имперіи, одежды изъ пурпуровой ткани стали носить и частныя состоятельныя лица (Лук. 16, 19), несмотря на императорскіе указы, или вовсе воспрещавшіе ношеніе нѣкоторыхъ сортовъ этой драгоцѣнной ткани, или дозволявшіе ея употребленіе только высшимъ почетнымъ и должностнымъ лицамъ. Впрочемъ современники Христа Спасителя продолжали считать пурпуровую одежду признакомъ царскаго достоинства, и потому воины, насмѣхавшіеся надъ Господомъ Іисусомъ, возложили на Него, какъ на царя Іудейскаго, нѣчто подобное багряницѣ (Марк. 15, 17. 20; Іоан. 19, 2. 5).

Сокъ пурпуровыхъ раковинъ, какъ драгоцѣнный красильный матеріалъ, сохранялъ все свое значеніе очень долго. Но въ средніе вѣка пурпуръ мало-по-малу началъ

уступать мѣсто другимъ красящимъ веществамъ, каковы индиго, кошениль и друг. Въ настоящее же время, съ примѣненіемъ къ окраскѣ тканей красокъ металлическихъ и анилиновыхъ, о пурпурѣ вовсе забыли; сохранилось почти одно его названіе, и то лишь у поэтовъ для обозначенія одного изъ оттѣнковъ краснаго цвѣта. Что касается самыхъ раковинъ, то онѣ и доселѣ продолжаютъ водиться во множествѣ, между прочимъ, у береговъ Палестины. Во время бурь волнующееся Средиземное море выбрасываетъ ихъ цѣлыми массами на прибрежный песокъ въ окрестностяхъ Яффы, гдѣ онѣ и гніютъ, никому теперь и ни на что не нужныя. (Herzog, Real-Encyklopädie. B. XII, s. 398—404; Riehm, Handwörterbuch des Bibl. Altertums, s. 1246—1250).

О *червяхъ* палестинскихъ Библія упоминаетъ нерѣдко, но говоритъ о нихъ лишь воообще, нигдѣ почти недѣлая указаній на отдѣльные ихъ виды.—Въ Библейскихъ книгахъ черви изображаются вредными, причиняющими страданія, отвратительными и вмѣстѣ съ тѣмъ ничтожными тварями. Черви уничтожаютъ виноградные грозды (Второз. 28, 39), заводятся въ язвахъ, которыми бываютъ покрыты прокаженные (Іов. 7, 5), воообще въ больномъ человѣческомъ организмѣ, и разъѣдая его, причиняютъ мучительную смерть (2 Макк. 9, 5 и сл. Дѣян. 12, 23); они гнѣздятся въ трупахъ и питаются ими (Іов. 24, 20; Иса. 14, 11; 66, 24).—Имѣя въ виду ничтожество этихъ омерзительныхъ тварей, древніе Израильтяне сравнивали себя съ ними въ тѣ минуты, когда живо сознавали свое безсиліе, свою безпомощность и вслѣдствіе этого были снѣдаемы глубочайшею тоскою. «Я червь, а не человѣкъ», взываетъ, наприм., всѣми оставленный и презираемый псалмопѣвецъ (Пс. 21, 7); «вотъ даже луна и та несвѣтла, и звѣзды нечисты предъ очами Бога; тѣмъ менѣе человѣкъ, который есть червь», говоритъ Іовъ, подавленный душевными и тѣлесными страданіями (Іов. 25, 5. 6).

Изъ многочисленныхъ и разнообразныхъ видовъ червей Библія называетъ только одинъ, именно піявокъ. Извѣстно, что піявки любятъ теплую кровь; разъ впившись въ тѣло животнаго, или тѣло человѣка, онѣ, не отнятыя вовремя, до такой степени переполняются кровью, что издыхаютъ. На этомъ свойствѣ піявокъ основано ихъ употребленіе въ медицинѣ. Имѣя въ виду такую безграничную алчность, Приточникъ и указываетъ на піявокъ, какъ на символъ ненасытимости, при чемъ сопоставляетъ съ ними преисподнюю, безплодную утробу, сухую землю и огонь, которые, по его словамъ, также ненасытимы, и никогда не скажутъ «довольно» (Притч. 30, 15. 16) *).

Изъ *паукообразныхъ*, имѣвшихъ и имѣющихъ многочисленныхъ представителей въ Палестинѣ, въ Библейскихъ книгахъ нѣсколько разъ упоминается о паукахъ вообще, точнѣе о ихъ паутинѣ. Паутина, производимая пауками, обращала на себя вниманіе древнихъ Евреевъ со стороны своей легкости и неустойчивости и, разсматриваемая со стороны этихъ свойствъ, служила для нихъ символомъ всего непрочнаго, быстроисчезающаго и совершенно непригоднаго на что-либо полезное. «Упованіе забывающаго Бога подсѣчено, говоритъ Іовъ, увѣренность его—домъ

*) Еврейское слово „алука“, употребленное приточникомъ (30, 15), переведено словомъ „піявка“ у LXX (βδελλα) и въ другихъ греческихъ переводахъ, у Іеронима (словомъ sanguisuga), арх. Макарія, въ славянскомъ (съ греческаго). Въ русскомъ переводѣ Библіи, изданномъ св. Синодомъ, слово „алука“ передано словомъ „ненасытимость“. Такое различіе въ переводахъ произошло, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что евр. „алука“ принадлежитъ къ числу словъ, только однажды употребленныхъ въ подлинномъ ветхозавѣтномъ текстѣ (απαξ λεγομενα); притомъ слово это употреблено въ такомъ мѣстѣ, которое отличается темнотою и потому различно объясняется толковниками. Но какой же переводъ правильнѣе? Нужно полагать, что переводъ LXX, какъ древнѣйшій, тѣмъ болѣе, что въ пользу его правильности говоритъ, между прочимъ, словоупотребленіе Талмуда, гдѣ слово „алука“ значитъ именно „піявка“ (Keil und Delitzsch, Bibl. Commentar. IV Th., III. B. s. 498—5 00.)

паука» (Іов. 8, 14). Характеризуя нечестивыхъ, пр. Исаія, между прочимъ, замѣчаетъ: «они ткутъ паутину. Паутины ихъ для одежды негодны, и они не покроются своимъ произведеніемъ; дѣла ихъ—дѣла неправедныя, а насиліе въ рукахъ ихъ» (Иса. 59, 5. 6).

Всего чаще упоминается въ Библейскихъ книгахъ о *скорпіонахъ*, какъ о наиболѣе распространенномъ въ Палестинѣ и наиболѣе выдающемся видѣ изъ класса паукообразныхъ. Скорпіоны имѣютъ продолговатое брюшко, примыкающее къ укороченной и щитовидной головѣ (головогруди). Брюшко распадается на двѣ части—переднюю цилиндрическую, семичленистую, или собственно брюшко, и заднюю шестичленистую, очень узкую, или хвостъ, на концѣ котораго выдается изогнутое пустое жало, снабженное двумя ядовитыми желѣзками. Челюстные щупики скорпіоновъ оканчиваются расширенными клешнями, благодаря которымъ, а также панцырю, покрывающему тѣло, скорпіоны по внѣшнему своему виду напоминаютъ раковъ. Ноги у скорпіоновъ (ихъ восемь, какъ у пауковъ) сильно развиты, и каждая изъ нихъ заканчивается двумя крючками. Скорпіоны имѣютъ по большей части восемь, а иногда и болѣе, глазъ. Два большіе глаза помѣщаются на спинѣ въ особенномъ щитикѣ, остальные расположены спереди, на головѣ. Скорпіоны днемъ прячутся подъ камнями, въ сумерки выходятъ на добычу. Бѣгая, они загибаютъ хвостъ на спину. Пауковъ и большихъ насѣкомыхъ, служащихъ имъ пищею, они схватываютъ сильными челюстными клешнями и убиваютъ своимъ ядомъ. Укушеніе скорпіона только въ исключительныхъ случаяхъ причиняетъ смерть человѣку, но во всякомъ случаѣ сопровождается мучительною болью.

Скорпіоны во множествѣ водились и водятся въ Палестинѣ; особенно много ихъ въ каменистыхъ мѣстахъ и въ развалинахъ зданій. Евреи ознакомились съ скорпіонами еще на пути въ Обѣтованную землю и во время странствій по пустынямъ немало потерпѣли отъ нихъ. Въ

одной каменистой возвышенной мѣстности, на южныхъ предѣлахъ Ханаана они встрѣтили такъ много скорпіоновъ, что всю эту мѣстность назвали Акраввимъ, что значитъ «скорпіоны» (Числ, 34, 4; Суд. 1, 36), и благополучный переходъ этой, между прочимъ, мѣстности считали признакомъ особеннаго къ нимъ благоленія божественнаго (Второз. 5, 15). Такъ какъ укушеніе скорпіоновъ очень мучительно, то Евреи признавали ихъ орудіемъ божественнаго гнѣва, созданными для мщенія (Сир. 39, 35), и скорпіоны въ ихъ глазахъ служили символомъ всего мучительнаго и злаго—злыхъ людей, злыхъ духовъ. Такъ, «наказывать скорпіонами» (3 Цар. 12, 11. 14) на языкѣ Евреевъ значило подвергать жестокимъ истязаніямъ. У пр. Іезекіиля скорпіонами названы люди съ загрубѣлымъ лицемъ и съ жестокимъ сердцемъ (Іезек. 2, 4. 6). Христосъ Спаситель, сказавши однажды ученикамъ своимъ: «Я видѣлъ сатану, спадшаго съ неба, какъ молнію», прибавилъ: «се даю вамъ власть наступать на змѣй и скорпіоновъ, и на всю силу вражію» (Лук. 10, 18. 19).

Изъ насѣкомыхъ обитавшихъ и обитающихъ доселѣ въ св. Землѣ, Библейскія книги говорятъ, между прочимъ, о *червецѣ* (собственно о червецовой, или червленой краскѣ), пчелахъ, саранчѣ, мухахъ разныхъ видовъ, моли, шершняхъ и муравьяхъ.

Червецъ (coccus ilicis) водится въ Палестинѣ, затѣмъ въ Персіи, Индіи и южной Европѣ—во Франціи и Испаніи. Онъ живетъ почти исключительно на сучьяхъ и листьяхъ одного изъ видовъ дуба, который поэтому и называется дубомъ червеца—quercus coccifera. Дубъ этотъ—древовидный кустарникъ очень низкаго роста съ яйцевидными, зубчатыми, вѣчнозелеными листьями. Червецъ—насѣкомое мелкое, неболѣе просянаго зерна. Въ самкахъ червеца, спустя нѣсколько времени послѣ оплодотворенія, развивается до двухъ тысячъ яичекъ, наполненныхъ красною

жидкостію, вслѣдствіе чего эти насѣкомыя увеличиваются въ своемъ объемѣ до размѣровъ горошины и въ этомъ видѣ становятся похожими на ягоду краснаго цвѣта. Изъ червеца, и особенно изъ яичекъ, содержащихся въ его самкахъ, добывалось въ древности красящее вещество ярко-краснаго цвѣта. Вещество это по своимъ достоинствамъ ставилось на ряду съ пурпуромъ, и ткани червленыя цѣнились почти также высоко, какъ и пурпуровыя.—Евреи издревле были знакомы съ краскою, доставляемою червецомъ. Такъ еще въ семействѣ Исаака были употребляемы червленыя нити (Быт. 38, 28. 30), и очень вѣроятно, что тогда уже изъ червленыхъ тканей дѣлались одежды. Со временъ Моисея червленыя нити составляли необходимую принадлежность всѣхъ тѣхъ покрывалъ и завѣсъ скиніи и священныхъ облаченій, которыя, по закону, должны были быть разноцвѣтными. Именно изъ червленыхъ нитей, вмѣстѣ съ пурпуровыми темноголубаго и краснаго цвѣта, приготовлялись покрывала для скиніи, завѣсы—для воротъ двора скиніи, входная и та, которая отдѣляла святилище отъ Святаго-Святыхъ; далѣе—первосвященническій ефодъ, поясъ къ ефоду, наперсникъ судный и украшенія для верхней ризы къ ефоду. Сверхъ того червленыя нити употреблялись, вмѣстѣ съ кедромъ и иссопомъ, при нѣкоторыхъ обрядахъ, между прочимъ, для окропленія (Лев. 14, 4. 6. 5. 49. 51. 52; Числ. 19, 6); при этомъ червленыя нити по всей вѣроятности служили связью для кедровыхъ вѣтокъ и иссопа.—Изъ червленыхъ тканей Евреи приготовляли также одежды (2 Цар. 6, 24; Притч. 31, 21), которыя очень высоко цѣнились.

Съ краскою, доставляемою червецомъ, и ея употребленіемъ — были знакомы въ древности, кромѣ Евреевъ, Египтяне и Финикіяне, затѣмъ Греки и Римляне. Червленыя ткани, подобно пурпуровымъ, приготовлялись, главнымъ образомъ, Финикіянами, притомъ наилучшимъ образомъ, такъ что краску, добываемую изъ червеца, древніе

называли финикійскою краскою, финикійскимъ цвѣтомъ, въ отличіе отъ пурпура, который носилъ названіе краски тирской.

Червецъ и доселѣ служитъ матеріаломъ для добыванія красящаго вещества. Съ этою цѣлію насѣкомыя, обыкновенно въ маѣ, собираются съ сучьевъ и листьевъ, на которыхъ живутъ, умерщвляются посредствомъ уксуса и высушиваются на воздухѣ. Въ продажѣ они извѣстны подъ именемъ червецовыхъ зеренъ, или червецовыхъ яицъ.—Червецъ долженъ быть отличаемъ отъ кошенили, насѣкомаго, очень съ нимъ сходнаго, водящагося въ Мексикѣ на нѣкоторыхъ видахъ кактуса. Краска, доставляемая кошенилью, по своимъ достоинствамъ, цѣнится въ десять разъ дороже червецовой *).

---

*) Краска, доставляемая червецомъ, и шерсть окрашенная въ ней, обозначались у Евреевъ различными названіями. Названія эти слѣдующія: „*щани*“ (Быт. 38, 28. 30; I. Нав. 2, 18. 21; 2 Цар. 1, 24; Прит. 31, 21; Иса. 1, 18; Іер. 4, 30; Пѣсн. П. 4, 3), что̀ значитъ; собственно „блескъ“; „*толаатъ тола*“ (Иса. 1, 18; Наум. 2, 4); „*толаатъ щани, щани толаатъ*“ (Исх. 25, 4; 26, 1. 31 36; 27, 16 28, 5. 8. 15. 33; Числ. 4, 8; Лев. 14, 4, 6. 51. 52; Числ. 19, 6), что̀ значитъ блестящій червь; „*кармилъ*“ (2 Паралип. 2, 7. 14; 3, 14). Послѣднее названіе, встрѣчающееся въ одной изъ позднѣйшихъ книгъ Библіи, по всей вѣроятности происходитъ отъ персидскаго „*кермізъ*“, что̀ значитъ красная краска, доставляемая червемъ (отсюда арабское названіе червеца „кермесъ“ и европейскія—„кармезинъ, карминъ“). Въ русскомъ синодальномъ переводѣ Библіи еврейское слово „*щани*“ передано различными словами, именно: „червленый цвѣтъ“ (Быт. 38, 28. 30; Іис. Нав. 2, 18. 21), „багряница“ (2 Цар. 1, 24; Иса. 1, 18), „пурпуръ“ (Іер. 4, 30), „алый“ (Пѣс. П. 4, 3); кромѣ того—въ Притч. 31, 21 „шанимъ“ переведено выраженіемъ: „двойныя одежды“; слова „*тола*“, „*толаатъ*“ переведены словами „пурпуръ“ (Иса. 1, 18) и „багряный“ (Наум. 2, 3 въ евр. 4); выраженія „шани толаатъ“, „толаатъ шани“ всюду переведены словомъ „червленый“, за исключеніемъ Числ. 4, 8, гдѣ употребленно слово „багряный“. Этимъ же послѣднимъ словомъ передано слово „кармилъ“.—У арх. Макарія всѣ означенныя еврейскія слова переданы словомъ „червленый“.

Въ древнія времена Палестина изобиловала пчелами, и о ней безъ преувеличенія можно было говорить какъ о землѣ, текущей медомъ. Пчелы жили въ Палестинѣ на свободѣ, въ дикомъ состояніи, не пользуясь уходомъ со стороны человѣка. Онѣ гнѣздились въ лѣсахъ въ дуплистыхъ деревьяхъ, затѣмъ въ землѣ, особенно же въ разсѣлинахъ скалъ. Обилію пчелъ благопріятствовало съ одной стороны не малое количество пустынныхъ и скалистыхъ мѣстностей, гдѣ пчелы безпрепятственно могли жить и размножаться, съ другой—необыкновенное множество цвѣтовъ въ обширныхъ фруктовыхъ садахъ и лугахъ, благодаря чему эти полезныя насѣкомыя могли весною и лѣтомъ всюду находить для себя пищу и имѣли возможность дѣлать большіе запасы на осеннее и зимнее время. Въ библейскихъ книгахъ нѣтъ прямыхъ указаній на домашнихъ пчелъ и на занятіе Евреевъ пчеловодствомъ. Но можно думать, что эта полезная отрасль хозяйства не была чужда древнимъ обитателямъ Палестины. По крайней мѣрѣ Филонъ говоритъ о пчеловодствѣ древнихъ Евреевъ и указываетъ на Ессеевъ, какъ на искусныхъ пчеловодовъ. Затѣмъ о пчеловодствѣ въ древней Палестинѣ свидѣтельствуетъ Мишна. Во всякомъ, впрочемъ, случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что главный продуктъ, доставляемый пчелами, медъ Евреи получали отъ дикихъ пчелъ.

Пчелиный медъ былъ очень любимъ Евреями; они постоянно употребляли его, нерѣдко до пресыщенія (Прит. 25, 16. 27), и считали однимъ изъ главныхъ средствъ для поддержанія жизни. «Главное изъ всѣхъ потребностей для жизни человѣка, говоритъ древній еврейскій мудрецъ,— вода, огонь, желѣзо, соль, пшеничная мука, *медъ*, молоко, виноградный сокъ, масло и одежда» (Сир. 39, 32; ср. Іезек. 16, 13. 19). Поэтому, если Евреямъ приходилось снабжать кого-либо съѣстными припасами, они въ число этихъ припасовъ почти всегда включали медъ. Такъ когда

Давидъ, спасаясь бѣгствомъ отъ Авессалома, остановился со своими утомленными и голодными спутниками за Іорданомъ въ Галаадѣ, то жители Галаадскіе принесли ему, вмѣстѣ съ мукою, масломъ и другими продуктами, необходимыми для утоленія голода, также и меду (2 Цар. 17, 29). Больной Авія, отправляя къ пр. Ахіи свою супругу, прислалъ съ нею къ человѣку Божію десять хлѣбовъ, лепешекъ и кувшинъ меду (3 Цар. 14, 3). — Медъ дикихъ пчелъ Евреи собирали въ опредѣленное время и начатки его приносили, согласно съ предписаніемъ закона, въ даръ Господу (Лев. 2, 12; 2 Паралип. 31, 5). Впрочемъ медъ не должно было возлагать на жертвенникъ, потому что законъ воспрещалъ что-либо квасное сожигать въ жертву; между тѣмъ медъ очень скоро и самъ собою закисаетъ (Лев. 2, 11). Собранные запасы меда Евреи хранили въ особыхъ кладовыхъ, вмѣстѣ съ пшеницею и елеемъ (Іер. 41, 8).—Медъ употребляли въ пищу или въ чистомъ видѣ, безъ всякихъ примѣсей, или же ѣли съ хлѣбомъ (Исх. 16, 31).—Такъ какъ древніе Евреи очень любили медъ за его сладость, за пріятное физическое ощущеніе, доставляемое имъ, то они нерѣдко сравнивали съ нимъ все то, что было для нихъ любезно и услади-тельно въ духовномъ отношеніи. Такъ, по словамъ Притчника, «пріятная рѣчь—сотовый медъ» (Притч. 16, 24). «Сотовый медъ каплетъ изъ устъ твоихъ, невѣста, говоритъ женихъ Пѣсни Пѣсней своей возлюбленной, медъ и молоко подъ языкомъ твоимъ» (Пѣсн. П. 4, 11). «Суды Господни истинны, взываетъ псалмопѣвецъ, всѣ праведны. Они слаще меда и капель сота» (Пс. 18, 10. 11). «Ѣшь, сынъ мой, медъ, учитъ Премудрый, потому что пріятенъ, и сотъ, который пріятенъ для гортани твоей: таково и познаніе мудрости для души твоей» (Притч. 24, 13. 14). И сами пчелы, доставлявшія медъ, служили предметомъ для сравненій; но при этомъ принимались во вниманіе не трудолюбіе и предусмотрительность пчелъ, а иныя

ихъ свойства. Именно библейскіе писатели сравнивали съ пчелами непріятельскія войска и вообще враговъ. Въ подобныхъ случаяхъ имѣли въ виду многочисленность пчелъ, составляющихъ рои, ярость, съ какою онѣ нападаютъ на своихъ недруговъ и преслѣдуютъ ихъ, настойчивость въ преслѣдованіи и ихъ мучительные, а въ теплыхъ странахъ и опасные для жизни, уколы (Второз. 1, 44 Иса. 7, 18. 19).

Много дикихъ пчелъ въ Палестивѣ и въ настоящее время. Какъ въ древности, такъ и теперь, онѣ живутъ въ дуплистыхъ деревьяхъ и, главнымъ образомъ, въ разсѣлинахъ скалъ, въ мѣстахъ пустынныхъ. Медъ дикихъ пчелъ собираютъ и доселѣ и продаютъ на мѣстныхъ рынкахъ. Современные обитатели Палестины имѣютъ также домашнихъ пчелъ и занимаются, по мѣстамъ, пчеловодствомъ. Пчелиные рои они содержатъ въ ульяхъ, имѣющихъ цилиндрическую форму и выдѣланныхъ изъ глины и рубленой соломы.

Саранча—этотъ страшный бичъ древней и современной Палестины—по своимъ особенностямъ, по тѣмъ страшнымъ опустошеніямъ, которыми сопровождается ея нашествіе, занимаетъ выдающееся мѣсто между насѣкомыми св. Земли и невольно останавливаетъ на себѣ особенное вниманіе.

Саранча принадлежитъ къ семейству прямокрылыхъ насѣкомыхъ, имѣющему въ Палестинѣ многочисленныхъ представителей. Къ признакамъ, характеризующимъ саранчу, относятся прежде всего заднія ноги насѣкомаго, которыя гораздо длиннѣе четырехъ переднихъ; длина ихъ равняется длинѣ всего туловища. Заднія ноги саранчи обладаютъ сильными бедрами, которыя, въ соединеніи съ длинными голенями, даютъ насѣкомому возможность перепрыгивать на очень значительныя разстоянія. Кромѣ заднихъ ногъ, саранчу характеризуетъ особымъ образомъ

устроенная голова. Голова ея имѣетъ отвѣсное положеніе (ртомъ направлена прямо къ землѣ) и снабжена большими и крѣпкими челюстями, изъ коихъ верхняя усажена зубами. Дальнѣйшіе характерные признаки саранчи суть слѣдующіе: большіе глаза, многочленныя щупальца, большой шейный щитокъ, состоящее изъ девяти колецъ туловище, трехсуставныя ноги и четыре, по большей части одинаковой длины, крыла. Заднія крылья саранчи значительно шире переднихъ и, когда насѣкомое находится въ спокойномъ состояніи, складываются на подобіе вѣера; они нерѣдко имѣютъ необыкновенно красивую и самую разнообразную окраску (у такъ называемой странствующей саранчи они, напримѣръ, яркожелтаго цвѣта). Болѣе узкія, подобныя тонкой кожѣ или пергаменту, переднія крылья служатъ покрышкою для заднихъ и также имѣютъ различную окраску, а нерѣдко и очень красивые узоры.

Въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ, какъ въ Палестинѣ, сѣверной зимѣ соотвѣтствуетъ періодъ дождей, самки саранчи кладутъ яички въ началѣ этого періода. Передъ кладкою яичекъ самка вырываетъ въ разрыхленной дождемъ землѣ ямку съ помощью четырехъ роговыхъ крючковидныхъ вилецъ, которыми заканчивается послѣднее кольцо ея туловища, и затѣмъ приготовленное помѣщеніе наполняетъ яичками; сложенныя яички заключаются въ мѣшечкахъ или коконахъ. Каждая самка кладетъ, по большей части въ нѣсколько пріемовъ, до ста и болѣе яичекъ. Дитеныши саранчи выходятъ изъ яичекъ весною. Въ Палестинѣ это происходитъ въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая. Полнаго своего развитія саранча достигаетъ приблизительно чрезъ шесть недѣль; въ этотъ періодъ времени она четыре раза мѣняетъ свою кожицу. Принадлежа къ насѣкомымъ съ неполнымъ превращеніемъ, она, при каждомъ сбрасываніи, является постоянно въ однообразной формѣ. Впрочемъ крылья саранчи вполнѣ сформировываются лишь послѣ четвертой перемѣны кожицы,

и только съ этого времени она получаетъ способность летать, а до тѣхъ поръ она ползаетъ или прыгаетъ и обыкновенно называется пѣшею.

Саранча обладаетъ способностію размножаться въ громадномъ количествѣ. Ея необычайному размноженію содѣйствуютъ—прежде всего обиліе яичекъ, складываемыхъ каждою самкою насѣкомаго, а затѣмъ главнымъ образомъ внѣшнія обстоятельства, и именно теплая и сухая весна и жаркое лѣто. При этихъ благопріятныхъ условіяхъ не пропадаетъ ни одного яичка саранчи, и ни одна самка не погибаетъ сама по себѣ, не сложивши яичекъ.

Саранча принадлежитъ, можно сказать, ко всеядным насѣкомымъ и отличается необыкновенною прожорливостію. Она питается всевозможными растеніями: злаками, травами и зеленью деревьевъ. Но она рѣшительно предпочитаетъ злаки, и изъ нихъ, въ особенности, тростникъ, кукурузу, просо; всѣ прочія хлѣбныя растенія составляютъ также ея любимую пищу. Гречиху она поѣдаетъ уже послѣ другихъ хлѣбныхъ растеній. На ленъ и коноплю она нападаетъ рѣдко и, вѣроятно, при недостаткѣ другой болѣе лакомой пищи; нѣкоторыя кормовыя травы, какъ напримѣръ клеверъ, ѣстъ неохотно. При недостаткѣ пищи на поляхъ, саранча переходитъ въ огороды, сады, а также въ лѣса. Саранча съѣдаетъ лишь извѣстныя части растеній. Ея нападенію подвергаются преимущественно листья какъ злаковъ и травъ, такъ и лѣсныхъ породъ. Если ей листья не по вкусу, какъ напримѣръ у виноградныхъ лозъ, то она обгрызаетъ черешки листьевъ. Въ деревьяхъ саранча поѣдаетъ всего охотнѣе самыя нѣжныя части растеній, такъ напримѣръ у сосны сѣмянодоли, еще до сбрасыванія сѣменной оболочки; но потомъ она переходитъ и къ болѣе твердымъ частямъ, въ крайнихъ случаяхъ къ корѣ и даже древесинѣ. Нападая на рожь или другое хлѣбное растеніе, саранча обыкновенно перекусываетъ первоначально стебель немного ниже

колоса, который и падаетъ на землю; затѣмъ, становясь на обѣ заднія пары ногъ, она переднею парою держитъ предъ собою стебель, который обгрызаетъ сверху внизъ; пододвигая голову подъ грудь, она откусываетъ въ одинъ разъ довольно значительный кусокъ, насколько можетъ достать челюстями. Съ хлѣбными колосьями саранча справляется очень быстро; такъ проголодавшееся насѣкомое истребляетъ, въ четверть часа, отъ осьми до десяти колосьевъ ржи. Въ случаяхъ сильнаго голода, саранча бросается на всякіе растительные предметы, какъ-то: на соломенныя крыши, на паруса кораблей; такъ нѣкто Оузелей (Ouseley) сообщаетъ, что саранча однажды напала на судно, при переѣздѣ изъ Бомбея въ Абушеръ, и въ самое короткое время настолько попортила паруса, что они сдѣлались совершенно негодными къ употребленію. Добычею голодной саранчи становятся даже вещества животныя: съ голоду она обгрызаетъ напримѣръ шерстяныя платья. Въ крайней нуждѣ саранча нападаетъ другъ на друга и вырываетъ одна у другой куски тѣла. Съ другой стороны, саранча крайне вынослива относительно голода: она можетъ существовать безъ пищи отъ 11 до 16 дней.

Къ наиболѣе выдающимся свойствамъ, характеризующимъ саранчу, принадлежитъ ея склонность соединяться въ общества, жить въ массахъ. По выходѣ изъ яичекъ, дитеныши саранчи, принадлежащіе одному гнѣзду, не расползаются въ разныя стороны, но остаются жить въ кучкѣ. Эти первичныя кучки мало-по-малу соединяются съ другими подобными имъ общинами и образуютъ довольно многочисленныя группы, напоминающія собою муравейникъ по живости и непрерывности движеній молодыхъ насѣкомыхъ. Группы молодой саранчи, по мѣрѣ возрастанія ихъ членовъ, все болѣе и болѣе расширяются и, смѣшиваясь на своемъ пути съ другими встрѣчными группами, разростаются въ большія общества. Эта на-

клонность саранчи жить въ массѣ не оставляетъ ее и послѣ окрылѣнія. Получивъ возможность летать, саранча однакоже не разлетается, но продолжаетъ жить въ тойже массѣ, въ какую соединилась, находясь еще въ пѣшемъ состояніи. При своей склонности соединяться въ общества и при способности къ необычайному размноженію, саранча въ тѣ годы, которые особенно благопріятствуютъ ея развитію и жизни, появляется въ несмѣтныхъ количествахъ. Случается, что колонны пѣшей саранчи покрываютъ густымъ слоемъ пространство земли въ двадцать верстъ длины и болѣе чѣмъ на версту ширины; случается, что колонны эти, начиная двигаться въ извѣстномъ направленіи, проходятъ мимо извѣстнаго пункта въ продолженіе цѣлыхъ семи и даже девяти дней. Что касается саранчи окрылившейся, то она перелетаетъ съ мѣста на мѣсто нерѣдко громадными тучами въ нѣсколько верстъ и настолько густыми, что онѣ помрачаютъ собою солнце. Эти тучи нѣсколько похожи на мятель съ крупными снѣжинками, особенно въ то время, когда крыльями насѣкомыхъ отражаются солнечные лучи; издали они кажутся желтоватыми клубами дыма. При перелетѣ въ громадныхъ массахъ саранча издаетъ шумъ, который сравнивали и сравниваютъ то съ журчаніемъ ручьевъ, то съ шумомъ мельничнаго колеса или водопада, то съ шорохомъ падающаго въ воду проливнаго дождя, то съ бушеваніемъ вѣтра и т. п.

Способность къ необычайному размноженію, прожорливость и склонность жить въ обществахъ дѣлаютъ саранчу грознымъ бичемъ природы и человѣка. Съ появленіемъ массъ саранчи въ той или другой мѣстности, здѣсь погибаютъ поля, луга сады, и молодыя рощи. Вмѣсто хлѣбныхъ растеній и густой луговой травы, саранча оставляетъ послѣ себя почти одну голую землю; деревья лишаются листьевъ и коры на молодыхъ побѣгахъ; ихъ вѣтви обламываются подъ тяжестію великаго множества

насѣкомыхъ; и цвѣтущій край въ самое короткое время превращается въ печальную безжизненную пустыню. Ближайшимъ слѣдствіемъ такого опустошенія являются безкормица и безхлѣбица: скотъ начинаетъ падать, населеніе—страдать отъ голода. Не менѣе вредны и дальнѣйшія слѣдствія пребыванія саранчи въ извѣстной мѣстности. Уходя изъ опустошеннаго края, массы саранчи оставляютъ послѣ себя отвратительные слѣды, именно множество помета и труповъ погибшихъ насѣкомыхъ. Эти остатки, разлагаясь мало-по-малу, дѣлаютъ воздухъ смрадным, заражаютъ его, что производитъ болѣзни, отъ которыхъ гибнутъ какъ люди, такъ и животныя.

Къ числу выдающихся особенностей, характеризующихъ саранчу, слѣдуетъ также отнести ея стремленіе къ передвиженію съ мѣста на мѣсто или къ странствованіямъ. Въ періодъ времени между вторымъ сбрасываніемъ кожицы и кладкою яицъ саранча не остается на одномъ мѣстѣ, но подвигается все впередъ и впередъ въ опредѣленномъ направленіи, дѣлая лишь краткія, сравнительно, остановки для питанія и отдыха. Саранча трогается въ путь обыкновенно утромъ, послѣ того какъ солнце высушитъ ночную росу и обогрѣетъ землю; при этомъ пѣшая саранча ползетъ (не прыгаетъ), окрылившаяся дѣлаетъ перелеты. Стремленіе саранчи подвигаться впередъ—стремленіе неудержимое. Такъ колонны пѣшей саранчи, двинувшіяся въ путь, ничѣмъ не могутъ быть остановлены. Ни рѣки, какъ бы онѣ ни были велики, ни овраги, ни селенія не составляютъ препятствія для этихъ колоннъ, не могутъ отклонить ихъ отъ однажды взятаго направленія: колонны идутъ прямо. Приблизившись къ рѣкѣ, передовые отряды саранчи немедленно входятъ въ воду, нѣкоторое время плывутъ впередъ и затѣмъ, выбившись изъ силъ, погибаютъ. Но на погибшіе передовые отряды безостановочно надвигаются слѣдующіе задніе и вскорѣ образовываютъ на поверхности

воды довольно густой слой. Слой этотъ мало-по-малу становится все шире и плотнѣе и несмотря на то, что вода относитъ его внизъ по теченію, онъ постепенно удлиняется по направленію къ противоположному берегу, а наконецъ и достигаетъ его. Такимъ образомъ появляется живой мостъ, перекинутый наискось съ одного берега рѣки на другой. По этому мосту остальная часть колонны переправляется уже безъ значительныхъ потерь. Нѣчто подобное совершается при встрѣчѣ съ оврагами. Передовые отряды саранчи падаютъ въ оврагъ до тѣхъ поръ, пока не наполнятъ его и не приготовятъ удобнаго пути для прочихъ своихъ товарищей, слѣдующихъ позади. Достигнувъ какого либо населеннаго мѣста, саранча не останавливается и въ этомъ случаѣ: она переползаетъ черезъ заборы, стѣны и строенія, стоящіе на ея пути. Точно также безостановочно и прямо держитъ свой путь и окрылившаяся саранча; она не прекращаетъ своего полета и не сворачиваетъ въ сторону даже тогда, когда предъ нею встаютъ высокія снѣжныя горы или открывается безбрежное море, гдѣ ее ждетъ неминуемая гибель. Временныя краткія остановки саранча дѣлаетъ въ ночную пору, начиная съ захожденія солнца и появленія росы. Впрочемъ въ лунныя и сухія ночи ея движеніе впередъ не прекращается до полуночи. Періодъ спариванія и кладки яицъ полагаетъ предѣлъ передвиженію странствующаго насѣкомаго. Саранча въ это время останавливается на одномъ мѣстѣ; ея густыя массы начинаютъ рѣдѣть, разбиваться на мелкія кучки и съ окончаніемъ кладки яицъ вымирать.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ странствующая или перелетная саранча постоянно гнѣздится и нерѣдко появляется въ громадныхъ массахъ, населеніе ведетъ энергическую борьбу съ этимъ страшнымъ врагомъ, прибѣгая къ различнымъ мѣрамъ для его истребленія или по крайней мѣрѣ для его удаленія отъ полей, засѣянныхъ хлѣбомъ, и садовъ. Къ числу наиболѣе употребительныхъ мѣръ при-

надлежатъ—приготовленіе глубокихъ канавъ и устройство костровъ на пути слѣдованія пѣшей саранчи. Заползшую или загнанную въ канавы саранчу такъ или иначе истребляютъ; съ помощью горящихъ костровъ также сжигаютъ немало саранчи, а главное—заставляютъ ее хотя нѣсколько измѣнить направленіе пути. Что касается саранчи уже окрылившейся, то съ цѣлію согнать ее съ полей, на которыя она опустилась, производятъ сильный шумъ; этотъ шумъ пугаетъ саранчу: она поднимается, не успѣвши нанести полямъ существеннаго вреда, и летитъ далѣе.

На помощь человѣку въ его вообще малоуспѣшной борьбѣ съ саранчею является, по временамъ, природа. Саранча не можетъ выносить чрезмѣрной влаги, и потому дожди гибельно дѣйствуютъ на нее. Если весною идутъ дожди, то яички саранчи обыкновенно сгниваютъ, а молодые дитеныши, успѣвшіе выйти изъ гнѣздъ, не въ состояніи бываютъ развиваться и скоро пропадаютъ. Дожди осенніе, особенно если они сопровождаются холодомъ, скоро доводятъ саранчу до болѣзненнаго состоянія: она крайне ослабѣваетъ и гибнетъ во множествѣ, прежде чѣмъ успѣетъ сложить яички. Окрыленная саранча не въ силахъ противиться вѣтру, летѣть противъ него; поэтому сильный вѣтеръ при встрѣчѣ съ тучами саранчи, во время ихъ перелета, или относитъ ихъ въ сторону, или поворачиваетъ назадъ и такимъ образомъ избавляетъ отъ опустошенія мѣстности, лежавшія на пути первоначальнаго слѣдованія страшныхъ насѣкомыхъ. Случается, что вѣтеръ подхваченную имъ тучу саранчи уноситъ въ близлежащее море, гдѣ она и тонетъ. Впрочемъ услуга, которую въ послѣднемъ случаѣ оказываетъ вѣтеръ прибрежнымъ жителямъ, обращается по большей части во вредъ послѣднимъ. Правда, поля ихъ освобождаются отъ опустошенія; но за то массы погибшей саранчи, выброшенныя волнами на берегъ и подвергшіяся разложенію, портятъ воздухъ и служатъ источникомъ многихъ болѣзней.

Самыми полезными союзниками людей въ борьбѣ съ саранчею должны быть признаны нѣкоторыя породы птицъ; въ особенности это слѣдуетъ сказать о такъ называемыхъ розовыхъ или каменныхъ скворцахъ. Эти птицы—естественные, непримиримые враги саранчи и истребляютъ ее въ несмѣтномъ количествѣ. Первымъ побужденіемъ для розовыхъ скворцовъ истреблять саранчу служитъ голодъ: они питаются ею. Но и совершенно сытые, они продолжаютъ охотиться за саранчею и при этомъ обнаруживаютъ неимовѣрное усердіе. Съ быстротою молніи носятся они въ тучахъ ненавистныхъ имъ насѣкомыхъ и убиваютъ ихъ крыльями и клювомъ; они даже не даютъ себѣ времени вполнѣ убить свою жертву, но только обкусываютъ у ней или ноги или крылья. Это дѣлается съ такимъ проворствомъ, что падающіе трупы саранчи представляются хлопьями густо падающаго снѣга. Еще съ большею энергіей и еще въ большемъ количествѣ истребляютъ скворцы саранчу пѣшую, отыскивая ее въ утренніе часы и подъ вечеръ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она, въ первыхъ стадіяхъ развитія, собирается на ночь группами.

Для Евреевъ, какъ народа по преимуществу земледѣльческаго и притомъ обладавшаго обширными стадами, саранча должна была казаться особенно страшнымъ врагомъ. И не напрасно Моисей указывалъ на нее, какъ на великую кару со стороны разгнѣваннаго Господа—кару, которая можетъ быть отклонена лишь точнымъ исполненіемъ божественнаго закона (Второз. 28, 15. 38). Дѣйствительно, время отъ времени саранча дѣлала свои опустошительныя нашествія на Обѣтованную землю, и землю эту, красовавшуюся какъ садъ Едемскій, обращала въ безжизненную пустыню. Она безъ пощады увичтожала все: хлѣбные злаки и луговыя травы, фруктовые сады и виноградники, такъ что народъ оставался безъ хлѣба и пастбищъ, безъ плодовъ, вина и елея. Всеистребляющее насѣкомое, являвшееся притомъ въ несмѣтныхъ массахъ, представлялось древнимъ Евреямъ столь могущественнымъ

непріятелемъ, что они считали себя предъ нимъ совершенно безсильными и ничтожными (Амос. 7, 1—3) и не помышляли о возможности борьбы съ нимъ. Единственное средство спастись отъ него они видѣли въ обращеніи къ Господу, въ покаяніи, постѣ и молитвѣ (Іоил. 2, 12—27). Вслѣдствіе того, что саранча была въ древней Палестинѣ нерѣдкимъ, хотя и крайне нежеланнымъ гостемъ, мы встрѣчаемъ въ библейскихъ книгахъ сравнительно очень частыя упоминанія о ней; а пр. Іоиль кромѣ того даетъ въ своей книгѣ подробное, полное поэтическаго одушевленія изображеніе тѣхъ горестныхъ слѣдствій, которыми сопровождается нашествіе саранчи, и самаго ея нашествія, при чемъ пророкомъ указаны отчасти характерныя особенности въ строеніи страшнаго насѣкомаго.

«Пришелъ на землю мою народъ сильный и безчисленный; зубы у него—зубы львиные, и челюсти у него какъ у львицы. Опустошилъ онъ виноградную лозу мою, и смоковницу мою обломалъ, ободралъ ее догола и бросилъ; сдѣлались бѣлыми вѣтви ея. Прекратилось хлѣбное приношеніе и возліяніе въ домѣ Господнемъ. Опустошено поле, сѣтуетъ земля; ибо истребленъ хлѣбъ, высохъ виноградный сокъ, завяла маслина. День тьмы и мрака, день облачный и туманный; какъ утренняя заря, распространяется по горамъ народъ многочисленный и сильный, какого не бывало отъ вѣка, и послѣ того не будетъ въ роды родовъ. Предъ нимъ пожираетъ огонь, а за нимъ палитъ пламя; передъ нимъ земля какъ садъ Едемскій, а позади его будетъ опустошенная степь, и никому не будетъ спасенія отъ него. Видъ его какъ видъ коней, и скачутъ они какъ всадники; скачутъ по вершинамъ горъ какъбы со стукомъ колесницъ, какъбы съ трескомъ огненнаго пламени, пожирающаго солому, какъ сильный народъ, выстроенный къ битвѣ. При видѣ его затрепещутъ народы, у всѣхъ лица поблѣднѣютъ. Какъ борцы, бѣгутъ они, и какъ храбрые воины, влѣзаютъ на стѣну,

и каждый идетъ своею дорогою и не сбивается съ путей своихъ. Не давятъ другъ друга, каждый идетъ своею стезею, и падаютъ на копья, но остаются невредимы. Бѣгаютъ по городу, поднимаются на стѣны, влѣзаютъ на дома, входятъ въ окна какъ воръ. Предъ ними потрясется земля, поколеблется небо; солнце и луна помрачатся, и звѣзды потеряютъ свой свѣтъ» (Іоил. 1, 6. 7. 9. 10; 2, 2—10).

Нельзя не замѣтить, что это пророческое изображеніе, несмотря на свой поэтическій языкъ, отличается строгимъ соотвѣтствіемъ дѣйствительности и многое изъ того, что изслѣдователи нашихъ дней подмѣтили въ саранчѣ, какъ нѣчто новое, доселѣ неизвѣстное, было уже наблюдаемо древнимъ пророкомъ и было хорошо ему извѣстно.

Древніе Евреи, руководствуясь закономъ Моусеевымъ (Лев. 11, 22), употребляли саранчу въ пищу и, въ случаяхъ нужды, питались почти ею одною. Такъ извѣстно, что для Іоанна Крестителя, во время его пребыванія въ пустынѣ, пищею служили лишь саранча и медъ дикихъ пчелъ (Мѳ. 3, 4; Марк. 1, 6). Впрочемъ саранчу ѣли въ древности не одни Евреи. Употребленіе въ пищу этого насѣкомаго было распространено и въ сосѣднихъ съ Палестиною странахъ, между прочимъ въ Ассиріи, гдѣ саранча считалась очень вкуснымъ блюдомъ и употреблялась даже за царскимъ столомъ. Въ развалинахъ дворца Санхериба, открытыхъ въ Куюнджикѣ, на стѣнѣ одной изъ сохранившихся галлерей, недавно найдена картина, на которой изображены служители, несущіе для царскаго стола фрукты, дичь и другую провизію. Въ числѣ этихъ служителей находятся и такіе, которые несутъ засушенную и нанизанную на тонкихъ палочкахъ саранчу.

Палестина и въ настоящее время, какъ въ древности, много терпитъ отъ нашествій саранчи. Саранча появляется здѣсь, время отъ времени, цѣлыми тучами и уничтожаетъ растительность на очень значительныхъ простран-

ствахъ. Такъ Робинзонъ, во время путешествія по Палестинѣ въ 1838 году, встрѣтилъ на пути къ Назарету молодую еще не окрылившуюся саранчу, которая покрывала собою, между прочимъ, всѣ окрестности города на далекое разстояніе и истребляла сады, виноградники и вообще всякую зелень. Съ цѣлію ея истребленія Арабы, по мѣстамъ, зажигали костры; мѣра эта, однако, оказывалась малоуспѣшною. Правда, у горящихъ костровъ саранча гибла въ большомъ количествѣ; но ея было такъ много, что эта убыль оставалась незамѣтной и разрушительная дѣятельность прожорливыхъ насѣкомыхъ продолжалась неослабно (Robinson, Palästina, III, s. 432. 33). Особенно сильно пострадала Палестина отъ саранчи въ 1865 г. На этотъ разъ она шла по странѣ сплошными массами и, несмотря ни на какія препятствія, не измѣняла однажды принятаго направленія. Такъ напр. всѣ постройки Назарета не могли принудить ее уклониться отъ прямаго пути. Насѣкомыя, какъ въ дни прор. Іоиля, перебирались чрезъ стѣны, чрезъ зданія, проникали чрезъ окна и двери въ жилища и наполняли ихъ, такъ что нѣкоторые изъ жителей города принуждены были на время выселиться въ другія мѣста (Riehm, 611) *).

*) Въ подлинномъ текстѣ вз. Библіи содержится цѣлый рядъ именъ, которыя употреблялись Евреями для обозначенія саранчи. Имена эти слѣдующія: *арбе, соламъ, харгольъ, хагабъ, іелекъ, хасилъ, гасамъ, гобъ, гобай, гобилъ.* Одни изъ этихъ именъ указывали на саранчу въ той или другой стадіи ея развитія; такъ словомъ *арбе* называлась саранча окрыленная, словомъ *іелекъ* — саранча пѣшая. Другими именами, каковы *саламъ, харгольъ, хагабъ* обозначались различные виды саранчи, но какіе именно, неизвѣстно. Опредѣлить спеціальное значеніе прочихъ наименованій современные гебраисты затрудняются.— Въ русскомъ (синодскомъ) переводѣ Библіи названіе *арбе* всюду переведено словомъ „саранча“; прочія наименованія или оставлены безъ перевода, или же въ различныхъ мѣстахъ переведены различно. Такъ *хагабъ* въ Лев. 11, 22 оставлено безъ перевода; въ Числ. 13, 34; 2 Парал. 7, 13; Иса. 40, 22 переведено словомъ „саранча“; въ Екка. 12, 5—словомъ „кузнечикъ“; *іелекъ* въ Пс. 104,

Палестина въ древности изобиловала влагою, особенно по сравненіи съ настоящимъ временемъ. Въ странѣ было много потоковъ, почти никогда не пересыхавшихъ, много болотистыхъ мѣстностей и очень много прудовъ и цистернъ. Такое обиліе влажныхъ мѣстъ должно было способствовать чрезмѣрному размноженію мелкихъ жалящихъ насѣкомыхъ, каковы комары москиты, слѣпни и многіе другіе, такъ какъ влажныя мѣста представляютъ, въ теплое время года, наиболѣе благопріятныя условія для развитія молодыхъ поколѣній названныхъ насѣкомыхъ. И дѣйствительно эти насѣкомыя, которыя были обозначаемы у Евреевъ однимъ общимъ названіемъ «зевувъ», водились въ св. Землѣ въ чрезмѣрномъ количествѣ и причиняли не мало мучительнаго безпокойства какъ людямъ, такъ и животнымъ. Чтобы укрыться, насколько возможно, отъ нападенія мелкихъ назойливыхъ тварей въ ночное время, обитатели Палестины ограждали свои постели особеннаго рода занавѣсами. Указаніе на эти занавѣсы мы находимъ въ кн. Юдиѳь (Юд. 13, 6. 15) *). Особенно много этихъ тварей водилось на равнинахъ, прилегавшихъ къ Средиземному морю, гдѣ паслись многочисленныя стада Евреевъ и Филистимлянъ. Для стадъ они составляли истинное мученіе и не было никакой возможности освободиться отъ нихъ. Поэтому Филистимляне находили себя вынужденными обращаться къ своимъ богамъ съ просьбами о защитѣ отъ ничтожныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ страшныхъ по своему количеству, враговъ. Съ просьбами подобнаго рода Филистимляне пре-

---

34; Наум. 3, 15 переведено словомъ „гусеница“; въ Іер. 51, 27; Наум. 3, 16—словомъ „саранча“; въ Іоил. 1, 4; 2, 25—словомъ „черви“; *хасилъ* въ Пс. 77, 46—словомъ „гусеница“, въ 3 Цар. 8, 37—словомъ „червь“, въ Іоил. 1, 4—словомъ „жуки„ и т. д.

*) Въ русскомъ переводѣ Библіи Юдиѳ. 13, 6. 15 говорится о занавѣсѣ, который былъ прикрѣпленъ къ столбамъ кругомъ постели. Словомъ „занавѣсъ“ здѣсь переведено греческое слово κωνωπειον (отъ κωνωψ комаръ), что собственно значитъ занавѣсъ отъ комаровъ.

имущественно прибѣгали къ идолу Ваала, находившемуся въ Аккаронѣ; отсюда идолъ этотъ назывался *Веельзевулъ*, что значитъ богъ, господинъ мухъ (4 Цар., 1, 2. 3. 6) *).

И въ настоящее время Палестина не избавлена отъ комаровъ, слѣпней и вообще отъ разнаго рода жалящихъ мухъ. Въ Іерусалимѣ и другихъ городахъ, гдѣ во дворѣ каждаго дома находится цистерна, мелкія безпокойныя насѣкомыя въ лѣтнее время отравляютъ жизнь обитателей, такъ какъ ихъ непріятное и непрерывное жужжанье и очень чувствительные и болѣзненные уколы дѣлаютъ невозможнымъ по ночамъ спокойный сонъ. Въ Іорданской равнинѣ довольно крупныя и кровожадныя мухи причиняютъ много страданій стадамъ, которыя тамъ пасутся. Бываютъ случаи, что черныя мелкія мушки, заползающія въ ротъ и ноздри людей и животныхъ, цѣлыми тучами нападаютъ на лагери бедуиновъ, кочующихъ въ Палестинѣ, и избавиться отъ нихъ, и то съ трудомъ, можно лишь съ помощью костровъ, которые раскладываются кругомъ лагеря. Дымъ отъ костровъ обыкновенно разгоняетъ непрошенныхъ и крайне безпокойныхъ посѣтителей.

---

*) Не одни Филистимляне обращались къ своимъ богамъ съ просьбами о защитѣ отъ жалящихъ мошекъ и мухъ; тоже было въ древности у Грековъ и Римлянъ. Такъ напр. греческіе пастухи въ Элидѣ приносили жертвы Зевсу, называвшемуся ἀπόμυιος (т. е. Зевсу, мухъ прогоняющему).

Наименованіе „Веельзевувъ“ находилось, во времена Христа Спасителя, во всеобщемъ употребленіи между Іудеями для обозначенія сатаны, какъ верховнаго начальника злыхъ духовъ. При этомъ впрочемъ Іудеи нѣсколько измѣнили древнее наименованіе аккаронскаго идола: говорили не Веельзевувъ, а—Веельзевулъ. Но это незначительное, повидимому, измѣненіе въ одномъ звукѣ совершенно измѣняетъ смыслъ слова: Веельзевувъ значитъ богъ, или господинъ мухъ, „Веельзевулъ“ же, на арамейскомъ нарѣчіи, значитъ господинъ, или начальникъ грязи, нечистоты. Изъ этого названія видно, что у Іудеевъ временъ Христа сложилось опредѣленное представленіе о сатанѣ, какъ виновникѣ всего нечистаго и злаго въ мірѣ.

Значительную долю богатства древнихъ зажиточныхъ Евреевъ составляли запасы одежды (Іов. 27, 16; Лук. 15, 22). Запасы эти, на ряду съ запасами другихъ цѣнныхъ вещей, постоянно пополнялись и передавались по наслѣдству, такъ какъ, при простотѣ и неизмѣнности покроя восточныхъ одеждъ, онѣ были одинаково пригодными какъ для отцовъ, такъ и для дѣтей. Но при обиліи различнаго рода одѣяній, трудно было беречь ихъ надлежащимъ образомъ, слѣдивъ за ихъ сохранностію. Поэтому, въ кладовыхъ для одежды нерѣдко развивалась, отъ недосмотра владѣльцевъ, сырость, что, въ свою очередь, способствовало размноженію *моли*, которая, въ видѣ личинокъ, быстро приводила въ негодность наиболѣе цѣнныя шерстяныя одѣянія и такимъ образомъ уничтожала крупную часть имущества. Вслѣдствіе-то этого, въ числѣ враговъ, наиболѣе опасныхъ для накопляемыхъ сокровищъ, моль у Евреевъ всегда занимала видное мѣсто, вмѣстѣ съ ржавчиною и ворами (Мѳ. 7. 19. 20; Лук. 12, 23; Іак. 5, 2; Вар. 6, 11. 71). Отсюда же въ Библіи нерѣдко встрѣчаются образы, заимствованные отъ одеждъ, разрушенныхъ молью, и отъ самой моли, при чемъ изъѣденная молью одежда служитъ обыкновенно образомъ крайней хрупкости и неустойчивости (Іов. 13, 28; Пс. 38, 12; Иса. 50, 9; 51, 8), моль—образомъ причиняющей вредъ, а также разрушительной силы (Спр. 42, 13; Ос. 5, 12). Извѣстно, что личинки моли, гнѣздящіяся въ одеждѣ, устраиваютъ вокругъ себя тонкую, легкоразрушимую оболочку изъ того матеріала которымъ хищнически питаются. Въ кн. Іова 27, 18 такая оболочка называется «домомъ моли» и ей уподобляется домъ беззаконнаго человѣка. Это потому, что беззаконникъ устроиваетъ свой домъ и вообще пріобрѣтаетъ благосостояніе путемъ неправды и хищеній; но благосостояніе, такимъ образомъ пріобрѣтенное, обыкновенно, бываетъ непрочно и, подобно «дому моли», скоро разрушается (Іов. 27, 13—22).

Шершни—одинъ изъ видовъ осъ, отличающійся отъ другихъ сходныхъ съ нимъ видовъ своею величиною. Раздраженные кѣмъ или чѣмъ нибудь, шершни съ яростію бросаются на людей и животныхъ и своими уколами причиняютъ очень сильную и крайне мучительную боль. Поэтому иногда бываетъ, что нападеніе незначительнаго роя шершней приводитъ въ ужасъ цѣлое стадо, при чемъ животныя, спасаясь отъ мучительныхъ уколовъ, обращаются въ безпорядочное и дикое бѣгство. О шершняхъ упоминается въ Исх. 23, 28; Второз. 7, 20; I. Нав. 24, 12; Прем. 12, 8. Именно, во всѣхъ этихъ мѣстахъ говорится, что Господь, при посредствѣ шершней опредѣлилъ изгнать и дѣйствительно изгналъ Хананеевъ предъ лицемъ Израиля. Вѣроятнѣе всего, что во всѣхъ указанныхъ цитатахъ—рѣчь образная и собственный ея смыслъ тотъ, что не оружіемъ Израиля побѣждены Хананеи, но что самъ Господь положилъ навести и дѣйствительно навелъ на нихъ ужасъ, привелъ ихъ въ великое смятеніе (Второз. 7, 23), и они заслышавъ о приближеніи народа Божія, обратились въ бѣгство, подобно тому какъ животныя приходятъ въ ужасъ и въ изступленіи бѣгутъ, замѣтивъ приближеніе разъяренныхъ шершней. Возможно впрочемъ и буквальное пониманіе указанныхъ мѣстъ, такъ какъ, по свидѣтельству древнихъ писателей (Эліанъ), бывали случаи, что цѣлыя племена оставляли свои жилища вслѣдствіе размноженія въ занимаемой ими мѣстности дикихъ пчелъ и осъ и вслѣдствіе постоянныхъ нападеній этихъ насѣкомыхъ. Очень могло быть то, что во время завоеванія Ханаана Израильтянами Хананеи страдали, по Божественному опредѣленію, отъ различныхъ естественныхъ бѣдствій, между прочимъ отъ чрезмѣрнаго размноженія осъ, шершней и тому подобныхъ насѣкомыхъ, что, понятно, смущало ихъ, лишало ихъ мужества и такимъ образомъ облегчало побѣду надъ ними завоевателей.

Шершни водятся въ св. Землѣ и въ настоящее время. Ученый изслѣдователь Палестины, Англичанинъ Трист-

рамъ (Tristram), нашелъ здѣсь четыре вида этихъ насѣкомыхъ. Изъ нихъ два устраиваютъ свои гнѣзда на деревьяхъ, другіе два живутъ въ разсѣлинахъ скалъ и въ землѣ, гдѣ они наполняютъ свои помѣщенія большими, горизонтально расположенными медовыми сотами (Riehm, 642—643; Kurzgefasstes exeg. Handbuch. 12 Lief. 2 Aufl. S. 253).

Муравьи своими замѣчательными особенностями съ древнѣйшихъ временъ обращали на себя вниманіе всѣхъ наблюдателей природы. Они также служили предметомъ наблюденія и для еврейскихъ мудрецовъ, и эти послѣдніе, называя муравьевъ мудрыми (Притч. 30, 24. 25), преимущественно удивлялись неусыпному трудолюбію этихъ насѣкомыхъ, ихъ предусмотрительности и тому строгому порядку, въ какомъ они производятъ свои работы, не нуждаясь при этомъ въ какихъ-либо сторонникъ понужденіяхъ и указаніяхъ (6, 6—8).

II.

ПРЕСМЫКАЮЩІЯСЯ И ГАДЫ.

Змѣи.

Обиліе змѣй въ Палестинѣ въ древности и въ настоящее время. — Крайне мрачное воззрѣніе древнихъ Евреевъ на змѣй; исключительность этого воззрѣнія; особыя причины, вызвавшія его. Обстоятельность и точность свѣдѣній древнихъ Евреевъ относительно змѣй; объясненіе нѣкоторыхъ мѣстъ Библіи, содержащихъ, повидимому, ошибочныя представленія о змѣяхъ. — Еврейскія наименованія различныхъ видовъ змѣй. *Киппозъ;* особенности змѣй этого вида. *Сарафъ.* Упоминаніе о змѣяхъ „сарафъ“ въ кн. Числ. 21, 5. 6; наказаніе Евреевъ посредствомъ этихъ змѣй; гибель Евреевъ отъ ихъ укушенія; избавленіе отъ этого бѣдствія; мѣдный змій. Исторія мѣднаго змія; его символическое значеніе. Упоминаніе о змѣяхъ „сарафъ“ во Второзак. 8, 15 и Исаія 30, 6; объясненіе послѣдняго мѣста. *Шефифонъ;* особенности этого вида змѣй. *Петенъ* — аспидъ. *Ефе, цефа, цифони*—василискъ. *Ахшубъ.*

Змѣи всегда водились въ Палестинѣ, какъ водятся и теперь: въ настоящее время ихъ найдено тамъ болѣе двадцати различныхъ видовъ; поэтому-то въ библейскихъ книгахъ очень часто встрѣчаются упоминанія о змѣяхъ; и, какъ видно, древніе Евреи обстоятельно были знакомы съ этими животными, съ ихъ характеристическими особенностями. — По воззрѣнію древнихъ Евреевъ, змѣи — это особенно страшныя и ненавистныя твари, съ которыми человѣкъ долженъ находиться въ постоянной враждѣ. Въ ихъ глазахъ становился ненавистнымъ и тотъ, кто по-

зволялъ себѣ обращаться съ змѣями, въ качествѣ ихъ заклинателя; онъ не возбуждалъ сожалѣнія, если погибалъ отъ змѣи, имъ заговариваемой (Сир. 23, 32). Наклонность змѣй жалить при первомъ представившемся случаѣ и такимъ образомъ наносить смертельный вредъ ради только вреда, внезапность ихъ нападенія, обычай подстерегать свою жертву, или коварно подкрадываться къ ней, неподвижные стеклянные глаза, наводящіе ужасъ и производящіе впечатлѣніе неумолимой злобы, наконецъ почти всегда смертельный исходъ укушенія ядовитыхъ змѣй— были причиною того, что змѣя сдѣлалась для Евреевъ общеупотребительнымъ образомъ всего, что по своей природѣ или неожиданно (Притч. 23, 32), или неотвратимо (Иса. 14, 29) причиняетъ вредъ и разрушеніе. Между прочимъ змѣя служила образомъ людей безбожныхъ, которые съ коварствомъ и злобой вредятъ жизни своихъ ближнихъ (Пс. 57, 1—6; 139, 1—4; Рим. 3, 11—13), а также образомъ грѣха, наносящаго неисцѣльныя раны (Сир. 21, 2—4). Поэтому-то выраженія: «порожденія ехидны», или: «змѣи, порожденія ехидны», употреблялись иногда по отношенію къ злымъ, безбожно настроеннымъ людямъ, и считались самыми укоризненными и жесткими (Мѳ. 3, 7; 12, 34; 23, 33). — О змѣяхъ, какъ животныхъ страшныхъ и опасныхъ, въ Библіи говорится, что онѣ созданы Богомъ для отмщенія, для истребленія беззаконныхъ (Сир. 39, 36. 37), и на нихъ очень часто указывается какъ на орудія Божественной карающей правды (Числ. 21, 4—6; Второз. 32, 21. 23. 24; Іер. 8, 17; Ам. 9, 3 и др.). Съ другой стороны, попираніе змѣй, не сопряженное съ опасностію для попирающаго, выставляется въ библейскихъ книгахъ, какъ наглядное доказательство всемогущаго Божественнаго покровительства (Пс. 20, 13; Лук. 10, 19), ограждающаго вѣрныхъ отъ всякаго зла, а на безвредность даже для младенцевъ самыхъ страшныхъ змѣй указывается какъ на признакъ того глубокаго мира, которымъ будетъ наслаждаться все живущее въ свѣтлые дни благодатнаго Христова царства (Иса. 11, 8; 65, 25).

Крайне мрачный взглядъ древнихъ Евреевъ на змѣй былъ взглядомъ исключительнымъ по сравненію съ воззрѣніями другихъ народовъ древности на этихъ пресмыкающихся. Конечно, отталкивающія свойства, которыми обладаютъ змѣи, были хорошо извѣстны всѣмъ древнимъ народамъ. Но на ряду съ этими свойствами они видѣли въ змѣяхъ и добрыя черты, считали ихъ, между прочимъ, предусмотрительными, внимательными, понятливыми, вообще мудрыми, усвояли имъ цѣлительныя, магическія силы. И потому-то въ ряду образовъ, которыми въ символикѣ древнихъ обозначаются свѣтлыя представленія и понятія, змѣи занимаютъ не послѣднее мѣсто. Такъ у народовъ классическихъ змѣи символизировали собою мѣстныхъ геніевъ, которые хотя и являются грозными, защищая свое мѣстопребываніе, но по природѣ своей вовсе не злы; у нѣкоторыхъ же восточныхъ народовъ, какъ напр. у Финикіянъ и Египтянъ, даже сами змѣи считались добрыми геніями. Затѣмъ змѣи служили символомъ рѣчныхъ божествъ; двѣ змѣи, соединенныя вмѣстѣ, были образомъ сердечнаго единенія и любви. Далѣе, такъ какъ змѣи ежегодно сбрасываютъ свою кожу, то онѣ являлись символомъ возобновленія и возстановленія жизненныхъ силъ и т. д. (Kurzgefasstes ex. Handbuch zum A. T. II, 80; 2 Aufl.; Schenkel's Bibel - Lex., V Bd., 224—226).—Причина указаннаго различія въ воззрѣніяхъ между Евреями и прочими народами древности понятна.—Какъ другимъ древнимъ народамъ, такъ и Евреямъ были извѣстны отталкивающія и страшныя свойства змѣй. Но послѣднимъ, кромѣ того, было извѣстно изъ Откровенія и то, какое участіе выпало на долю змѣю въ грѣхопаденіи прародителей. Евреи знали, что въ этомъ случаѣ змѣй служилъ орудіемъ темной искусительной силы и за это подвергся Божественному проклятію, которое унизило его и сдѣлало презрѣннѣйшимъ изъ животныхъ. Такимъ образомъ съ представленіемъ о змѣѣ у Евреевъ соединялось представленіе о проклятомъ животномъ, представленіе о связи его съ злымъ

началомъ и его участіи въ горестнѣйшемъ для всего человѣчества событіи. Поэтому-то для древняго Еврея змѣя была исключительно символомъ всего злаго и онъ далекъ былъ отъ мысли находить въ ненавистномъ животномъ какія-либо хорошія свойства; правда и Евреи, подобно другимъ, признавали въ змѣѣ мудрость, но мудрость низшаго качества, которая была соединена со злобою и не имѣла ничего общаго съ чистотою голубя.

Имѣя частые случаи наблюдать змѣй, древніе Евреи имѣли объ этихъ животныхъ очень точныя свѣдѣнія, во всякомъ случаѣ болѣе точныя, нежели какъ это обыкновенно думаютъ (см. напр. Schenkel's Bibel-Lex. V, Bd. 222), основываясь на нѣкоторыхъ библейскихъ выраженіяхъ, неправильно понимаемыхъ. Правда, какъ на характеристическую черту змѣй, Евреи указывали на то, что онѣ ползаютъ на чревѣ, и говорили о нихъ, что онѣ лижутъ прахъ, питаются землею, и смотрѣли на то и другое, какъ на слѣдствіе Божественнаго проклятія, которому подпалъ райскій змѣй послѣ грѣхопаденія первозданной четы. Но было бы неправильно думать, что по представленіямъ древнихъ Евреевъ змѣи имѣли нѣкогда ноги и ходили, принимая вертикальное положеніе, и что онѣ дѣйствительно питаются землею. Нѣтъ, выраженія: «припадать лицемъ къ ногамъ», или что тоже—«ползать, распростираться у ногъ», «лизать прахъ, ѣсть прахъ» были на древнемъ библейскомъ языкѣ выраженіями образными и означали крайнюю степень униженія (Иса. 49, 23; Пс. 71, 9; 101, 10). Поэтому—указывая на то, что змѣи ползаютъ на чревѣ, и говоря, что онѣ питаются прахомъ, Евреи желали выразить, что, послѣ грѣхопаденія и со времени Божественнаго проклятія, змѣи сдѣлались презрѣннѣйшими изъ тварей. Только въ одномъ мѣстѣ ветхозавѣтной Библіи, именно у Исаіи (65, 25), не метафорически, а прямо, повидимому, сказано, что въ блаженныя времена царства Мессіи пищею для змѣя будетъ служить прахъ. «Волкъ и ягненокъ, по словамъ пророка, будутъ пастись вмѣстѣ, и

левъ какъ волъ будетъ ѣсть солому, а для змѣя прахъ будетъ пищею; они не будутъ причинять зла и вреда на всей святой горѣ Моей, говоритъ Господь». Но, вопервыхъ, здѣсь говорится о томъ, что̀ еще будетъ и чего въ настоящемъ нѣтъ; а вовторыхъ, какъ въ приведенномъ, такъ и въ другомъ, подобномъ же мѣстѣ (Иса. 2, 6—9) пророкъ желаетъ указать не на то собственно, чѣмъ именно, въ грядущія времена, будутъ питаться змѣи и другія хищныя животныя, а на то главнымъ образомъ, что животныя эти измѣнятъ въ блаженномъ будущемъ свою природу, перестанутъ причинять зло другимъ тварямъ и насчетъ ихъ жизни поддерживать собственную жизнь.—Далѣе—правда, Евреи говорили, что змѣи жалятъ, наносятъ раны своимъ тонкимъ, раздвоеннымъ, постоянно высовывающимся и крайне подвижнымъ языкомъ (Іов. 20, 16; Пс. 139, 4), между тѣмъ какъ языкъ змѣиный на самомъ дѣлѣ совершенно безвреденъ и служитъ для змѣй лишь органомъ осязанія. Но Евреи говорили такъ, какъ и мы говоримъ въ настоящее время, въ несобственномъ смыслѣ; ибо и они хорошо знали, что змѣи кусаютъ (Притч. 23, 32) и что такимъ образомъ опасны ихъ ядовитые зубы, а не языкъ *).

*) Змѣиный ядъ—это прозрачная тягучая слюна, окрашенная въ желтоватый, или зеленоватый цвѣтъ. Ядъ вырабатывается въ ядовитыхъ желёзкахъ, помѣщающихся въ верхнихъ челюстяхъ животнаго позади и нѣсколько ниже глазъ. Изъ желёзокъ ядъ проходитъ къ двумъ длиннымъ, острымъ и внутри пустымъ зубамъ, утвержденнымъ также въ верхнихъ челюстяхъ змѣи подъ желёзками. Каждый изъ этихъ зубовъ имѣетъ по два отверстія, одно вверху въ корнѣ, другое внизу. Посредствомъ верхнихъ отверстій ядъ проникаетъ въ зубы и наполняетъ ихъ. Когда змѣя впивается въ свою жертву ядовитыми зубами, ядъ, чрезъ нижнія отверстія, изливается въ рану. Змѣиный ядъ, проникнувъ въ рану, влечетъ за собою гнилостное разложеніе крови. Нѣкоторыя змѣи, находясь въ разъяренномъ состояніи, выбрасываютъ часть яда прежде, чѣмъ приблизятся къ жертвѣ и вопьются въ нее.

Для обозначенія змѣй вообще Евреи употребляли слово *нахашъ*, указывающее на шипѣніе, какъ на характеристическій признакъ этихъ животныхъ. Но кромѣ этого общаго родоваго названія, въ Библіи встрѣчается еще семь другихъ названій, которыми обозначались отдѣльные, наиболѣе извѣстные древнимъ Евреямъ, виды змѣй. Названія эти слѣдующія: *киппозъ*, *сарафъ*, *шефифонъ*, *петенъ*, *ефе*, *цефа и цефони* и наконецъ *ахшубъ*.

Наименованіе *киппозъ* указываетъ на быстроту движеній или прыжковъ животнаго и въ приложеніи къ змѣямъ значитъ—«быстрый», или, какъ выражено въ русскомъ переводѣ Библіи (Иса. 34, 15), летучій змѣй. Полагаютъ, что словомъ *киппозъ* называли особый видъ змѣй, отличающихся быстротою своихъ движеній и прыжковъ при нападеніи на добычу, именно видъ, извѣстный теперь подъ названіемъ anguis jaculus, что значитъ бросающаяся змѣя. Змѣи этого вида—менѣе аршина длины и толщиною не болѣе пальца; сверху желтовато-сѣраго цвѣта, снизу—бѣлаго съ черными крапинами. Онѣ живутъ въ пустынныхъ, уединенныхъ мѣстахъ и любятъ гнѣздиться подъ камнями и въ развалинахъ оставленныхъ и разрушенныхъ зданій. Здѣсь онѣ кладутъ свои яйца, изъ которыхъ, вскорѣ послѣ кладки, выходятъ живые дѣтеныши, безъ труда пробивая тонкую оболочку яйца.—Объ этомъ видѣ змѣй въ Библіи упоминается однажды (Иса. 34, 15). По словамъ пророка, въ дворцахъ и твердыняхъ земли Едомской, послѣ ихъ окончательнаго разрушенія, будетъ, между прочимъ, гнѣздиться летучій змѣй *(киппозъ)*, будетъ класть яйца и выводить дѣтей, и собирать ихъ подъ тѣнь свою.—Змѣи этого вида не имѣютъ яда и принадлежатъ, такимъ образомъ, къ числу безвредныхъ пресмыкающихся.

Сарафъ (во множест. числѣ *серафимъ*) значитъ зажигающій, воспаляющій, жгучій. По всей вѣроятности этимъ словомъ Евреи (подобно тому какъ Греки словами πρηστήρ, χαῦσον, δίψας) называли особый видъ ядовитыхъ змѣй, укушеніе которыхъ производило страшную опухоль, влекло

за собою невыносимый внутренній жаръ, обнаруживавшійся, между прочимъ, въ пламенномъ цвѣтѣ лица, и вызывало ничѣмъ неутолимую жгучую жажду. Но какой именно это видъ, въ настоящее время съ точностію еще не опредѣлено.

О ядовитыхъ змѣяхъ съ именемъ «сарафъ» въ первый разъ упомянуто въ повѣствованіи кн. Числъ о путешествіи Евреевъ по пустынѣ. «И говорилъ народъ, читаемъ мы въ Числ. 21, 5. 6, противъ Бога и противъ Моисея: зачѣмъ вывели вы насъ изъ Египта, чтобы умереть намъ въ пустынѣ; ибо здѣсь нѣтъ ни хлѣба, ни воды, и душѣ нашей опротивѣла эта негодная пища (манна). И послалъ Господь на народъ ядовитыхъ (въ подлинномъ еврейскомъ текстѣ—*гас-серафимъ*) змѣевъ, которые жалили народъ, и умирало множество народа изъ сыновъ Израилевыхъ». Это бѣдствіе постигло Евреевъ въ окрестностяхъ Эланитскаго залива Краснаго моря, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и въ настоящее время, по свидѣтельству путешественниковъ (Шубертъ), водится множество различныхъ видовъ змѣй, и между прочимъ—большія ядовитыя змѣи, внѣшнимъ отличительнымъ признакомъ которыхъ служатъ пятна и полосы огненнаго цвѣта, ярко выступающія на пестрой кожѣ страшныхъ животныхъ. Нѣкоторые полагаютъ, что Евреи этихъ именно змѣй назвали словомъ «сарафъ», указывая этимъ названіемъ на огненный цвѣтъ ихъ окраски.

Несчастіе, постигшее Израильтянъ, образумило ихъ. Они раскаялись въ своемъ ропотѣ противъ Бога и Моисея и обратились къ послѣднему съ просьбою о томъ, чтобы онъ помолился Господу объ избавленіи народа отъ ядовитыхъ змѣй. Молитва была услышана и Господь благоволилъ избавить Свой народъ съ помощію необычайнаго средства. Онъ повелѣлъ Моисею утвердить на высокомъ древкѣ, въ виду всего народа, мѣдное изображеніе змѣи той именно породы, которая губила Израильтянъ, и возвѣстилъ, что всякій ужаленный, какъ скоро взглянетъ на это изображеніе, останется живъ, что дѣйствительно и про-

изошло. «И сказалъ Господь Моисею: сдѣлай себѣ змѣя *(сарафъ)* и выставь его на знамя, и ужаленный взглянувъ на него, останется живъ. И сдѣлалъ Моисей мѣднаго змѣя и выставилъ его на знамя и когда змѣй ужалилъ человѣка, онъ, взглянувъ на мѣднаго змѣя, оставался живъ» (Числ. 21, 8. 9). — Многіе толковники останавливали и останавливаютъ особенное вниманіе на этомъ столь необычайномъ событіи съ цѣлію, между прочимъ, выяснить причину, по которой Моисей воздвигъ изображеніе змѣя предъ очами страдавшаго Израиля. Пріискивая различныя объясненія, толковники, по большей части, указываютъ на то, что народы древности, особенно Египтяне, смотрѣли на змѣй, какъ на символъ цѣлительной укрѣпляющей силы, и даже имъ самимъ приписывали подобную силу. А такъ какъ Евреи были знакомы съ этимъ воззрѣніемъ, то мѣдное изображеніе змѣя могло ободрить ихъ во время страданій и вселить въ нихъ надежду на исцѣленіе. Но объясненіе это не можетъ быть признано правильнымъ. Положимъ, что Евреямъ былъ извѣстенъ указанный взглядъ Египтянъ на змѣй; но они, какъ мы знаемъ, не раздѣляли этого взгляда. Напротивъ, они смотрѣли на змѣй съ ужасомъ и отвращеніемъ, не замѣчая въ нихъ ни малѣйшей доброй черты. И во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что они были далеки отъ языческаго благопріятнаго взгляда на змѣй въ то время, когда массами гибли отъ этихъ страшныхъ животныхъ. При такихъ обстоятельствахъ мѣдное изображеніе змѣя могло ихъ скорѣе смутить, нежели ободрить. Будучи неправильнымъ, разсматриваемое объясненіе, какъ и всякое другое, представляется, притомъ, совершенно излишнимъ, потому что причина, по которой Моисей воздвигъ мѣднаго змѣя, указана въ самомъ Библейскомъ повѣствованіи,—причина эта: повелѣніе Божественное. И повелѣніе это, конечно, было дано съ цѣлію еще и еще разъ показать малодушнымъ Евреямъ, что Іегова, и только Онъ одинъ, есть всегдашній и крѣпкій ихъ помощникъ и покровитель, есть единственный цѣлитель ихъ болѣзней

(Исх. 15, 26), могущій, при помощи даже ничтожнаго средства, отогнать всякую скорбь отъ лица ихъ, если только они съ вѣрою и надеждою воззовутъ къ Нему.

Мѣдное изображеніе змѣя *сарафъ* Евреи взяли съ собою въ обѣтованную землю на память о чрезвычайной Божественной помощи, оказанной имъ въ пустынѣ. И это изображеніе долгое время находилось въ Іерусалимѣ. Но склонные къ идолопоклонству Евреи начали мало по малу воздавать мѣдному змѣю языческое поклоненіе, какъ идолу, стали кадить предъ нимъ, принося ему ѳиміамъ въ жертву. Возмущенный этимъ, благочестивый царь Езекія истребилъ, вмѣстѣ съ другими идолами и мѣднаго змѣя. Евреи называли мѣдное изображеніе змѣя *сарафъ* однимъ словомъ: *нехуштанъ* (что значитъ «мѣдный» отъ слова *нехушетъ* мѣдь). Объ истребленіи мѣднаго змѣя говорится въ 4 Цар. 18, 4.

Мѣдный змѣй, воздвигнутый Моисеемъ въ пустынѣ, имѣлъ прообразовательное значеніе по отношенію ко Христу Спасителю. Мѣдный змѣй былъ вознесенъ на древо, по повелѣнію Божественному, и всякій изъ ужаленныхъ змѣями, какъ скоро обращалъ на него взоры, избѣгалъ смерти и оставался живъ. Подобнымъ же образомъ и Христосъ Іисусъ, по Божественному изволенію, былъ вознесенъ на древо креста, и всякій земнородный, взирающій на него съ вѣрою, избавляется отъ смерти грѣховной, отъ духовной гибели и становится причастникомъ жизни вѣчной. На это прообразовательное значеніе мѣднаго змѣя указалъ Христосъ въ Своей бесѣдѣ съ Никодимомъ, говоря: «какъ Моисей вознесъ змію въ пустынѣ, такъ должно вознесену быть Сыну человѣческому, дабы всякій, вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную» (Іоан. 3, 14. 15).

О змѣяхъ вида *сарафъ* упоминается еще во Второз. 8, 15; Иса. 14, 29; 30, 6. Въ первомъ изъ указанныхъ мѣстъ слово «сарафъ» въ русской Библіи переведено словомъ «василискъ», въ двухъ остальныхъ словомъ «драконъ».

У пр. Исаіи *сарафъ* названъ летучимъ, вѣроятно, съ цѣлію указать на чрезвычайную быстроту его движеній. Во Второз. 8, 15 и у Иса. 30, 6 о змѣяхъ *сарафъ* говорится, какъ о животныхъ, населяющихъ, между прочимъ, ту пустыню, по которой Евреи шли изъ Египта въ Палестину и по которой вообще пролегалъ путь между этими странами. Что же касается Иса. 14, 29, то въ этомъ мѣстѣ какъ «сарафъ», такъ и другія наименованія змѣй употреблены въ значеніи символическомъ. Именно здѣсь мы читаемъ: «Не радуйся земля Филистимская, что сокрушенъ жезлъ, который поражалъ тебя; ибо изъ корня змѣинаго выйдетъ аспидъ *(цефа)*, и плодомъ его будетъ летучій драконъ». Въ этихъ словахъ пророкъ символически изображаетъ отношенія царства Іудина къ Филистимлянамъ. —Давидъ, какъ извѣстно, сокрушилъ силу Филистимлянъ (2 Цар. 5, 17 слл.; 8, 1; 21, 15 слл.). При Соломонѣ (3 Цар. 4, 21) и при Іосафатѣ (2 Парал. 17, 11) Филистимляне платили Евреямъ дань. Озія разрушилъ стѣны Филистимскихъ городовъ—Геса, Іавнеи и Азота и построилъ города въ странѣ Филистимлянъ (2 Парал. 26, 6). И за все это время царство Іудино, говоритъ пророкъ, было по отношенію къ Филистимлянамъ змѣею (корнемъ змѣи), т.-е. опаснымъ и ненавистнымъ для нихъ врагомъ.—Въ слабое правленіе Ахаза Филистимляне разсыпались по городамъ низменнаго края и юга Іудеи и, овладѣвъ многими изъ этихъ городовъ, поселились въ нихъ. Филистимляне торжествовали, полагая, что жезлъ, такъ долго поражавшій ихъ, былъ окончательно сокрушенъ. Но торжество ихъ было не продолжительно. Преемникъ Ахаза, Езекія не только отнялъ у нихъ іудейскіе города, но и поразилъ ихъ внутри ихъ собственной страны, «до Газы и въ предѣлахъ ея» (4 Цар. 28, 8). Пророкъ предвидѣлъ это еще во дни Ахаза и потому заявилъ торжествующимъ Филистимлянамъ, что ихъ ожидаютъ болѣе тяжкіе, нежели прежде, удары со стороны царства Іудина: оно вскорѣ поразитъ ихъ, подобно василиску, наиболѣе страшному изъ всѣхъ видовъ змѣй.

Но и этимъ дѣло не ограничится. Въ свой послѣдній заключительный періодъ, т.-е. въ свѣтлые дни Мессіи, царство Іудино, подобно змѣю *сарафъ* (летучій драконъ) окончательно сокрушитъ Филистимлянъ. Тогда бѣднѣйшіе изъ Израиля будутъ накормлены и нищіе его будутъ покоиться въ безопасности; тогда Господь укрѣпитъ Сіонъ и въ немъ найдутъ убѣжище бѣдные изъ народа Его (Иса. 14, 30—32). Таковъ смыслъ символической рѣчи пророка. Изъ нея, между прочимъ, открывается то, что, по представленію Евреевъ, змѣи вида «сарафъ» были самыми страшными изъ всѣхъ видовъ змѣй. Такое представленіе, несомнѣнно сложилось подъ вліяніемъ живаго воспоминанія о томъ великомъ бѣдствіи, которое эти змѣи причинили Евреямъ, во дни Моисея, въ пустынѣ.

Именемъ *шефифонъ* Евреи называли рогатую гадюку (Cerastes aegyptiacus)—змѣю, которая водится въ настоящее время въ верхнемъ Египтѣ и на Синайскомъ полуостровѣ. Змѣя эта очень ядовита; имѣетъ около аршина въ длину; сверху окрашена въ цвѣтъ пустыннаго песка, желтовато-сѣрый, съ темными пятнами; нижняя часть ея туловища — бѣлая. Внѣшнюю отличительную черту этого вида гадюкъ составляютъ небольшіе рожки, числомъ два, напоминающіе шпоры пѣтуха и сидящіе на головѣ животнаго, надъ глазами. Днемъ рогатая гадюка почти вся зарывается въ песокъ, такъ что ее трудно замѣтить, и зорко слѣдитъ за мимопроходящими людьми и животными. Если кто близко подойдетъ къ ней, она быстро оставляетъ свою засаду и впивается ядовитыми зубами въ неосторожную жертву. Въ Египетскихъ Ѳивахъ эту змѣю почитали священнымъ животнымъ и ея изображеніе часто встрѣчается на египетскихъ памятникахъ. О рогатой гадюкѣ, *шефифонѣ*, въ Библіи упоминается лишь однажды, въ благословеніи, которымъ благословилъ Іаковъ сыновъ своихъ и въ которомъ пророчески указалъ на ихъ будущія судьбы. Говоря здѣсь, между прочимъ, о Данѣ, патріархъ сравнилъ его (Быт. 49, 17) съ *шефифономъ* и

аспидомъ: «Данъ будетъ змѣемъ (въ подлинномъ текстѣ— *шефифонъ*) на дорогѣ, аспидомъ на пути, уязвляющимъ коня, такъ что всадникъ упадетъ назадъ». Въ этихъ словахъ предуказанъ образъ дѣйствій колѣна Данова въ борьбѣ со врагами. И это пророческое указаніе оправдалось послѣдующими событіями. Такъ, во времена Судей, Данитяне, подобно *шефифону*, нечаянно напали на спокойныхъ и безпечныхъ жителей Лаиса и истребили ихъ (Суд. 18, 27); точно также, подобно *шефифону*, поражалъ судія Самсонъ, происходившій изъ колѣна Данова, Филистимлянъ, и особенно сильно тогда, когда они менѣе всего ожидали съ его стороны пораженія (Суд. 16, 23—30).

Названіе «петенъ» въ псалмѣ 57, 5. 6 употреблено для обозначенія того вида змѣй, надъ которыми заклинатели произносятъ свои заклинанія. Заклинаніе змѣй, которое хорошо было извѣстно Евреямъ (Еккл. 10, 11; Сир. 12, 13; Іер. 8, 17), въ древнія времена процвѣтало преимущественно въ Египтѣ, и змѣи, надъ которыми египетскіе заклинатели испытывали свое искусство, принадлежали къ числу особенно ядовитыхъ. Это—египетскія очковыя змѣи, которыя у Грековъ и Римлянъ были извѣстны подъ именемъ аспидовъ. Онѣ-то, по всей вѣроятности, и назывались у древнихъ Евреевъ именемъ «петенъ». Очковая змѣя, достигшая полнаго развитія, имѣетъ въ длину до трехъ и болѣе аршинъ; сверху она — соломеннаго цвѣта съ темными пятнами и поперечными полосами около головы; нижняя ея часть—свѣтложелтая. Когда ее раздразнятъ, то ея шея сильно раздувается, передная часть туловища поднимается вверхъ и въ такомъ положеніи она ожидаетъ врага, или же устремляется на него. При этомъ она иногда выбрасываетъ свой ядъ на довольно далекое разстояніе по направленію къ непріятелю. Заклинатели очковыхъ змѣй и доселѣ существуютъ въ Египтѣ и владѣютъ тѣмъже искуствомъ заклинанія, какимъ славились ихъ предшественники. Эти люди посредствомъ насвистыванья, или своеобразной игры на инструментѣ, напоми-

нающемъ флейту, вызываютъ змѣй изъ норъ; дрессируютъ ихъ и дрессированныхъ заставляютъ подъ тихую, монотонную музыку, дѣлать размѣренныя движенія и, какъ обыкновенно выражаются, танцовать; затѣмъ позволяютъ имъ, рискуя, конечно, жизнью, обвиваться около шеи, обнаженной груди и другихъ частей тѣла; наконецъ, надавливая на извѣстную часть головы, приводятъ ихъ въ оцѣпенѣніе, при чемъ онѣ быстро вытягиваются во всю длину и становятся неподвижными.—Древніе Евреи смотрѣли на заклинаніе змѣй, какъ на волшебство, какъ на языческую мерзость, и потому враждебно относились къ заклинателямъ (Сир. 11, 13); но изъ частаго упоминанія объ этихъ людяхъ въ библейскихъ книгахъ можно заключить, что они существовали и между Евреями. Появленіе заклинателей змѣй среди Еврейскаго народа, конечно, было вызвано существованіемъ въ древней Палестинѣ египетскихъ очковыхъ змѣй, или аспидовъ. Змѣи эти и донынѣ водятся въ св. землѣ, преимущественно въ южной части Іорданской долины.—Очковыя змѣи на затылочной части головы имѣютъ полосу бѣлесоватаго цвѣта, которая по своимъ очертаніямъ напоминаетъ очки: отсюда и произошло ихъ названіе.—Еврейское названіе очковой змѣи «петенъ» не вездѣ переведено одинаково: Второз. 32, 33; Іов. 20, 14; Псал. 57, 5; Иса. 11, 8 — словомъ *аспидъ;* Іов. 20, 16 — словомъ *змѣя;* Псал. 90, 13 — словомъ *василискъ.*

Названіе *ефе* употреблено Іов. 20, 16 (въ русск. переводѣ—*ехидна*); Иса. 30, 6 (въ русск. пер.—*аспидъ*); 59, 5 (въ русск.—*ехидна*).—Въ Египтѣ въ настоящее время словомъ «ефа», созвучнымъ съ древнееврейскимъ *ефе*, обозначаютъ одинъ изъ видовъ гадюкъ (echis arenicola, carinata). Змѣя, носящая въ Египтѣ названіе «ефа», очень мала, не болѣе трехъ четвертей аршина длины, сверху песочнаго цвѣта съ многочисленными темнокоричневыми, или черными пятнами и полосами, снизу — свѣтложелтая; изъ ея яицъ, какъ только они положены, тотчасъ же выходятъ живые дѣтеныши (Иса. 59, 5).

Наименованія *цефаци* и *фони* въ подлинномъ текстѣ Библіи встрѣчаются Притч. 23, 32 (въ рус. пер.—аспидъ); Иса. 11, 8 (въ русск.—змѣя); 14, 29 (въ русск.—аспидъ); 59, 5 (въ русск.—змѣя); Іер. 8, 17 (въ русск.—василискъ). Эти еврейскія названія въ нѣкоторыхъ древнихъ переводахъ, между прочимъ въ переводахъ Акилы, Сирскомъ и Вульгатѣ, переданы словомъ «василискъ»; тѣмъже словомъ наименованіе *цифони* передано однажды (Іер. 8, 17) и въ русскомъ переводѣ Библіи. — У древнихъ писателей не мало встрѣчается сказаній о василискѣ, но по большей части баснословныхъ. По словамъ древнихъ, василискъ — очень небольшая змѣя, отъ одной до трехъ пядей длины, съ круглымъ бѣлымъ пятномъ на головѣ, которое можно сравнить съ діадемой (не отсюда ли названія «βασιλισκος», «regulus», что значитъ *царекъ, царственная змѣйка?*); ея смертоносное шипѣнье приводитъ въ страхъ другихъ змѣй и отъ него засыхаютъ травы и кустарники; отъ ея ядовитаго дыханья распадаются камни; она обладаетъ способностію не ползать только, но и ходить прямо; водится она въ Киренаикѣ и Египтѣ. — Конечно эти сказанія о страшныхъ свойствахъ василиска невѣроятны; но изъ нихъ во всякомъ случаѣ слѣдуетъ, что словомъ «василискъ» древніе называли самую страшную по своей ядовитости змѣю, приводившую въ ужасъ все живущее, и что слово это наиболѣе соотвѣтствуетъ еврейскимъ названіямъ «цефа», «цифони», которыми въ еврейской Библіи обозначены именно наиболѣе страшныя и ядовитыя змѣи. Трудно однакоже опредѣлить, къ какому виду змѣй слѣдуетъ отнести древнія названія «цефа», «цифони» и «василискъ». Очень можетъ быть, что ими обозначали самую опасную изъ гадюкъ—пустынную ехидну, которая встрѣчается, между прочимъ, въ Палестинѣ и извѣстна подъ именемъ *дабойи* (Daboia xanthina).

«Акшубъ» употреблено въ Библіи однажды Псал. 139, 4 (въ русск. пер.—аспидъ). Неизвѣстно, для обозначенія какого именно вида змѣй употребляли Евреи это наименованіе.

Крокодилы и ящерицы.

Крокодилъ. Характеристическія особенности крокодила. Вопросъ о существованіи крокодиловъ въ Палестинѣ въ древнія времена. Отвѣтъ на этотъ вопросъ Робинзона и Кнобеля. Отвѣтъ другихъ путешественниковъ и толковниковъ и, между прочимъ, проф. Олесницкаго. Основательность послѣдняго отвѣта. Подтвержденіе его, содержащееся въ Библіи, именно въ описаніи крокодила въ кн. Іова 40, 20—41, 26. Разборъ этого описанія. Библейскія наименованія крокодила. Символическое значеніе, усвояемое крокодилу въ Библіи. Слѣды существованія крокодиловъ въ Палестинѣ въ настоящее время. *Ящерицы.* Обиліе ящерицъ въ Палестинѣ. Указанія на ящерицъ въ Библіи. Библейскія наименованія различныхъ видовъ ящерицъ (Лев. 11, 29. 30). Объясненіе этихъ наименованій: *анака, коахъ, лета, хометъ, тиншеметъ, цавъ.*

Крокодилъ, по внѣшнему своему виду,—ящерица, но громадныхъ размѣровъ; онъ достигаетъ въ длину до трехъ и даже четырехъ саженей, хотя крокодилы такой длины и чрезвычайно рѣдки. Характерныя особенности крокодила, между прочимъ, слѣдующія: онъ имѣетъ на верхней части тѣла, начиная съ головы и до оконечности хвоста панцырь, состоящій изъ костяныхъ четырехъугольныхъ щитиковъ, плотно примыкающихъ одинъ къ другому; клапаны, прикрывающіе слуховой барабанъ; короткій, почти совершенно приросшій снизу языкъ; крѣпкіе конусообразные зубы; длинную, постепенно суживающуюся, заостренную голову, напоминающую нѣсколько голову щуки, и плавательныя перепонки между четырьмя пальцами заднихъ ногъ. Верх-

няя часть туловища крокодила окрашена въ темнозеленый оливковый цвѣтъ, съ черными полосами и пятнами, нижняя часть грязножелтоватаго цвѣта.

Можно ли отнести крокодила къ числу животныхъ, обитавшихъ въ Св. Землѣ во времена библейскія? Вопросъ этотъ спорный, доселѣ не рѣшенный окончательно. Нѣкоторые изъ авторитетныхъ путешественниковъ по Палестинѣ на поставленный вопросъ отвѣчаютъ отрицательно. Такъ Робинзонъ, говоря о потокѣ Наръ-Церка, извѣстномъ между туземцами подъ именемъ рѣки крокодиловъ, замѣчаетъ, что едва ли когда-нибудь крокодилы водились въ Палестинѣ. Тоже мнѣніе раздѣляютъ многіе изъ западныхъ толковниковъ (напр. Кнобель). Другіе путешественники и толковники, напротивъ, находятъ возможнымъ утверждать, что крокодилы издревле обитали въ Палестинѣ. Таковъ, между прочимъ, русскій путешественникъ проф. Олесницкій. По мнѣнію г. Олесницкаго крокодилы издревле водились въ потокѣ Наръ-Церка и кромѣ того въ потокѣ Наръ-Акдаръ, который впадаетъ въ Средиземное море нѣсколько южнѣе Церки. Мнѣніе свое почтенный путешественникъ основываетъ на свидѣтельствахъ Плинія, Страбона и Птоломея, знавшихъ въ Палестинѣ рѣку, въ которой водились крокодилы, и даже городъ, находившійся на этой рѣкѣ, между Іоппіей и Птолемаидой, и называвшійся въ честь крокодиловъ Крокодилополисомъ; затѣмъ на свидѣтельствахъ средневѣковыхъ писателей Іакова де-Витри, Готфида Винсофа и наконецъ Пококка. Послѣдній говоритъ, что онъ самъ видѣлъ крокодиловъ, пойманныхъ въ Наръ-Акдарѣ, и стараясь объяснить существованіе крокодиловъ въ землѣ обѣтованной, предполагаетъ, что въ древнѣйшее патріархальное время область потоковъ Наръ-Церка и Наръ-Акдаръ принадлежала какой-то египетской колоніи, обитатели которой и развели крокодиловъ въ своемъ палестинскомъ владѣніи, признавая этихъ гадовъ, согласно съ египетскимъ вѣрованіемъ, источниками благосостоянія страны, въ которой они водятся (Олесницкій, Св. Земля.—II, 267—268 стр.).

Послѣднее мнѣніе, отвѣчающее положительно на вопросъ о существованіи въ Палестинѣ крокодиловъ въ древнія времена, слѣдуетъ признать наиболѣе основательнымъ, тѣмъ болѣе что оно находитъ подтвержденіе въ Библіи, именно въ подробномъ описаніи крокодила, которое содержится въ кн. Іова 40, 20—41, 26, во второй рѣчи Господа къ Іову. Здѣсь Господь указываетъ на двухъ громадныхъ и сильныхъ животныхъ—бегемота и крокодила съ тѣмъ, чтобы наглядно доказать Іову все его безсиліе и ничтожество и такимъ образомъ дать понять ему, какъ онъ неправъ, пытаясь обсуждать пути божественнаго міроправленія, совершенно ему недовѣдомые (Іов. 40, 1—9). Здѣсь уже одно указаніе на крокодила даетъ право заключать, что это чудовище было извѣстно, какъ Іову, такъ и его современникамъ, ибо, въ противномъ случаѣ, указаніе не достигло бы цѣли, не сообщило бы рѣчи наглядности и убѣдительности. Что же касается самаго описанія, то оно лишь подтверждаетъ правильность такого заключенія. Несмотря на поэтическіе образы, которыми переполнено описаніе, оно отличается обстоятельностью и точностью и тѣмъ свидѣтельствуетъ, что описатель, изложившій его, имѣлъ случай не однажды видѣть крокодила и даже изучить характерныя особенности этого гада. Разборъ описанія, о которомъ рѣчь, вполнѣ подтвердитъ сказанное и вмѣстѣ съ тѣмъ познакомитъ насъ съ представленіями древнихъ Евреевъ о крокодилѣ.

Въ началѣ описанія (40, 20—27; 41, 1—2) и въ срединѣ (41, 17—21) изображается сила, которою обладаетъ крокодилъ по сравненію съ другими животными, и тотъ ужасъ, который испытываютъ при видѣ его самые безстрашные люди. Крокодила невозможно поймать и умертвить тѣми орудіями, какими пользуются обыкновенно рыболовы. Его нельзя приманить на крючекъ и съ помощью веревки извлечь на сушу; копье и острога также не могутъ пробить его кожу и голову. Такъ какъ рыбакамъ невозможно ни поймать, ни убить крокодила, то съ нимъ

очевидно нельзя поступить, какъ поступаютъ съ пойманною рыбой. Сквозь его ноздри и челюсти никто не продѣнетъ кольца, какъ продѣваютъ кольца сквозь жабры крупныхъ и цѣнныхъ рыбъ, и связавши кольца бичевкой опускаютъ пойманную добычу въ воду и хранятъ ее тамъ живою до времени продажи. По тойже причинѣ крокодилъ не можетъ быть также и предметомъ торговли, какую ведутъ товарищества рыболововъ съ заѣзжими хананейскими купцами. Какъ сильное и свирѣпое животное, крокодилъ не можетъ быть прирученъ подобно птицамъ, не можетъ сдѣлаться всегдашнимъ или вѣчнымъ рабомъ человѣка, т.-е. домашнимъ животнымъ. Недоступный для рыболовныхъ орудій, крокодилъ точно также неуязвимъ орудіями охотниковъ: желѣзо онъ считаетъ за солому, мѣдь за гнилое дерево. Поэтому его не поразитъ мечъ и ему не причинятъ вреда копья, дротики и стрѣлы, особенно же другія болѣе грубыя орудія, какъ напр. пращные камни, булава (дубина); первые для него—плева (мякина), вторая тоже, что соломина. Какъ животное ничѣмъ неуязвимое, крокодилъ на всѣхъ наводитъ величайшій страхъ: ужасъ бѣжитъ предъ нимъ (41, 14) и нѣтъ столь отважнаго, который осмѣлился бы потревожить его; когда же онъ поднимается, силачи въ страхѣ совсѣмъ теряются отъ ужаса (41, 2. 17). Такое изображеніе силы крокодила и наводимаго имъ страха совершенно соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Крокодилъ въ водѣ безстрашенъ и чрезвычайно опасенъ; онъ внезапно и быстро нападаетъ на всякое животное и даже на крупныхъ четвероногихъ и можетъ раздробить имъ ноги однимъ ударомъ своего страшнаго хвоста. Правда, покрытая костяными щитами кожа крокодила не можетъ оказать значительнаго противодѣйствія современнымъ усовершенствованнымъ орудіямъ, особенно же огнестрѣльному оружію; но конечно древнія орудія еврейскихъ рыболововъ и охотниковъ оказывались безсильными противъ костянаго панцыря громаднаго чудовища. Что же касается ужаса, наводимаго крокодиломъ, то ужасъ этотъ

и доселѣ безпредѣленъ среди напр. обитателей Судана. Охарактеризовавши общее впечатлѣніе, производимое крокодиломъ, библейское описаніе этого животнаго переходитъ къ поэтическому изображенію подробностей. «Кто можетъ открыть верхъ одежды его? Кто подойдетъ къ двойнымъ челюстямъ его? Кто можетъ отворить двери лица его? Кругъ зубовъ его — ужасъ» (41, 5. 1). «Кто подойдетъ къ двойнымъ челюстямъ его»? Точнѣе и ближе къ подлинному тексту: кто войдетъ или проникнетъ въ двойной рядъ зубовъ его? Здѣсь указывается на страшные конусообразные зубы крокодила, которые находятся въ верхней и въ нижней челюсти; въ верхней ихъ 38, въ нижней 32. Двери лица—это челюсти. Расходясь до ушей, челюсти обнаруживаютъ всю громадность пасти крокодила. Зубы животнаго, не прикрытые губами, всегда находятся наружи и потому кажутся особенно страшными: кругъ зубовъ его—ужасъ. Въ дальнѣйшихъ 7—9 стихахъ совершенно точно описаны четырехъугольные, роговидные, посрединѣ выпуклые, нѣсколько заостренные щиты, которые прикрываютъ верхнюю часть туловища крокодила. Щиты эти, плотно прилегая къ тѣлу (40, 5: кто можетъ открыть край одежды его?), также очень плотно примыкаютъ одинъ къ другому (прикасаются близко) и образуютъ шесть продольныхъ (на затылкѣ только четыре) и отъ шестнадцати до восемнадцати поперечныхъ рядовъ. Строгая симметрія, съ которою эти щиты расположены, придаетъ костяному панцырю крокодила своеобразную красоту (крѣпкіе щиты его—великолѣпіе). Строенію головы и верхняго панцыря соотвѣтствуетъ въ крокодилѣ, по своей крѣпости, строеніе шеи и всего вообще тѣла. «На шеѣ его обитаетъ сила». «Мясистыя части тѣла его сплочены между собой твердо, не дрогнутъ» (41, 14. 15). Шея крокодила, короткая и совершенно неподвижная, дѣйствительно очень крѣпка. Что касается мягкихъ частей его тѣла, то онѣ отличаются упругостію и представляются крѣпко соединенными между собой, какъбы вылитыми изъ металла, не исключая и бро-

ха. Послѣднее у крокодила не отвисаетъ и не колышется. Это потому, что пищеварительные органы занимаютъ въ немъ немного мѣста,—оно покрыто, какъ и всѣ прочія части, очень толстою кожей и роговидные спинные щиты отчасти захватываютъ его. Въ соотвѣтствіе съ крѣпостію всего организма, крокодилъ обладаетъ сердцемъ, твердымъ какъ камень, и жестокимъ, какъ нижній жерновъ (41, 16); иными словами: какъ чрезвычайно сильное животное, онъ безстрашенъ (41, 25), на все высокое смотритъ смѣло (—26), никого не будетъ много умолять и ни съ кѣмъ не станетъ говорить кротко (40, 22).—Указавъ, такимъ образомъ, на характеристическія черты въ строеніи крокодила, священный поэтъ, какъ очевидецъ-наблюдатель, указываетъ и на болѣе тонкія особенности этого животнаго, которыя еще болѣе усиливаютъ и безъ того сильное впечатлѣніе, производимое имъ на самыхъ отважныхъ людей. Указанія эти, подобно всѣмъ прочимъ, также близки къ дѣйствительности, хотя облечены въ поэтическіе, нѣсколько повидимому преувеличенные образы. «Отъ чиханія его показывается свѣтъ; глаза у него какъ рѣсницы зари» (41, 10). Всѣ путешественники по Нилу, начиная съ Геродота, имѣли случай наблюдать, что крокодилъ любитъ выходить на сушу и грѣться на солнцѣ, обращая къ нему свою широко раскрытую пасть; при этомъ солнечные лучи, раздражая сѣтчатую оболочку глазъ и носовыя полости, могутъ вызывать чиханье и, отражаясь въ водянистой слизи, выдѣляющейся изъ ноздрей отъ чиханія, производятъ явленіе блеска. Близко стоящіе одинъ къ другому, зеленоватые и косые глаза крокодила имѣютъ отблескъ розоваго цвѣта, настолько сильный, что его легко замѣтить подъ водой на довольно значительной глубинѣ въ то время, когда животное со дна потока выплываетъ на поверхность. Отсюда, глаза крокодила можно сравнить, выражаясь конечно поэтически, съ зарей или съ рѣсницами зари (въ славянск. переводѣ: видѣніе денницы). Такое именно сравненіе было въ общемъ употребленіи у древ-

нихъ египтянъ, и потому въ египетскихъ іероглифахъ глаза крокодила обозначали собою появленіе утренней зари, или восхожденіе солнца.—«Изъ пасти его выходятъ пламенники, выскакиваютъ огненныя искры. Изъ ноздрей его выходитъ дымъ какъ изъ кипящаго горшка, или котла. Дыханіе его раскаляетъ угли и изъ пасти его выходитъ пламя» (41, 11—13). Когда крокодилъ выплываетъ на поверхность рѣки, чтобы вдохнуть въ себя воздухъ, изъ его ноздрей вырываются струи воды, блестя и искрясь на солнцѣ; при выходѣ на сушу ноздри его широко раскрываются и изъ нихъ выходитъ обильный и густой паръ, который, смѣшиваясь съ испареніями воды, напоминаетъ собой паръ надъ кипящимъ котломъ или горшкомъ,—а также дымъ, который предшествуетъ появленію пламени, и вообще наводитъ на мысль о горѣніи. Эти-то явленія вмѣстѣ съ производимымъ ими впечатлѣніемъ, и обозначены въ поэтическомъ описаніи выраженіями: пламенники, огненныя искры и др. «Онъ кипятитъ пучину, какъ котелъ, и морс претворяетъ въ кипящую мазь. Оставляетъ за собой свѣтящуюся стезю; бездна кажется сѣдиной» (41, 23. 24). При быстромъ погруженіи въ воду, крокодилъ приводитъ ее въ волненіе и сильными ударами своего хвоста вспѣниваетъ ея поверхность. Такимъ образомъ онъ дѣйствительно какъбы кипятитъ пучину и оставляетъ за собой свѣтлую сѣдоватую полосу. Кромѣ того крокодилъ распространяетъ въ водѣ, между прочимъ, при погруженіи сильный запахъ, подобный запаху мускуса. Запахъ этотъ въ связи съ пѣнящеюся водой можетъ напомнить какую-либо душистую мазь, кипящую во время приготовленія. Пахучая жидкость содержится у крокодила въ железкахъ, находящихся въ нижней челюсти и въ хвостѣ. Эта жидкость высоко цѣнится въ Африкѣ, гдѣ она примѣшивается къ той мази, которая употребляется для смазыванья волосъ.—Итакъ при всемъ обиліи поэтическихъ образовъ въ разобранномъ нами библейскомъ описаніи крокодила, оно вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительности и отличается такою подробностію,

что даетъ видѣть въ составителѣ описанія человѣка, несомнѣнно видѣвшаго и внимательно изучившаго описанное имъ животное. А отсюда основательно заключить, что крокодилы издревле водились въ Палестинѣ. Правда, многіе изъ западныхъ толковниковъ отстаиваютъ то мнѣніе, что составитель разсмотрѣннаго описанія долгое время жилъ въ Египтѣ, здѣсь изучилъ крокодиловъ, которыми переполнены были воды Нила, здѣсь же и составилъ свое описаніе. Но мнѣніе это опровергается самимъ же описаніемъ. Еслибы его составитель дѣйствительно жилъ въ Египтѣ и тамъ изучилъ крокодила, то онъ не изобразилъ бы это животное безусловно непобѣдимымъ. Египтяне знали, что крокодила можно побѣдить и побѣждали. Особенно успѣшно боролись съ нимъ жители Тентиры въ Верхнемъ Египтѣ. Эта борьба велась издревле. Отсюда въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Египта почитали священнымъ животнымъ ихневмона, который помогалъ человѣку въ борьбѣ съ крокодиломъ, истребляя яйца послѣдняго. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ самъ крокодилъ считался животнымъ священнымъ, за нимъ конечно не охотились и его не истребляли; но и здѣсь, какъ напр. въ Оивахъ, находили способъ побѣждать его, именно его дѣлали ручнымъ. Во всякомъ случаѣ о непобѣдимости крокодила для живщихъ въ Египтѣ не могло быть и рѣчи. Такимъ онъ могъ казаться только обитателямъ Палестины. Здѣсь крокодилы во всякомъ случаѣ были рѣдкостью. Они могли гнѣздиться лишь въ тѣхъ немногихъ потокахъ, которые, при впаденіи въ Средиземное море, заканчивались широкими болотистыми устьями. Эти устья, непосредственно сливавшіеся съ моремъ, могли служить удобнымъ пристанищемъ для громадныхъ гадовъ. Можетъ быть, что крокодилы водились еще въ верховьяхъ Іордана, въ тѣхъ обширныхъ болотахъ, которыя примыкаютъ съ сѣвера къ Меромскому озеру. Изрѣдка нападая на скотъ, приходившій къ водопою, внезапно убивая даже крупныхъ животныхъ, крокодилы конечно наводили ужасъ на палестинскихъ пастуховъ, и подъ вліяніемъ разсказовъ

этихъ послѣднихъ, среди жителей Палестины неизбѣжно должно было составиться представленіе о крокодилѣ, какъ непобѣдимомъ чудовищѣ. Такое именно представленіе раздѣлялъ и священный поэтъ, изложившій въ кн. Іова описаніе крокодила и этимъ засвидѣтельствовалъ, что описаніе свое, составленное на основаніи личныхъ наблюденій, онъ составилъ не переступая предѣловъ Палестины.

Такъ какъ крокодилъ былъ въ Палестинѣ очень рѣдкимъ животнымъ, то Евреи не дали ему особеннаго, только ему одному принадлежащаго названія. Они называли его словами «левіаѳанъ» и «таннинъ», которыя обыкновенно употреблялись ими для обозначенія вообще большихъ и страшныхъ водяныхъ животныхъ. Крокодилу древніе Евреи усвояли символическое значеніе. Именно, онъ служилъ для нихъ символомъ всего жестокосердаго, страшнаго и могущественнаго, предъ чѣмъ сами Евреи оказывались совершенно безсильными и что могло быть побѣждено лишь крѣпкою десницей Господа Бога израилева. Отсюда въ ветхозавѣтныхъ писаніяхъ то именемъ левіаѳана, то именемъ таннина, называются прежде всего Египетъ съ Фараономъ во главѣ, затѣмъ Ассирія и Вавилонъ, т.-е. тѣ царства, которыя причинили Израилю величайшія бѣдствія и по сравненію съ которыми Израильское царство было совершенно ничтожнымъ. Такъ у пр. Іезекіиля мы читаемъ: «Сынъ человѣческій, обрати лице твое къ Фараону царю египетскому, и изреки пророчество на него и на весь Египетъ. Говори и скажи: такъ говоритъ Господь Богъ: вотъ я на тебя Фараонъ, царь египетскій, большой крокодилъ (въ подлин. таннинъ), который, лежа среди рѣкъ своихъ, говоритъ: «моя рѣка и я создалъ ее для себя». Но Я вложу крюкъ въ челюсти твои.... и брошу тебя въ пустынѣ...; отдамъ тебя на съѣденіе звѣрямъ земнымъ и птицамъ небеснымъ» (Іезк. 29, 2—5; ср. 32, 1—4; Пс. 73, 14). «Въ тотъ день, говоритъ пр. Исаія,— поразитъ Господь мечемъ своимъ тяжелымъ, и большимъ и крѣпкимъ, левіаѳана, змѣя прямо бѣгущаго, и левіаѳана,

змѣя изгибающагося, и убьетъ чудовище (таннинъ) морское» (Ис. 27, 1). Здѣсь по объясненію толковниковъ (Кейль), подъ левіаѳаномъ, змѣемъ прямо бѣгущимъ, разумѣется Ассирія; подъ левіаѳаномъ, змѣемъ изгибающимся, Вавилонъ, и подъ чудовищемъ (таннинъ) морскимъ—Египетъ, именно тѣ три, страшныя для Израиля, монархіи, которыя уже не прикровенно, а прямо названы пророкомъ въ 12 и 13 стт. тойже 27 главы.

Можно думать, основываясь на разсказахъ туземцевъ, что крокодилы и въ настоящее время существуютъ въ Палестинѣ. «Мѣстные пастухи, говоритъ проф. Олесницкій, часто находятъ на песчаныхъ берегахъ рѣкъ Зерки и Акдаръ слѣды ногъ амфибій и, пригоняя стада на водопой, не разъ были свидѣтелями мгновеннаго исчезновенія подъ водой одной-другой овцы. Неосторожные всадники, переѣзжавшіе рѣку въ мѣстахъ, считающихся опасными, дѣлались вмѣстѣ съ своими лошадьми жертвой алчности крокодиловъ. Часто случалось арабамъ находить на берегу скелеты самихъ крокодиловъ, обыкновенно не болѣе 4 футовъ длины. Разсказываютъ, что въ 50-хъ годахъ была даже предпринимаема мѣстными владѣльцами стадъ большая охота на крокодиловъ, имѣвшая успѣхъ, такъ что послѣ нея слѣды крокодиловъ на берегахъ стали замѣчаться рѣдко и водопой въ Наръ-Зерка сдѣлался безопаснѣе, подобно тому какъ и Нилъ въ настоящее время сдѣлался почти безопаснымъ отъ крокодиловъ до самыхъ водопадовъ» (Олесницкій, Св. Земля. II, 268—269 стр.).

Ящерицы какъ вообще на востокѣ, такъ и въ Палестинѣ водятся въ великомъ множествѣ. Естествоиспытатели насчитываютъ свыше 20 видовъ ящерицъ, встрѣчающихся въ настоящее время въ Св. Землѣ; притомъ нѣкоторые изъ этихъ видовъ имѣютъ по нѣсколько разновидностей.

Указаніе на ящерицъ, съ наименованіемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ видовъ этихъ животныхъ, содержится въ Библіи въ кн. Лев. 11, 29. 30. Здѣсь, по русскому переводу Библіи, читаемъ, 29 ст.: «Вотъ что нечисто для васъ изъ

животныхъ, пресмыкающихся по землѣ: ящерица съ ея породой»; 30 ст.: «анака, хамелеонъ, летаа, хометъ и тиншеметъ». Еврейскія наименованія, содержащіяся въ 30 ст., русскими переводчиками оставлены безъ перевода по той причинѣ, что съ точностью неизвѣстно, къ какимъ именно животнымъ эти наименованія относятся. Исключеніе составляетъ лишь слово «коахъ», переведенное словомъ «хамелеонъ», согласно съ переводами греческимъ и славянскимъ. Однакоже многіе изъ современныхъ толковниковъ, основываясь на значеніи еврейскихъ словъ и на сходствѣ съ ними нѣкоторыхъ арабскихъ названій, утверждаютъ, что наименованія, помѣщенныя въ 30 ст., обозначаютъ собой различные виды ящерицъ, которые какъ издревле водились, такъ и въ настоящее время водятся въ Св. Землѣ.

Анака (отъ *анакъ*-глубоко вздыхать, стонать). Названіе это вполнѣ приложимо къ особенно распространенному въ Палестинѣ виду ящерицъ, издающихъ по ночамъ звуки, подобные вздохамъ или стонамъ. Ящерицы эти, разнообразныя по окраскѣ, имѣютъ на спинѣ бѣлыя пятна. Благодаря особенному устройству своихъ лапокъ, онѣ безъ труда держатся на совершенно гладкихъ стѣнахъ, и даже съ замѣчательною быстротой бѣгаютъ въ ночное время по потолкамъ комнатъ и здѣсь нападаютъ на свою безпечно дремлющую добычу (мухъ и комаровъ).

Коахъ по мнѣнію многихъ (напр. Кейля) не означаетъ хамелеона, хотя и отнесено къ этому животному въ нѣкоторыхъ переводахъ. Основываясь на переводахъ арабскихъ, Кейль (Bibl. Kommentar, 1 Th. II. B, s. 92. II Aufl.) полагаетъ, что «коахъ» означаетъ тотъ видъ ящерицъ, который у арабовъ извѣстенъ подъ именемъ «хардаунъ». Ящерицы этого вида, довольно распространеннаго въ Сиріи и Палестинѣ, обыкновенно гнѣздятся въ стѣнахъ старыхъ зданій, имѣютъ короткое туловище и длинный хвостъ, оливковаго цвѣта окраску съ черными и бѣлыми крапинами.—Еврейское слово «коахъ» значитъ сила. Имѣя въ виду это значеніе, Бохартъ и другіе относятъ названіе

«коахъ» къ наиболѣе крупному и сильному виду ящерицъ, извѣстныхъ у арабовъ подъ именемъ *варанъ* или *варалъ* (monitor terrestris). Эти ящерицы водятся въ пустынныхъ мѣстностяхъ Синайскаго полуострова, южной Палестины и въ долинѣ Іордана. Эти ящерицы достигаютъ величины болѣе аршина, имѣютъ раздвоенный на концѣ языкъ, острые конусообразные зубы, сверху свѣтлосѣрую окраску съ желтозелеными четырехъугольными пятнами, снизу песчано желтую, на длинномъ хвостѣ желтоватыя кольцеобразныя полосы; питаются мелкими ящерицами, мышами и под. Вообще относительно того, какой именно видъ ящерицъ обозначался словомъ «коахъ», ученые изслѣдователи Библіи и палестинской природы разногласятъ между собой и сходятся лишь въ томъ, что слово это не можетъ быть относимо къ хамелеону.

Подъ словомъ *летаа* многіе изъ древнихъ переводчиковъ разумѣли ящерицу вообще. Отсюда заключаютъ, что этимъ словомъ обозначался такой видъ ящерицъ, который былъ наиболѣе распространенъ въ Палестинѣ и прилегающихъ къ ней странахъ. Но какой именно это видъ, конечно невозможно опредѣлить. Въ настоящее время въ Палестинѣ наиболѣе распространены такъ называемыя стѣнныя ящерицы (Zootorinae), которыя тысячами бѣгаютъ во время теплой погоды по скаламъ и стѣнамъ домовъ, охотясь за мелкими насѣкомыми. Другой наиболѣе распространенный видъ, это ящерицы зеленыя (lacerta-viridis) свѣтло зеленаго цвѣта съ черными пятнами, питающіяся жуками, саранчею и яйцами мелкихъ птицъ. Какой-либо изъ этихъ видовъ, быть можетъ, и обозначался въ древности словомъ «летаа».

Хометъ сближаютъ съ словомъ «хуметонъ» — песокъ, употребляемымъ талмудистами, и полагаютъ, что оно обозначаетъ песчаныхъ ящерицъ, которыя водятся въ песчаныхъ пустынныхъ мѣстностяхъ Палестины и на Синайскомъ полуостровѣ, имѣютъ сѣрожелтоватый цвѣтъ пустыни и преслѣдуемыя скрываются въ пескѣ. У многихъ

изъ нихъ ноги едва замѣтны, и потому Арабы называютъ ихъ песчаными рыбами.

Названіе *тиншеметъ* большинство толковниковъ относятъ къ хамелеону. Дѣйствительно названіе это, происходящее отъ слова «нашамъ»—дышать, сопѣть, очень приложимо къ названному пресмыкающемуся, такъ какъ хамелеонъ, обладая обширными дыхательными органами, можетъ значительно раздуваться, при чемъ становится полупрозрачнымъ и обыкновенно шипитъ, завидя приближающагося врага. Хамелеонъ часто встрѣчается въ Палестинѣ особенно въ Іорданской долинѣ. Онъ живетъ исключительно на деревьяхъ, по сучьямъ которыхъ онъ можетъ, когда это нужно, бѣгать очень быстро, благодаря приспособленнымъ къ лазанію лапкамъ и способному завиваться длинному хвосту. Пищей для него служатъ насѣкомыя; сидя совершенно неподвижно, онъ ловитъ ихъ при помощи своего очень длиннаго языка, высовывающагося съ необычайною быстротой. Кожа хамелеона, напоминающая пергаментъ, зеленоватосѣраго цвѣта; но цвѣтъ этотъ, особенно на болѣе темныхъ продольныхъ полосахъ и крапинахъ, можетъ быстро переходить то въ желтый, то въ зеленый, или же въ краснокоричневый и черный. Эта оригинальная смѣна цвѣтовъ совершается, однакоже, не произвольно, но или подъ вліяніемъ солнца и вообще свѣта, или когда животное раздражено. Большіе, весьма далеко впередъ выдающіеся глаза хамелеона также поражаютъ своимъ необыкновенно оригинальнымъ устройствомъ. Постоянно высматривая добычу, хамелеонъ можетъ вращать глазами во всѣ стороны и при этомъ однимъ глазомъ смотрѣть впередъ, а другимъ назадъ.

Въ Лев. 11, 29 въ подлинномъ текстѣ употреблено слово «цабъ», переданное въ русскомъ переводѣ словомъ «ящерица». Слово это признаютъ тождественнымъ съ современнымъ арабскимъ *дабъ* или *дзабъ*. Этимъ названіемъ Арабы обозначаютъ тотъ видъ ящерицъ (uromastix spinipes), характеристическимъ признакомъ котораго служитъ крѣп-

кій толстый хвостъ, усаженный наподобіе шиповъ терновника роговидными иглами. Эти иглы составляютъ продолженіе чешуекъ, которыя кольцеобразными рядами покрываютъ хвостъ животнаго. Ящерицы этого вида имѣютъ зеленую или блѣдножелтую окраску съ коричневыми пятнами, питаются по большей части жуками, пользуются своимъ хвостомъ, какъ орудіемъ защиты. Видъ ящерицъ, о которыхъ идетъ рѣчь, имѣетъ нѣсколько разновидностей; отсюда въ библейскомъ текстѣ употреблено выраженіе: ящерица *съ породою ея.*

Изъ перечисленныхъ здѣсь видовъ ящерицъ, обитающихъ въ Палестинѣ и прилегающихъ къ ней странахъ, почти всѣ употребляются въ пищу туземными жителями. Такъ въ пищу употребляется крупнѣйшая изъ ящерицъ—сухопутный варанъ (monitor terrestris, въ славянскомъ переводѣ—крокодилъ земный), за исключеніемъ хвоста и головы, которые считаются ядовитыми, вообще вредными. Зажаренное мясо варана считается даже лакомымъ блюдомъ. Точно также Арабы охотно ѣдятъ песчаныхъ ящерицъ и ящерицъ, которыя извѣстны у нихъ подъ именемъ дабъ или дзабъ. Исключеніе составляетъ хамелеонъ, который состоитъ почти изъ однихъ костей и кожи. По всей вѣроятности ящерицы были употребляемы на Востокѣ въ пищу и въ древнія времена. Но животныя эти, какъ и всѣ вообще гады, возбуждаютъ своимъ внѣшнимъ видомъ невольное отвращеніе; притомъ нѣкоторыя изъ нихъ признаются ядовитыми; отсюда законъ Моисеевъ отнесъ ихъ къ разряду нечистыхъ и употребленіе ихъ въ пищу воспретилъ народу израильскому.

Точное значеніе наименованій, употребленныхъ въ Лев. 11, 29. 30 не было извѣстно даже греческимъ переводчикамъ Библіи, и потому они переводили ихъ по догадкамъ, при чемъ не всѣ эти наименованія отнесли къ ящерицамъ. Слово «цабъ» въ 29 ст. греческіе переводчики переводили словами χροκοδειλος χερραιος—крокодилъ земной, слово

«анака» словомъ μυγαλη—мышь землеройка; слово «летаа» словомъ χαλαβωτης (αρχαλαβωτης)—одинъ изъ видовъ ящерицы и т. п. Славянскіе переводчики нѣкоторыя изъ греческихъ наименованій перевели на славянскій языкъ, нѣкоторыя же оставили безъ перевода; поэтому Лев. 11, 29. 30 въ славянской Библіи читается: «И сія вамъ нечиста отъ гадъ плѣжущихъ по земли... крокодилъ земной, мигали, и хамелеонъ, и халавотисъ, и ящерь, и кроторыя.»

III.

Р Ы Б Ы.

Недостаточность рыбы въ Палестинѣ. — Причины этого: скудость Палестинскихъ водъ и ихъ свойства, неблагопріятствующія размноженію рыбы. Рыба въ Геннисаретскомъ озерѣ и въ другихъ водахъ Палестины; различныя породы рыбъ въ Палестинскихъ водахъ. — Упоминаніе въ Библіи о рыбѣ въ Палестинѣ. — Рыба, какъ источникъ пропитанія для Евреевъ. — Рыболовство въ Палестинѣ. — Орудія рыболовства.—Библейское наименованіе рыбы. — Раздѣленіе рыбъ на чистыхъ и нечистыхъ.—Символическее значеніе рыбы.

Палестина никогда не славилась обиліемъ рыбы, подобно тому, какъ славился Египетъ. Причина этого заключается въ томъ, что Св. Земля скудна водами; въ ней нѣтъ, напр., такихъ рѣкъ, какъ египетскій Нилъ. Притомъ же, многія изъ тѣхъ водъ, какія имѣются въ Палестинѣ, обладаютъ свойствами, неблагопріятствующими или жизни, или размноженію рыбы, особенно крупныхъ ея породъ. Самое обширное вмѣстилище водъ въ Палестинѣ — Мертвое море. Но вода, его наполняющая, настолько, какъ извѣстно, пропитана минеральными частицами, что въ ней невозможна никакая жизнь, и потому мелкая рыба, заносимая иногда въ море Іорданомъ, немедленно здѣсь умираетъ. Іорданъ, самая большая изъ палестинскихъ рѣкъ, отличается такою быстротой теченія, что въ немъ размноженіе и развитіе крупной рыбы не можетъ имѣть мѣста, тѣмъ болѣе, что онъ бываетъ многоводенъ лишь въ періодъ дождей. Что касается другихъ палестинскихъ пото-

ковъ, то они въ большинствѣ очень незначительны и въ жаркое время года почти пересыхаютъ, особенно въ своихъ верховьяхъ.

Изъ всѣхъ палестинскихъ водъ наиболѣе благопріятствуютъ размноженію рыбы глубокія, обильныя и свѣтлыя воды Геннисаретскаго озера. Оно издревле было обильно рыбой; оно и доселѣ переполнено ею. Путешественникамъ нерѣдко приходится видѣть здѣсь громадныя и очень густыя стаи рыбы, которая плыветъ такъ близко къ поверхности, что ея спинныя плавательныя перья выставляются наружу; при этомъ поверхность воды покрывается рябью какъ бы отъ сильнаго дождя. Затѣмъ рыба въ значительномъ количествѣ встрѣчается въ Іорданѣ, особенно при его выходѣ изъ Геннисаретскаго озера, далѣе—въ Меромскомъ озерѣ, въ Іавокѣ и Киссонѣ. Въ другихъ потокахъ, впадающихъ въ Іорданъ и въ Средиземное море, также водится рыба, но очень мелкая.

Въ Геннисаретскомъ озерѣ насчитываютъ до 18 различныхъ породъ рыбъ. Изъ нихъ многія (до 10. Schenkel's Bibel-Lex. II, 278) тождественны съ тѣми, которыя прежде признавались исключительною принадлежностью Нила и вообще африканскихъ водъ. Объ одной изъ такихъ Нильскихъ породъ упоминаетъ уже Іосифъ Флавій (B. J. III, 10, 7) и называетъ ее *кораксинъ* (κορακῖνος). По свидѣтельству Іосифа, рыба эта водилась въ источникѣ Кафарнаумѣ, который орошалъ Геннисаретскую равнину и впадалъ въ Геннисаретское озеро а). Источникъ этотъ, какъ говоритъ тотъ же историкъ, считался нѣкоторыми за подземную жилу египетскаго Нила, которая будтобы и приносила рыбу изъ окрестностей Александріи къ Геннисаретскимъ водамъ. Изъ новыхъ путешественниковъ, Гассельквистъ

а) Робинзонъ полагаетъ, что *Кафарнаумъ* І. Флавія есть источникъ, который въ настоящее время называется Айнъ-ет-Тинъ (Ain-et-Tin) и находится на восточной окраинѣ Геннисаретской равнины очень недалеко отъ озера. Robinson, III, 545—547.

первый открылъ въ озерѣ три Нильскія породы рыбъ (Silurus, Mugil cephalus, Sparus Galilaeus) б). Въ настоящее время признаютъ наиболѣе распространенными въ водахъ Геннисаретскаго озера двѣ изъ Нильскихъ породъ—Clarias macracantus и Chromis nilotica; первая видомъ своимъ напоминаетъ нѣсколько сома, вторая—карпа. Въ Іорданѣ водятся тѣже породы рыбъ, что и въ Геннисаретскомъ озерѣ. Іавокъ и Киссонъ имѣютъ каждый ему одному свойственную породу рыбы; въ Іавокѣ преобладаетъ Barbus longiceps, въ Киссонѣ—Blennius lupulus.

Въ Библіи рѣдко поминается о рыбѣ палестинскихъ водъ. Особенно мало прямыхъ указаній на палестинскую рыбу находится въ ветхозавѣтныхъ писаніяхъ (Еккѣз. 9, 12; Іер. 16, 16); чаще говорится о ней въ писаніяхъ новозавѣтныхъ, именно въ Евангеліяхъ, при чемъ исключительно имѣется въ виду рыба Геннисаретскаго озера (Лук. 5, 1—9; Іоан. 21, 1—11 и др.). На рыбу другихъ внутреннихъ водъ Палестины въ библейскихъ книгахъ нѣтъ указаній; но у пророка Іезекіиля находится указаніе на отсутствіе рыбы въ Мертвомъ морѣ и предсказывается появленіе ея тамъ въ отдаленномъ будущемъ. Вмѣстѣ съ этимъ пророкъ упоминаетъ объ изобиліи рыбы въ большомъ морѣ, т.-е. въ прибрежныхъ водахъ Средиземнаго моря, омывающаго западные предѣлы Св. Земли (Іезек. 47, 10). Объ отдѣльныхъ породахъ рыбъ въ Библіи нигдѣ не говорится.

Живя въ Египтѣ, на Нильскихъ берегахъ, Евреи привыкли къ рыбѣ настолько, что она служила для нихъ главною и любимою пищей, и они сочли себя несчастными, когда, по выходѣ изъ Египта, въ пустынѣ у нихъ не стало рыбы (Числ. 11, 4—6). Привычка къ рыбѣ была принесена Евреями и въ Палестину; поэтому тѣ колѣна Израилевы, которыя поселились на берегахъ Средиземнаго моря (Второз. 33, 18. 19) и Геннисаретскаго озера

б) Robins. III, 510.

(Второз. 33, 23), не замедлили, какъ кажется, воспользоваться обиліемъ рыбы въ этихъ водахъ. Во всякомъ случаѣ рыбная ловля издревле процвѣтала въ тѣхъ мѣстахъ Св. Земли, гдѣ это оказывалось возможнымъ, что видно изъ упоминаній ветхозавѣтныхъ книгъ о многочисленныхъ рыболовахъ и рыболовныхъ сѣтяхъ (Іер. 16, 16; Авв. 1, 15 и др.). Во время Христа Спасителя окрестные жители Геннисаретскаго озера состояли преимущественно изъ рыболововъ и рыба для нихъ была обычною повседневною пищей (Мѳ. 7, 10; 14, 17; 16, 34; Іоан. 21, 9—13). Во всеобщемъ употребленіи рыба была и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Такъ въ Іерусалимѣ одни городскія ворота, находившіяся въ сѣверной сторонѣ города, не далеко отъ сѣверовосточнаго угла, назывались Рыбными, что указываетъ на существованіе около этихъ воротъ рыбнаго рынка (2 Парал. 33, 14; Софон. 1, 10; Неем. 3, 3; 12, 39). Такой рынокъ дѣйствительно былъ и на немъ рыбная торговля производилась, между прочимъ, Тирскими купцами, доставлявшими рыбу, по всей вѣроятности, изъ Средиземнаго моря (Неем. 13, 16). Благодаря этому рынку, и въ Іерусалимѣ рыба была обычною пищей (Лук. 24, 42).—Рыба, которая добывалась въ Геннисаретскомъ озерѣ и въ Іорданѣ, употреблялась жителями ближайшихъ мѣстностей обыкновенно въ печеномъ видѣ (Лук. 24, 42; Іоан. 21, 9); для доставки же на отдаленные внутренніе рынки, какъ напр. въ Іерусалимъ съ Средиземнаго моря, она, вѣроятно, сушилась и солилась. Покрайней мѣрѣ на соленую рыбы, добывавшейся изъ Геннисаретскаго озера, указываетъ, какъ кажется, названіе одного селенія, которое стояло на югозападномъ берегу озера; это названіе *Тарихея* (ταριχεια, ταριχειον), что значитъ: соленіе, мѣсто посоленія.

Для ловли рыбы древніе Евреи употребляли тѣже орудія, которыя были употребляемы и въ Египтѣ (см. Ис. 19, 8), именно слѣдующія: 1 *невод*; это громадная сѣть, которая выбрасывалась въ воду съ лодокъ; нижняя часть погружалась на дно съ помощію грузилъ, верхняя поддерживалась

на водѣ поплавками. Неводомъ обводилось, по круговой линіи, извѣстное пространство и захваченная здѣсь рыба вытаскивалась на берегъ (Аввак. 1, 15; Мѳ. 13, 47); неводъ тянули веревками, при чемъ работало по шести и болѣе человѣкъ. Въ такомъ, по крайней мѣрѣ, видѣ представляется неводъ на древнеегипетскихъ изображеніяхъ. Подобнаго устройства, съ свинцовыми грузилами, древнеегипетскій неводъ можно видѣть въ Берлинскомъ музеѣ. Еврейское названіе невода—*микмеретъ*, греческое—*сагини* (σαγηνη). 2) *Закидная сѣть*. Сѣть эта разбрасывалась съ лодки и вынималась изъ воды съ добычей въ лодку же, и только въ случаѣ чрезвычайно обильнаго улова, изъ опасенія прорвать сѣть, ее подводили по водѣ къ берегу и уже здѣсь вынимали. Иногда же закидную сѣть забрасывали прямо съ берега и, описавъ ею въ прибрежныхъ водахъ полукругъ, вытаскивали съ пойманною рыбой на землю. Эта послѣдняя сѣть была бо́льшихъ размѣровъ, нежели та, которая употреблялась для ловли съ лодки. Еврейское названіе закидной сѣти—*херемъ*, греческое—*диктіонъ* и *амфиблистронъ* (δικτυον, αμφιβληστρον); послѣднее греческое названіе употреблялось для обозначенія сѣти, которую закидывали съ берега (Авв. 1, 15 и др.; Лук. 5, 4—7; Іоан. 21, 6; еще: Іезек. 47, 10; Мѳ. 4, 18). Кромѣ разнаго рода сѣтей, для ловли рыбы были употребляемы 3) *удочки*—металлическіе крючки, или пластинки, заостренныя наподобіе шиповъ терновника, прикрѣпленные тѣмъ или инымъ способомъ къ тонкой нити. Снабдивъ приманкой, ихъ закидывали въ воду для ловли некрупной рыбы. Удочки употреблялись на Востокѣ съ древнѣйшихъ временъ; изображенія ихъ встрѣчаются уже на ассирійскихъ памятникахъ, и въ тѣ отдаленныя времена онѣ употреблялись безъ современныхъ удилищъ и поплавковъ (Riehm, Handwörterbuch des Bibl. Alterthums 411. 441). Еврейскія названія удочки: *хакка*, *цинна* и *сиръ*. Послѣднія два названія употреблены у пр. Амоса 4, 2, гдѣ, въ русскомъ переводѣ мы читаемъ: «прійдутъ на васъ (Израильтянъ) дни,

когда повлекутъ васъ крюками (*цинноτъ*) и остальныхъ вашихъ удами (*сиротъ*)». Слова *цинна* и *сиръ* употребляются въ Библіи во множественномъ числѣ, для обозначенія также шиповъ терновника. Это обстоятельство указываетъ на то, что удочки различныхъ видовъ, которыя были употребляемы древними Евреями, заострялись наподобіе терновыхъ шиповъ [в]). Объ удочкахъ въ библейскихъ книгахъ упоминается: Ис. 19, 8; Авв. 1, 15; Іов. 40, 20; Мѳ. 17, 27; Ам. 4, 2.—Для ловли крупной рыбы, отдѣльными экземплярами, употреблялась 4) *острога* или гарпунъ (Іов. 40, 26). Это—металлическое острое, съ зазубринами, орудіе, которое, будучи брошено искусною рукой рыбака, вонзалось въ туловище рыбы, всплывшей на поверхность воды. Орудіе это, вѣроятно, было употребляемо рыбаками, занимавшимися своимъ промысломъ на берегахъ Средиземнаго моря и, во времена Соломона, на Чермномъ морѣ. Изъ всѣхъ этихъ орудій рыболовства въ настоящее время обитателями Палестины употребляются закидныя сѣти, которыми ловятъ рыбу, главнымъ образомъ, на Геннисаретскомъ озерѣ и уже не съ лодокъ, а съ береговъ, затѣмъ удочки и остроги. Послѣднія встрѣчаются между прочимъ у Арабовъ, промышляющихъ рыболовствомъ на Эланитскомъ заливѣ Чермнаго моря. Сверхъ того на Киссонѣ и другихъ незначительныхъ потокахъ для ловли мелкой рыбы пользуются вершами. Но объ этомъ орудіи нѣтъ упоминаній въ библейскихъ книгахъ.

Для обозначенія рыбы вообще Евреи употребляли слово *дагъ*, что̀ собственно значитъ «умноженіе». Такимъ образомъ это названіе указываетъ или на обычай рыбъ собираться и плыть громадными стаями, или же на ихъ изу-

---

в) Слово *цинна* значитъ еще „военный щитъ“, слово *сиръ*—„горшокъ“, слав. „конобъ“. Отсюда въ славянскомъ переводѣ Ам. 4, 2, читаемъ: „се дніе грядутъ на вы, и возмутъ вы во оружіи и сущихъ съ вами ввергутъ въ конобы“.

мительное плодородіе и быстрое размноженіе г). Другихъ болѣе точныхъ и опредѣленныхъ названій по отношенію къ рыбамъ въ Библіи нѣтъ д). Поэтому можно думать, что древніе Евреи вообще имѣли довольно скудныя свѣдѣнія о рыбахъ хотя, несомнѣнно, и между ними были отдѣльные знатоки этихъ обитателей водъ (3 Цар. 4, 33; 12, 8), ихъ нравовъ и особенностей.

Законъ Моисеевъ относительно чистыхъ и нечистыхъ животныхъ коснулся и рыбъ. По этому закону, изъ животныхъ, населяющихъ воды, чисты только тѣ, которыя имѣютъ перья и чешую, всѣ прочія нечисты. Именно Законъ предписываетъ: «изъ всѣхъ животныхъ, которыя въ водѣ, ѣшьте сихъ: у которыхъ есть перья и чешуя въ во-

---

г) Полагаютъ, что отъ слова *дагъ* происходитъ, или же сходно съ нимъ по значенію наименованіе *Дагонъ*. Такъ называлось божество Филистимлянъ, въ храмѣ котораго погибъ судія Самсонъ (Суд. 16, 23—30) и нѣкоторое время находился кивотъ завѣта (1 Цар. 5, 1—5). Верхняя половина идола Дагона имѣла видъ человѣческій, видъ мущины, нижняя же его половина была рыбья. Быть можетъ Дагонъ былъ символомъ силы размноженія, былъ божествомъ плодородія. Происхожденіе этого божества—ассирійское; по крайней мѣрѣ на ассирійскихъ памятникахъ найдены фигуры, имѣющія рыбій хвостъ и человѣческое лице и руки (Herzog's Real-Encyklopädie. 2 Aufl. III Bd. s. 460—463).

д) Рыба, проглотившая пророка Іону въ водахъ Средиземнаго моря недалеко отъ палестинскихъ береговъ, названа въ подлинномъ еврейскомъ текстѣ „рыбою великою", безъ обозначенія породы, къ которой эта рыба принадлежала. Поэтому толковники, желающіе опредѣлить породу „великой рыбы", прибѣгаютъ къ догадкамъ. Вѣроятнѣйшая изъ этихъ догадокъ та, по которой рыба, проглотившая пророка, была исполинская акула (Squalus carcharias). Исполинская акула часто встрѣчается въ Средиземномъ морѣ и обладаетъ громадною пастью и глоткой. У LXX еврейское *дагъ* передано словомъ κητος. Слово это, подобно еврейскому *дагъ*, не указываетъ на какую-либо опредѣленную породу рыбъ и означаетъ вообще большую морскую рыбу, громадное морское чудовище. Греческое слово κητος (Іон. 2, 1. 2. 11) въ славянской Библіи оставлено безъ перевода; точно также безъ перевода внесено оно и въ русскій текстъ Библіи.

дѣ, въ моряхъ ли или рѣкахъ, тѣхъ ѣшьте. А всѣ тѣ, у которыхъ нѣтъ перьевъ и чешуи, въ моряхъ ли или рѣкахъ, изъ всѣхъ плавающихъ въ водахъ, изъ всего живущаго въ водахъ, скверны для васъ. Они должны быть скверны для васъ; мяса ихъ не ѣшьте и труповъ ихъ гнушайтесь» (Лев. 11, 9—11). Такимъ образомъ, законъ признавалъ чистыми почти всѣ породы рыбъ, такъ какъ почти всѣ онѣ покрыты чешуей; безчешуйныхъ же очень немного, каковы сомы, скаты, миноги; эти послѣднія по закону относились къ нечистымъ животнымъ наряду съ прочими обитателями водъ—раками, саламандрами и др. Къ нечистымъ животнымъ были, несомнѣнно, относимы и угри, потому что ихъ мельчайшая чешуя доступна наблюденію только естествоиспытателей. Евреи строго соблюдали этотъ законъ и, примѣняясь къ нему, сортировали каждый уловъ рыбы: хорошую или чистую собирали въ сосуды, а худую или нечистую выбрасывали вонъ (Мѳ. 13, 47—48). Слѣдуетъ замѣтить, что въ Египтѣ и доселѣ считаютъ нездоровою пищей мясо рыбъ, не имѣющихъ чешуи (Keil u. Delitzsch, Bibl. Commentar. Th. I, Bd. II, s. 85). Мясо рыбъ Евреи не приносили въ жертву: по крайней мѣрѣ ни законъ, ни исторія не упоминаютъ объ этомъ.

Рыба, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ морскихъ породъ, принадлежитъ къ существамъ слабымъ, безпомощнымъ. Она не можетъ защищаться отъ нападеній злѣйшаго своего врага—человѣка, вступать въ борьбу съ нимъ. Отсюда рыба, ловимая рыбаками, является въ библейскихъ книгахъ символомъ слабыхъ, беззащитныхъ людей, которые гибнутъ подъ ударами сильнаго и жестокосердаго врага. Съ подобнымъ воззрѣніемъ мы встрѣчаемся у пр. Аввакума въ 1, 13—17. Здѣсь рыба, вылавливаемая изъ моря всевозможными орудіями, является символомъ слабаго, угнетаемаго врагами и оставленнаго Іеговой народа Израильскаго,—рыбакъ, вылавливающій рыбу—символомъ Халдеевъ,—орудія рыболовства—символомъ вражеской силы. Скорбя о бѣдствіи народа своего, пророкъ изливаетъ свою

скорбь предъ Іеговой именно въ слѣдующихъ словахъ: «чистымъ очамъ Твоимъ несвойственно глядѣть на злодѣянія и смотрѣть на притѣсненіе Ты не можешь; для чего же Ты смотришь на злодѣевъ и безмолвствуешь, когда нечестивецъ поглощаетъ того, кто праведнѣе его, и оставляешь людей, какъ рыбу въ морѣ, какъ пресмыкающихся, у которыхъ нѣтъ властителя? Всѣхъ ихъ таскаетъ удою, заматываетъ въ сѣть свою, и забираетъ ихъ въ неводы свои, и отъ того радуется и торжествуетъ. За то приноситъ жертвы сѣти своей, и кадитъ неводу своему, потому что отъ нихъ тучна часть его и роскошна пища его», — и т. д. Выраженія: «приноситъ жертвы сѣти своей», «кадитъ неводу своему» находятъ свое объясненіе въ словахъ того же пророка: «сила его (народа Халдейскаго) — богъ его» (Аввак. 1, 11). Тѣ же символы, что́ и у пр. Аввакума, употреблены пророкомъ Амосомъ 4, 2; но въ послѣднемъ случаѣ символы эти оставлены безъ надлежащаго раскрытія.

IV.

ПТИЦЫ.

Обиліе птицъ въ Св. Землѣ по указаніямъ Библіи.—Раздѣленіе птицъ въ законѣ Моисея на чистыхъ и нечистыхъ. — Употребленіе Евреями въ пищу птичьяго мяса и яицъ. — Добываніе птицъ; охота за ними и ловля ихъ: орудія ловли. — Библейскіе образы, заимствованные отъ ловли птицъ. — Разведеніе домашнихъ птицъ Евреями; птицы употреблявшіяся для забавы. — Было ли распространено между Евреями гаданіе по птицамъ? — Наблюдательность Евреевъ по отношенію къ птицамъ. — Образы, взятые изъ жизни птицъ. — Разряды птицъ, упоминаемыхъ въ Библіи. — Хищныя птицы. — Орлы, ихъ изображеніе въ Библіи; точность этого изображенія; библейскіе образы, заимствованные отъ общаго характера и частныхъ особенностей орловъ; орлы въ Палестинѣ въ настоящее время. — Морскіе орлы или орланы.—Грифы; библейскія мѣста, относящіяся къ грифамъ.—Сипъ.—Коршунъ съ породою его.—Соколъ съ породою его; кречетъ, пустельга. — Ястребъ съ породою его.—Сова, филинъ.

Во времена библейскія Св. Земля была богата пернатыми. — Птицы обитали въ палестинскихъ горахъ (1 Цар. 26, 20), на вершинахъ и въ разсѣлинамъ скалъ (Іов. 39, 27. 28. Пѣсн. 2, 14), подъ покровомъ утесовъ. Ими полны были долины, по которымъ пробѣгали потоки, и птичьи голоса неслись изъ кустарниковъ и деревьевъ, склонявшихся надъ водами (Пс. 103, 12). Въ вѣтвяхъ крупныхъ деревьевъ, какъ, напримѣръ, кедры ливанскіе, птицы жили и гнѣздились цѣлыми стаями, и въ высокихъ, густыхъ травахъ онѣ искали себѣ пріюта (Пс. 103. 17. Мѳ. 13, 32). Въ весенніе дни было слышно повсюду въ Палестинѣ пѣніе птицъ, и потому весна у древнихъ Евреевъ называлась временемъ пѣнія (Пѣсн. 2, 14).

Евреи дѣлили птицъ на чистыхъ и нечистыхъ. Нечистыя птицы перечислены Лев. 11, 13—19. Второз. 14, 12—18.

Здѣсь мы встрѣчаемъ двадцать одно названіе; кромѣ того къ пяти изъ нихъ прибавлено выраженіе: «по роду его», обозначающее, что эти названія суть родовыя, обнимающія собою нѣсколько видовъ. Законъ воспрещалъ ѣсть птицъ, отнесенныхъ къ разряду нечистыхъ. Прочія птицы могли быть употребляемы въ пищу, и древніе Евреи дѣйствительно пользовались ихъ мясомъ и яйцами; послѣднія были выбираемы изъ гнѣздъ, находимыхъ на деревьяхъ, или на землѣ. Если въ птичьемъ гнѣздѣ вмѣстѣ съ яйцами или птенцами захватывалась мать, то Законъ предписывалъ выпускать ее на волю (Второз. 22, 6. 7. Иса. 10, 14; 59, 5. Лук. 11, 12).

Птицы, употреблявшіяся въ пищу, обыкновенно добывались охотниками, или птицеловами (Лев. 17, 13. 1 Цар. 26, 20. Плач. 3, 52). Впрочемъ охотились на птицъ очень мало; и потому въ библейскихъ книгахъ объ этой охотѣ упоминается очень рѣдко и очень неопредѣленно. Птицъ-но преимуществу ловили, пользуясь для этого различными средствами. Употребительнѣйшимъ орудіемъ для ловли отдѣльныхъ птицъ служила небольшая сѣть. Сѣть эта разстилалась на землѣ такъ, что се нельзя было замѣтить, была снабжена различными приспособленіями для лова, какъ напримѣръ силками и под., куда собственно и попадала птица, если ничего не подозрѣвая садилась на предательскую сѣть (Пс. 123, 7; 90, 3; 139, 6. Ам. 3, 5. Притч. 7, 23). Для ловли птицъ цѣлыми стаями употреблялись большія сѣти. Большая сѣть утверждалась на неустойчивыхъ подставкахъ. Когда подъ нее собирались птицы, привлеченныя какою-либо приманкою, то птицеловъ, сидѣвшій гдѣ-либо въ засадѣ, сталкивалъ подставки, съ помощію протянутой къ нимъ веревки, и сѣть спадала на птицъ и прикрывала ихъ. Указанія на большія сѣти и частію и способъ ловли ими, находятся Притч. 1, 17; Ос. 7, 12. Наконецъ птицъ ловили западнею, и, чтобы приманить ихъ, сажали въ западню ловчую птицу (Сир. 11, 30). Наловленныхъ птицъ помѣщали въ клѣткахъ.—Птицеловы

обыкновенно прибѣгали къ различнаго рода хитростямъ, для того, чтобы охота была успѣшнѣе и количество безпечныхъ птицъ, завлеченныхъ въ сѣти и западню, было больше. Отсюда, въ библейскихъ книгахъ подъ видомъ птицелововъ изображаются злые люди, которые съ помощію различнаго рода хитростей и коварства обольщаютъ и доводятъ до несчастія людей добрыхъ и довѣрчивыхъ; отсюда же, коварныя дѣйствія нечестивцевъ называются сѣтями, силками и под. У пророка Іереміи читаемъ: «между народомъ Моимъ находятся нечестивые, сторожатъ, какъ птицеловы, припадаютъ къ землѣ, ставятъ ловушки и уловляютъ людей. Какъ клѣтка, наполненная птицами, домы ихъ полны обмана» (Іер. 5, 26. 27). «Гордые, взываетъ Псалмопѣвецъ,—скрыли силки для меня и петли, раскинули сѣть по дорогѣ, тенета разложили для меня» (Пс. 139, 6).

Разведеніемъ домашней птицы древніе Евреи почти не занимались. Только голуби и горлицы разводились ими, притомъ съ древнѣйшихъ временъ, въ качествѣ домашней птицы. Для голубей устраивались особыя помѣщенія—голубятни, или голубиныя башни (Иса. 60, 8). Говоря о жертвенныхъ животныхъ изъ птицъ, Законъ предписывалъ Евреямъ приносить въ жертву только горлицъ и молодыхъ голубей, какъ птицъ, которыя всегда въ изобиліи были подъ руками и жертва изъ которыхъ не могла быть обременительною даже и для бѣдныхъ (Исх. 1, 14). Можетъ быть, что Евреи разводили у себя гусей и утокъ; во всякомъ случаѣ у Египтянъ эти птицы издревле находились въ числѣ домашнихъ птицъ; очень можетъ быть также, что именно гуси и утки откармливались для ежедневнаго употребленія за столомъ Соломона (3 Цар. 4, 23); однако прямыхъ указаній на это въ библейскихъ книгахъ мы не находимъ. Что касается куръ, то онѣ появились въ Палестинѣ, въ качествѣ домашней птицы, очень поздно; въ ветхозавѣтныхъ книгахъ на нихъ указаній нѣтъ б), и только

б) Правда, въ русскомъ переводѣ Библіи въ кн. Еккл. 12, 4 читаемъ: „будетъ вставать человѣкъ по крику пѣтуха“. Это выраже-

въ новозавѣтныхъ писаніяхъ встрѣчаются первыя и довольно частыя упоминанія о нихъ (Мѳ. 23, 37; 26, 34. 75. Лук. 13, 34 и др.). Съ этого же времени и яйца сдѣлались у Евреевъ не случайною, какъ прежде, а довольно обыкновенною пищею (Лук. 11, 12).

Можно думать, что Евреи держали у себя, для удовольствія птицъ съ красивыми перьями; по крайней мѣрѣ въ Библіи упоминается о павлинахъ при дворѣ Соломона и о какихъ-то птицахъ, которыми развлекались князья (3 Цар. 10, 22. Вар. 3, 16). Мелкія птички со связанными крыльями служили забавою для дѣтей (Іов. 40, 24).

Въ славянскомъ переводѣ Библіи упоминается о гаданіи по птицамъ, птицеволхвованіи (Лев. 19, 26. Второз. 18, 10). Основываясь на этомъ переводѣ, можно полагать, что Евреи были склонны къ этому виду прорицанія, весьма распространенному въ древнемъ языческомъ мірѣ, и что птицы имѣли для нихъ таинственное значеніе. Но названный переводъ—догадка переводчиковъ. Подлинный текстъ для такого перевода не даетъ достаточныхъ основаній; въ немъ говорится о языческомъ гаданіи вообще, что̀ и выражено въ русскомъ переводѣ библейскихъ книгъ, гдѣ вмѣсто славянской фразы: «ни сряща смотрите отъ птицъ» (Лев. 19, 22), поставлено: «не гадайте», и вмѣсто «птицеволшебствуяй» употреблено слово: «ворожея».

Древніе Евреи любили птицъ, любили внимательно наблюдать за ними (3 Цар. 4, 33), о чемъ между прочимъ

ніе несомнѣнно, повидимому, указываетъ на то, что куры, въ качествѣ домашней птицы, были извѣстны въ Палестинѣ еще въ ветхозавѣтныя, притомъ очень отдаленныя времена. Но разсматриваемое выраженіе не есть точная передача подлинника, а скорѣе результатъ догадки переводчика. Слово *циффоръ*, употребленное въ подлинномъ текстѣ, не означаетъ *пѣтуха*, а птицу вообще, преимущественно же мелкую, поющую или чирикающую, птичку. Словами: *птица*, *птичка* слово *циффоръ* переведено въ томъже русскомъ переводѣ въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ Второз. 4, 17. Пс. 83, 4, въ переводѣ арх. Макарія и въ славянскомъ переводѣ; въ послѣднемъ согласно съ переводомъ LXX.

свидѣтельствуетъ древнееврейская образная рѣчь: въ ряду украшающихъ ее образовъ, образы изъ жизни птицъ занимаютъ видное мѣсто. Нѣжная заботливость птицъ, особенно же самокъ о птенцахъ (Пс. 90, 4. Иса 31, 5), стремленіе каждой, даже мелкой птички, устроить пріютъ для себя и своихъ дѣтей (Псал. 83, 4) и ея бѣдственное положеніе въ случаѣ утраты роднаго гнѣзда (Притч. 27, 8. Иса. 16, 2), правильность въ передвиженіяхъ птицъ перелетныхъ (Іер. 8, 7),—все это, какъ и многое другое изъ жизни пернатыхъ, доставляло древнееврейскимъ писателямъ обильный матеріалъ для наглядныхъ и исполненныхъ поэзіи сравненій и образовъ. Вотъ примѣры подобныхъ сравненій и образовъ: «какъ птицы птенцовъ, такъ Господь покроетъ Іерусалимъ, защититъ и избавитъ, пощадитъ и спасетъ» (Иса. 31, 5). «Богъ избавитъ тебя отъ сѣти ловца, отъ гибельнэй язвы. Перьями своими осѣнитъ тебя, и подъ крыльями Его будешь безопасенъ» (Пс. 90, 34). Еще: «встрепенутся изъ Египта, какъ птицы, и изъ земли Ассирійской, какъ голуби, и вселю Ефремлянъ въ домы ихъ, говоритъ Господь» (Ос. 11, 11); и под.

Въ Палестинѣ, по указанію Библіи, поскольку они выяснены толковниками, водились въ древнія времена птицы слѣдующихъ отрядовъ: хищныя, вороновыя, лазящія, голубиныя, скребущія, воробьиныя, широкоротыя, пѣвчія, короткокрылыя, голенастыя, пластинчатоклювыя, длиннокрылыя, веслоногія [в]).

Изъ представителей хищныхъ птицъ (Raptatores) въ Св. Землѣ во времена библейскія обитали: орлы, морскіе орлы, грифы, сипы, коршуны съ ихъ породою, соколы (и кречеты) съ ихъ породою, ястребы съ ихъ породою, совы и филины. Изъ перечисленныхъ птицъ, совы и филины принадлежатъ къ ночнымъ хищникамъ, всѣ остальныя къ дневнымъ.

в) Разряды, семейства, группы и виды птицъ указываются согласно съ систематикою Брэма.

Орелъ, по-еврейски *нешеръ*. По изображенію Библіи, орелъ принадлежитъ къ семейству хищныхъ птицъ, питающихся прежде всего живою добычею, затѣмъ падалью (Іов. 39, 30); онъ обладаетъ очень острымъ зрѣніемъ, что̀ даетъ ему возможность издалека видѣть и намѣчать добычу (Іов. 39, 29); полетъ орла отличается необыкновенною быстротою (2 Цар. 1, 23. Іов. 9, 26. Іерем. 4, 13; Плач. 4, 19 и др.) и стремительностію при нападеніи на животныхъ, служащихъ хищнику пищею (Аввак. 1, 8); орелъ взлетаетъ высоко, къ небесамъ, такъ что нѣтъ возможности слѣдить за его путями въ воздушныхъ пространствахъ, почему пути его могутъ быть названы непостижимыми (Притч. 23, 5; 30, 19), а самъ онъ по преимуществу небесною птицею (Плач. 4, 19). Къ особенностямъ орла, по наблюденію библейскихъ писателей, относится то, что онъ какъбы обновляется въ своихъ силахъ, въ своей юности (Пс. 102, 5); поэтому онъ не знаетъ усталости, неутомимъ въ своихъ далекихъ перелетахъ (Иса. 40, 31). По внѣшнему своему виду, орелъ—очень крупная птица, имѣющая большія крылья, длинныя перья, очень мягкія, пушистыя; окраска его перьевъ—не одинаковая, но разноцвѣтная, пестрая (Іезек. 17, 3—7); по своему характеру онъ—горделивъ, необщителенъ, безстрашенъ, смѣлъ до наглости и безпощадно жестокъ къ живымъ тварямъ, которыми питается; но по отношенію къ своимъ птенцамъ очень чадолюбивъ и заботливъ (Іер. 49, 16; 48, 40. Второз. 28, 49. Іов. 39, 30. Второз. 32, 11. 12). Орелъ вьетъ гнѣздо въ мѣстахъ пустынныхъ, недоступныхъ, на вершинахъ скалъ, отдыхаетъ на зубцахъ утесовъ; здѣсь никѣмъ не угрожаемый, на пустынномъ поднебесномъ просторѣ онъ роститъ своихъ дѣтенышей, питаетъ ихъ, учитъ летать (Іер. 49, 16. Іов. 39, 27—30. Второзакон. 32, 11. 12).

Таково изображеніе орла въ библейскихъ книгахъ. Изображеніе это поражаетъ своею полнотою и, что̀ особенно замѣчательно, строгимъ соотвѣтствіемъ дѣйствительности;

каждая черта въ немъ вполнѣ подтверждается наблюденіями надъ жизнію орловъ со стороны современныхъ естествоиспытателей. Такъ, между прочимъ, оказывается вѣрнымъ замѣчаніе псалмопѣвца относительно обновленія орлиныхъ силъ, орлиной юности: «обновится яко орля юность твоя» (Псал. 102, 5). Дѣло въ томъ, что орлы ежегодно линяютъ, при чемъ пестрая окраска ихъ перьевъ послѣ каждаго линянія мѣняется и въ рисункѣ и въ оттѣнкахъ цвѣтовъ; у нѣкоторыхъ видовъ орлиной семьи цвѣтовые оттѣнки изъ свѣтлыхъ переходятъ въ болѣе темные, у другихъ наоборотъ: темные постепенно становятся болѣе свѣтлыми. Такая смѣна рисунковъ и особенно окраски происходитъ преимущественно въ первые періоды жизни орловъ. Притомъ орлы живутъ очень долго, даже въ неволѣ—свыше столѣтія. Поэтому они въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, изъ года въ годъ, дѣлаются все сильнѣе и красивѣе. Отсюда, объ орлахъ дѣйствительно можно сказать, что они обновляются въ своей юности и, слѣдовательно, въ своихъ силахъ. Затѣмъ, что касается замѣчаній библейскихъ писателей относительно быстроты, высоты и стремительности полета орловъ, вообще особенностей орлинаго летанія, то замѣчанія эти, при всей своей поэтичности, вполнѣ совпадаютъ съ тѣмъ, что есть на самомъ дѣлѣ. По словамъ Брэма, «полетъ орловъ красивъ до чрезвычайности. Когда орлу нужно подняться съ земли, онъ машетъ крыльями сильно, но относительно медленно, а разъ поднявшись до извѣстной высоты, носится съ распростертыми крыльями по воздуху съ необыкновенною быстротою. Часто по цѣлымъ минутамъ нельзя замѣтить ни одного движенія въ крыльяхъ его, и тѣмъ не менѣе онъ скоро исчезаетъ изъ глазъ. Нападая на живую добычу, могучая птица бросается внизъ съ чрезвычайною быстротою и явственно слышнымъ шумомъ» и т. д.

Какъ видно изъ библейскаго изображенія орловъ, древніе Евреи внимательно наблюдали за жизнію этихъ хищныхъ птицъ. Благодаря этому-то обстоятельству, въ биб-

лейскхъ книгахъ встрѣчается много сравненій, заимствованныхъ, какъ отъ общаго харвктера орловъ, такъ и отъ нѣкоторыхъ характерныхъ ихъ особенностей.

Горделивый видъ орловъ, ихъ сила, неустрашимость, стремительность и внезапность нападенія на намѣченную жертву, наконецъ тотъ ужасъ, какой наводятъ они на слабѣйшихъ, сравнительно съ ними, животныхъ—все это было поводомъ къ тому, что въ представленіяхъ древнихъ обитателей Палестины, какъ и позднѣе въ представленіяхъ Грековъ, Римлянъ и прочихъ народовъ, орелъ являлся царственною птицею. Отсюда въ древнееврейской поэтической рѣчи орелъ служилъ образомъ могущественныхъ царей и тѣхъ страшныхъ завоевателей, предъ которыми бѣжали въ ужасѣ и падали въ прахъ слабые и малочисленные племена и народы. Такъ у пр. Іезекіиля подъ видомъ орла изображается Навуходоносоръ царь вавилонскій, плѣнившій Іехонію, царя Іудейскаго и поставившій на мѣсто послѣдняго Седекію; затѣмъ также орломъ называется Фараонъ Египетскій, съ которымъ Седекія на погибель свою и своего царства пытался заключить тайный союзъ. Именно пророкъ отъ лица Божія говоритъ: «большой орелъ съ длинными перьями, пушистый, пестрый прилетѣлъ на Ливанъ, и снялъ съ кедра верхушку. Сорвалъ верхній изъ молодыхъ побѣговъ его, и принесъ его въ землю Ханаанскую, и взялъ отъ сѣмени этой земли, и посадилъ на землѣ сѣмени. И оно выросло и сдѣлалось виноградною лозою. И еще былъ орелъ съ большими крыльями и пушистый; и вотъ эта виноградная лоза потянулась къ нему» (Іезек. 17, 3—7). Въ этой образной рѣчи, въ общихъ и существенныхъ чертахъ объясненной далѣе (стт. 12—21) самимъ же пророкомъ, даже частности, по мнѣнію нѣкоторыхъ толковниковъ (Кейль), имѣютъ символическое значеніе; такъ пушистыя и пестрыя перья орла, изображающаго царя Вавилонскаго, указываютъ на многіе подвластные этому царю народы, различные между собою по языку, нравамъ и обычаямъ. — Въ пророческой рѣчи

Исаія о Кирѣ, этотъ послѣдній также названъ орломъ. «Я воззвалъ орла (Кира) отъ востока, говоритъ устами пророка Іегова,—изъ дальней страны исполнителя опредѣленія Моего» (Иса. 46, 11).—Могущественнаго покорителя Моавитянъ и Едомитянъ пр. Іеремія изображаетъ слѣдующими чертами: «вотъ какъ орелъ поднимется онъ, и полетитъ и распуститъ крылья свои надъ Восоромъ» (Іерем. 49, 22). «Вотъ какъ орелъ полетитъ онъ и распростретъ крылья свои надъ Моавомъ» (Іер. 48, 40).

Изъ частныхъ особенностей орловъ источникомъ для библейскихъ образовъ и сравненій преимущественно служили: быстрота этихъ птицъ, ихъ неутомимость, наклонность гнѣздиться въ неприступныхъ мѣстахъ и необыкновенная заботливость о птенцахъ.—Такъ, желая дать наглядное представленіе о быстротѣ кого-либо, или скоротечности чего-нибудь, библейскіе писатели эту быстроту и скоротечность обыкновенно сравнивали съ быстротою орлиною. Моисей, перечисляя бѣдствія, которыя должны постигнуть Израиля за его нечестіе, между прочимъ говоритъ: «пошлетъ на тебя Господь народъ издалека, отъ края земли; какъ орелъ налетитъ народъ, народъ наглый, который не уважитъ старца и не пощадитъ юноши» (Втор. 28, 49); а пр. Іеремія, описывая этотъ предреченный Моисеемъ враждебный народъ, пришедшій издалека и опустошившій наслѣдіе Израиля, замѣчаетъ: «преслѣдовавшіе насъ были быстрѣе орловъ небесныхъ» (Плач. 4, 19). Подобное сравненіе, по быстротѣ, съ орлами непріятеля, именно его коней и всадниковъ, мы встрѣчаемъ еще разъ у тогоже пр. Іеремія и пр. Аввакума: «кони непріятеля быстрѣе орловъ» (Іер. 4, 13); «издалека приходятъ всадники его (непріятеля—Халдеевъ), прилетаютъ, какъ орелъ, бросающійся на добычу» (Аввак. 1, 8). Въ своей плачевной пѣсни о Саулѣ и Іонаѳанѣ, Давидъ выразился: «Саулъ и Іонаѳанъ были быстрѣе орловъ» (2 Цар. 1, 23). Іовъ, будучи постигнутъ всевозможными бѣдствіями и обозрѣвая прошлую жизнь свою, былъ пораженъ скоротечностію по-

слѣдней, особенно же скоротечностію ея свѣтлыхъ дней, и воскликнулъ: «дни мои несутся, какъ быстрая ладья, какъ орелъ стремится на добычу» (Іов. 9, 26). Премудрый даетъ такое изображеніе быстраго изчезновенія богатства: «устремишь глаза свои на богатство, и его уже нѣтъ; потому что оно сдѣлаетъ себѣ крылья и, какъ орелъ, улетитъ къ небу» (Притч. 23, 5). — Въ ветхозавѣтныхъ писаніяхъ очень часто внушается надежда на Бога и перечисляются ея благія для человѣка послѣдствія; между прочимъ указывается на то, что въ ней люди всегда будутъ почерпать все новыя и новыя силы, шествуя по жизненному пути, и несмотря на труды и скорби этого тернистаго пути, пройдутъ его бодро безъ утомленія. Въ этомъ отношеніи надѣющіеся на Господа сравниваются съ орлами, при чемъ принимается во вниманіе легкость орлинаго полета, при всей его быстротѣ, а главное неутомимость орловъ, которые поднимаются на неизмѣримую высоту, по цѣлымъ часамъ парятъ и рѣютъ въ воздухѣ и пролетаютъ очень большія пространства. Напримѣръ пр. Исаія говоритъ: «надѣющіеся на Господа обновятся въ силѣ; поднимутъ крылья какъ орлы, потекутъ и не устанутъ, пойдутъ и не утомятся» (Иса. 40, 31). — Какъ извѣстно, страна древнихъ Едомитянъ — страна скалистая, обильная каменистыми возвышенностями и узкими долинами, точнѣе — ущельями. Благодаря такому характеру страны, Едомитяне имѣли возможность устраивать жилища въ мѣстахъ малодоступныхъ непріятелю. Отсюда библейскіе писатели сравнивали Едомитянъ съ орлами, гнѣздящимися на неприступныхъ высотахъ. У пр. Іереміи читаемъ: «грозное положеніе твое (Едомъ) и надменность сердца твоего обольстили тебя, живущаго въ разсѣлинахъ скалъ, и занимающаго вершины холмовъ. Но хотя бы ты, какъ орелъ, высоко свилъ гнѣздо твое, и оттуда низрину тебя, говоритъ Господь» (Іерем. 46, 16).—Наконецъ та заботливость, которую обнаруживаютъ орлы о своихъ птенцахъ, обучая ихъ между прочимъ летанію, доставила писателю

Пятокнижія матеріалъ для наглядиаго и поэтическаго изображенія той отеческой попечитлности, которою Господь окружилъ Израиля при его изшествіи изъ Египта. Прощаясь съ народомъ Израильскимъ предъ своею смертію, Моисей между прочимъ говорилъ ему: «какъ орелъ вызываетъ гнѣздо свое, носится надъ птенцами своими, распростираетъ крылья свои, беретъ ихъ и носитъ ихъ на крыльяхъ своихъ: такъ Господь одинъ водилъ Израиля» (Втор. 32, 11. 12; ср. Исх. 19, 14).

Орлы и досель водятся въ Палестинѣ. Одинъ изъ путешественниковъ, Фюрреръ, видѣлъ ихъ между прочимъ близъ сѣверныхъ предѣловъ Св. Земли, на скалахъ, около рѣки Касміе (*Леонтесъ*), и тутъ же былъ очевидцемъ слѣдующей картины: орлы побуждали своихъ птенцовъ слетать съ зубцовъ скалъ, и когда птенцы, слетѣвъ, спускались внизъ, въ ущелье, старыя птицы носились то надъ ними, то подъ ними, какъбы оберегая ихъ; молодые скоро уставали и дѣлали попытки возвратиться на скалы для отдыха; но взрослые заставляли ихъ продолжать летаніе. Эта семейная картина напомнила путешественнику слова Второз. 32, 11 и послужила ихъ наглядным объясненіемъ. — Въ Палестинѣ въ настоящее время встрѣчаются между прочимъ слѣдующіе виды орловъ: беркутъ (aquila fulva), холзанъ, или золотой орелъ (aquila chrysaëtos), и могильникъ или царскій орелъ (aquila imperialis). Виды эти, очень сходные между собою, различаются однакоже прежде всего по внѣшности. Такъ беркутъ крупнѣе холзана и могильника, могильникъ мельче и беркута и холзана; въ окраскѣ перьевъ взрослаго беркута преобладаетъ темнобурый цвѣтъ; перья взрослаго холзана свѣтлѣе и рыжѣе, чѣмъ у беркута и т. д. Разница во внѣшности простирается и на образъ жизни поименованныхъ видовъ. Беркутъ и холзанъ—осѣдлыя птицы, могильникъ—перелетная. Первые два орла любятъ горы, могильникъ равнину. Постояннымъ своимъ жилищемъ беркутъ выбираетъ скалы и утесы, холзанъ—вершины деревьевъ въ густыхъ лѣсахъ;

что касается могильника, то онъ устраиваетъ свое гнѣздо или на деревьяхъ, или же, въ случаѣ нужды, просто на землѣ. Въ библейскихъ книгахъ нѣтъ прямыхъ указаній на то, какіе именно виды орловъ жили въ Св. Землѣ въ древнія времена; но несомнѣнно—тѣже самые, что и въ настоящее время. На это указываетъ, между прочимъ, слѣдующее описаніе орла въ книгѣ Іова: «по твоему ли слову возносится орелъ и на высотѣ устрояетъ гнѣздо свое? Онъ живетъ на скалѣ и ночуетъ на зубцахъ утесовъ и на мѣстахъ неприступныхъ. Оттуда высматриваетъ себѣ пищу; глаза его смотрятъ далеко. Птенцы его пьютъ кровь, и гдѣ трупъ, тамъ и онъ» (Іов. 39, 27—30). Въ этомъ, хотя краткомъ, по содержательномъ описаніи находится указаніе на высокій полетъ орла, на его обычай вить гнѣздо на неприступныхъ горныхъ высотахъ, отдыхать на зубцахъ скалъ; далѣе на его очень острое зрѣніе, благодаря которому онъ на громадныхъ разстояніяхъ усматриваетъ добычу, и на то, что онъ приноситъ своимъ птенцамъ только что убитыхъ и даже полуживыхъ животныхъ, такъ что молодые орлята вмѣстѣ съ трепещущимъ мясомъ пожираютъ, какъбы пьютъ, и теплую кровь, которая не успѣла еще ни вытечь ни застыть. Наконецъ въ заключеніе описанія указано и на то, что орелъ, отдавая предпочтеніе живой добычѣ, не пренебрегаетъ, въ случаѣ нужды, и падалью.—Словомъ, краткое описаніе орла, содержащееся въ книгѣ Іова, даетъ намъ перечень всѣхъ существенныхъ чертъ, характеризующихъ какъ могильника и холзана, такъ беркута, особенно послѣдняго; къ беркуту, этому любителю утесистыхъ горъ, преимущественно, если не исключительно, относятся слова описанія: «орелъ на высотѣ устрояетъ гнѣздо свое, живетъ на скалѣ и ночуетъ на зубцахъ утесовъ».

Морской орелъ, по-еврейски *аснійя*, названъ Лев. 11, 13. Второз. 14, 12. Морскіе орлы, или орланы, принадлежатъ къ орлиной семьѣ, составляя въ ней отдѣльный родъ. Представителемъ этого рода признаютъ орлана бѣлохво-

стаго (haliäëtos albicilla), который встрѣчается въ Европѣ, въ большей части Азіи, между прочимъ въ Палестинѣ и зимою залетаетъ въ сѣверную Африку. Бѣлохвостый орланъ по длинѣ не уступаетъ самому крупному орлу, а по шаринѣ превосходитъ всякаго орла: въ ширину, съ распростертыми крыльями онъ имѣетъ болѣе сажени (7—8 футовъ). Основной цвѣтъ оперенія у взрослыхъ птицъ— сѣрый съ различными оттѣнками. Морскіе орлы, или орланы, береговыя птицы по преимуществу; по крайней мѣрѣ, они никогда не залетаютъ далеко внутрь материка. Ночь проводятъ они на прибрежныхъ скалахъ и въ приморскихъ лѣсахъ, а лѣтомъ на небольшихъ островахъ. Рано утромъ чуть начнетъ свѣтать, орланы направляются къ морскому берегу и здѣсь охотятся за разными морскими птицами, также за рыбою и морскими млекопитающими. Впрочемъ орланы не довольствуются добычею, доставляемою имъ водами. Они нападаютъ на стада мелкихъ животныхъ, лисицъ и не щадятъ даже хищныхъ птицъ, принадлежащихъ вмѣстѣ съ ними къ орлиной семьѣ; такъ орланы убиваютъ рѣчныхъ скопъ (мелкихъ орловъ, составляющихъ переходъ отъ орловъ къ коршунамъ), чего не дѣлаютъ даже свирѣпые беркуты.

Грифъ, по-еврейски «пересъ» названъ Лев. 11, 13. Второз. 14, 12. Грифы (vulturidae)—самыя большія изъ хищныхъ птицъ; наименьшіе изъ нихъ все еще равняются среднему орлу. Перья грифовъ длинны и широки; ихъ голова и часть шеи не имѣютъ обыкновенныхъ перьевъ, но покрыты волосоподобнымъ пухомъ, или же остаются совершенно голыми; въ окраскѣ перьевъ преобладаютъ темноватые и неопредѣленные цвѣта; впрочемъ встрѣчается и пестрое оперенiе; кромѣ того, мало оперенныя или совершенно обнаженныя части кожи окрашены обыкновенно яркими цвѣтами. Грифы залетаютъ на чрезвычайную высоту; вообще они могутъ подняться въ воздушномъ морѣ выше всѣхъ птицъ. Особенною тонкостію отличается ихъ зрѣніе; такъ съ высоты своего полета они отлично видятъ

добычу, а между тѣмъ ихъ самихъ вовсе не видно съ земли. Только немногіе виды грифовъ и то въ рѣдкихъ случаяхъ, лишь томимые голодомъ, нападаютъ на живыхъ животныхъ съ цѣлію убить ихъ и употребить въ пищу. Обыкновенно же они питаются падалью, или же животными остатками и разными отбросами, находимыми около человѣческихъ жилищъ. Грифы живутъ не одинокими парами, какъ орлы, но стадами, стадами же летаютъ на добычу и гнѣздятся цѣлыми поселеніями. Свое опереніе они рѣдко очищаютъ надлежащимъ образомъ, а между тѣмъ, послѣ каждаго пира надъ падалью, перья ихъ бываютъ отвратительно запачканы. Вообще это крайне неряшливыя птицы.—Кромѣ указанныхъ мѣстъ, о грифахъ въ Библіи не упоминается. Но несомнѣнно, что нѣкоторыя библейскія изреченія, въ которыхъ названы орлы, относятся именно къ грифамъ. Такъ и у пр. Михея 1, 16 читаемъ: «сними съ себя волосы, остригись, скорбя о нѣжно любимыхъ сынахъ твоихъ; расширь изъ-за нихъ лысину какъ у орла г); ибо они переселены будутъ отъ тебя». Здѣсь у пророка подъ орломъ (нешеръ) разумѣется не орелъ собственно, а грифъ; ибо характернымъ признакомъ грифовъ, какъ мы знаемъ, служитъ то, между прочимъ, что у нихъ нѣтъ перьевъ на головѣ и такимъ образомъ они какъбы имѣютъ широкую во всю голову лысину. Точно также къ грифамъ, а не къ орламъ относится изреченіе, употребленное Спасителемъ: «гдѣ будетъ трупъ, тамъ соберутся орлы» (Мѳ. 24, 28. Лук. 17, 37). Именно въ этихъ словахъ содержится указаніе на склонность птицъ, названныхъ орлами, къ обще-

г) Въ русскомъ переводѣ Библіи значится: „расширь изъ-за нихъ лысину, какъ у *линяющаго* орла“. Но ни въ подлинномъ текстѣ, ни въ переводѣ LXX нѣтъ слова, соотвѣтствующаго слову „линяющій“. Слѣдовательно это слово прибавлено русскими переводчиками для поясненія. Нужно, однакоже, замѣтить, что у орловъ во время линянія перья выпадаютъ не вдругъ, но постепенно; а потому и линяющіе орлы не имѣютъ, даже на короткое время, совершенно обнаженныхъ, какъбы лысыхъ головъ.

ственной жизни, на ихъ обычай стаями слетаться на трупы крупныхъ животныхъ и наконецъ на то, что любимую ихъ пищу составляетъ падаль, т.-е. здѣсь указаны свойства, исключительно принадлежащія грифамъ и чуждыя орламъ. Причина такого смѣшенія орловъ и грифовъ та, что хотя древніе Евреи и знали о различіи между ними и дѣйствительно различали ихъ особыми наименованіями, когда требовалась точность, напримѣръ въ законоположеніяхъ, но въ обыкновенной рѣчи этого различія не наблюдали и всѣхъ крупныхъ пернатыхъ хищниковъ называли именемъ наиболѣе выдающихся ихъ представителей—орлами, тѣмъ болѣе, что между разными породами хищныхъ птицъ существуетъ очень много сходныхъ чертъ и онѣ, благодаря промежуточнымъ видамъ, незамѣтно переходятъ одна въ другую.

О *сипѣ*, или *грязномъ сипѣ* (perenopterus stercorarius), по-еврейски *рахамъ*, упомянуто въ Лев. 11, 18. Второз. 14, 17. Грязный сипъ принадлежитъ къ семейству грифовъ; по своимъ размѣрамъ онъ значительно меньше другихъ грифовыхъ хищниковъ, отличается вороноподобною наружностію, имѣетъ голую голову; преобладающій цвѣтъ его перьевъ грязнобѣлый; кожа на головѣ и ногахъ—оранжевожелтая. Вмѣстѣ со своими родичами—грифами, грязный сипъ раздѣляетъ любовь къ общественности; какъ и они, прежде всего питается падалью. Кромѣ падали, сипъ удовлетворяетъ свой голодъ разными отбросами, между прочимъ тѣми, которые оставляются восточными караванами на пути ихъ слѣдованія. Поэтому сипы сопровождаютъ караванъ въ теченіе цѣлаго дня, при чемъ первыми являются на мѣстѣ отдыха и послѣдними оставляютъ это мѣсто. Наконецъ сипъ поѣдаетъ мелкихъ млекопитающихъ и птичекъ. Грязный сипъ, какъ и прочіе грифы, является на востокѣ очень полезною итицею, истребляя массы нечистотъ и тѣмъ предохраняя воздухъ отъ зараженія.—Изъ семейства грифовыхъ хищниковъ въ Палестинѣ въ настоящее время водятся, кромѣ грязныхъ или вороновыхъ си-

повъ, еще сѣрые грифы (Gyps cinereus) и грифы бурые, или гусиные (Gips fulvus). Эти два вида особенно много, численны въ окрестностяхъ Геннисаретскаго озера (Riehm-Handwörterb. des bibl. Altertums. 1. 480. 481). Изъ нихъ бурые грифы—горные жители и гнѣздятся на скалахъ, сѣрые же грифы вьютъ гнѣзда на деревьяхъ и отличаются отъ всѣхъ своихъ родичей тѣмъ, что, подобно орламъ, живутъ не обществами, но одиноко—отдѣльными парами.

Коршунъ, по-еврейски *даа* и *дайя*; названъ Лев. 11, 15. Второз. 14, 13. Иса. 34, 15; въ послѣднемъ мѣстѣ о коршунѣ говорится, какъ о птицѣ, любящей пустынныя мѣста и живущей не одинокими парами, но собирающейся въ стан. Коршуны образуютъ богатое видами семейство хищниковъ. У большей части коршуновъ тѣло вытянуто, шея короткая, голова мала или средней величины, крылья длинны, узки и остры, хвостъ очень длинный и у нѣкоторыхъ видовъ вильчатый; клювъ согнутъ, начиная съ самаго основанія, въ длинный крючекъ. Пестрое оперенiе коршуна пышно, отличается мягкостію и особенно густо вокругъ головы; здѣсь иногда длинныя перья образуютъ нѣчто напоминающее покрывало. Въ окраскѣ перьевъ преобладаютъ яркіе и свѣтлые оттѣнки, и у нѣкоторыхъ видовъ она бываетъ очень красива. Полетъ коршуновъ превосходенъ; это—спокойное парeніе, безъ взмаховъ крыльями, переходящее у нѣкоторыхъ видовъ въ качаніе; концы крыльевъ при этомъ поднимаются надъ туловищемъ, что́ придаетъ много оригинальности фигурѣ парящаго коршуна. Коршуны ловятъ мелкихъ млекопитающихъ, молодыхъ птицъ, гадовъ, рыбу и наконецъ насѣкомыхъ; нѣкоторые виды питаются, кромѣ того, падалью и животными отбросами. Коршуны вьютъ свои гнѣзда на скалахъ, въ нишахъ стѣнъ заброшенныхъ зданій, на церковныхъ башняхъ, на вершинахъ деревьевъ и просто на землѣ.—Во Второз. 14, 13 упомянуто о породѣ коршуна, т.-е. о видахъ, входящихъ въ составъ семейства коршуновъ; но ни одинъ изъ этихъ видовъ не названъ въ библейскихъ книгахъ. Въ настоящее время въ

Палестинѣ всего чаще и въ значительномъ количествѣ встрѣчается такъ-называемый черный воронъ (Hydroictinia atra, Milvus migrans). Эта птица перелетная; она появляется въ Палестинѣ въ мартѣ, большими стаями, и прежде всего около селеній, гдѣ падаль, разные отбросы и мелкіе полевые звѣрки доставляютъ ей обильную пищу; гнѣздится она, впрочемъ, въ мѣстахъ уединенныхъ, близъ рѣкъ и стоячихъ водъ, окруженныхъ лѣсною растительностію, и охотится здѣсь за рыбою и гадами. Голова и шея чернаго коршуна грязнобѣлаго цвѣта, верхняя часть туловища—темнокоричневаго, нижняя краснобураго, клювъ черный, ноги оранжевожелтыя; его длина около 14 вер., ширина—1¾ ар. Можно полагать что именно на этотъ видъ коршуновъ сдѣлано указаніе у Иса. 35, 15. Кромѣ чернаго коршуна, въ Палестинѣ встрѣчается коршунъ царскій (Milvus regalis), по внѣшнему виду очень сходный съ чернымъ, и коршунъ, египетскій или капя чернокрылый (Elanus melanopterus), имѣющій очень красивую окраску: верхняя часть его туловища пепельноголубаго цвѣта, нижняя—бѣлаго, крылья, передняя часть головы и клювъ—чернаго, глаза—яркокрасные, ноги оранжевыя (Riehm, 1, 480; Kurzgefasstes exeg. Handbuch, 12 Lief. 2 Aufl. S. 489. 490; Брэмъ).

Соколъ, по-еврейски *айя*, названъ вмѣстѣ съ породою его Лев. 11, 15. Второз. 14, 13 д). Соколъ—хищная птица по преимуществу; въ немъ наиболѣе рельефно выраженъ характеръ пернатыхъ хищниковъ. Признаки сокола: коренастое сжатое туловище, средней величины голова, короткая шея, длинныя крылья, короткій клювъ съ острымъ крючкомъ, всегда очень густое и рѣдко мягкое опереніе; окраска оперенія пестрая, отличающаяся разнообразіемъ цвѣтовыхъ оттѣнковъ, различная не только у различныхъ ви-

д) Въ подлинномъ текстѣ Библіи наименованіе сокола *айя* употреблено еще у Іов. 28, 7, гдѣ сдѣлано указаніе на особенно острое зрѣніе этой птицы; но въ русскомъ переводѣ слово *айя* на этотъ разъ передано словомъ *коршунъ*.

довъ, но у самцовъ и самокъ, у молодыхъ и взрослыхъ птицъ; хвостъ и ноги по длинѣ различны у различныхъ видовъ, размѣры также не одинаковы: самые крупные соколы имѣютъ въ длину около 13 вер., въ ширину около $1^3/_4$ ар., самые мелкіе — не болѣе жаворонка. Гнѣздятся соколы въ углубленіяхъ отвѣсныхъ скалъ, въ старыхъ высокихъ зданіяхъ, по большей же части въ лѣсахъ, на вершинахъ деревьевъ; питаются живою добычею, главнымъ образомъ — птицами; нѣкоторые болѣе мелкіе виды употребляютъ въ пищу насѣкомыхъ. Полетъ соколовъ быстрый, зрѣніе необыкновенно острое; они смѣлы и мужественны. Соколы дрессируются для охоты за дичью, и въ восточныхъ странахъ соколиная охота и доселѣ очень распространена и любима.—Въ Палестинѣ въ настоящее время водятся слѣдующіе виды соколовъ: *сапсанъ, чеглокъ* и *пустельга*. Тѣже виды, вѣроятно, обитали тамъ и въ древнія времена.

Во Второз. 14, 13 въ подлинномъ текстѣ на ряду съ наименованіемъ сокола (айя) стоитъ еще наименованіе *раа* (отъ *раа* видѣть), указывающее на птицу, обладающую острымъ зрѣніемъ, и слѣд. на хищную; упомянуто и о породѣ ея. Наименованіе *раа* въ русскомъ переводѣ передано словомъ *кречетъ* (Hierofalco). Но слѣдуетъ сказать, что кречетъ—обитатель исключительно холодныхъ сѣверныхъ странъ; его нѣтъ въ странахъ теплыхъ, и въ Палестинѣ онъ никогда не могъ быть извѣстнымъ. Притомъ кречетъ не есть отличная отъ сокола хищная птица; онъ и есть именно соколъ—первый и выдающійся членъ соколиной семьи. Основательнѣе предположить, что *раа* означаетъ *пустельгу* (Falco tinnunculus). Эта птица хотя и причисляется къ семейству соколовъ, но служитъ въ немъ представительницей особой группы—соколовъ насѣкомоядныхъ, притомъ особенно любящихъ саранчу, и этимъ рѣзко отличающихся отъ соколовъ въ собственномъ смыслѣ (кречетъ, сапсанъ, чеглокъ), охотящихся преимущественно за позвоночными. Отсюда, въ перечнѣ птицъ во Второз. 14 гл. пу-

стельга и могла быть поставлена на ряду съ соколомъ, притомъ съ особою ея породою, къ которой могутъ быть отнесены красный соколъ и кобчикъ, питающіеся насѣкомыми. Пустельга, какъ сказано, обыкновенная птица въ Палестинѣ (Riehm, 1, s. 480). Птица эта имѣетъ очень пестрое и очень красивое опереніе; ея длина 7 вер., ширина около аршина.

Ястребъ съ породою его, по-еврейски *нецъ*; Лев. 11, 16. Второз. 14, 15. Іов. 39, 26. Ястребъ—ближайшій родичъ сокола; это — всюду и въ большомъ количествѣ распространенная и потому всѣмъ болѣе или менѣе извѣстная по своему внѣшнему виду птица, очень свирѣпая и наносящая большой вредъ птичьимъ дворамъ и голубятнямъ. У Іов. 39, 26 о немъ говорится: «твоею ли мудростію летаетъ ястребъ и направляетъ свои крылья на полдень?» Въ этихъ словахъ обращается вниманіе на полетъ ястреба и на направленіе его полета къ югу. Ястребъ летаетъ очень быстро и съ замѣчательною ловкостію; ни густые лѣса, ни частые кустарники не задерживаютъ его движенія, онъ находитъ путь между сплетшимися вѣтвями и скользитъ между ними, какъбы въ открытомъ пространствѣ. Поднявшись вверхъ, хищникъ иногда подолгу описываетъ въ воздухѣ широкіе круги, которые то свиваются въ замкнутую линію, то извиваются спиралью, постепенно уходящею въ высь, что лѣтнею порою представляетъ нерѣдкое и довольно пріятное зрѣлище: взоръ невольно начинаетъ слѣдить за плавными круговыми движеніями хищной птицы. Что касается направленія полета ястребовъ къ югу, то онъ дѣйствательно имѣетъ мѣсто въ ихъ жизни. Правда, ястребы не принадлежатъ къ числу перелетныхъ птицъ, которыя въ извѣстное время оставляютъ сѣверъ и переносятся въ далекія южныя мѣстности на нѣсколько мѣсяцевъ, безостановочно и быстро совершая при этомъ свой путь. Ястребъ, можно сказать, птица кочевая; онъ не живетъ постоянно на одномъ мѣстѣ, но съ наступленіемъ зимняго времени мало-по-малу передвигается туда, гдѣ потеплѣе,

при чемъ естественно направляетъ свой путь, «свои крылья» къ полуденнымъ странамъ. — Порода или семейство ястребовъ состоитъ изъ очень малаго числа отдѣльныхъ видовъ. Въ Палестинѣ въ настоящее время встрѣчаются извѣстные и у насъ ястребъ перепелятникъ (Nisus communis) и ястребъ тетеревятникъ (Astus palumbarius); послѣдній почти вдвое болѣе перваго: его длина 11 вершковъ, ширина $1^1/_2$ аршина.

Сова по-еврейски *тахмасъ* [e]); Лев. 11, 16. Второз. 14, 14. Совы причисляются къ ночнымъ хищникамъ, хотя нѣкоторые виды совъ могутъ охотиться и днемъ. Характерные признаки совъ: большая голова, очень большіе выпуклые глаза, обращенные напередъ, широкія и длинныя крылья, короткій хвостъ, оперенныя до когтей ноги, загнутый съ самаго основанія острый клювъ, длинныя, широкія, чрезвычайно мягкія и обильныя перья, такъ что туловище совъ кажется очень неуклюжимъ и широкимъ, хотя на самомъ дѣлѣ оно стройно и мало; пестрое и узорчатое опереніе темнаго, неопредѣленнаго цвѣта, подходящаго къ цвѣту почвы или древесной коры. Особенно выдающаяся черта — это вѣнчики изъ нѣсколькихъ рядовъ короткихъ перьевъ, которые полукругомъ обходятъ широкія уши птицы и надъ глазами идутъ до клюва, подъ глазами до края нижней челюсти. Совы летаютъ низко надъ землею; полетъ ихъ тихій, безшумный; онѣ охотятся ночью за живою добычею — мелкими звѣрками, птицами, гадами и насѣкомыми; на падаль не садятся никогда; гнѣздятся въ разсѣлинахъ скалъ.

---

e) Западные толковники несогласны съ тѣмъ, что еврейское слово *тахмасъ* значитъ *сова*, но въ объясненіи значенія этого слова разногласятъ между собою. Такъ, по Бохарту, *тахмасъ* означаетъ страуса-самца, по Русселю — ласточку, по Кнобелю (на сторону котораго склоняется Кейль) — кукушку (Kurzgefastes exeg. Handbuch. zum A. T. 12 Lif. 2 Aufl. S. 490, 491). Но всѣ эти объясненія — не болѣе какъ догадки, почти ни на чемъ не основанныя. Въ подобныхъ случаяхъ правильнѣе держаться древнѣйшихъ переводовъ подлиннаго ветхозавѣтнаго текста, именно перевода LXX и Вульгаты; но по этимъ переводамъ *тахмасъ* означаетъ *сову*.

Филинъ по-еврейски *косъ* (Лев. 16, 17; Второз. 14, 16). Филинъ обитаетъ преимущественно въ пустынныхъ мѣстахъ. Поэтому псалмопѣвецъ, сравнивая себя въ дни одиночества и глубокой скорби съ этою птицею, говоритъ: «я сталъ какъ филинъ на развалинахъ» (Пс. 101, 7). Подобное же указаніе мы находимъ у пр. Исаіи 34, 11 (по русскому переводу); здѣсь въ числѣ птицъ, имѣющихъ обитать въ землѣ Едомитянъ, послѣ ея опустошенія, названъ и филинъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что словомъ *филинъ* въ Иса. 34, 11 русскіе переводчики передали еврейское слово *яншофъ*. Но если *филина*, какъ мы уже видѣли, означаетъ еврейское слово *косъ*, то названіе *яншофъ* должно относиться къ другому какому-либо виду совъ, и скорѣе всего—къ *болотной совѣ* (Otus brachiotus), которая и теперь, хотя рѣдко, наблюдается въ Палестинѣ. Эта птица имѣетъ стоячіе пучки перьевъ надъ ушами, принадлежитъ, такимъ образомъ, къ группѣ филиновъ, живетъ исключительно въ болотахъ и питается рыбою и гадами. Предположеніе, что *яншофъ* означаетъ *болотную сову*, подтверждается тѣмъ, что наряду съ *яншофъ* у пророка названъ пеликанъ – болотная птица, а далѣе (ст. 15) упомянутъ черный коршунъ, также любящій стоячія воды. Очень вѣроятно, что пророку въ его пророческомъ созерцаніи та пустыня, въ которую имѣла обратиться земля Едомитянъ, представлялась, между прочимъ, болотистою, т.-е такою мѣстностію, гдѣ воды, — дотолѣ регулируемыя, извѣстнымъ образомъ направляемыя и расчищаемыя человѣкомъ—засорились, разлились по окрестностямъ, загнили, наполнились гадами и привлекли болотныхъ птицъ туда, гдѣ прежде цвѣли нивы, воздѣланныя и орошенныя трудолюбивою рукою земледѣльца. По крайней мѣрѣ, въ другихъ созерцаніяхъ пр. Исаіи опустошенныя страны прямо представлялись болотами (14, 23).

біе роговъ. Въ Палестинѣ въ настоящее время *филинъ короткоухій* (Bubo ascalaphus), представляющій разновидность европейскаго филина. Эта птица рѣдко поселяется вблизи человѣческихъ жилищъ: любимое ея мѣстопребываніе—развалины совершенно запустѣвшихъ городовъ и селеній, старинныя гробницы, высѣченныя въ скалахъ, и норы, вырытыя въ землѣ, въ пустынныхъ окрестностяхъ Іордана; страшный крикъ филина увеличиваетъ ужасъ пустыни, объемлющій душу путника (Riehm, 1, 409). На любовь филина къ пустыннымъ развалинамъ указываетъ Псалмопѣвецъ, сравнивая себя въ дни одиночества и глубокой скорби съ этою птицею; «я сталъ какъ филинъ на развалинахъ» (Пс. 101, 7). Подобное же указаніе мы находимъ у пр. Исаіи 34, 11 (по русскому переводу); здѣсь въ числѣ птицъ, имѣющихъ обитать въ землѣ Едомитянъ, послѣ ея опустошенія, названъ и филинъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что словомъ *филинъ* въ Иса. 34. 11 русскіе переводчики передали еврейское слово *яншофъ*. Но если *филина*, какъ мы уже видѣли, означаетъ еврейское слово *косъ*, то названіе *яншофъ* должно относиться къ другому какому-либо виду совъ, и скорѣе всего—къ *болотной совѣ* (Otus brachiotus), которая и теперь, хотя рѣдко, наблюдается въ Палестинѣ. Эта птица имѣетъ стоячіе пучки перьевъ надъ ушами, принадлежитъ, такимъ образомъ, къ группѣ филиновъ, живетъ исключительно въ болотахъ и питается рыбою и гадами. Предположеніе, что *яншофъ* означаетъ *болотную сову*, подтверждается тѣмъ, что наряду съ *яншофъ* у пророка названъ пеликанъ—болотная птица, а далѣе (ст. 15) упомянутъ черный коршунъ, также любящій стоячія воды. Очень вѣроятно, что пророку въ его пророческомъ созерцаніи та пустыня, въ которую имѣла обратиться земля Едомитянъ, представлялась, между прочимъ, болотистою, т.-е. такою мѣстностію, гдѣ воды,—дотолѣ регулируемыя, извѣстнымъ

образомъ направляемыя и расчищаемыя человѣкомъ—засорились, разлились по окрестностямъ, загнили, наполнились гадами и привлекли болотныхъ птицъ туда, гдѣ прежде цвѣли нивы, воздѣланныя и орошенныя трудолюбивою рукою земледѣльца. По крайней мѣрѣ въ другихъ созерцаніяхъ пр. Исаіи опустошенныя страны прямо представлялись болотами (14, 23).

Вороновыя. Воронъ; упоминанія о немъ въ Библіи; порода ворона.—Лазящія. Удодъ. - Голубиныя. Голуби и горлицы.—Указанія Библіи на различные виды голубей; особенности горлицы; голуби и горлицы, какъ жертвенныя птицы; библейскіе образы, заимствованные отъ голубей и горлицъ.—Скребущія. Домашнія куры; упоминанія о нихъ въ новозавѣтныхъ писаніяхъ; причина поздняго появленія домашнихъ куръ въ Палестинѣ; восточныя представленія о пѣухѣ; греческое названіе пѣтуха.—Куропатки и рябки.

Изъ отряда вороновыхъ въ Библіи упоминаются вороны въ собственномъ смыслѣ, составляющіе особое семейство вороновыхъ. *Воронъ* по еврейски—*о-ребъ*. Отличительныя черты ворона слѣдующія: длина ворона достигаетъ четырнадцати вершковъ; онъ имѣетъ черное опереніе съ металлическимъ отливомъ; перья плотно прилегаютъ къ тѣлу, такъ что птица кажется вылитою изъ одного куска; клювъ ворона нѣсколько загнутый, съ черными щетинками у основанія; ноги крѣпкія и черныя; полетъ подобенъ полету хищныхъ птицъ. Однажды спарившись, вороны не разлучаются всю жизнь; гнѣзда вьютъ на скалахъ и на вершинахъ большихъ деревьевъ, усердно заботятся о своихъ прожорливыхъ птенцахъ, постоянно доставляя имъ самую разнообразную пищу; пары живутъ одиноко, не соединяясь въ стада и, по возможности, держатся вдали отъ человѣка. Воронъ, можно сказать, птица всеядная; онъ ѣстъ плоды, зерна и вообще всякую растительность; питается, затѣмъ, насѣкомыми, яйцами и птенцами, похищаемыми изъ птичьихъ гнѣздъ, мелкими звѣрками и птицами, впрочемъ нападая иногда на зайцевъ и тетеревовъ; наконецъ охотно пожираетъ отбросы и любитъ всякую падаль. Воронъ скоро становится ручнымъ и, приручившись, обнаруживаетъ замѣчательную понятливость; такъ между прочимъ, онъ легко пріучается выговаривать, съ полною отчетливостію, слова, подражать собачьему лаю, человѣческому смѣху и под.

Вороны были извѣстны древнимъ евреямъ какъ птицы, обитающія преимущественно въ запустѣвшихъ и, вообще,

пустынныхъ мѣстностяхъ (Иса. 34, 11), въ ущельяхъ скалъ и въ узкихъ горныхъ долинахъ, орошаемыхъ потоками; отсюда произошло и названіе ихъ — «вороны дольные», или «вранове отъ дебрія» (Прич. 30, 17). Далѣе Евреи знали, что обычную пищу вороновъ составляетъ падаль и что эти птицы имѣютъ обыкновеніе, садясь на трупъ, прежде всего выклевывать глаза (Притч. 30, 17). То обстоятельство, что при всей своей сравнительной многочисленности, величинѣ и прожорливости птенцовъ своихъ, вороны тѣмъ не менѣе находятъ достаточное пропитаніе, вызывало благочестивыхъ ветхозавѣтныхъ мужей на размышленія о Божественномъ промыслѣ и приводило ихъ къ тому справедливому заключенію, что Господь, промышляя о мірѣ, съ любовію печется о всѣхъ, даже незначительныхъ, повидимому, тваряхъ и не оставляетъ неуслышаннымъ крикъ птенцовъ враповыхъ, требующихъ пищи себѣ. Господь даетъ скоту пищу его, говоритъ псалмопѣвецъ, и птенцамъ ворона, взывающимъ къ Нему (Пс. 146, 9; ср. Іов. 38, 41). Самъ Спаситель въ доказательство Божественнаго промышленія о мірѣ указалъ на то, что вороны имѣютъ пропитаніе, хотя и не предаются для этого, подобно людямъ, суетнымъ и чрезмѣрнымъ заботамъ (Лук. 12, 24). Цвѣтъ вороновыхъ перьевъ нравился древнимъ обитателямъ св. земли, и имѣть кудри, напоминающіе цвѣтомъ и блескомъ перья ворона, считались у нихъ, какъ и у насъ въ настоящее время, признакомъ особенной красоты. Поэтому невѣста Пѣсни пѣсней, описывая красоту своего возлюбленнаго, замѣчаетъ относительно его кудрей: «кудри его волнистые, черные, какъ воронъ» (Пѣсн. 5, 11).

О воронѣ говорится на первыхъ страницахъ Библіи, въ повѣствованіи о потопѣ. По прошествіи сорока дней послѣ того какъ показались верхи горъ, вслѣдствіе убыли потопныхъ водъ, Ной открылъ сдѣланное имъ окно ковчега и выпустилъ ворона, который, вылетѣвъ, отлеталъ и прилеталъ къ ковчегу, пока осушилась земля отъ воды (Быт. 8, 6. 7); но не хотѣлъ возвратиться внутрь ковчега, но вился около него, и потому не могъ быть принятъ снова въ ковчегъ,

какъ это потомъ сдѣлано было съ голубемъ; это произошло частію по дикости ворона и любви его къ воздушному простору, а главнымъ образомъ потому, что, хотя и сырыя, но уже освободившіяся отъ воды вершины горъ служили для него удобнымъ пристанищемъ, а плававшіе по водамъ трупы доставляли ему обильную и любимую пищу, какой онъ не могъ имѣть въ ковчегѣ [б]). Далѣе о воронѣ говорится въ исторіи пророка Ильи. Когда пророкъ предсказалъ Ахаву, царю израильскому, наступленіе продолжительной засухи, было къ нему слово Господне: «пойди отсюда, и обратись на востокъ, и скройся у потока Хораѳа, что противъ Іордана. Изъ этого потока ты будешь пить, а воронамъ Я повелѣлъ кормить тебя тамъ. И пошелъ онъ, и сдѣлалъ по слову Господню. И вороны приносили ему хлѣбъ и мясо по утру, и хлѣбъ и мясо по вечеру» (3 Цар. 17, 2—6). Такимъ образомъ, прожорливыя до ненасытности птицы, по волѣ Божіей, питали пророка, принося ему, между прочимъ, мясо—свою любимую пищу. Такая чрезвычайная Божественная помощь должна была ободрить пророка и укрѣпить его силы для дальнѣйшей тяжелой борьбы съ идолопоклонствомъ въ народѣ израильскомъ, которое было поддерживаемо всѣми сильными земли.

Въ Лев. 11, 15; Второз. 14, 18, воронъ, съ породою его, причисленъ къ птицамъ нечистымъ. Къ породѣ ворона, или семейству вороновыхъ принадлежатъ, между прочимъ, всюду извѣстныя и многочисленныя въ современной Палестинѣ вороны, сороки и галки.

Въ Лев. 11, 19; Второз. 14, 18, въ числѣ нечистыхъ птицъ названъ *удодъ* (евр. названіе *духифатъ*)—единственная птица изъ отряда лазящихъ (Scansores) упомянутая въ Библіи. Обыкновенный, или земляной, удодъ (Upupa epops), довольно

б) О томъ что воронъ отлеталъ и прилеталъ, говорится въ еврейскомъ текстѣ и затѣмъ въ русскомъ переводѣ Библіи; въ LXX объ этомъ не упомянуто, а прямо сказано: καὶ ἐξελθὼν οὐκ ἀνέστρεψε, что въ славянскомъ переводѣ выражено словами: „и изшедъ не возвратися“. Согласное съ переводомъ LXX чтеніе находится въ переводѣ Сирскомъ и Латинскомъ—Пешито и Вульгатѣ.

часто встрѣчающійся въ Палестинѣ, лѣтомъ, въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ или узкихъ скалистыхъ долинахъ,—имѣетъ въ длину около 8 вершковъ. Клювъ удода длинный, тонкій и черный; глаза темнокоричневые, голова покрыта хохломъ, который то распускается вѣеромъ, то складывается остріемъ и закидывается назадъ; преобладающая окраска перьевъ глиняно-желтая различныхъ оттѣнковъ съ черными полосами и пятнами; хвостъ черный съ бѣлою продольною полосою. Пищу удода составляютъ черви и насѣкомыя, преимущественно тѣ, которыя водятся въ различныхъ нечистотахъ и падали. Гнѣздо устраивается въ дуплахъ деревьевъ, въ трещинахъ скалъ, а также въ углубленіяхъ стѣнъ. Гнѣздо, во время пребыванія въ немъ птенцовъ, содержится крайне нечистоплотно; поэтому птенцы и самка пріобрѣтаютъ отвратительный запахъ, который, впрочемъ, проходитъ, какъ скоро молодое поколѣніе, окрѣпнувъ, начинаетъ уже внѣ гнѣзда вести самостоятельную жизнь. Отвратительная пища удодовъ и ихъ неряшливость, вѣроятно, и послужили причиной того, почему они въ законѣ Моисея отнесены къ разряду птицъ нечистыхъ. Современные арабы однако не пренебрегаютъ удодами, такъ какъ къ концу осени мясо ихъ становится сочнымъ и вкуснымъ. На зиму удоды изъ Палестины переселяются на сѣверъ Африки.

Изъ отряда голубиныхъ въ Библіи очень часто называются голуби собственно и горлицы.

Голуби (евр. іона, множ. ч. іонимъ), составляющіе въ отрядѣ голубиныхъ особое семейство (columbinae), обитали въ Палестинѣ съ самыхъ отдаленныхъ временъ, и древнимъ евреямъ было извѣстно нѣсколько различныхъ представителей этого семейства. Такъ въ библейскихъ книгахъ говорится о голубяхъ, которые живутъ въ ущельяхъ скалъ, подъ покровомъ утесовъ (Пѣсн. п. 2, 14), и дѣлаютъ гнѣзда свои во входахъ въ пещеры (Іер. 48, 28). Въ этихъ случаяхъ несомнѣнно разумѣются каменные или скалистые дикіе голуби (columba livia), родоначальники обыкновенныхъ или домашнихъ голубей. Каменные голуби – на верхней сторонѣ пепельно-

голубаго цвѣта, на нижней сизаго; шея ихъ темно-аспидная или зеленовато-голубая съ пурпурнымъ отливомъ; нижняя часть спины бѣлая; по крыльямъ проходятъ двѣ черныя полоски; глаза—сѣрно-желтые, клювъ черный, у основанія свѣтло-синій; ноги сине-красныя; длина около 7½ верш. Каменные или скалистые голуби избѣгаютъ деревьевъ и селятся въ скалахъ или развалинахъ зданій. Они летаютъ очень быстро, съ свистящимъ шумомъ, питаются зернами различныхъ хлѣбовъ и сѣменами растенія, извѣстнаго подъ именемъ птичьяго гороха; при водопоѣ входятъ нѣсколько въ воду.—Далѣе, библейскія книги упоминаютъ о голубяхъ долинъ, противополагая этихъ послѣднихъ горнымъ голубямъ (Iезек. 7, 16). Названіе «голуби долинъ», по всей вѣроятности, указываетъ на лѣсныхъ, или древесныхъ голубей (иначе вяхири—Columb. palumbus, torquatus). Лѣсные голуби отличаются отъ каменныхъ болѣе длиннымъ хвостомъ и болѣе крупнымъ ростомъ,—ихъ длина около 9½ верш., а также нѣкоторыми цвѣтовыми оттѣнкази въ окраскѣ перьевъ, клюва и ногъ; такъ, клювъ у лѣсныхъ голубей блѣдно-желтый, у основанія красный. Лѣсные голуби живутъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ и гнѣздятся на деревьяхъ; пищею для нихъ служатъ, кромѣ хлѣбныхъ зеренъ и травяныхъ сѣмянъ, сѣмена древесныя, ягоды, желуди и, въ рѣдкихъ случаяхъ, улитки и черви. Очень можетъ быть, что названіе «голуби долинъ» относится также къ дуплистымъ или голубымъ голубямъ (иначе клиндухи—Columba oenas), которые подобно древеснымъ живутъ въ лѣсахъ, но гнѣздятся исключительно въ дуплахъ старыхъ деревьевъ; они мелче лѣсныхъ и каменныхъ голубей.—Кромѣ различныхъ видовъ дикихъ голубей въ Палестинѣ издавна былъ извѣстенъ и обыкновенный или домашній голубь. Этотъ голубь долгое время былъ единственною, въ собственномъ смыслѣ домашнею птицею древнихъ Евреевъ. Для домашнихъ голубей устраивались особыя помѣщенія, или голубятни, гдѣ они, благодаря удобнымъ для нихъ приспособленіямъ, размножались до такой степени, что, обыкновенно, возвращались съ полей, куда улетали кормиться громадными стаями, напоминавшими собою

облака (Псал. 60, 8). Обычай разводить голубей и устраивать для нихъ особыя помѣщенія, несомнѣнно, былъ всеобщимъ въ древней Палестинѣ; косвеннымъ доказательствомъ этого можетъ служить, между прочимъ, свидѣтельство 4 Цар. 6, 25 о томъ, что въ Самаріи, осажденной сирійцами и томимой страшнымъ голодомъ, продавался на рынкѣ голубиный пометъ въ числѣ съѣстныхъ припасовъ. Обиліе голубинаго помета указываетъ на то, что Самарія изобиловала голубями и, слѣдовательно, приспособленіями для нихъ. Главнѣйшимъ побужденіемъ къ прирученію голубей для древнихъ Евреевъ служило то, что законъ Моисея изъ всего царства пернатыхъ назначилъ лишь голубей, вмѣстѣ съ горлицами, для принесенія въ жертву; при чемъ эти птицы могли, какъ увидимъ ниже, во многихъ случаяхъ замѣнять собою болѣе крупныхъ жертвенныхъ животныхъ. Домашніе голуби у древнихъ евреевъ, всего вѣроятнѣе, были прямыми потомками каменныхъ голубей. Эти послѣдніе, находя удобныя помѣщенія въ строеніяхъ городовъ и селеній, мало потому привыкли жить въ непосредственной близости человѣка и, безпрепятственно размножаясь здѣсь, постепенно перешли изъ дикаго въ полуприрученное состояніе.—Наконецъ, Евреи знали породистыхъ, вполнѣ культурныхъ, ручныхъ голубей и по всей вѣроятности воспитывали ихъ у себя, доставляя имъ, кромѣ помѣщенія, и пищу, въ отличіе отъ обыкновенныхъ голубей, которые, пользуясь помѣщеніемъ, пищу добывали себѣ сами по окрестнымъ полямъ. Указаніе на породистыхъ голубей можно видѣть въ слѣдующихъ словахъ псалмопѣвца: «расположившись въ удѣлахъ своихъ, вы (сыны Израиля) стали, какъ голубица, которой крылья покрыты серебромъ, а перья чистымъ золотомъ» (Пс. 67, 14). Несомнѣнно, что здѣсь указаны голуби, отличные какъ отъ различныхъ видовъ дикихъ, такъ и отъ обыкновенныхъ голубей, въ окраскѣ которыхъ преобладаютъ сѣрый, пепельно-голубой и вообще темные цвѣта. Не подлежитъ также сомнѣнію, что въ приведенномъ мѣстѣ имѣются въ виду культурные породистые голуби. Такіе голуби издревле были извѣстны на востокѣ, въ странахъ, окружавшихъ Па-

лестину: здѣсь разведеніе ихъ стояло въ непосредственной связи съ религіею. Именно голуби эти были посвящены Астартѣ, почитаніе которой было распространено между прочимъ въ Ассиріи, Финикіи и въ странѣ Филистимлянъ. Съ восточныхъ береговъ Средиземнаго моря культурные голуби проникли, вмѣстѣ съ культомъ Астарты, на островъ Кипръ. Затѣмъ они появились въ Греціи и Римѣ и Греками были посвящены Аѳродитѣ—этой идеализованной Астартѣ азіатскихъ народовъ. Что же касается цвѣта священныхъ голубей Астарты, а затѣмъ и Аѳродиты, то прямое свидѣтельство объ этомъ мы находимъ у греческихъ и римскихъ писателей: они были бѣлые: Λευκαὶ περιστεραὶ, albae columbae. Такъ какъ Палестина находилась въ непосредственномъ сосѣдствѣ и постоянныхъ сношеніяхъ съ странами, въ которыхъ была почитаема Астарта, то древнимъ Евреямъ, конечно, были извѣстны посвященные этой богинѣ бѣлые голуби и по всей вѣроятности были разводимы ими, какъ птицы очень красивыя. Поэтому-то въ приведенныхъ словахъ псалмопѣвца подъ голубями, крылья которыхъ бѣлы какъ серебро, а прочія перья отливали золотомъ, слѣдуетъ разумѣть именно культурныхъ породистыхъ голубей. Разведеніемъ этихъ голубей занимались и въ послѣдующія позднѣйшія времена. Такъ, по свидѣтельству Іосифа Флавія, для нихъ были устроены царемъ Иродомъ башни въ садахъ, окружавшихъ царскій дворецъ; отсюда и произошло ихъ названіе, встрѣчающееся въ Талмудѣ,—голуби Иродовы *(гаредисіотъ)*.

На ряду съ голубями въ собственномъ смыслѣ, въ библейскихъ книгахъ упоминаются горлицы (Быт. 15, 9 и мн. др.), принадлежащія также къ отряду голубиныхъ (Giratores) и составляющія въ немъ особую группу, или семейство. Еврейское названіе горлицы—*торъ*; это названіе, подобно латинскому turtur, есть звукоподражательное и напоминаетъ собою звуки «туръ-туръ», которые горлица издаетъ при воркованіи. Библейскія книги говорятъ о горлицахъ, какъ птицахъ перелетныхъ (Іер. 8, 7), которыя появлялись въ Палестинѣ съ наступленіемъ весны въ большомъ количествѣ

и наполняли страну своимъ пріятнымъ воркованьемъ. Эти признаки указываютъ на то, что древніе обитатели св. земли знали преимущественно горлицу обыкновенную (turtur auritus). Этотъ видъ горлицъ дѣйствительно принадлежитъ къ числу перелетныхъ птицъ и появляется въ Палестинѣ въ первой половинѣ апрѣля, направляясь сюда изъ теплыхъ южныхъ странъ. Горлицы имѣютъ малую красивую голову, длинный хвостъ и крылья. У обыкновенной горлицы въ окраскѣ перьевъ преобладаетъ красновато-сѣрый цвѣтъ; по верхней части ея туловища разбросаны черныя и пепельнаго цвѣта мелкія пятна; по бокамъ шеи проходятъ четыре поперечныя черныя полоски съ бѣлыми закраинами; глаза буровато-желтые съ голубовато краснымъ кольцомъ; клювъ черный; ноги кармино-краснаго цвѣта. Горлица—птица болѣе мелкая нежели голубь (columba).

Въ библейскія времена отъ лѣтъ глубокой древности голуби и горлицы являются попреимуществу жертвенными птицами. Слѣдуетъ думать, что голуби вошли въ составъ уже первой торжественной жертвы, принесенной Ноемъ по выходѣ изъ ковчега по окончаніи потопа (Быт. 8, 20). О томъ, что голуби находились въ ковчегѣ, мы знаемъ изъ исторіи потопа. Въ этой исторіи повѣствуется, какъ извѣстно, что послѣ ворона, выпущеннаго изъ ковчега и невозвратившагося туда, Ной выпустилъ отъ себя голубя, чтобы видѣть, сошла ли вода съ лица земли. На этотъ разъ голубь очень скоро возвратился въ ковчегъ, такъ какъ не нашелъ «покоя ногамъ своимъ», т. е. не нашелъ нигдѣ совершенно сухаго мѣста, а между тѣмъ онъ любитъ отдыхать на мѣстахъ и предметахъ сухихъ и чистыхъ. Выпущенный черезъ семь дней во второй разъ, голубь снова возвратился въ ковчегъ уже вечеромъ, неся во рту свѣжій масличный листъ. То обстоятельство, что голубь хотя и пробылъ довольно долго на свободѣ, однакоже снова возвратился вечеромъ, давало понять, что земля освободилась отъ потопныхъ водъ, но еще не высохла; а свѣжій масличный листъ служилъ наглядным свидѣтельствомъ того, что на землѣ началось правильное развитіе растительной

жизни. Выпущенный черезъ семь дней въ третій разъ, голубь не возвратился, и это было признакомъ, что воды сошли съ лица земли (Быт. 8, 8—12). По выходѣ изъ ковчега, Ной устроилъ жертвенникъ Господу и принесъ во всесожженіе на жертвенникѣ не только изъ всякаго скота чистаго, но и изъ всѣхъ птицъ чистыхъ. Если, такимъ образомъ, представители всѣхъ чистыхъ птицъ были принесены во всесожженіе, то несомнѣнно въ числѣ ихъ были и голуби, такъ какъ и тогда, конечно, они занимали мѣсто между птицами чистыми. О голубѣ и горлицѣ, какъ жертвенныхъ птицахъ, говорится, далѣе, въ исторіи Авраама. Господь, въ день заключенія завѣта съ Авраамомъ, сказалъ патріарху: «возми мнѣ трилѣтнюю телицу, трилѣтнюю козу, трилѣтняго овна, горлицу и молодаго голубя. Онъ взялъ всѣхъ ихъ, разсѣкъ ихъ пополамъ и положилъ одну часть противъ другой; только птицъ не разсѣкъ» (Быт. 15, 9. 10. 18). Правда, дѣйствіе, которое долженъ былъ совершить Авраамъ по повелѣнію Божію, не можетъ быть названо жертвоприношеніемъ въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ при этомъ не упомянуто ни объ окропленіи кровію и возложеніи на жертвенникъ, ни о сожженіи животныхъ. Скорѣе это обрядъ, который многими народами древности былъ совершаемъ при заключеніи договоровъ: договаривавшіеся проходили между частями разсѣченныхъ животныхъ, полагавшимися одна противъ другой. Отсюда, приведенныя слова не содержатъ въ себѣ, повидимому, указанія на голубя и горлицу, какъ на птицъ жертвенныхъ. Но дѣло въ томъ, что овенъ, коза и телица, которыхъ долженъ былъ взять Авраамъ для совершенія обряда, были жертвенныя животныя; поэтому слѣдуетъ думать, что и голубь и горлица, присоединенные патріархомъ къ симъ животнымъ, также считались въ то время, по преимуществу, птицами жертвенными. То, что со временъ Ноя и во дни патріарховъ было религіознымъ обычаемъ, Моисей возвелъ на степень закона; въ законоположеніяхъ Моисея относительно жертвъ, голубь и горлица, и только они одни, назначены для принесенія въ жертву въ разныхъ случаяхъ. Такъ, изъ голубей или горлицъ могла

состоять жертва всесожженія, приносимая добровольно: «когда кто изъ васъ хочетъ принести жертву Господу, и изъ птицъ приноситъ онъ Господу всесожженіе, пусть принесетъ жертву свою изъ горлицъ, или молодыхъ голубей. Священникъ принесетъ ее къ жертвеннику и свернетъ ей голову и сожжетъ на жертвенникѣ, а кровь выцѣдитъ къ стѣнѣ жертвенника. Зобъ ея съ перьями ея отниметъ и броситъ его подлѣ жертвенника на восточную сторону, гдѣ пепелъ. И надломитъ ее въ крыльяхъ ея, не отдѣляя ихъ, и сожжетъ ее священникъ на жертвенникѣ, на дровахъ, которыя на огнѣ: это всесожженіе, жертва, благоуханіе пріятное Господу» (Лев. 1, 2. 14—17). Что касается жертвъ обязательныхъ, то такія жертвы изъ голубей и горлицъ слѣдовало, по предписанію закона, приносить при совершеніи обряда очищенія, при чемъ голуби и горлицы приносились или одни, или же вмѣстѣ съ другими животными. Однихъ голубей или горлицъ приносили сѣметочивые и кровоточивыя (Лев. 15, 14. 15. 28—30); голубей или горлицъ, вмѣстѣ съ мелкимъ скотомъ, должны были приносить родильницы, по окончаніи ихъ обычнаго очищенія (Лев. 12, 6), и назореи, когда, во дни исполненія обѣтовъ назорейства, они нечаянно осквернялись прикосновеніемъ къ умершему (Числ. 6, 6—12). Когда жертва состояла изъ однихъ птицъ, тогда приносились или двѣ горлицы, или два молодыхъ голубя; для жертвы изъ мелкаго скота и птицъ можно было ограничиться одною какою либо птицею (Лев. 12, 6). Въ случаѣ бѣдности лица, которое должно было принести жертву, птицы могли замѣнять собой мелкій скотъ или отчасти, или же сполна. Такъ прокаженный, исцѣлившись отъ болѣзни прокаженія, долженъ былъ, по закону, взять для жертвы, между прочимъ, двухъ овновъ и одну овцу. «Если же онъ бѣденъ, говоритъ законодатель, и не имѣетъ достатка: то пусть возметъ овна... и двухъ горлицъ, или двухъ молодыхъ голубей, что достанетъ рука его» (Лев. 14, 10. 21. 22). Относительно жертвы родильницы законъ предписываетъ: «по окончаніи дней очищенія своего, она должна принести однолѣтняго агнца во всесожженіе и

молодаго голубя или горлицу въ жертву за грѣхъ. Если же она не въ состояніи принести агнца, то пусть возметъ двухъ горлицъ, или двухъ молодыхъ голубей, одного во всесожженіе, а другаго въ жертву за грѣхъ» (Лев. 12, 6. 8). Согласно съ этимъ постановленіемъ, Пресвятая Дѣва Марія и ея обручникъ дали въ жертву не агнца и птицу, а только двухъ птицъ, такъ какъ принесеніе въ жертву агнца было выше ихъ средствъ (Лук. 2, 24). Подобная же замѣна жертвеннаго животнаго птицами допускалась и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, которые перечислены въ 5 гл. кн. Левитъ стт. 1—4. Въ указанныхъ здѣсь случаяхъ лицо, которое обязывалось принести жертву, должно было взять съ этою цѣлію овцу или козу; если же оно было бѣднаго состоянія, то животное изъ мелкаго скота могло быть замѣнено двумя горлицами, или двумя голубями.—Съ обѣднѣніемъ населенія св. земли, естественно, должны были увеличиться жертвы изъ птицъ, особенно же жертвы добровольныя; поэтому во времена втораго храма, при храмѣ была организована постоянная и обширная торговля голубями, при чемъ торговцы, преслѣдуя свои выгоды, потеряли всякое благоговѣніе къ святынѣ храма и въ немъ открыли свою торговлю; поэтому Господь Іисусъ, снѣдаемый ревностію о домѣ Божіемъ, вынужденъ былъ удалять торговцевъ съ мѣстъ, беззаконно ими занятыхъ, и обращаться къ нимъ съ горькими упреками. Такъ, по свидѣтельству Ев. Іоанна, Христосъ увидѣлъ однажды въ храмѣ продавцовъ голубей и сказалъ имъ: «возмите это отсюда и не дѣлайте дома Отца Моего домомъ купли» (Іоан. 2, 14—17).—То обстоятесьство, что изъ всѣхъ чистыхъ птицъ только горлицы и голуби назначены законодателемъ для принесенія въ жертву, можетъ быть объяснено обиліемъ ихъ въ Палестинѣ и затѣмъ ихъ кротостію и внѣшнею чистотою, благодаря чему они должны были быть наиболѣе пріятною и благоугодною жертвою Господу.

Заимствуя сравненія и образы отъ голубей и горлицъ, библейскіе писатели принимали во вниманіе быстроту голубинаго полета (Пс. 54, 7; Ос. 11, 11), обычай голубей ле-

тать большими стаями (Пс. 60, 8), окраску ихъ перьевъ; въ послѣднемъ случаѣ предметомъ для сравненія служило бѣлое съ золотистымъ отливомъ опереніе породистыхъ голубей, какъ особенно красивое. Такъ псалмопѣвецъ сравнилъ съ голубицею, крылья которой покрыты серебромъ, а перья чистымъ золотомъ, сыновъ Израиля, размѣстившихся въ своихъ удѣлахъ послѣ занятія земли Обѣтованной (Пс. 67, 14). По всей вѣроятности, въ этомъ сравненіи, употребленномъ псалмопѣвцемъ, содержится указаніе на обиліе вещей изъ серебра и золота, которыми украшались сыны Израиля, размѣстившись въ Палестинѣ и завладѣвши богатствами Хананеевъ; быть можетъ сравненіе имѣетъ въ виду также преобладаніе свѣтлыхъ праздничныхъ цвѣтовъ въ одеждахъ Евреевъ. Голубиное воркованье, которое у каменныхъ голубей состоитъ изъ грустныхъ глухо переливающихся тоновъ, напоминающихъ стенанье, служило у ветхозавѣтныхъ писателей образомъ тѣхъ слезъ, вздоховъ и рыданій, которые вызываются великими несчастіями. Такъ, у пр. Іезекіиля читаемъ: «уцѣлѣвшіе изъ сыновъ Израилевыхъ убѣгутъ и будутъ на горахъ, какъ голуби долинъ; всѣ они будутъ стонать, каждый за свое беззаконіе (Іезек. 7, 16. Ср. Ис. 59, 11). Царь Езекія такими, между прочимъ, словами описываетъ то состояніе, въ которомъ онъ находился во время предсмертныхъ страданій: «я тосковалъ, какъ голубь; уныло смотрѣли глаза мои къ небу: Господи! тѣсно мнѣ; спаси меня» (Иса. 38, 14). Каменные голуби, прилетая на источники для утоленія жажды, входятъ, какъ выше замѣчено, въ воду, что конечно доставляетъ имъ удовольствіе, освѣжая въ жаркіе дни, и для наблюдателя представляетъ пріятное зрѣлище, тѣмъ болѣе что нѣкоторыя изъ голубиныхъ перьевъ издаютъ, особенно на солнцѣ, металлической блескъ. Это обыкновеніе голубей дало поводъ возлюбленной Пѣсни Пѣсней сравнить съ голубями глаза возлюбленнаго, зрачки которыхъ, влажные и блестящіе, окруженные бѣлками, какъ-бы купаются въ молокѣ, подобно голубямъ въ потокѣ: «глаза возлюбленнаго—какъ голуби при потокахъ водъ, купающіеся

въ молокѣ, сидящіе въ довольствѣ» (Пѣсн. 5, 12), такъ восклицаетъ Суламита, описывая красоту своего жениха.

Внутренія свойства голубей и горлицъ точно также послужили обильнымъ матеріаломъ для библейскихъ сравненій и образовъ. Преслѣдуемые врагами, голуби обнаруживаютъ торопливость и недостатокъ разсудительности, вслѣдствіе чего они ищутъ спасенія не тамъ, гдѣ-бы слѣдовало, а потому не только не избѣгаютъ бѣды, но впадаютъ въ еще большую опасность. Имѣя въ виду эту особенность голубей, пр. Осія такъ обличаетъ Израиля отъ лица Господа: «сталъ Ефремъ какъ глупый голубь безъ сердца: зовутъ Египтянъ, идутъ въ Ассирію. Когда они пойдутъ, Я закину на нихъ сѣть Мою, какъ птицъ небесныхъ низвергну ихъ. Горе имъ, что они удалились отъ Меня; гибель имъ, что они отстали отъ Меня» (Ос. 7, 11—13). Впрочемъ, это единственная, говорящая не въ пользу голубей, черта, указанная въ Библіи. Преимущественно же библейская образная рѣчь выставляетъ на видъ тѣ свойства голубиной породы, которыя всюду и всегда обезпечивали ей всеобщее расположеніе. Голуби, разъ спарившись, не оставляютъ уже другъ-друга; и въ этой неизмѣнной и трогательной преданности и въ той нѣжности, какая обнаруживается въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, они представляютъ живой и выразительный образъ лицъ, соединенныхъ чистою и крѣпкою взаимною любовью. Отсюда женихъ Пѣсни Пѣсней называетъ свою невѣсту, исполненную нѣжной и преданной любви къ нему, голубицею. «Голубица моя! взываетъ онъ: покажи мнѣ лице твое; дай мнѣ услышать голосъ твой, потому что голосъ твой сладокъ, и лице твое пріятно» (Пѣсн. 2, 14; ср. 5, 2; 6, 8), и сравниваетъ ея глаза съ чистыми, дружелюбно и довѣрчиво смотрящими голубиными глазами (1, 15; 4, 1). Въ свою очередь и невѣста, изображая достоинства своего возлюбленнаго, заимствуетъ нѣкоторыя черты изъ жизни голубей (Пѣсн. 5, 12). Голуби, далѣе, отличаюсся простою, чуждою всякой хитрости и злобы, невинностію и кротостію; поэтому самъ Господь требуетъ отъ своихъ послѣдователей кротости, которая была

бы подобна кротости голубиной: «будьте мудры, какъ змѣи, и незлобивы, какъ голуби». Будучи наконецъ кроткими и незлобивыми, голуби, а также и горлицы, не умѣютъ защищаться и потому не даютъ отпора своимъ врагамъ, но съ трогательною покорностію переносятъ ихъ преслѣдованія. Это даетъ псалмопѣвцу поводъ сравнить съ горлицею Израиля, преслѣдуемаго могущественными врагами, и просить гонимому помощи отъ Господа: «не предай звѣрямъ душу горлицы Твоей; собраніе убогихъ твоихъ не забудь навсегда» (Пс. 73, 19). Подобнымъ же образомъ псалмопѣвецъ и себя самого, во время жестокихъ преслѣдованій со стороны враговъ, сравниваетъ съ голубицею, безмолвствующею въ удаленіи (Пс. 55, 1—3 въ русск. пер.). Въ лучшихъ свойствахъ голубиной породы можно находить объясненіе того, почему голубь удостоился быть символомъ Духа Божія (Мѳ. 3, 16; Мр. 1, 10; Лук. 3, 22; Іоан. 1, 32). Нѣжный и дружелюбный, всегда полный яснаго спокойствія, чистый и невинный—голубь есть достойный образъ Духа Божія, который есть Духъ Утѣшитель (Іоан. 14, 26; 15, 26 и др.), Податель мира и радости (Римл. 14, 17; Гал. 5, 22 и др.) и всяческихъ духовныхъ благъ, Духъ истины, все очищающій и освящающій (Римл. 1, 4; 15, 16 и др.).

Въ настоящее время Палестина, какъ и въ древности, изобилуетъ голубями различныхъ породъ, а также и горлицами. Каменные голуби населяютъ скалистыя мѣстности иги ѣздятся въ узкихъ горныхъ долинахъ и ущельяхъ скалъ. Такъ, путешественники встрѣчаютъ цѣлыя колоніи этихъ голубей въ скалистыхъ окрестностяхъ Мертваго моря (Robinson, II, 433). Но особенно много ихъ въ окрестностяхъ Геннисаретскаго озера, между прочимъ, въ узкой, напоминающей ущелье, долинѣ ель-Хаммамъ (el-Hammam), идущей на западъ отъ Медждемъ, древней Магдалы. Долина эта издавна служила пристанищемъ для голубиныхъ стай; отсюда и ея названіе Вади ель-Хаммамъ, что значитъ «долина голубей». Голуби древесные водятся исключительно въ лѣсистыхъ мѣстахъ на Кармилѣ, Ливанѣ и въ Галлаадѣ. Въ Галлаадскихъ лѣсахъ эти голуби проводятъ зиму, а весною, въ Мартѣ перелетаютъ

далѣе на сѣверъ.—Что касается горлицъ, то ихъ въ современной Палестинѣ насчитываютъ три вида. Самый распространенный изъ нихъ—обыкновенная горлица (Turtur auritus), легко приручаемая и принадлежащая къ числу перелетныхъ птицъ. Далѣе слѣдуетъ смѣющаяся горлица (Turtur risorius, Streptopeleia risoria) или смѣющійся голубь, съ преобладаніемъ буровато-желтаго цвѣта въ окраскѣ перьевъ. Птица эта постоянно и въ значительномъ количествѣ живетъ въ окрестностяхъ Мертваго моря и только лѣтомъ нѣсколько передвигается на сѣверъ, между прочимъ, въ лѣса Галаада. Смѣющаяся горлица воркуетъ, подобно обыкновенной, но постоянно сопровождаетъ свое воркованіе особенными звуками, напоминающими хохотъ; отсюда и ея названіе. Кромѣ этихъ двухъ видовъ, въ палестинскихъ садахъ встрѣчается изрѣдка еще пальмовая горлица (Turtur senegalensis), любящая гнѣздиться на пальмахъ (Riehm. s. 1618).—И теперь, какъ въ библейскія времена, обитатели Палестины съ усердіемъ и любовію занимаются разведеніемъ голубей. Для большаго успѣха въ этомъ дѣлѣ, по всей странѣ устраиваются голубиныя башни. Голубиная башня имѣетъ видъ небольшаго круглаго зданія, заканчивающагося или куполомъ, или сводомъ. Внутри зданія, въ верхнія части его глиняныхъ стѣнъ вмазаны толстые глиняные горшки. Каждый изъ этихъ горшковъ и служитъ гнѣздомъ для голубинаго семейства. Ряды горшковъ, одинъ надъ другимъ, идутъ вокругъ всего зданія. Такъ какъ горшки плотно прилегаютъ одинъ къ другому и однимъ концомъ выходятъ внутрь а другимъ наружу, то собственно говоря, верхній ярусъ голубиной башни состоитъ именно изъ нихъ. Днища этихъ глиняныхъ гнѣздъ, обращенныя кнаружи, просверлены, для того чтобы голуби могли пользоваться свѣжимъ воздухомъ и свѣтомъ. Въ нижней части башни продѣлываются большія отверстія, на подобіе оконъ; чрезъ нихъ голуби и влетаютъ въ свои помѣщенія. Голубиныя башни строятся людьми болѣе или менѣе зажиточными. Что же касается бѣдняковъ, то они устраиваютъ глиняныя гнѣзда для голубей въ заднихъ стѣнахъ своихъ домовъ. Здѣсь

голуби проникаютъ въ свои помѣщенія и вылетаютъ изъ нихъ на волю чрезъ наружныя двери, ведущія въ жилище. При такихъ условіяхъ голуби становятся въ буквальномъ смыслѣ домашнею птицею (Ebers und Guthe, Palästina. II, s. 160—161).

Изъ отряда скребущихъ (Rasores) Библія называетъ домашнихъ куръ, куропатокъ (рябковъ), перепеловъ и павлиновъ.

Нѣкоторые изъ ученыхъ писателей утверждаютъ, что Евреи издавна знали куръ и что они могли заимствовать ихъ изъ Египта, гдѣ, будтобы, съ древнѣйшихъ временъ занимались куроводствомъ (Vaihinger, Real-Enzyklopödie 1 Auf. Bd. 6, s. 304). Но это не вѣрно. Въ древнія ветхозавѣтныя времена куры не были извѣстны въ Палестинѣ. Ветхозавѣтныя писанія не упоминаютъ объ этихъ птицахъ и если говорятъ иногда объ употребленіи въ пищу яицъ, то во всѣхъ этихъ случаяхъ разумѣются яйца дикихъ птицъ, живущихъ на волѣ (Второз. 22, 6. Ис. 10, 14; 59, 5). Не существовало куръ и въ древнемъ Египтѣ, откуда Евреи могли бы, конечно, ихъ заимствовать: на египетскихъ памятникахъ, которые наглядно знакомятъ насъ, въ своихъ изображеніяхъ, съ мельчайшими подробностями домашняго хозяйства Египтянъ, — рисунковъ куръ нигдѣ не найдено. Правда, греческіе писатели свидѣтельствуютъ о томъ, что Египтяне издревле владѣли умѣньемъ искуственно выводить птенцовъ изъ яицъ: но они при этомъ говорятъ не о куриныхъ, а вообще о птичьихъ яйцахъ. По всей вѣроятности, это были яйца гусей и утокъ. Эти птицы, какъ даютъ видѣть египетскіе памятники, были въ большомъ количествѣ разводимы въ Египтѣ, и яйца ихъ имѣли большую цѣну въ домашнемъ быту Египтянъ (Hehn, Kulturpflanzen und Hausthiere. 1870. s. 225—226). Куры появились и распространились въ Палестинѣ въ послѣдній ветхозавѣтный періодъ предъ началомъ христіанской эры; поэтому въ новозавѣтныхъ писаніяхъ о нихъ говорится, какъ объ извѣстной для всѣхъ домашней птицѣ. Такъ Спаситель указалъ на нѣжную и самоотверженную заботливость насѣдки

о своихъ птенцахъ, которыхъ она собираетъ подъ свои крылья, чтобы успокоить ихъ или предохранить отъ опасности, какъ на образъ той отеческой заботливой любви, какую Онъ обнаружилъ по отношенію къ чадамъ Сіона, желая сохранить ихъ отъ погибели (Мо. 23, 37. Лук. 13, 35). Подобный же образъ употребляется въ писаніяхъ Ветхаго Завѣта, но съ тѣмъ различіемъ, что тамъ заботливость Господа о сынахъ Израиля сравнивается съ заботливостію орла о молодыхъ орлятахъ, которыхъ онъ въ извѣстномъ случаѣ поддерживаетъ на своихъ крыльяхъ (Исх. 19, 4. Второз. 32, 11. 12). Что касается пѣнія пѣтуховъ, то въ Палестинѣ, во дни Христа, оно употреблялось для обозначенія времени: «пѣніемъ пѣтуховъ» называлась извѣстная часть ночи (Мр. 13, 35). Это «пѣніе пѣтуховъ» совпадало съ одною изъ ночныхъ римскихъ стражъ—третьею (всѣхъ было четыре). Съ первымъ, полуночнымъ пѣніемъ третья стража начиналась, со вторымъ, предразсвѣтнымъ, около трехъ часовъ утра, оканчивалась. О пѣніи пѣтуховъ упоминаютъ всѣ Евангелисты, когда повѣствуютъ о предсказаніи Спасителя объ отреченіи ап. Петра и о самомъ отреченіи (Мѳ. 26, 34. 75. Мр. 14, 30. 68; 72. Лук. 22, 34. 60. 61. Іоан. 13, 38; 18, 27). Ап. Петръ отрекся предъ первымъ пѣніемъ пѣтуховъ; за третьимъ его отреченіемъ послѣдовало второе пѣніе (Мр. 14, 68. 72). Такимъ образомъ троекратное отреченіе Апостола совершилось въ третью стражу ночи. Съ распространеніемъ куръ и употребленіе яицъ въ пищу сдѣлалось въ Палестинѣ очень обыкновеннымъ (Лук. 11, 12).

Причину поздняго, сравнительно, появленія куръ въ Св. Землѣ можно видѣть въ отдаленности первоначальной родины этихъ птицъ отъ Палестины. Родина домашнихъ куръ Индія, гдѣ онѣ доселѣ встрѣчаются въ дикомъ состояніи. Изъ Индіи куры проникли въ Вавилонію, затѣмъ въ страны, лежащія на западъ отъ Вавилоніи, между прочимъ въ Грецію, благодаря военнымъ походамъ въ эти страны Мидянъ и Персовъ. О томъ, что куры были занесены въ Грецію именно Персами, свидѣтельствуетъ то, что Греки въ древности на-

зывали куръ, между прочимъ, персидскою птицею. Греки, наконецъ, познакомили съ курами обитателей Палестины.

Въ странахъ своего первоначальнаго разселенія куры, и именно самцы, почитались птицами священными. Такъ въ древнемъ Вавилонѣ пѣтухъ служилъ символомъ божества, вѣроятно бога солнца и поэтому удостоивался религіозныхъ чествованій, о чемъ свидѣтельствуютъ изображенія на древневавилонскихъ печатяхъ и глиняныхъ цилиндрахъ (Riehm, 644). У Персовъ, послѣдователей религіи Зороастра, пѣтухъ также признавался священнымъ животнымъ и, какъ провозвѣстникъ утра,—символомъ свѣта и солнца. Онъ былъ посвященъ небесному стражу, *Краошѣ* (Craosha), въ управленіи котораго находилась часть ночи съ полуночи до солнечнаго восхода. Возбуждаемый свѣтомъ, Краоша въ свою очередь оказывалъ дѣйствіе на пѣтуха, а этотъ послѣдній своимъ пѣніемъ прогонялъ злыхъ духовъ тьмы, особенно демона сна, и разрушалъ чары заклинателей. Посему о пѣтухѣ древніе Персы говорили: онъ побѣждаетъ все враждебное добру, его голосъ разрушаетъ злое.—Естественно, что эти персидскія представленія проникли и къ жителямъ тѣхъ странъ, куда куры, благодаря Персамъ, заносились въ качествѣ домашней птицы. Съ ними, между прочимъ, были первоначально знакомы обитатели Греціи и слѣды представленія о пѣтухѣ, какъ символѣ солнца и вообще свѣта, или огня, Греки оставили въ названіи пѣтуха «алекторъ» (αλεκτωρ). Это названіе, по крайней мѣрѣ при первомъ своемъ примѣненіи къ необыкновенной птицѣ, было тожественно по значенію съ словомъ «илекторъ» (ηλεκτωρ), которое на языкѣ древнихъ греческихъ поэтовъ значило «восходящее солнце» или «огонь» [в].

в) Позднѣе названіе αλεκτωρ стали производить отъ α—частицы отрицанія и λεκτωρ — ложе. По такому словопроизводству αλεκτωρ можетъ означать: „непользующійся ложемъ“, „недремлющій“ и въ этомъ значеніи очень примѣнимо къ пѣтуху, оглашающему своимъ бодрымъ пѣніемъ и полуночное время и предразсвѣтный часъ.

Миѳическія представленія о пѣтухѣ древняго Востока и доселѣ хранятся среди обитателей Русской земли, притомъ съ замѣчатель-

Слово «алекторъ» употребляется въ подлинномъ греческомъ текстѣ Евангелій и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ текста славянскаго (Мѳ. 26, 34. Мр. 14, 68. 72. Іоан. 13, 38) оставлено безъ перевода, въ другихъ передано словомъ «пѣтель».

Куропатка—по-еврейски *коре*. Указаніе на эту птицу мы находимъ въ 1 Цар. 26, 20. Давидъ, встрѣтивши въ пустынѣ Зифъ преслѣдовавшаго его Саула, говоритъ, между прочимъ, своему могущественному преслѣдователю: «царь Израилевъ вышелъ искать одну блоху, какъ гоняются за куропаткою по горамъ». Въ этихъ словахъ названъ опредѣленный видъ куропатки, именно куропатка каменная (Caccabis saxatilis, Caccabis gracca). Каменная куропатка имѣетъ очень красивую окраску; верхняя часть ея тѣла и грудь сѣро-голубаго цвѣта; нижняя часть ржаво-желтая; шея бѣлая, охваченная, какъ кольцомъ, черною полоскою; черная же полоска проходитъ отъ основанія носа вдоль головы; крылья черновато-бурыя; хвостъ ржаво-красный; по спинѣ проходятъ черныя и бурыя полосы; глаза красно-бурые; клювъ кораллово-красный; ноги блѣдно-красныя; длина птицы около 8 вершковъ. Голосъ каменной куропатки напоминаетъ клохтанье домашнихъ куръ; пищею для нея служатъ почки горныхъ растеній, молодые листки, ягоды, разнаго рода сѣмена, мелкія насѣкомыя, зимою можжевеловыя ягоды и даже еловая хвоя. Птица эта обитаетъ въ горныхъ мѣстностяхъ; для передви-

---

ною полнотою и живостію. Такъ въ настоящее время у Русскихъ людей существуетъ повѣрье, что пѣніе пѣтуха разгоняетъ нечистыхъ духовъ, оборотней, привидѣнія и под., а также разрушаетъ чары колдуновъ, вообще противодѣйствуетъ всему, что направляетъ свое злое и таинственное могущество на человѣка въ часы, ближайшіе къ полуночи. Поэтому страшливые обитатели деревень, смущаемые загадочными ночными звуками и безпорядочными грезами полусоннаго состоянія, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ пѣнія пѣтуховъ, и оно ободряетъ ихъ. Далѣе русскіе люди и доселѣ сохранили, хотя и смутное, представленіе о пѣтухѣ, какъ символѣ свѣта или огня, на что указываетъ часто употребляемое выраженіе: „пустить краснаго пѣтуха“, что значитъ „поджечь“. Здѣсь пѣтухъ является символомъ огня и отожествляется съ послѣднимъ.

женія съ мѣста на мѣсто рѣдко пользуется крыльями; если же и летаетъ, то очень не высоко и совершаетъ очень короткіе перелеты; но взамѣнъ этого, она отличается быстротою бѣга, благодзря которой успѣшно укрывается отъ непріятелей. На этой особенности горной куропатки основывается и способъ охоты за нею; охотникъ, обыкновенно, гонится за убѣгающею отъ него птицею и доводитъ ее до крайняго утомленія; утомившись, птица падаетъ и становится легкою добычею своего преслѣдователя. Такой способъ охоты былъ употребляемъ древними Евреями и на него указываетъ Давидъ въ своемъ обращеніи къ Саулу. Дальнѣйшее упоминаніе о куропаткѣ мы находимъ у пр. Іерем. 17, 11, гдѣ говорится: «куропатка садится на яйца, которыхъ не несла; такъ пріобрѣтающій богатство неправдою». Въ этихъ словахъ содержится указаніе на такой фактъ изъ жизни куропатокъ, который никогда не былъ наблюдаемъ и самъ-по-себѣ представляется мало вѣроятнымъ; не наблюдали его, конечно, и древніе Евреи и потому едва ли могли говорить о куропаткѣ, садящейся на чужія яйца. И дѣйствительно они не говорили; по крайней мѣрѣ, подлинный текстъ, Іер. 17, 11, не говоритъ объ этомъ. Ближе къ подлинному тексту и къ его первоначальному смыслу стоитъ переводъ LXX, а за нимъ и славянскій; въ славянскомъ переводѣ читаемъ: «собра, ихъже не роди» г). При такомъ переводѣ смыслъ Іер.

г) Въ переводѣ LXX значится: περδιξ συνηγαγεν α ουκ ετεκεν, въ славянскомъ: „рябъ собра, ихъже не роди". Греческому „συνηγαγεν" и славянскому „собра" соотвѣтствуетъ слово „дагаръ". Слово это только дважды употреблено въ подлинномъ ветхозавѣтномъ текстѣ, и въ первый разъ въ Пс. 34, 15. Въ этомъ мѣстѣ „дагаръ" передано въ русскомъ переводѣ словомъ „собирать" (летучій змій будетъ *собирать* дѣтей подъ тѣнь свою); тѣмъже словомъ можно и должно передать „дагаръ" и въ Іерем. 17, 11, какъ оно и передано въ греческомъ и славянскомъ переводѣ, тѣмъ болѣе, что только при такой передачѣ получается ясный и согласный съ дѣйствительностію смыслъ. Слѣдуетъ однакоже замѣтить, что въ передачѣ Іер. 17, 11, именно первой части стиха, гдѣ рѣчь идетъ о куропаткѣ, всѣ переводы какъ древніе, такъ и новые разногласятъ между собою (Kurzgefasstes exegetl. Handbuch zum

17, 11 будетъ слѣдующій: какъ куропатка собираетъ (птенцовъ), которыхъ не выводила, такъ поступаетъ пріобрѣтающій богатство неправдою, т.-е. онъ присволяетъ не принадлежащее ему, жнетъ, гдѣ не сѣялъ, собираетъ, гдѣ не расточалъ. Такой переводъ подлинника находитъ подтвержденіе своей правильности въ жизни куропатокъ. Замѣчено, что старыя куропатки (самецъ или самка) нерѣдко присоединяютъ къ своимъ молодымъ выводкамъ и чужихъ птенцовъ, или отбившихся отъ своего гнѣзда, или осиротѣвшихъ, и такимъ образомъ увеличиваютъ свою семью новыми членами, о которыхъ дотолѣ не заботились и которыхъ не выводили. Извѣстно также, что молодые выводки куропатокъ мало-по-малу присоединяются одинъ къ другому и составляютъ обширныя стаи, которыя только зимою, по недостатку корма, начинаютъ снова распадаться на меньшія группы. О куропаткѣ, слѣдовательно, можно по справедливости сказать, что она собираетъ тѣхъ, которыхъ не выводила, не раждала. Наконецъ, куропатка названа Сир. 11, 30. Правда, въ русскомъ этотъ стихъ читается такъ: «какъ охотничья птица въ западнѣ, таково сердце надменнаго»; но словомъ «птица» русскій переводчикъ передалъ слово περδιξ, употребленное въ греческомъ текстѣ книги Сираха и у LXX Іер. 17 11 и обыкновенно передаваемое словомъ «куропатка». Такимъ образомъ эти слова указываютъ на новый способъ ловли куропатокъ въ древней Палестинѣ: эти птицы заманивались въ западню или сѣти, будучи привлекаемы крикомъ ручной куропатки, находившейся въ распоряженіи охотника. Подобный способъ ловли употребляется и въ настоящее время; особено

А. Т. 3, L. 7, 2 Aufl. s. 133. 134). Причина этого заключается въ томъ, что подлинный текстъ, говоря о птицѣ, жизнь которой до послѣдняго времени мало была извѣстна, отличается въ тоже время крайнею сжатостію и неясностію, что́ ставило и ставитъ переводчиковъ въ необходимость не переводить буквально текстъ, а истолковывать, изъяснять его. Переводчики такъ поступали и поступаютъ, при чемъ они, естественно, расходились и расходятся между собою.

распространенъ онъ въ Испаніи при охотѣ за красными куропатками. Охотникъ отправляется съ прирученною птицею, которую несетъ въ клѣткѣ, туда, гдѣ водятся красныя куропатки, устраиваетъ для себя засаду и, въ разстояніи десяти или пятнадцати шаговъ отъ засады, ставитъ клѣтку и прикрываетъ ее хворостомъ. Ловчая куропатка начинаетъ кричать; ея родичи, привлекаемые крикомъ, приближаются къ клѣткѣ и къ засадѣ и падаютъ подъ выстрѣлами охотника (Брэмъ).

Въ трехъ, разсмотрѣнныхъ нами, мѣстахъ библейскаго текста славянскій переводъ Библіи расходится съ русскимъ въ наименованіи той птицы, о которой въ названныхъ мѣстахъ упоминается. Такъ въ 1 Цар, 26, 20 по-славянски читаемъ: «изыде царь Израилевъ искати души моея, и гонитъ якоже нощной вранъ по горамъ». Здѣсь вмѣсто куропатки названъ нощной вранъ (у LXX νυκτικόραξ) или филинъ, и вообще дана мысль отличная отъ той, какая выражена въ переводѣ русскомъ. Въ русскомъ переводѣ, согласномъ съ подлинникомъ, преслѣдуемый Давидъ сравнивается съ беззащитною каменною куропаткою; въ славянскомъ же, соотвѣтствующемъ тексту LXX, преслѣдующій Саулъ уподобляется ночному ворону, или филину, гоняющемуся по горамъ за добычею. Причина этой разности заключается или въ томъ, что греческіе переводчики вмѣсто *коре* (куропатка) прочитали *кос* (филинъ), или же въ томъ, что по неясности подлиннаго текста, они истолковали его и придали ему тотъ смыслъ, который казался имъ наиболѣе яснымъ и правильнымъ. Далѣе въ Іер. 17, 11 славянскіе переводчики поставили *рябъ*, въ Сир. 11, 30—рябокъ. Но слово *рябокъ* обозначаетъ другую птицу, отличную отъ куропатки и также водящуюся въ Палестинѣ. Рябокъ (Pterocles), или пустынная курица, имѣетъ длинныя крылья, длинный, клиновидный хвостъ, малую красивую голову, короткія ноги, пальцы до перваго сустава соединенные перепонкою, короткія, широкія, закругленныя перья; въ окраскѣ перьевъ рябка преобладаетъ песочный цвѣтъ съ разнообразными узорами изъ полосъ и пятенъ различныхъ

цвѣтовыхъ оттѣнковъ. Рябокъ живетъ стаями въ пустынныхъ мѣстностяхъ, питается сѣменами растеній, отлячается быстротою полета; при полетѣ издаетъ звуки, напоминающіе слово ‹кадда›, и этимъ словомъ называютъ его современные Арабы. Тетерь вопросъ: куропатку или рябка разумѣть подъ еврейскимъ *коре* и греческимъ περδιξ? Несомнѣнно, что можно разумѣть и ту и другую птицу. Дѣло въ томъ, что куропатки и рябки принадлежатъ къ одной и тойже породѣ дикихъ куръ, заключающей въ себѣ такъ много видовъ и разновидностей, что даже современные естествоиспытатели не могутъ съ точностію ихъ разграничить и придумать для нихъ особенныя различныя названія. Не могло, конечно, быть ни подобнаго разграниченія, ни особенныхъ названій въ древней Палестинѣ, тѣмъ болѣе что многочисленные виды и разновидности дикихъ куръ, различаясь между собою по величинѣ, окраскѣ перьевъ, строенію клюва и ногъ, очень сходны между собою по устройству гнѣздъ, уходу за птенцами, характеру пищи и вообще по образу жизни; притомъ всѣ они служатъ одинаково привлекательною для охотниковъ дичью и доставляютъ одинаково пріятную пищу. Поэтому слѣдуетъ думать, что какъ древніе Евреи подъ именемъ *коре*, такъ и греческіе переводчики подъ именемъ περδιχξ разумѣли не одинъ какой-либо опредѣленный видъ, а всѣ виды и разновидности дикихъ куръ, водившихся въ ихъ времена въ Палестинѣ. Если такъ, то наименованіе *коре* и περδιχξ можно переводить и словомъ ‹куропатка›, и словомъ ‹рябокъ›, и словомъ ‹рябчикъ› и др.

Въ настоящее время, какъ и въ древности, Палестина изобилуетъ различными видами и разновидностями дикихъ куръ. Такъ пустыня и горы Іудины, окрестности Мертваго моря и другія горныя мѣстности переполнены каменными куропатками (Robinson, Palästina. I, s. 361. II. s, 476), а также куропатками пустынными (Ammoperdix heyi), отличающимися оранжевымъ цвѣтомъ клюва и ногъ и очень пестрымъ опереніемъ (Riehm s. 1270). Въ окрестностяхъ Геннисаретскаго озера и около Акко встрѣчаются близкіе родичи ка-

менной куропатки, такъ называемые франколины (Francolinus vulgaris), имѣющіе болѣе длинные нежели у куропатки клювъ и хвостъ и на ногахъ шпоры и обитающіе въ мѣстностяхъ богатыхъ кустами (Richm, Брэмъ). Но особенно много въ Палестинѣ рябковъ, которые громадными стаями появляются въ маѣ и іюнѣ около Мертваго моря и въ мѣстностяхъ на востокъ отъ Іордана. Рябковъ въ Палестинѣ насчитываютъ четыре слѣдующіе вида: рябокъ степной (Pterocles arenarius), рябокъ горный (Pterocles alchata), рябокъ песчаный (Pterocles exustus) и рябокъ сенегальскій (Pterocles senegalensis). Наконецъ водятся въ нѣкоторыхъ равнинахъ Св. Земли и обыкновенныя сѣрыя куропатки.

Перепелъ (Coturnix), по-еврейски *селавъ*; о немъ говорится: Исх. 16, 12. 13. Числ. 11, 4. 18—20. 31—34. Пс. 104, 40; 77, 26—31. Перепелъ, по сравненію съ другими родственными ему птицами, изъ отряда скребущихъ, имѣетъ незначительную длину, не болѣе пяти вершковъ вмѣстѣ съ хвостомъ, сравнительно длинныя и острыя крылья, короткій закругленный хвостъ, короткія ноги. Въ окраскѣ перьевъ перепела преобладаетъ бурый цвѣтъ разнообразныхъ оттѣнковъ; по верхней и нижней части его туловища проходятъ дольныя и поперечныя полосы, а также разбросаны пятна различныхъ цвѣтовъ. Быстротою движеній перепелъ превосходитъ всѣхъ своихъ родичей, исключая рябковъ; питается онъ насѣкомыми и сѣменами растеній, особенно хлѣбныхъ злаковъ. Любимымъ мѣстопребываніемъ для перепеловъ служатъ равнины, притомъ засѣянныя хлѣбами; впрочемъ они селятся и на лугахъ, а также и въ гористыхъ мѣстностяхъ; такъ Робинзонъ встрѣтилъ перепеловъ на западномъ гористомъ прибрежьѣ Мертваго моря; по его словамъ, и деревья и скалы, и воздухъ вокругъ него были переполнены трелями жаворонковъ, бодрымъ щелканіемъ перепеловъ, призывными звуками куропатки и щебетаніемъ другихъ мелкихъ и безчисленныхъ пѣвцовъ (Robinson, Palästina, II, 476). Плодовитость перепеловъ очень велика; самка выводитъ отъ 8 до 14 птенцовъ; отсюда эти птицы размножаются очень быстро·

Перепела принадлежатъ къ числу перелетныхъ птицъ. Періодъ времени, соотвѣтствующій зимѣ сѣверныхъ странъ, они проводятъ въ Африкѣ, частію въ юго-западной Азіи. Съ наступленіемъ весны начинается ихъ движеніе на сѣверъ. Далекое сѣверное путешествіе, особенно для перепеловъ проводящихъ зиму въ Африкѣ, сопряжено съ большими опасностями, такъ какъ имъ предстоитъ перелетъ моря, между тѣмъ они не отличаются легкостію и быстротою полета. Въ апрѣлѣ перепела собираются по берегамъ Средиземнаго и Краснаго морей и большими стаями поднимаются въ путь. Въ спокойную погоду перелетъ совершается счастливо; но при сильномъ вѣтрѣ, особенно во время бури, множество перепеловъ погибаетъ въ морскихъ волнахъ. Перелетъ чрезъ море до такой степени утомляетъ пернатыхъ путниковъ, что они, достигнувъ суши, замертво, цѣлыми кучами падаютъ на землю; спустя нѣкоторое время, въ кучахъ начинается движеніе: птицы, одна за другою, поднимаются на ноги и пускаются далѣе, но онѣ уже не летятъ, а бѣгутъ; и только чрезъ нѣсколько дней послѣ перелета чрезъ море стаи перепеловъ рѣшаются подняться на воздухъ. Осенью перепела совершаютъ второй перелетъ съ сѣвера въ теплыя южныя страны.

Библія говоритъ о перепелахъ, описывая странствованіе Евреевъ по Синайскому полуострову во время ихъ пути изъ Египта въ Обѣтованную землю. Когда въ пятнадцатый день втораго мѣсяца по выходѣ изъ Египта, Евреи пришли въ пустыню Синъ, то они ощутили недостатокъ въ хлѣбѣ и мясѣ и возроптали. Тогда Господь сказалъ Моисею: «Я услышалъ ропотъ сыновъ Израилевыхъ; скажи имъ: вечеромъ будете ѣсть мясо, а по утру насытитесь хлѣбомъ». Дѣйствительно, вечеромъ налетѣли перепела и покрыли весь станъ а по утру появилась манна (Исх. 16, 1—3. 11—14). Такъ какъ пустыня Синъ тянется по берегамъ того залива Краснаго моря, который отдѣляетъ Африку отъ Синайскаго полуострова и вообще отъ Азіи, то нужно полагать, что перепела, покрывшіе еврейскій станъ въ пустынѣ Синъ, летѣли съ Африканскаго материка. По прошествіи года послѣ пре-

бываніи Евреевъ въ пустынѣ Синъ, мы встрѣчаемъ ихъ въ трехъ дняхъ пути отъ горы Синая (Числ. 10, 11. 33), въ восточной части Синайскаго полуострова, и также въ состояніи недовольства; народъ снова ропталъ на недостатокъ мяса. Этотъ ропотъ прогнѣвалъ Господа, и хотя Господь возвѣстилъ Моисею, что Евреи получатъ мясо въ чрезвычайномъ изобиліи, но будутъ наказаны за прихоти и нетерпѣніе. Дѣйствительно, поднялся вѣтеръ и принесъ отъ моря перепеловъ и набросалъ ихъ на путь дня по одну сторону стана и на путь дня по другую, на два почти локтя отъ земли. Евреи собирали птицъ день и ночь и слѣдующій день и собрали такъ много, что, разложивъ перепеловъ вокругъ стана и засушивъ ихъ на солнцѣ, приготовили себѣ мяса на цѣлый мѣсяцъ. Но заготовленное мясо не было еще съѣдено, какъ гнѣвъ Господень возгорѣлся на народъ и поразилъ Господь народъ весьма великою язвою. И нарекли имя мѣсту сему: Кибротъ-Гаттава (гробы похоти); ибо тамъ похоронили прихотливый народъ (Числ. 11, 4. 18—20. 31—34). Упоминаемый въ этомъ повѣствованіи вѣтеръ былъ юго-восточный (Пс. 77, 26), дувшій такимъ образомъ со стороны Аравіи, и, конечно, изъ этой страны, но не изъ Африки, были принесены имъ стаи перепеловъ, начинавшихъ въ то время свой весенній перелетъ на сѣверъ изъ юго-западныхъ аравійскихъ областей. Что касается моря, отъ котораго несся вѣтеръ, то подъ нимъ слѣдуетъ разумѣть восточный (Эланитскій) заливъ Краснаго моря, омывающій сѣверо-западный берегъ Аравіи и восточные берега Синайскаго полуострова. Такъ какъ великая язва поразила Евреевъ въ то время, когда они питались перепелами, то нѣкоторые изъ толковниковъ (Кнобель; см. Keil и Delitzsch, Bibl. Commentar, B. II, s. 245) пришли къ предположенію, что причина этой язвы была совершенно естественная: вслѣдствіе того, что перепела питались сѣменами растеній, вредныхъ для человѣка, мясо ихъ сдѣлалось нездоровымъ; отсюда усиленное употребленіе его въ пищу естественно повлекло за собою разстройство здоровья и смерть многихъ Евреевъ. Но это, несогласное съ библей-

скимъ повѣствованіемъ, предположеніе не имѣетъ достаточныхъ основаній. Правда, оно опирается на показаніяхъ древнихъ писателей; такъ Плиній свидѣтельствуетъ, что перепела питаются сѣменами ядовитыхъ растеній; Голенъ говоритъ, что они употребляютъ въ пищу чемерицу; Секстъ Эмпирикъ утверждаетъ, что эти птицы любятъ сѣмена болиголова; но эти свидѣтельстка древнихъ не находятъ подтвержденія въ изслѣдованіяхъ новѣйшихъ естествоиспытателей. Во всякомъ случаѣ, перепела, какъ всегда доставляли, такъ доставляютъ и теперь здоровую и пріятную пищу. Жители южной Европы и нѣкоторыхъ острововъ Средиземнаго моря, во время осенняго перелета перепеловъ, ловятъ ихъ десятками тысячъ, питаются ими въ продолженіи цѣлаго мѣсяца (сентября) безъ всякаго вреда для себя и ведутъ обширную торговлю ихъ мясомъ, какъ продуктомъ вполнѣ доброкачественнымъ. Наконецъ, сами Евреи, остановившись въ пустынѣ Синъ, получили возможность послѣ продолжительнаго воздержанія напитаться перепелами, и это не повлекло за собою какихъ-либо прискорбныхъ послѣдствій. Нѣтъ, появленіе перепеловъ при «Гробахъ Похоти», хотя и совпало съ естественнымъ ходомъ вещей, тѣмъ не менѣе отмѣчено явственными признаками чрезвычайнаго, чудеснаго событія. Чрезмѣрное скопленіе перепеловъ въ одно время и въ одномъ мѣстѣ, чего, обыкновенно при ихъ постоянно совершающихся перелетахъ, не бываетъ; юго-восточный вѣтеръ, направившій перепелиныя стаи прямо на еврейскій станъ; моровая язва, поразившая прихотливый народъ во время употребленія перепеловъ въ пищу,—все это краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о дѣйствіяхъ Божественнаго Промысла, руководившаго судьбами избраннаго народа и направлявшаго его къ предназначеннымъ цѣлямъ то благодѣющею, то карающею десницею. И Евреи во всѣ послѣдующія времена признавали разсматриваемое событіе чудеснымъ и всегда хранили живое воспоминаніе о немъ. Съ этимъ воспоминаніемъ мы не однажды встрѣчаемся въ псалмахъ, изображающихъ чрезвычайныя дѣйствія Промысла въ исторіи Израиля. Такъ составитель псалма 77 говоритъ: «Господь

возбудилъ на небѣ восточный вѣтеръ, и навелъ южный силою своею. И, какъ пыль, одождилъ на нихъ мясо, и, какъ песокъ морской, птицъ пернатыхъ. И они ѣли и пресытились; и желаемое ими далъ имъ. Но еще не прошла прихоть ихъ, еще пища была во устахъ ихъ, гнѣвъ Божій притекъ на нихъ, убилъ тучныхъ ихъ и юношей Израилевыхъ низложилъ» (Стт. 26—31; ср. Пс. 104. 40; 105, 14. 15. Второз. 9, 22. Прем. Сол. 16, 2) д).

Павлины, по-еврейски *тукки́имъ*. Павлины, какъ извѣстно, отличаются необыкновенною красотою своихъ перьевъ. Ихъ родина—Индія. Въ Библіи о нихъ упоминается въ исторіи Соломона 3 Цар. 10, 22. 2 Парал. 9, 21. Ѳарсисскій корабль Соломона, ходившій вмѣстѣ съ кораблемъ Хирама въ Офиръ, привозилъ царю Евреевъ въ числѣ другихъ рѣдкостей и павлиновъ. Послѣ Соломона въ Библіи о павлинахъ не упоминается. Поэтому можно думать, что эти птицы не размножились въ Палестинѣ, какъ размножились онѣ, позднѣе, въ другихъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Римѣ, гдѣ во дни цезарей изъ павлинныхъ языковъ готовились отдѣльныя кушанья.

д) Между западными толкователями распространено мнѣніе, что еврейское слово *селавъ* значитъ не „перепелъ“, но „рябокъ“. Мнѣніе это, однакоже, есть ни на чемъ не основанная догадка. Подъ словомъ *селавъ* и древніе греческіе писатели, и древніе переводчики Библіи разумѣли именно перепела (у I. Флавія ορτυξ, въ Вульгатѣ—coturnix); Арабы и доселѣ называютъ перепела словомъ: *селва*. — У LXX слово *селавъ* передано словомъ ορτυγομητρα, что значитъ „дергачъ“ „коростель“ (Rollus crex)—птица, которая, по древнему народному повѣрью, предводительствуетъ, будтобы, стаями перепеловъ; отсюда въ славянск. переводѣ употреблено слово *крастель*. Но слово ορτυγομητρα, употребленное у LXX, Исихій объясняетъ словами: ορτυξ υπερμεγεθης (перепелъ чрезмѣрно тяжелый), Фотій—словами: ορτυξ μεγας (большой перепелъ); поэтому можно думать, что LXX словомъ ορτυγομητρα хотѣли обозначить особый видъ крупныхъ перепеловъ, въ отличіе отъ перепеловъ очень мелкихъ, водящихся въ Египтѣ (Robinson, Palästina, III, 183; Keil u Delitzsch, Bibl. Commentar, B. I, s. 433; Kurzgefasstes exeg. Handbuch zum A. T. B. 12, 2 Aufl., s. 170. 171).

Воробьиныя; домашній воробей; прочія воробьиныя птицы въ Палестинѣ; жаворонокъ.—Широкоротыя; ласточка; ея еврейскія названія.—Пѣвчія птицы; соловей. Короткокрылыя; страусъ; описаніе страуса Іов. 39, 13—18; объясненіе этого описанія.—Голенастыя; аистъ, цапля, журавль, ибисъ и зуй съ породою его.—Веслоногія; пеликанъ и рыболовъ.—Длиннокрылыя; чайка.—Пластинчатоклювыя; лебедь.

Изъ отряда воробьиныхъ (passeres) въ Библіи названъ самый видный представитель этого отряда *домашній воробей* (Passer domesticus). У стараго воробьинаго самца голова всегда окрашена, по бокамъ, яркимъ каштаново-коричневымъ цвѣтомъ; щеки сѣровато-бѣлыя, крылья съ широкими бѣлыми пятнами и узкими ржавыми полосами; верхняя часть туловища ржаваго цвѣта съ черными продольными полосами, нижняя свѣтло-сѣрая, передняя часть шеи черная. Клювъ воробьевъ лѣтомъ черный, зимою розоваго цвѣта; ноги сѣрыя, глаза коричневые. Самка нѣсколько отличается отъ самца въ окраскѣ перьевъ; точно также—молодыя птицы отъ старыхъ. Пристрастіе домашняго воробья къ жилищу человѣка замѣчательно. Онъ гнѣздится по преимуществу въ самыхъ домахъ, и уже отсюда летаетъ за пищею, точно домашняя птица; если же выстроютъ новый домъ, то воробей непремѣнно поселится и тамъ. Мало деревень, въ которыхъ совсѣмъ нѣтъ воробьевъ; это именно лѣсныя деревни, гдѣ кругомъ не бываетъ никакихъ полей. Домашній воробей очень общественная птица. Онъ разбивается на пары только во время высиживанія яицъ. Молодые воробьи тотчасъ по выходѣ изъ гнѣзда соединяются въ небольшія кучи, которыя скоро увеличиваются до размѣровъ стада, и какъ только старыя птицы окончатъ свои заботы по размноженію, онѣ тоже присоединяются къ этимъ молодымъ стадамъ. До тѣхъ поръ, пока на поляхъ стоитъ хлѣбъ, стада эти ежедневно летаютъ изъ деревни на поле отыскивать себѣ пищу, но постоянно

возвращаются въ извѣстное время домой, обыкновенно, съ страшнымъ крикомъ и шумомъ. Ночи они проводятъ на густыхъ деревьяхъ, или въ амбарахъ, въ овинахъ и тому подобныхъ строеніяхъ. На зиму воробьи приготовляютъ себѣ тепло и мягко выстланныя гнѣзда, куда и залѣзаютъ, чтобы защититься отъ холода. Кромѣ жилыхъ домовъ, воробьи вьютъ гнѣзда въ дуплахъ деревьевъ, въ скворечницахъ и въ гнѣздахъ ласточекъ. Воробей кладетъ въ гнѣздо пять или шесть яицъ. Птенцовъ выводитъ онъ три раза въ теченіе одного года. Домашніе воробьи впервые упоминаются въ Евангеліи. Такъ Спаситель, убѣждая своихъ учениковъ возлагать въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни надежду на помощь свыше, говоритъ между прочимъ: *не пять ли воробьевъ продаются за два ассарія? и ни одинъ изъ нихъ не забытъ у Бога. А у васъ и волосы на головѣ всѣ сочтены. И такъ не бойтесь; вы дороже многихъ воробьевъ* (Лук 12, 6. 7; ср. Мѳ. 10, 29). Трудно съ достовѣрностію сказать, говорится ли о воробьяхъ въ другихъ мѣстахъ Библіи, хотя слово «воробей» и встрѣчается въ переводахъ съ подлинныхъ библейскихъ текстовъ. Дѣло въ томъ, что еврейское слово *цифффоръ*, переводимое иногда словомъ «воробей», означаетъ, собственно, птицу вообще (напр. Втор. 4, 17; Псал. 147, 10; Іезек. 39, 17), или мелкую чирикающую птицу. Въ тѣхъ случаяхъ, когда «цифффоръ» не имѣетъ столь обширнаго смысла, онъ можетъ означать и воробья, который, на ряду съ ласточкою, является наиболѣе многочисленнымъ и виднымъ представителемъ небольшихъ птицъ въ Палестинѣ, вообще бѣдной мелкими пернатыми, по отсутствію въ ней, особенно въ западной ея части, обширныхъ лѣсовъ и по обилію на всемъ ея пространствѣ хищныхъ птицъ. Такъ «цифффоръ» можетъ быть передано словомъ «воробей». Прич. 26, 2. Псал. 83. 4. Іов. 40, 29. Въ первомъ изъ трехъ приведенныхъ цитатовъ въ русскомъ и славянскомъ переводахъ дѣйствительно употреблено слово «воробей», но въ двухъ послѣднихъ цитатахъ поставлено «птица». Подобное сказанному о еврейскомъ «цифффорѣ»,

слѣдуетъ замѣтить о греческомъ στρουθίον. Στρουθίον собственно значитъ птица вообще, или же птица мелкая; иногда можетъ означать и воробья. Такъ Тов. 2, 11. слово στρουθιον русскіе и славянскіе переводчики правильно передали словомъ «воробей»; такъ же слѣдовало бы передать его и Мѳ. 10, 29; однако же, оно передано словомъ «птица». Въ настоящее время домашніе воробьи живутъ большими стадами во всѣхъ селеньяхъ и городахъ Палестины; гнѣздятся они исключительно въ наружныхъ стѣнахъ каменныхъ построекъ. Для наиболѣе удобнаго устройства гнѣзда, воробьи выбираютъ, или выклевываютъ глину, которою смазываются, обыкновенно, воздушные кирпичи каменныхъ стѣнъ, и въ отверстіяхъ, такимъ путемъ образовавшихся, вьютъ свои гнѣзда. Эти отверстія вредятъ постройкамъ, и потому обитатели Палестины, однажды въ годъ, въ извѣстное время, замазываютъ названныя отверстія, при чемъ застигнутые въ гнѣздахъ воробьи становятся ихъ добычею. Добыча всегда бываетъ обильна, благодаря чему всѣ даже бѣднѣйшіе обитатели Палестины получаютъ возможность устроить пиръ, обильный дичью. Въ городахъ ловля воробьевъ производится постоянно съ помощью сѣтей. Здѣсь воробьи являются предметомъ рыночной торговли, которою занимаются уличные мальчишки. Воробьевъ, штукъ по 5—6, живыми связываютъ за ноги, и связки такого оригинальнаго товара носятъ надъ головами; у связанныхъ птицъ крылья остаются свободными, вслѣдствіе чего онѣ время отъ времени вспархиваютъ надъ головами своихъ продавцевъ, чѣмъ доставляютъ послѣднимъ немалую забаву; намекъ на подобную забаву можно видѣть Іов. 40, 29. Домашніе воробьи на Палестинскихъ рынкахъ въ настоящее время продаются также дешево, какъ продавались они во времена Христа (Лук. 12, 6): за одну мелкую мѣдную монету ихъ охотно уступаютъ по нѣскольку штукъ.

Кромѣ домашнимъ воробьевъ, изъ отряда воробьиныхъ въ Палестинѣ въ настоящее время водятся, хотя въ Библіи не упоминаются, полевые жаворонки (Alauda aruensis), зяблики (Fringilla coelebs), дубоносы (Coccothraustes vulgaris), про-

сянки или подорожники (Miliaria valida) и др. Всѣ эти мелкія птицы существовали въ Палестинѣ и прежде и были извѣстны древнимъ Евреямъ, но особыхъ наименованій для каждой изъ нихъ не было придумано, а всѣ онѣ вмѣстѣ обозначались словомъ «цифоръ», которое, какъ уже мы знаемъ, такъ часто встрѣчается въ ветхозавѣтной Библіи.—Изъ поименованныхъ выше птицъ, принадлежащихъ къ отряду воробьиныхъ, особенное вниманіе обращаетъ на себя *жаворонокъ*. Весною жаворонокъ въ значительномъ количествѣ наблюдается на всѣхъ поляхъ и во всѣхъ палестинскихъ долинахъ, изобилующихъ въ это время года роскошною растительностію; здѣсь эти птички съ ранняго утра и до поздняго вечера наполняютъ воздухъ своими громкими, исполненными жизни и силы, благозвучными трелями, радуя и туземныхъ обитателей страны, и чужеземныхъ путешественниковъ. Такъ Робинзонъ, находясь на южныхъ предѣлахъ Палестины въ апрѣлѣ, не однажды услаждался пѣніемъ жаворонковъ; затѣмъ внималъ ему, изслѣдуя окрестности Мертваго моря. Пѣніе это дѣйствовало на путешественника столь пріятно и сильно, что онъ считалъ нужнымъ каждый разъ упоминать о немъ въ своемъ ученомъ дневникѣ (Robinson, Palästina, 1, 317. 318; 332; II, 476).

Кромѣ воробья, библейскія книги изъ мелкихъ птицъ называютъ еще *ласточку* (Hirundo), принадлежащую къ отряду широкоротыхъ (Hiantes). Ласточка имѣетъ всѣ характеристическія особенности широкоротыхъ; она мала, ея тѣло вытянуто и весьма сильно, шея короткая, голова большая и плоская, крылья узки, длинны и заострены, ноги короткія и слабыя; клювъ малъ, коротокъ, у основанія значительно шире чѣмъ на концѣ, зѣвъ чрезвычайно широкъ и окруженъ съ обѣихъ сторонъ упругими щетинками. Ласточки распространены по всѣмъ странамъ свѣта и по всѣмъ поясамъ широты и долготы, хотя по ту сторону полярнаго круга встрѣчаются разрозненно и едвали выводятъ тамъ дѣтей. Всѣ виды, выводящіе семейство, въ странахъ, гдѣ существуетъ настоящая зима, принадлежатъ къ перелетнымъ птицамъ; тѣ же, кото-

рые живутъ въ болѣе тепломъ климатѣ, кочуютъ только съ одного мѣста на другое въ предѣлахъ извѣстной области. Ласточки принадлежатъ къ насѣкомоядным; онѣ преслѣдуютъ и ловятъ мухъ и комаровъ, маленькихъ жуковъ и т. под. Охотятся онѣ только на лету и не въ состояніи ловить сидячихъ насѣкомыхъ. Типическою представительницею ласточекъ, распадающихся на многіе виды, доселѣ еще не вполнѣ изслѣдованные и опредѣленные, можетъ быть признана наша *деревенская* или *домашняя ласточка* (Cecropis rustica). Она имѣетъ 4 вершка длины и 7 ширины (вмѣстѣ съ крыльями); верхняя сторона ея туловища черно-синяя съ металлическимъ отливомъ, лобъ и горлышко ярко-каштановаго цвѣта, съ широкою черною полоскою на зобу, нижняя часть свѣтлаго ржаво-желтоватаго цвѣта. Ласточка эта чрезвычайно смѣлая, живая, рѣзвая, красивая и нарядная птичка. Ея полетъ очень замѣчателенъ: она паритъ и рѣетъ, припархивая, съ быстротою молніи бросается то въ одну, то въ другую сторону, падаетъ дугою на землю или на поверхность воды и съ изумительнымъ искусствомъ пролетаетъ сквозь узкія отверстія. Домашняя ласточка старается свить свое гнѣздо внутри какой-либо постройки; если же она вьетъ его снаружи, то всегда подъ защитою выдающейся впередъ крыши, карниза, вообще какого-либо выступа на зданіи. По внѣшнему виду гнѣздо домашней ласточки похоже на четверть полаго шара. На постройку употребляется преимущественно илистая, или покрайней мѣрѣ жирная земля, которая собирается ласточками въ видѣ комковъ, смачивается слюною и осторожно приклеивается къ стѣнкѣ гнѣзда; вспомогательною скрѣпою служатъ тонкіе стебельки и волоски, вмазываемые между комочками ила; внутренность гнѣзда выстилается волосами, перьями и тому подобными мягкими веществами.

Изъ ласточекъ другихъ, наиболѣе извѣстныхъ видовъ, къ деревенской или домашней ласточкѣ ближе всего подходятъ слѣдующія: 1) *городская ласточка* (Chelidon urbica). Ласточка городская отъ деревенской отличается меньшимъ ростомъ, малою выемкою на хвостѣ, пальцами, покрытыми, подобно

голенямъ, перышками, и бѣлою окраскою нижней части туловища; для устройства гнѣзда избираетъ преимущественно каменныя городскія зданія. 2) *Косатка* (Cypselus); эта ласточка менѣе ростомъ нежели городская, имѣетъ очень узкое вытянутое тѣло, узкія, мечевидной формы крылья, короткіе, изогнутые и вооруженные острыми когтями пальцы, окраску перьевъ безъ металлическаго отлива; селится преимущественно въ скалистыхъ горахъ, не избѣгаетъ и городовъ; на землю, по короткости ногъ, не садится. Касатка кромѣ полярныхъ странъ, живетъ всюду; касатки, живущія въ умѣренныхъ поясахъ земли—перелетныя; подъ тропиками—кочевыя птицы. Одна изъ разновидностей касатки *каменная касатка*, или башенная (Cypselus apus), извѣстна у насъ подъ именемъ стрижа.

Въ подлинномъ текстѣ ветхозавѣтной Библіи находятся два, относящіяся къ птицамъ, наименованія, которыя могутъ быть переведены, и дѣйствительно переводятся, словомъ «ласточка». Одно изъ этихъ наименованій есть «*деворъ*». Изъ указанія, хотя и не прямаго, содержащагося въ пс. 83, 4, можно заключить, что птица съ такимъ наименованіемъ гнѣздится въ домахъ и храмахъ, очень обыкновенна въ Палестинѣ, и имѣетъ, по указанію Притч. 26, 2, безцѣльный, повидимому, полетъ. Самое наименованіе *деворъ* (значитъ «свобода») указываетъ на любовь къ свободѣ, живость и быстроту движеній. По талмуду «птица свободы» — *деворъ* есть маленькая птичка, значительно меньше однолѣтняго голубя; она живетъ въ селеніяхъ и въ полѣ, приручена быть не можетъ. Всѣ эти данныя скорѣе всего могутъ быть приложены къ ласточкѣ, нежели къ другой какой-либо птицѣ; поэтому еврейское *деворъ*, употребляемое въ библейскомъ текстѣ, какъ наименованіе птицъ, несомнѣнно можетъ быть переведено словомъ «ласточка», какъ и передано оно въ русскомъ переводѣ Библіи въ Пс. 83, 4. Притч. 26, 2. LXX-ти уже не было извѣстно, какую именно птицу обозначаетъ *деворъ*; поэтому въ Пс. 83, 4 *деворъ* они передали словомъ τρυγων, а Притч. 26, 2—словомъ στρουθιον; слѣдуя LXX, славянскіе перевод-

чики въ первомъ случаѣ употребили слово «горлица», въ послѣднемъ — слово «врабіе». Подобная передача одного и тогоже еврейскаго наименованія двумя различными словами свидѣтельствуетъ о томъ, что переводчики въ своей передачѣ руководствовались исключительно догадками, основанія для которыхъ, хотя совершенно для насъ неизвѣстныя, тѣмъ не менѣе должны быть признаны недостаточными. Далѣе въ подлинномъ ветхозавѣтномъ текстѣ Пс. 38, 14, употреблено слово *сусъ*, Іер. 8, 7—слово *сисъ*, какъ наименованіе птицы. Составители древнихъ переводовъ (LXX, Вульгаты) передали эти тожественныя между собою наименованія словомъ «ласточка». Имъ слѣдуютъ славянскіе и русскіе переводчики. Въ правильности этого перевода нѣтъ основанія сомнѣваться. Правда, Іер. 8, 7 птица *сисъ* названа, какъ перелетная; между тѣмъ, ласточки живутъ въ Палестинѣ постоянно и лишь перекочевываютъ по странѣ съ мѣста на мѣсто, сообразуясь съ климатическими перемѣнами. Но при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду то, что въ Палестинѣ существуютъ различные группы и виды ласточекъ, и если домашнія и городскія ласточки живутъ въ странѣ постоянно, то группа касатокъ является тамъ перелетною; съ наступленіемъ зимняго времени улетаетъ въ края болѣе теплые, съ тѣмъ чтобы весною возвратиться снова. Посему, подъ наименованіями— *сусъ* и *сисъ* слѣдуетъ разумѣть группу ласточекъ перелетныхъ по отношенію къ Палестинѣ, именно касатокъ, а въ словѣ *дероръ* — видѣть названіе ласточекъ домашнихъ и городскихъ.

Въ настоящее время ласточка въ Палестинѣ—одна изъ наиболѣе распространенныхъ птицъ. Домашнія и городскія ласточки встрѣчаются во всѣхъ селеніяхъ и городахъ страны; въ Іерусалимѣ, напримѣръ, онѣ носятся надъ городомъ и его окрестностями цѣлыми стаями (Ebers und Güthe, Palastina in Bild u. Wort, B. 1, s. 13). По словамъ Ветцштейна, эти ласточки въ палестинскихъ деревняхъ, обыкновенно селятся внутри жилыхъ помѣщеній. Здѣсь онѣ прикрѣпляютъ свои гнѣзда къ балкамъ, поддерживающимъ крышу зданій, влетая

туда и вылетая оттуда сквозь отворенныя окна и двери (Keil und Delitzsch. B. Commentar. 4 Theil. I B, II Hilf., s. 387). Что касается пустынныхъ и скалистыхъ мѣстностей, то ласточки встрѣчаются и въ этихъ мѣстностяхъ; только здѣсь преобладаютъ разновидности касатокъ, любящихъ селиться въ пещерахъ и разсѣлинахъ скалъ. Такъ въ окрестностяхъ горы Кварантаніи, возвышающейся надъ пустынною равниною Іордана, были наблюдаемы (Ebers u. Guthe, Palastina. B. I, s. 188) касатки каменныя (Cypselus apus) и касатки скалистыя или горныя (Cypselus Melba).

Отрядъ пѣвчихъ птицъ (Oscines) какъ въ настоящее время имѣетъ, такъ и прежде имѣлъ въ Палестинѣ своихъ представителей. Въ библейскія времена обилію пѣвчихъ птицъ въ въ Св. Землѣ должны были благопріятствовать многочисленные сады и виноградники, гдѣ эти птицы могли находить для себя удобный пріютъ. Дѣйствительно, древніе обитатели Палестины были хорошо знакомы съ пернатыми пѣвцами и время ихъ весенняго прилета въ страну считали самымъ пріятнымъ временемъ года (Пѣсн. Пѣсн. 2, 11—13). При всемъ томъ, въ библейскихъ книгахъ ни одна изъ пѣвчихъ птицъ не названа въ отдѣльности.

Поэтому, если здѣсь и неизлишне упомянуть о какой-либо изъ нихъ, то развѣ только о соловьѣ, потому, между прочимъ, что онъ, въ настоящее время, обитаетъ по преимуществу въ той мѣстности, которая часто упоминается въ Библіи и съ которой связаны многочисленныя событія священной исторіи [e]).

---

e) Пѣвчія птицы, подобно воробьинымъ и широкоротымъ, принадлежатъ къ числу мелкихъ птицъ. Отличительные ихъ признаки: вполнѣ развитыя пѣвчія мышцы, продолговатое тѣло, короткая шея, сравнительно большая голова, короткій, болѣе шарообразный, нежели конусовидный клювъ, зубчатая верхняя челюсть, покрытыя пластинками, довольно крѣпкія, средней длины, ноги съ длинными пальцами и длинными, острыми когтями, средней длины крылья и хвостъ, простая и одинаковая, въ большинствѣ случаевъ, окраска перьевъ, иногда различная у самца и самки и у молодыхъ всегда другая, нежели у старыхъ птицъ. Насѣкомыя и плоды составляютъ

Соловей (Luscinia philomela) имѣетъ въ длину $3^1/_2$ вершка; преобладающая окраска перьевъ у самца и самки сѣрая съ ржаво-краснымъ оттѣнкомъ на верхней сторонѣ туловища и на нижней—съ свѣтло-желтымъ; наиболѣе темныя перья расположены на спинѣ и на темени, наиболѣе свѣтлыя—на шеѣ и срединѣ груди; глаза красно-бурые; тотъ-же цвѣтовой оттѣнокъ преобладаетъ въ окраскѣ клюва и носа. Соловьи живутъ въ лиственныхъ лѣсахъ и не встрѣчаются въ хвойныхъ. Любимымъ мѣстопребываніемъ соловья служатъ лѣса, поросшіе мелкимъ кустарникомъ, и еще лучше для него низкій кустарникъ, перерѣзанный ручьями и рвами, наполненными водою, также покрытые растительностію берега большихъ рѣкъ и сады, въ которыхъ существуютъ густыя кустовыя заросли. Полетъ соловья быстрый, легкій, постоянно возвышающійся и понижающійся дугами, на небольшихъ пространствахъ порхающій и колеблющійся; онъ летаетъ только по небольшимъ разстояніямъ отъ куста къ кусту и днемъ никогда не перелетаетъ открытыхъ мѣстностей. Гнѣздо соловья не обнаруживаетъ въ строителѣ особаго искусства. Пѣніе соловья извѣстно каждому, по крайней мѣрѣ, по поэтическимъ описаніямъ, которыми богата всемірная литература. Изъ этихъ описаній видно, что натуры впечатлительныя, отличающіяся тонкимъ пониманіемъ красотъ природы, считаютъ соловьиное пѣніе наилучшимъ, по сравненію съ пѣніемъ другихъ птицъ.

Любимымъ мѣстопребываніемъ соловьевъ въ Палестинѣ въ настоящее время служитъ долина Іордана. Густая, по большей

обыкновенную пищу пѣвчихъ птицъ. Способностію пріятно пѣть обладаютъ нѣкоторыя птицы изъ другихъ мелкихъ разрядовъ, и потому обыкновенно причисляются къ пѣвчимъ птицамъ; каковы, напримѣръ: изъ отряда воробьиныхъ—жаворонки, канарейки и др. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что классификація птицъ заключаетъ въ себѣ много произвольнаго по малому знакомству натуралистовъ со многими представителями пернатаго царства, и раздѣленіе птицъ на семейства, роды и виды далеко не всегда соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

части кустарниковая заросль, близость и обиліе проточной воды, пустынность мѣстности—все это привлекаетъ пѣвцовъ весны подъ кущи священной рѣки, гдѣ ихъ веселыя и громкія пѣсни не мало радуютъ путешественниковъ, приходящихъ взглянуть на струи іорданскія. Такъ въ описаніе Палестины Эберса и Гуте занесены, между прочимъ, слѣдующія строки: «Когда мы приблизились къ берегу Іордана, насъ внезапно охватила чаща тамарисковъ, серебристыхъ тополей, ивъ, теревинѳовъ и другихъ, непривычныхъ для глаза европейца, деревьевъ; у подножія ихъ, густо переплетаясь между собою, росли различныхъ видовъ камыши и другія водныя растенія. Одинокія тропинки, прорѣзывавшія этотъ непроходимый растительный лабиринтъ, были протоптаны кабанами, стада которыхъ находятъ здѣсь для себя надежное убѣжище. Вся эта чаща переполнена щебетаніемъ и пѣніемъ, потому что даетъ пристанище множеству птицъ, изъ хора которыхъ особенно выдѣляются своими усладительнѣйшими трелями соловьи, или бульбули, какъ называютъ соловья современные арабы» (Palästina, Ebers u. Huthe B. I, S. 176). Строки съ подобнымъ же содержаніемъ, но исполненныя поэтическаго одушевленія мы читаемъ у нашего русскаго путешественника, г. Елисѣева въ его описаніи долины Іордана (Елисѣевъ. Въ долинѣ Іордана. Р. Вѣстн. 1887 г.). Впрочемъ не однѣ іорданскія заросли служатъ въ настоящее время пріютомъ для соловьевъ; они гнѣздятся по всей странѣ, всюду, гдѣ имѣются чистая вода и частая кустарниковая растительность, а также въ мѣстностяхъ, жители которыхъ занимаются культурою садовъ. Точно также, въ теченіе не одного мѣсяца, соловьиныя пѣсни утѣшаютъ жителей Св. Земли. Такъ Робинзонъ слышалъ соловья на южныхъ границахъ Палестины 12 апрѣля; въ ночь съ 12 на 13 мая соловьиныя трели доносились до слуха путешественника въ то время, когда онъ, на развалинахъ Іерихона, отдавался ночному отдохновенію послѣ труднаго дневнаго пути; удовольствія слушать ихъ онъ не былъ лишенъ и утромъ 13 мая; наконецъ Робинзонъ и его спутники, утромъ 15 іюля, были пробуждены пѣніемъ

соловьевъ и другихъ птицъ; но это было уже далеко на сѣверъ отъ Іерусалима, въ садахъ Сихема (Robinson, Palästina. B. I, s. 332; B. II, s. 516. 517; B. III, s. 363).

Страусъ (Struthio), изъ отряда короткокрылыхъ (Brevipennes), названъ въ библейскихъ книгахъ нѣсколько разъ (Лев. 11, 16; Второз. 14, 15; Іов. 30, 29, Ис. 13, 21; 34, 13; 43, 20, Іер. 50, 39; Плач. 4, 3, а въ кн. Іова ему посвящено нѣсколько стиховъ (Іов. 39, 13—18). Въ приведенныхъ библейскихъ мѣстахъ содержатся указанія и намеки на особенности страуса; отсюда, объясненіе этихъ указаній и намековъ будетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и описаніемъ разсматриваемой птицы въ ея выдающихся чертахъ.

Описаніе страуса въ кн. Іова начинается слѣдующими близкими къ подлинному тексту, словами: *крыло страуса весело развѣвается; не аистовы-ли это перья и пухъ* (Іов. 39, 13)?ж) Здѣсь обращается вниманіе на опереніе страуса, а также и на весь внѣшній видъ его. Дѣйствительно, страусъ по внѣшности замѣчательная птица. Страусъ (Struthio camelus) отличается чрезвычайно сильнымъ тѣломъ, имѣетъ длинную, въ большей своей части, голую шею и малую, плоскую голову, средней длины, тупой, спереди закругленный, на концѣ плоскій и покрытый ротовой оболочкой клювъ, челюсти котораго гибки, а ротовая щель простирается до глазъ, большіе блестящіе глаза съ рѣсницами на верхнихъ вѣкахъ. Ноги у страуса высокія, сильныя, только на голеняхъ покрытыя щетинами; всѣ остальныя части голыя; лапы двупалыя, внутренній палецъ вооруженъ большимъ, широкимъ и тупымъ когтемъ. Особенно замѣчательны крылья страуса; на послѣднемъ сгибѣ съ внѣшней стороны онѣ снабжены двумя шпорами; несмотря на свою довольно значительную длину, онѣ совершенно не способны для летанія: вмѣсто твердыхъ маховыхъ, онѣ состоятъ изъ длинныхъ, рыхлыхъ, мягкихъ и висящихъ перьевъ; такія же перья составляютъ довольно длиный хвостъ птицы; все остальное опереніе до-

ж) См. переводъ Арх. Макарія.

вольно густое, состоящее изъ рыхлыхъ курчавыхъ перьевъ, не закрывающихъ, впрочемъ, находящейся на груди птицы роговой наростъ. Оба пола различаются по цвѣту: у самца-страуса всѣ короткія перья туловища угольно-чернаго цвѣта; длинныя же крыловыя и хвостовыя—ослѣпительно-бѣлаго, голая шея—ярко-краснаго, голени тѣлеснаго цвѣта, глаза бурые, клювъ желто-роговой; у страуса же-самки—мелкое опереніе сѣро-бурое, а на крыльяхъ и въ области хвоста—частію черноватое, частію грязно-бѣлаго цвѣта. Размѣры страуса чрезвычайно велики; высота взрослаго страуса-самца достигаетъ 3 арш. и 5 верш., длина отъ кончика клюва до конца хвоста-почти 3 арш.; вѣситъ взрослый страусъ до 4 п. 30 ф. Опереніе страуса имѣетъ нѣкоторое сходство съ опереніемъ аиста; поэтому названныя птицы и сопоставляются между собою въ приведенныхъ нами словахъ. Сопоставленіе это сдѣлано въ формѣ вопроса: «не аистовы ли это перья и пухъ?»

Въ упоминаніяхъ прр. Исаіи и Іереміи о страусѣ (Ис. 13, 21; 34, 13; 43, 20; Іер. 50, 39; Плач. 4, 3.) страусъ называется въ числѣ постоянныхъ обитателей пустынныхъ, или запустѣвшихъ мѣстностей. Указаніе совѣршенно вѣрное: исключительнымъ мѣстожительствомъ для страуса служатъ песчаныя, или каменистыя пустыни, заключающія въ себѣ по мѣстамъ плодородныя низменности, или оазисы; поэтому истинной родиной страуса слѣдуетъ признать Африку, ея обширныя песчаныя равнины, вѣчно согрѣтыя лучами тропическаго солнца. Впрочемъ, страусы не рѣдкость также въ Сирійско-аравійской пустынѣ, и на пустынныхъ восточныхъ окрайнахъ Гаврана,—области, бывшей отечествомъ Іова,—страусъ—туземная птица, изрѣдка встрѣчающаяся тамъ и въ настоящее время; поэтому-то исполинская птица была издавна извѣстна Евреямъ. На пустыню, какъ исключительное мѣстопребываніе страуса, указываетъ и еврейское названіе птицы: въ подлинномъ текстѣ Библіи страусъ всюду, за однимъ лишь исключеніемъ, называется *бать-йаанна* [3]). По объ-

3) Слѣдуетъ замѣтить, что еврейское названіе страуса *бать—йаанна* объясняютъ различно. По однимъ, оно значитъ „дитя криковъ“, по

ясненію нѣкоторыхъ толковниковъ-гебраистовъ, это названіе значитъ «дитя скалистыхъ или пустынныхъ мѣстъ» (Ветцштейнъ. См. Keil u. Delitzcsh. Bibl. Comment. 4 Theil, 2 Bd. s. 476. 477). Римъ называетъ такое объясненіе вѣроятнѣйшимъ (Riehm. Handworterbuch des Bibl. Altertums, s. 1574. 1575.).—Страусъ хотя обитаетъ въ пустынныхъ исключительно мѣстностяхъ, тѣмъ не менѣе любитъ воду и всегда ощущаетъ потребность въ большомъ ея количествѣ; поэтому онъ селится недалеко отъ оазисовъ, обильныхъ водою. На любовь страуса къ водѣ можно *видѣть* намекъ въ Исаіи 43, 20. Въ Мих. 18, Іов. 30, 21, стонъ, или скорбный крикъ человѣка, удрученнаго бѣдствіями, сравнивается съ крикомъ шакаловъ и страусовъ: «буду я плакать и рыдать, выть какъ шакалы, и плакать какъ страусъ» (Мих. 1, 8); я кричу; я сталъ братомъ шакаловъ и другомъ страусовъ» (Іова 30, 28. 29). Въ этихъ словахъ, такимъ образомъ, указывается на крикъ страусовъ, какъ на ихъ выдающуюся особенность. Справедливость этого указанія подтверждаютъ всѣ, имѣвшіе случай наблюдать за жизнью исполинскихъ птицъ пустыни. Страусы, собственно самки, часто въ ночное время поднимаютъ жалобные и вмѣстѣ съ тѣмъ въ ужасъ приводящіе крики, напоминающе то ревъ льва, то болѣе хриплые голоса другихъ четвероногихъ, особенно же быковъ. Иногда эти своеобразные крики переходятъ положительно въ стоны, какъ будтобы издающія ихъ птицы испытываютъ величайшую скорбь. Свои пронзительные крики самки страусовъ издаютъ въ періодъ спариванья, въ виду приближающейся опасности и, наконецъ, когда ихъ гнѣздо окажется разрушеннымъ; въ послѣднемъ случаѣ стоны ихъ раздаются въ продолженіе цѣлаго дня. На своеобразный крикъ, какъ на выдающуюся особенность страуса, указываетъ также второе его еврейское названіе *ренанимъ* (Іов. 39, 13), что значитъ «крики» (отъ *рѣнана* восклицаніе, крикъ).

другимъ—„дитя алчности, прожорливости“ (см. Keil und Delitzsch, Bibl. Commentar. 1 Theil, II Bd. Zweit. Aufl., s. 87; Gesenius, Handwörterbuch).

По своему оперенію, вообще по внѣшнему виду, страусъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ аистомъ (Іов. 39, 13), но составляетъ совершенную противоположность съ этою птицею по своимъ отношеніяхъ къ младшимъ поколѣніямъ: аистъ чадолюбивъ; страусъ небреженъ и жестокъ къ своимъ дѣтямъ. *Онъ оставляетъ яйца свои на землѣ, и на пескѣ согрѣваетъ ихъ, и забываетъ, что нога можетъ раздавить ихъ, и полевой звѣрь можетъ растоптать ихъ. Онъ жестокъ къ дѣтямъ своимъ, какъбы не своимъ, и не опасается, что трудъ его будетъ напрасенъ* (Іов. 39, 14—16). *И чудовища подаютъ сосцы и кормятъ своихъ дѣтенышей, а дщерь народа моего стала жестока, подобно страусамъ въ пустынѣ* (Плач. 4, 3). Истинный смыслъ этихъ словъ можетъ быть разъясненъ съ помощію тѣхъ свѣдѣній, которыми современное естествознаніе владѣетъ относительно размноженія страусовъ. Страусы—самецъ и самка, общими силами пуская въ дѣло клювъ, вырываютъ въ почвѣ, обыкновенно въ горячемъ пескѣ, яму, которая и служитъ для нихъ гнѣздомъ. Въ это оригинальное гнѣздо самка кладетъ до 30 яицъ, послѣ чего начинается высиживаніе. Ночью на гнѣздѣ сидятъ самка и самецъ, днемъ—одна самка. При началѣ высиживанія, продолжающагося 6—7 недѣль, самка часто оставляетъ гнѣздо; но съ приближеніемъ выхода птенцовъ изъ яицъ, отлучки совершенно прекращаются, и самка съ такимъ самоотверженіемъ исполняетъ свой материнскій долгъ, что несмотря на свою природную трусливость, не сходитъ съ яицъ даже при приближеніи охотника, а только пригинается и, не издавая звука, допускаетъ умертвить себя. Кладка яицъ продолжается и послѣ того, какъ началось высиживаніе; но эти запоздавшія яйца кладутся снаружи, около гнѣзда, и не высиживаются. Яйца страуса очень крупны; о величинѣ ихъ можно судить по тому, что вѣсъ каждаго изъ нихъ равенъ приблизительно вѣсу 24 куриныхъ яицъ. Вышедшіе изъ яицъ птенцы имѣютъ очень странный видъ: они бываютъ покрыты не перьями, но упругими, роговыми образованіями, напоминающими иглы ежа и торчащими во всѣ стороны на тѣлѣ. О

доставленіи пищи птенцамъ старыя птицы вовсе не заботятся, потому что птенцы, тотчасъ же по выходѣ изъ яицъ, быстро и ловко начинаютъ бѣгать и съ большимъ искуствомъ отыскивать себѣ пищу; птенцы окончательно вырастаютъ и становятся способными къ размноженію чрезъ четыре года. Устройство гнѣзда въ пескѣ, среди открытой пустыни, кладка нѣсколькихъ яицъ снаружи, внѣ гнѣзда, частыя отлучки самки съ гнѣзда въ началѣ высиживанія, отсутствіе заботливости о прокормленіи птенцовъ—все это такія особенности, которыя повидимому говорятъ о небрежности и жестокости страусовъ относительно своихъ дѣтенышей. Эти-то особенности и имѣются въ виду въ вышеприведенныхъ словахъ изъ книгъ Іова и Плача Іереміи, говорящихъ о жестокости страуса къ своимъ птенцамъ. Но во всякомъ случаѣ инстинктъ родительской любви у страусовъ вообще не менѣе силенъ, чѣмъ и у другихъ животныхъ. Жестокость страуса къ дѣтямъ объясняется въ книгѣ Іова тѣмъ, *что Богъ не далъ страусу мудрости, и не удѣлилъ ему смысла* (Іов. 39, 17). Въ самомъ дѣлѣ, умственная способность страуса очень не велика, что замѣчено всѣми, наблюдавшими эту птицу. У современныхъ Арабовъ существуетъ даже пословица: «глупъ, какъ страусъ». Отсутствіе мудрости и смысла у страуса обнаруживается, между прочимъ, въ томъ, что его ничему нельзя научить, а также въ томъ, что онъ, преслѣдуемый во время тихой погоды, вмѣсто того чтобы бѣжать отъ охотника, скрывается отъ него за ближайшимъ возвышеніемъ и, такимъ образомъ становится легкою и скорою добычею своего преслѣдователя. Въ доказательство глупости страуса, обыкновенно указываютъ на тотъ фактъ, что будтобы страусъ, желая укрыться отъ опасности, останавливается и прячетъ голову или въ ближайшій кустъ, или подъ крыло. Это однакоже не подтверждается новѣйшими наблюденіями, такъ что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ выдумкою, ведущею свое начало отъ древнихъ греческихъ и римскихъ писателей. Краткое описаніе страуса въ книгѣ Іова заканчивается слѣдующими словами: *а когда поднимется на высоту, посмѣвается коню и всад-*

нику его (Іов. 39, 18). Въ этихъ словахъ указана послѣдняя выдающаяся черта страуса: изумительная быстрота его бѣга. Устройство крыльевъ страуса таково (они лишены маховыхъ и рулевыхъ перьевъ), что онъ не можетъ летать. Но слабость крыльевъ замѣняется у него крѣпостію ногъ. Во время тихой погоды страусъ старается скрыться отъ охотника за какимъ-либо возвышеніемъ или въ углубленіи почвы; но если дуетъ хотя слабый вѣтеръ, страусъ становитъ свой хвостъ по вѣтру, подобно парусу, распускаетъ крылья такъ, чтобы ими можно было управлять, какъ рулями, восходитъ на высоту, т.-е. до послѣдней степени напрягаетъ свои силы и начинаетъ свой бѣгъ по необъятнымъ пустыннымъ пространствамъ. Оставляя за собою съ каждымъ шагомъ болѣе сажени пространства, страусъ несется вдаль съ такою быстротою, что самая рѣзвая охотничья лошадь бываетъ не въ состояніи догнать его; во время такого бѣга страусъ дѣйствительно какъбы посмѣвается коню и всаднику его. Закономъ Моисея страусъ причисленъ къ разряду нечистыхъ птицъ (Лев. 11, 16. Второз. 14, 15) и слѣдовательно мясо его не могло быть употребляемо въ пищу. Причину этого постановленія обыкновенно указываютъ въ способѣ питанія страуса; но едва ли основательно. Главную, хотя не исключительную, пищу страуса составляютъ растительныя вещества; подобно птицамъ изъ группы куриныхъ, страусъ охотно срываетъ молодыя вершинки свѣжей травы, подбираетъ разныя сѣмена и охотится за насѣкомыми; такимъ образомъ въ свойствахъ пищи, потребляемой страусомъ, нѣтъ еще поводовъ считать его нечистымъ. Правда, онъ проглатываетъ цыплятъ, утятъ, вообще мелкихъ животныхъ; но не потому, что предпочитаетъ животную пищу растительной, а по неудержимой страсти отправлять въ свой желудокъ все, что не пришито, не прибито гвоздемъ, и можетъ быть проглочено. Поэтому страусъ съ одинаковою охотою и одинаковымъ добродушіемъ поглощаетъ и цѣлые выводки цыплятъ, и мелкіе камни, и куски металловъ. Такъ одинъ естествоиспытатель, вскрывши жившаго въ неволѣ страуса, нашелъ

въ его желудкѣ 7 фунтовъ песку, хворосту и тряпокъ, нѣсколько кремней, три куска желѣза, 9 мѣдныхъ монетъ, 17 мѣдныхъ и 20 желѣзныхъ гвоздей и много другихъ подобныхъ же и совершенно неудобоваримыхъ предметовъ. При рѣшеніи вопроса о томъ, почему страусъ причисленъ въ законѣ Моисея къ нечистымъ птицамъ заслуживаетъ вниманія предположеніе Ветцштейна. Ветцштейнъ предполагаетъ, что законодатель помѣстилъ страуса въ число птицъ нечистыхъ и такимъ образомъ запретилъ употреблять въ пищу его мясо, быть можетъ, въ виду той жестокости, съ какою производится охота на пернатыхъ исполиновъ пустыни. Страусъ, за весьма рѣдкими исключеніями, убивается на гнѣздѣ. Мы уже знаемъ, что во второй періодъ высиживанія самка не оставляетъ гнѣзда даже при приближеніи охотника и даетъ умертвить себя, не издавши звука. По словамъ современныхъ охотниковъ-бедуиновъ, нужно имѣть очень жестокое сердце, чтобы совершить это убійство. Жестокость однакоже не ограничивается такимъ убійствомъ беззащитной самки. Остановивши кровь у убитой птицы, охотникъ снова сажаетъ ее на яйца и, закрывшись пескомъ, ожидаетъ вечера. Вечернею порою возвращается самецъ и, ничего не подозрѣвая, садится рядомъ съ мертвою самкою, но тотчасъ же становится жертвою алчнаго охотника. Убивши предательски старыхъ птицъ, охотникъ губитъ и весь выводокъ, которому предстояло вскорѣ вылупиться изъ яицъ. И вотъ, чтобы устранить поводъ къ такой жестокости, законодатель отнесъ, по предположенію Ветцштейна, страуса къ числу нечистыхъ и, слѣдовательно, не подлежащихъ охотѣ, птицъ. Во всякомъ случаѣ, подобное чувство милосердія и состраданія къ неразумной и беззащитной твари, несомнѣнно руководило законодателемъ въ нѣкоторыхъ изъ его постановленій, каковы напримѣръ Лев. 22, 28. Второз. 22, 6. 7 и др. (Keil und Delitzsch. Bibl. Commentar. 4 Theil, 2 Bd. s. 477). Мясо страуса ѣдятъ въ настоящее время между прочимъ въ Аравіи. Впрочемъ нѣкоторыя изъ арабскихъ племенъ употребляютъ въ пищу только страусовы яйца и жиръ, послѣдній въ каче-

ствѣ приправы къ нѣкоторымъ кушаньямъ. (Kurzgefasstes Handbuch zum N. T. Lifer., 2 Aufl. s. 490). Но не мясо и яйца страуса побуждаютъ къ охотѣ за этою птицею. Извѣстно, что женщины всѣхъ странъ любятъ украшать свои головные уборы страусовыми перьями, особенно бѣлыми перьями самца; вслѣдствіе чего перья эти очень высоко цѣнятся на международномъ рынкѣ. Именно въ высокой цѣнѣ страусовыхъ перьевъ и заключается главное побужденіе къ безпощадному и жестокому истребленію совершенно безвредной для человѣка и замѣчательно своеобразной птицы. Іова 39, 13 стихъ, содержащій въ себѣ начало описанія страуса, представляетъ въ подлинномъ текстѣ очень значительныя трудности для перевода, такъ какъ заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, слова, которыя рѣдко встрѣчаются въ ветхозавѣтной Библіи и которыя притомъ употреблены въ немъ не въ буквальномъ, а въ переносномъ значеніи. Съ этими трудностями не совладѣли и составители LXX и почти половину словъ подлиннаго текста оставили вовсе безъ перевода; такъ ими не переведены слова: *нееласса* (весело развивается), *хасида* (аистъ, благочестивая птица), *ноца* (пухъ); слово же *ренанимъ* (страусъ), они поняли въ буквальномъ, а не въ переносномъ смыслѣ. Вслѣдствіе этого въ переводѣ славянскомъ, слѣдующемъ греческому, Іов. 39, 13 стихъ представляетъ собою слѣдующій наборъ словъ: «крило веселящихся Нееласса, аще зачнетъ Асида и Несса». Эти трудности дали знать о себѣ и въ позднѣйшихъ переводахъ; такъ напримѣръ Лютеръ слово *ренанимъ* (страусъ) перевелъ словомъ: павлинъ; слово «павлинъ» встрѣчается также въ русскомъ переводѣ наряду съ словомъ «страусъ».—Названіе страуса *батъ йаана*, наиболѣе употребительное, какъ мы знаемъ, въ подлинномъ ветхозавѣтномъ текстѣ, точно также не было уже извѣстно греческимъ переводчикамъ въ его дѣйствительномъ значеніи; поэтому названіе *батъ йаана* они перевели въ различныхъ мѣстахъ различно, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующій греческому переводу славянскій. По славянскому переводу Лев. 11, 15 наименованію *батъ йаана* соотвѣтствуетъ слово

страѹсъ, во Второз. 14, 15, слово *врабій*, въ Иса. 43, 20—*дщери струсовы*, въ Плач. 4, 3—*птица*.

Изъ отряда голенастныхъ (Grallatores) библейскія книги называютъ: аиста, цаплю, журавля, ибиса и зуя съ породою его.

Аистъ—по-еврейски *хасида*. Аисты (Cicaniae) принадлежатъ къ числу болотныхъ птицъ. Клювъ у аистовъ длинный, прямой, конусообразный или клиновидный, иногда загнутый кверху, а у нѣкоторыхъ видовъ не закрывающійся посрединѣ; ноги очень длинныя, крѣпкія, голыя далеко выше пятокъ, лапы короткопалыя; пальцы вооружены толстыми, выпуклыми когтями, крылья большія, длинныя и широкія, хвостъ короткій и закругленный; мелкое опереніе по головѣ и шеѣ, у многихъ видовъ узкое и закругленное, у нѣкорыхъ скудное и шерстистое, даже волосистое, у другихъ въ старости отличается роговыми, ланцетовидными кончиками; остальное одѣяніе состоитъ изъ довольно большихъ перьевъ, плотно и гладко прилегающихъ къ тѣлу и оставляющихъ всегда голыми мѣсто вокругъ глазъ и горло, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ переднюю часть головы и щекъ. Аисты водятся во всѣхъ частяхъ свѣта и во всѣхъ поясахъ, чаще всего впрочемъ въ жаркомъ. Первое мѣсто въ числѣ аистовъ въ тѣсномъ смыслѣ принадлежитъ домашнему или бѣлому аисту (Cicania alba). Опереніе его за исключеніемъ черныхъ маховыхъ и самыхъ длинныхъ кроющихъ перьевъ, грязно-бѣлаго цвѣта, глаза бурые, клювъ суриковокрасный, ноги кровяно-красныя, голый кругъ вокругъ глазъ черно-сѣрый, длина $1\frac{1}{4}$ арш. Домашній аистъ предпочитаетъ ровныя, плоскія и низменныя мѣстности, богатыя водою и въ особенности болотами и топями; притомъ ему нужна мѣстность, населенная человѣкомъ. Хотя многіе изъ домашнихъ аистовъ и поселяются вдали отъ человѣческихъ жилищъ, въ лѣсахъ и болотахъ, но большинство этихъ птицъ гнѣздится близъ деревень, часто на крышахъ домовъ и вообще на возвышенныхъ частяхъ зданія. Походка домашнихъ аистовъ медленная и мѣрная, полетъ сравнительно медленный, но мягкій и красивый; вверхъ эти

птицы поднимаются по спиральной линіи. Домашніе аисты охотники до рыбы; но главную пищу ихъ составляютъ присмыкающіяся: лягушки, ящерицы, ужи и даже ядовитыя змѣи; затѣмъ аисты ловятъ мышей, молодыхъ зайцевъ и насѣкомыхъ. Мелкую добычу аистъ беретъ кончикомъ клюва, подбрасываетъ вверхъ, а затѣмъ ловко ловитъ въ клювъ и глотаетъ. Яйца (числомъ до пяти) высиживаются одною самкою, но самецъ, во время высиживанія охраняетъ самку и кормитъ ее, рѣдко удаляясь отъ гнѣзда. О птенцахъ самецъ и самка заботятся съ замѣчательною любовію, обратившеюся въ древности въ пословицу. Любовь эта выражается, кромѣ обилія доставляемой пищи, между прочимъ въ томъ, что старыя птицы, какъбы предвидя возможность выпаденія птенцовъ изъ гнѣзда, приносятъ прутья и обставляютъ ими гнѣздо наподобіе загородки. На любовь аиста къ дѣтямъ указываетъ и еврейское названіе, прилагаемое къ аисту—*хасида*, что значитъ любвеобильная, благочестивая (т.-е. птица). Благочестивою птицею (avis pia) называли аиста и древніе римляне. Единственный звукъ, издаваемый аистомъ, есть хриплое, не поддающееся описанію шипѣніе. Впрочемъ звукъ этотъ слышится довольно рѣдко; обыкновенно же птица выражаетъ свои чувства хлопаньемъ клюва, которымъ превосходно съ этою цѣлію владѣетъ. Въ началѣ осени аисты большими стаями отлетаютъ въ теплыя страны, преимущественно во внутреннюю Африку. Въ библейскихъ книгахъ аистъ называется перелетною птицею (Іерем. 8, 7), противопоставляется, по своей любви къ дѣтямъ, страусу, небрежному и жестокому по отношенію къ своимъ птенцамъ (Іов. 39, 13) и представляется птицею, гнѣздящеюся на деревьяхъ Ливана (Псал. 103, 16. 17). Послѣднее указаніе, по всей вѣроятности, относится не къ бѣлому аисту, но къ черному (Cicania nigra), и доселѣ встрѣчающемуся въ Палестинѣ; этотъ послѣдній избѣгаетъ жилищъ человѣческихъ и гнѣздится исключительно на деревьяхъ. Наконецъ, у пр. Захаріи упоминается о крыльяхъ аиста (Зах. 5, 9). Въ настоящее время аисты водятся въ Св. Землѣ повсюду, гдѣ нахо-

дятся болотистыя и вообще обильныя водою мѣстности; такъ ихъ наблюдаютъ, между прочимъ, въ болотистыхъ устьяхъ потоковъ, впадающихъ въ Средиземное море (Riehm), и на нижнемъ теченіи Іордана ((Ebers und Guthe, Palästina. B. 1, s. 177).

Цапля внесена въ перечень нечистыхъ птицъ Лев. 11, 19; Второз. 14, 18. Цапли (Ardeae)—большія, своеобразно сложенныя болотныя птицы. Тѣло ихъ слабое, сильно сжатое съ боковъ, шея очень длинная и тонкая, голова малая, узкая и плоская, клювъ обыкновенно длиннѣе головы, крѣпкій, прямой, узкій и покрытый, за исключеніемъ носовой области, гладкою, твердою, роговою массою; ноги средней вышины, лапы длиннопалыя; хвостъ короткій, закругленный; крылья длинныя и широкія; мелкое опереніе очень обильное, мягкое и рыхлое, часто удлиняющееся на темени, спинѣ и верхней части груди; цвѣтъ оперенія у цапель весьма разнообразный и часто очень пріятный, хотя яркихъ цвѣтовъ собственно не встрѣчается. Цапли населяютъ всѣ страны свѣта и, за исключеніемъ сѣвера, всѣ области. Уже въ умѣренномъ поясѣ онѣ водятся въ значительномъ количествѣ, а въ тропическихъ странахъ составляютъ главную часть болотнаго населенія, оживляющаго топи и воды. Цапли способны лазить въ камышахъ, по вѣтвямъ деревьевъ; полетъ ихъ однообразенъ и не твердъ, голосъ состоитъ изъ непріятнаго скрипѣнія, или громкаго, далеко слышнаго рева; пищу ихъ составляютъ рыба, мелкія млекопитающія, молодыя птицы, пресмыкающіяся, мягкотѣлыя и черви. Цапли охотно гнѣздятся обществами, и притомъ не только съ другими парами тогоже вида, но со всякимъ родичемъ въ широкомъ и тѣсномъ смыслѣ, и даже съ водяными птицами другихъ породъ. Гнѣзда ихъ высокія, грубо сложенныя постройки, располагаются на деревьяхъ или въ камышахъ.

Словомъ *цапля* Лев. 11, 19. Второз. 14, 18 русскіе переводчики передали еврейское *хасида*, которое въ другихъ мѣстахъ они передали словомъ *аистъ*. Но правильно ли въ русскомъ переводѣ употреблено слово *цапля?* Да, правильно. При внима-

тельномъ разсмотрѣніи того перечня нечистыхъ птицъ, который помѣщенъ въ книгѣ Левитъ 11 гл. и повторенъ въ 14 гл. Второзакопія, нельзя не замѣтить, что законодатель имѣетъ намѣреніе обозначить преимущественно цѣлые роды птицъ, и затѣмъ тѣ только отдѣльные ихъ виды, которые по той или другой причинѣ останавливали на себѣ особенное вниманіе Евреевъ. Посему слѣдуетъ полагать, что употребивъ въ Пятокнижіи наименованіе *хасида*, Моисей желалъ обозначить не однихъ аистовъ, но всѣхъ сходныхъ съ аистами птицъ, а именно всѣхъ крупныхъ «голенастыхъ», населяющихъ болотистыя мѣстности. Если же это такъ, то слово *хасида* въ указанныхъ перечняхъ правильнѣе всего перевести словомъ *цапля*. Ибо *цапля* есть родовое понятіе, въ составъ котораго входятъ очень многіе виды, каковы, напримѣръ, снѣжная или бѣлая цапля (Herodias alba), выпь (Botavrus stellaris), издающая по ночамъ замѣчательное и страшное ворчаніе, которое походитъ на ревъ быка; затѣмъ исполинскіе аисты (Alicteria), которые могутъ быть причислены къ цаплямъ, ибисовая цапля (Bubulcus ibis), которую нерѣдко принимали за ибиса и т. д. Всѣ эти виды обыкновенно живутъ въ одномъ обществѣ и, заселяя одно какое-либо болото, вьютъ гнѣзда рядомъ другъ съ другомъ на болотныхъ деревьяхъ, при чемъ наиболѣе удобныя мѣста на толстыхъ сучьяхъ занимаютъ крупныя цапли, затѣмъ на тонкихъ вѣтвяхъ размѣщаются болѣе легкія и мелкія птицы, и послѣднія, такимъ образомъ, какъбы находятся подъ предводительствомъ своихъ массивныхъ родичей. Правильность передачи наименованія *хасида* словомъ *цапля* можетъ быть подтверждена и переводомъ LXX. Въ этомъ переводѣ наименованіе *хасида* или же оставлено въ нѣкоторыхъ мѣстахъ безъ перевода, или же, въ большинствѣ случаевъ, передано словомъ ερωδιος— что значитъ именно *цапля*. Это послѣднее греческое названіе славянскіе переводчики оставили непереведеннымъ; отсюда въ славянской Библіи мы встрѣчаемъ такія, напримѣръ, выраженія и слова: *еродіево жилище* (Пс. 103, 17), *ередій* (Лев. 11, 19; и др.).

Журавль по-еврейски *агуръ* (Иса. 38, 14. Іер. 8, 7). Журавль по внѣшнему виду сходенъ съ крупными голенастыми и отличается отъ нихъ тѣмъ, что употребляетъ въ пищу главнымъ образомъ сѣмена растеній, траву, насѣкомыхъ и очень мало пресмыкающихся, почему и причисляется къ болотнымъ *куринымъ* птицамъ; преобладающій цвѣтъ его оперенія есть пепельно-сѣрый, нѣкоторыя перья черныя. Журавли—перелетныя птицы, на что и указываетъ пророкъ Іеремія (8, 7). Летятъ они стаями и всегда въ одномъ и томъ-же порядкѣ (расположившись клиновидно). При перелетѣ журавли издаютъ однообразные, но оригинальные и громкіе звуки, въ которыхъ слышатся грустныя ноты. Во всякомъ случаѣ, звуки перелетныхъ журавлиныхъ стай, обыкновенно доносящіеся до слуха съ недосягаемой высоты, способны навести грусть, тѣмъ болѣе, что ихъ приходится слышать въ осенніе дни, когда всюду бываютъ видны слѣды замиранія жизни въ природѣ. Намекъ на печальныя ноты въ крикѣ журавлей можно видѣть у Иса. 38, 14 и). Въ настоящее время въ Палестинѣ встрѣчается обыкновенный *сѣрый журавль* (Grus cinerea) и журавль малый (Anthropoides virgo), очень красивая по стройности и оперенію птица.

Ибисъ. Этимъ названіемъ въ русскомъ текстѣ Библіи (Лев. 11, 17. Второз. 14, 16) переведено слово *ганшуфъ*, согласно съ древними переводами греческимъ LXX и латинскимъ Вульгатою (въ славянскомъ переводѣ—ивинъ). По внѣшнему виду и по образу жизни ибисы подходятъ къ цаплямъ. Называя ибиса, Моисей вѣроятно имѣлъ въ виду ибиса священнаго (Threskiornis religiosa), который въ древнія времена былъ распространенъ по всему Египту, почему и называется также *нильскою цаплею*. Священный ибисъ имѣетъ опереніе преимущественно бѣлое, клювъ длинный, тонкій, выгнутый дугою; шея и клювъ священнаго ибиса лишаются подъ ста-

и) Подробное и удовлетворительное объясненіе слова *агуръ*, употребленнаго Иса, 38, 14 даетъ Naegelsbach, Der Prophel Jesaia s. 417. 118. Въ греческомъ и славянскомъ переводахъ нѣтъ реченія, соотвѣтствующаго слову *агуръ*. Иса. 38, 14.

рость оперенія и остаются покрытыми одною кожею чернаго бархатнаго цвѣта. Въ перечнѣ нечистыхъ птицъ всѣ крупныя голенастыя обозначены, какъ мы знаемъ, словомъ *хасида*. Если же ибисъ названъ особо, то, можно думать, потому что онъ былъ хорошо извѣстенъ Евреямъ, а также по той причинѣ, что онъ считался въ Египтѣ священною птицею: и помѣщеніе его въ разрядѣ нечистыхъ должно было удержать сыновъ Израиля, склонныхъ къ идолопоклонству, отъ языческаго суевѣрнаго почитанія этой птицы.

Зуй—по-еврейски *анафа* (Лев. 11, 19. Второз. 14, 18) съ породою его. Зуй (Aegialites)—мелкая, голенастая, болотная птица, покрытая бѣлыми и черными перьями, имѣющая короткій клювъ и крупную голову; ростомъ немного превосходитъ жаворонка. Зуй имѣетъ очень малое количество видовъ; поэтому подъ породою зуя можно разумѣть всѣхъ мелкихъ голенастыхъ птицъ, каковы: пигалицы, бекасы, кулики, турухтаны и мн. др. встрѣчающіяся въ болотистыхъ мѣстностяхъ. Въ переводѣ LXX наименованію «зуй» соотвѣтствуютъ слово χαραδριος, что, собственно, значитъ «болотная птица»; въ переводѣ славянскомъ—«харадріонъ».

Изъ веслоногихъ (Steganopodes) Библія называетъ пеликана и рыболова, изъ длиннокрылыхъ (Longipennes)—чайку.

Пеликанъ—по-еврейски *каатъ*. Пеликанъ поименованъ въ числѣ птицъ нечистыхъ Лев. 11, 18. Второз. 14, 14; въ Пс. 34, 11 о немъ говорится, какъ объ обитателѣ пустынныхъ мѣстностей, у Соф. 2, 14—какъ о птицѣ ночующей въ развалинахъ. Какъ птица, принадлежащая къ отдѣлу водяныхъ и къ отряду веслоногихъ, пеликанъ имѣетъ короткія ноги и пальцы, соединенныя перепонками. Выдающимся признакомъ пеликановъ служитъ громадный клювъ, состоящій изъ мѣшка и покрывающей его крышки. Крышка очень длинна; ея вершина по всей длинѣ представляетъ форму ясно видимаго клина, переходящаго на кончикѣ въ костистый крѣпкій крючекъ. Нижняя половина клюва состоитъ изъ очень слабыхъ, тонкихъ и гибкихъ вѣтвей нижней челюсти, которыя, соединяясь только на кончикѣ, образуютъ изъ себя рамку для ог-

ромнаго, очень растяжимаго, кожистаго мѣшка. Изъ семейства пеликановъ наиболѣе распространенъ *пеликанъ розовый* или, такъ называемая, *баба-птица* (Pelecanus onocrotalus). Это самая крупная изъ плавающихъ птицъ: длина ея простирается до двухъ аршинъ; опереніе ея, образующее на головѣ хохолъ изъ длинныхъ кругловатыхъ перьевъ, совершенно бѣлое съ розовымъ оттѣнкомъ. Живутъ пеликаны большими стаями, гнѣздятся въ болотахъ и озерахъ, вьютъ гнѣзда изъ камыша и тростника, любятъ отдыхать на деревьяхъ и вообще на высокихъ предметахъ (Соф. 2, 14). Питаются пеликаны рыбою и избытки пойманной рыбы хранятъ въ своемъ мѣшкѣ-клювѣ. Этими запасами пеликанъ кормитъ своихъ птенцовъ; во время кормленія онъ дѣлаетъ движенія головою внизъ, при чемъ касается клювомъ до груди; это подало поводъ баснословить, что пеликамъ разрываетъ грудь и кормитъ птенцовъ собственнымъ мясомъ. Еврейскому наименованію *каатъ* въ славянскомъ переводѣ соотвѣтствуетъ Лев. 12, 18—*пеликанъ*, Пс. 102, 7—*неясыть*, Иса. 34, 11—*птица*, Соф. 2, 14—*хамелеонъ*. *Неясыть* принадлежитъ къ группѣ совъ.

Названіемъ *рыболовъ* въ русскомъ переводѣ Библіи Лев. 11, 17. Второз. 14, 17 передано еврейское слово *шалакъ*. Можно полагать, что словомъ *шалакъ* обозначенъ не одинъ какой-либо видъ веслоногихъ, но всѣ веслоногія, извѣстныя древнимъ Евреямъ, за исключеніемъ пеликана, который своею выдающеюся внѣшнею особенностію обращалъ на себя невольное вниманіе, и потому поименованъ въ перечнѣ нечистыхъ птицъ особо. Веслоногія, кромѣ длинныхъ, соединенныхъ перепонками, пальцевъ, имѣютъ слѣдующія отличительныя черты: они питаются исключительно рыбою, бросаются на свою добычу нерѣдко съ значительной высоты, превосходно ныряютъ, живутъ многочисленными обществами на берегахъ морей, на морскихъ скалистыхъ островахъ, производятъ знаменитое удобреніе, извѣстное подъ именемъ гуано. Нѣкоторыя изъ веслоногихъ живутъ внутри материковъ, на прѣсныхъ водахъ; нѣкоторые ихъ виды встрѣчаются въ на-

стоящее время на Мертвомъ морѣ, около устьевъ Іордана (Ebers und Guthe, Palästina Bd. I, s. 175). Къ веслоногимъ принадлежатъ: рыболовы (piscatrices), бакланы (Haleli) и др. Названные виды живутъ на прѣсныхъ, между прочимъ, палестинскихъ водахъ. Еврейское *шалакъ* у LXX передано словомъ καταρραχτης, что значитъ «птица, быстро бросающаяся въ воду».

Чайка по-еврейски *шахафъ* (Лев. 11, 16; Второз. 14, 15). Чайки служатъ представителями обширной группы длиннокрылыхъ, живущихъ и на морѣ, и на прѣсныхъ водахъ, внутри материковъ. Всѣ длиннокрылыя по строенію очень сходны: шея у нихъ короткая, голова средней величины, клювъ средней длины, сжатый съ боковъ, съ острыми краями; ноги обыкновенно слабыя; только передніе три пальца соединены перепонкою, часто весьма неразвитою; крылья всегда длинныя и острыя, болѣе или менѣе узкія и очень большія по отношенію къ туловищу. Длиннокрыя очень быстро летаютъ и пролетаютъ большія пространства безъ отдыха; величина ихъ различна — отъ размѣровъ галки до орла. Еврейскому *шахафъ* у LXX соотвѣтствуетъ λαρος (чайка), въ славянскомъ переводѣ «сухолапль».

Еврейское слово *тиншеметъ* Лев. 11, 18. Второз. 14, 16, въ русскомъ переводѣ передано словомъ *лебедь*. Лебедь принадлежитъ вмѣстѣ съ утками и гусями къ отряду пластинчатоклювыхъ (Lamellirostes) и къ отдѣлу плавающихъ. Въ 3 Цар. 4, 23, по переводамъ греческому, русскому и славянскому, и въ Цар. 5, 3, по тексту подлинному говорится о «птицахъ откормленныхъ», которыя были подаваемы къ столу царя Соломона. Нѣкоторые изъ древнихъ и новѣйшихъ толковниковъ подъ этими птицами разумѣютъ *гусей*, культура которыхъ издревле практиковалась въ Египтѣ, и съ нею были вѣроятно знакомы Евреи; нѣкоторые же изъ толковниковъ подъ «откормленными птицами» разумѣютъ лебедей (см. Gesenius, Wörterbuch. сл. *баббюримъ*; Kurzgefastes ex. Handbuch zum A. T. Lif. 9; 2 Aufl. s. 44; Keil und Delitzsch, Commentar. 2 Theil, 3 B. s. 40; Rkiem, 644).

Но если эти объясненія вѣрны, то трудно допустить, что евр. слово *тиншеметъ* есть названіе лебедя и что лебедь помѣщенъ былъ Моисеемъ въ число птицъ нечистыхъ. А съ другой стороны, невозможно съ точностію опредѣлить, какую именно птицу означаетъ *тиншеметъ*, такъ какъ значеніе это не было извѣстно даже греческимъ переводчикамъ; притомъ Лев. 11, 30, *тиншеметъ* обозначаетъ одну изъ ящерицъ—хамелеона. Лебеди въ настоящее время водятся на Меромскомъ озерѣ.

V.

МЛЕКОПИТАЮЩІЯ ВЪ СВ. ЗЕМЛѢ.

Отряды, къ которымъ принадлежатъ млекопитающія животныя Св. Земли, упоминаемыя въ Библіи.—Обезьяны: гульманы, мартышки и павіаны. Причины, по которымъ обезьяны были привозимы въ Палестину при Соломонѣ. Почему ни до временъ Соломона, ни послѣ него библейскіе писатели не упоминаютъ объ обезьянахъ въ Св. Землѣ.— Рукокрылыя: летучія мыши; ихъ различные виды, извѣстные въ Палестинѣ и въ настоящее время.—Грызуны: мыши; виды мышей и вообще мелкихъ грызуновъ, которые разумѣлись библейскими писателями, упоминавшими о мышахъ; золотыя изваянія мышей, приготовленныя Филистимлянами; приготовленіе подобныхъ изваяній у языческихъ народовъ древности; примѣчаніе о различіи между подлиннымъ и переводными текстами въ повѣствованіи объ опустошеніи мышами филистимскихъ полей. Зайцы.

Изъ млекопитающихъ животныхъ, постоянно обитавшихъ въ Палестинѣ или временно въ ней находившихся, Библія называетъ животныхъ, принадлежащихъ къ осьми отрядамъ. Отряды эти слѣдующіе: обезьяны, рукокрылыя, грызуны, хищныя, однокопытныя, двукопытныя, или жвачныя, многокопытныя и китообразныя.

Обезьяны (Simiae) упоминаются въ Библіи дважды: 3 Цар. 10, 22. 2 Парал. 9, 21. Корабль, привозившій изъ Офира ко двору Соломона различныя произведенія тропическаго юга, доставлялъ между прочимъ и обезьянъ. Если подъ именемъ Офира слѣдуетъ разумѣть южную Индію, то изъ этой именно страны обезьяны были вывозимы въ Палестину. На индій-

ское происхожденіе офирскихъ обезьянъ указываетъ ихъ еврейское названіе, представляющее собою лишь легкое видоизмѣненіе индійскаго; въ еврейскомъ текстѣ Библіи обезьяны называются *кофъ, кофимъ*, по-индійски *капи* (*капи* значитъ «быстрый, подвижный» и, такимъ образомъ, указываетъ на отличительную черту обезьянъ). Это индійское названіе перешло и въ классическіе языки: одинъ изъ видовъ обезьянъ Греки называли κηπος, Римляне—kebos (Riehm, 1, 35). По отсутствію опредѣленныхъ указаній, невозможно съ точностію сказать, какого вида обезьяны доставлялись Соломону. Можно думать, что это были обезьяны, наиболѣе распространенныя въ Индіи и въ ея прибрежныхъ областяхъ, наименѣе дикія, для поимки которыхъ не требовалось особенныхъ усилій. Такими могли быть *гульманы* или *гунеманы* (semnopithecus entellus), принадлежащіе къ семейству тонкотѣлыхъ обезьянъ. Гульманы имѣютъ малый ростъ, едва достигающій 1 аршина и 3 вершковъ, и обладаютъ очень длиннымъ хвостомъ—въ 22 вершка, съ кистью на концѣ; они стройны, ихъ конечности длинны и тонки, голова мала и высока, морда короткая, шерсть очень тонка, на головѣ волоса значительно длиннѣе, чѣмъ на тѣлѣ. Цвѣтъ шерсти гульмановъ желтовато-бѣлый; на лицѣ и на рукахъ волоса чернаго цвѣта; тѣмъже цвѣтомъ окрашенъ пучекъ волосъ, ниспадающій на глаза; короткая борода желтаго цвѣта; кожа на мѣстахъ не покрытыхъ волосами имѣетъ темно-фіолетовую окраску. Гульманы, по внѣшнему виду, красивѣе всѣхъ другихъ обезьянъ; ихъ дружественное обращеніе между собою и невѣроятные прыжки привлекаютъ вниманіе каждаго наблюдателя. Гульманы издревле были наиболѣе распространенными въ Индіи, благодаря, главнымъ образомъ, покровительству со стороны Индійцевъ, которыми гульманъ съ незапамятныхъ временъ былъ уважаемъ въ качествѣ священнаго животнаго, и это уваженіе сохранилось доселѣ въ прежней силѣ. Индійцы предоставляютъ гульманамъ спокойно обирать сады, обкрадывать дома, и ничего противъ нихъ не предпринимаютъ, что дѣлаетъ ихъ необыкновенно смѣлыми. Смѣлость

гульмановъ доходитъ до того, что они вламываются въ обѣденную пору въ дома и вырываютъ у людей куски изъ рукъ. Столь ручныя и притомъ очень падкія на лакомства и пищу животныя, конечно могли быть, безъ особенныхъ затрудненій, привлекаемы на корабль Соломона въ желательномъ количествѣ.

Корабль Соломона нѣсколько разъ отправлялся въ Офиръ и во время своего продолжительнаго пути долженъ былъ проходить мимо различныхъ приморскихъ странъ. Поэтому слѣдуетъ допустить, что не изъ одного Офира доставлялъ онъ въ Палестину товары, и, между прочимъ, обезьянъ онъ могъ находить въ другихъ мѣстахъ. Извѣстно, что корабль Соломона, называвшійся Ѳарсисскимъ, отправлялся изъ Еціонъ Гавера (3 Цар. 9, 26; 10, 22) и несомнѣнно возвращался въ туже гавань, находившуюся на сѣверной оконечности восточнаго залива Краснаго моря. Такимъ образомъ путь корабля пролегалъ вдоль всего Чермнаго моря и у его западныхъ береговъ корабельщики могли по нѣскольку разъ останавливаться для отдыха, необходимыхъ исправленій корабля, или для пополненія запасовъ продовольствія. Но на этихъ-то берегахъ они могли запастись обезьянами, именно въ южной части западнаго берега—мартышками, а въ сѣверной—павіанами. Мартышки, или морскія кошки (Cercopìthecus) отличаются легкими и красивыми формами, стройными членами, тонкими короткими руками съ длинными большими пальцами, длинными хвостами, безъ кистей на концѣ. Цвѣта ихъ большею частію довольно ярки и у нѣкоторыхъ видовъ представляютъ красивую пестроту. Мартышки принадлежатъ къ числу самыхъ общежительныхъ, живыхъ, веселыхъ и пріятныхъ обезьянъ. Онѣ распространены по всей Африкѣ и живутъ, между прочимъ, по берегамъ Краснаго моря въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Еѳіопіи, или Абиссиніи, преимущественно по близости хлѣбныхъ полей, произведеніями которыхъ, обыкновенно, и питаются. Людей мартышки почти не боятся; ловятъ ихъ сѣтями на приманку. Эти обезьяны были извѣстны древнимъ классическимъ народамъ, и о нихъ упоминаютъ

какъ греческіе, такъ и римскіе писатели. Павіаны, или собакоголовыя (Cynocephalus) обладаютъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и громадною мышечною силою. Ихъ массивная голова, по своему строенію, приближается къ головѣ грубой дикой собаки, почему еще Аристотель назвалъ ихъ собакоголовыми, и оканчивается толстою, длинною, тупою мордою съ выдающимся носомъ. Челюсти павіановъ напоминаютъ хищныхъ звѣрей своими страшными клыками; ихъ хвостъ иногда покрытъ ровными волосами, иногда заканчивается кистью; длинная, мягкая шерсть имѣетъ по большей части неопредѣленные землистые и скалистые цвѣта, какъ-то сѣрый, сѣро-зелено-желтый и т. д., но большіе сѣдалищные наросты обыкновенно очень ярко окрашены; у нѣкоторыхъ видовъ павіановъ голова, шея и плечи покрыты богатою гривою. Павіаны постоянно ходятъ на четверенькахъ, поднимаясь на ноги только, чтобы осмотрѣться. Походка ихъ напоминаетъ скорѣе походку неуклюжей собаки, чѣмъ обезьяны. Павіаны водятся на скалахъ, на плоскихъ возвышенностяхъ, или въ высокихъ горныхъ мѣстностяхъ Африки, между прочимъ на сѣверо-западныхъ берегахъ Чермнаго моря; они встрѣчаются также въ юго-западныхъ частяхъ Аравіи, въ Іеменѣ и Годрамаудѣ, слѣдовательно въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ названному морю съ азіатской стороны. Несмотря на страшную силу, дикость и свирѣпость павіановъ, поймать ихъ очень легко: павіаны очень любятъ крѣпкіе напитки и скоро пьянѣютъ; поэтому ставятъ сосуды съ опьяняющею жидкостію и потомъ забираютъ пьяныхъ (Бремъ. Жизнь животныхъ. Народное и школьное изданіе, обработанное Шедлеромъ, I т., стр. 33—35).—Нельзя думать, что доставленіе обезьянъ ко двору Соломона было простою случайностію, или слѣдствіемъ прихотливаго желанія ознакомиться съ чужеземнымъ и оригинальнымъ животнымъ. Припомнимъ, что Соломонъ былъ женатъ на любимой дочери египетскаго фараона (3 Цар. 3, 1; 9, 16), которой старался доставлять возможныя удобства (3 Цар. 7, 8. 9. 24) и которую желалъ конечно окружить всѣмъ тѣмъ, къ чему та привыкла на своей африканской

родинѣ, подобно тому, какъ онъ дѣлалъ это для другихъ своихъ женъ-иноплеменницъ, удовлетворяя даже предосудительнымъ ихъ желаніямъ (3 Цар. 11, 4—8). Но въ древности знатные Египтяне любили держать у себя обезьянъ, какъ они любятъ это и понынѣ. Наиболѣе распространенными видами обезьянъ въ древнемъ Египтѣ были мартышки и павіаны, изображенія которыхъ встрѣчаются на изучаемыхъ въ наши дни памятникахъ древней египетской архитектуры (Richm, Handwörterbuch des biblischen Altretums I, 36). Изъ нихъ особеннымъ расположеніемъ древнихъ Египтянъ пользовались павіаны и преимущественно павіаны покрытые гривою (Cynocephalus Hamadryas), по той причинѣ, что они причислялись къ разряду священныхъ животныхъ и служили символомъ бога *Тота*. *Тотъ* (Tut, Tot или Taat) былъ богомъ луны, времени, затѣмъ богомъ мудрости и разума, божественныхъ откровеній людямъ, богомъ греческаго богословствованія и знаній вообще, наконецъ богомъ правосудія. Представляется страннымъ, что столь отвратительное существо, какъ павіанъ, признавалось символомъ божества, которое особенно уважалось въ средѣ жрецовъ Египта, составлявшихъ просвѣщеннѣйшую часть народа. Тѣмъ не менѣе причину этого обстоятельства слѣдуетъ искать въ особенностяхъ животнаго. При всемъ своемъ безобразіи, дикости и звѣриной ярости, павіаны обнаруживаютъ очень замѣчательные признаки разумности. Такъ у нихъ преимущественно встрѣчается одно изъ самыхъ характерныхъ свойствъ обезьяньяго нрава—способность къ подражанію, что иногда разительно сближаетъ ихъ дѣйствія съ дѣйствіями человѣческими; притомъ они очень сообразительны и догадливы,—быстро замѣчаютъ козни и опасности, имъ угрожающія и защищаются отъ враговъ мужественно и стойко. *Тотъ*, извѣстный всему Египту, имѣлъ, подобно многимъ другимъ богамъ, и свой мѣстный культъ въ одномъ изъ южныхъ египетскихъ городовъ, гдѣ онъ признавался верховнымъ богомъ-покровителемъ. Въ этомъ же городѣ считался особенно священнымъ его символъ—павіанъ. Въ изображеніяхъ на египетскихъ памятни-

какъ павіанъ иногда замѣнялъ самого *Тота*; такъ павіанъ изображался стоящимъ на вѣсахъ въ Аменти, т.-е. въ подземной области. Трупы издыхавшихъ павіановъ бальзамировались и погребались въ пирамидахъ (Хрисанъ, Религіи древняго міра; II, 80—84; Biblische Naturgeschicte; 7 Aufl. s. 8). Теперь если египетская жена Соломона привыкла видѣть и почитать обезьянъ на своей родинѣ, то естественно, что она желала видѣть этихъ животныхъ около себя и въ Палестинѣ; поэтому-то Ѳарсисскій корабль и доставлялъ обезьянъ ко двору Соломона и вѣроятно, что на ряду съ офирскими гульманами онъ привозилъ африканскихъ мартышекъ и особенно павіановъ съ береговъ Краснаго моря.

Евреи, несомнѣнно, имѣли свѣдѣнія объ обезьянахъ гораздо ранѣе временъ Соломона, благодаря своимъ разнообразнымъ отношеніемъ къ Египту; точно также и послѣ Соломона они могли знать объ этихъ животныхъ, между прочимъ чрезъ своихъ сѣверо-восточныхъ сосѣдей Ассиріянъ, которые, какъ это даютъ видѣть изображенія на ихъ памятникахъ, имѣли обычай держать у себя обезьянъ различныхъ видовъ (Riehm, 1, 36). Тѣмъ не менѣе въ Библіи за исключеніемъ исторіи Соломона, объ обезьянахъ нигдѣ не упоминается; это доказываетъ, что вообще онѣ не имѣли доступа въ Палестину. Вѣроятно, ихъ распространенію въ Св. Землѣ противодѣйствовали представители религіозной жизни Израиля, опасаясь, что склонный къ идолопоклонству народъ, и обезьянъ сдѣлаетъ предметомъ суевѣрнаго почитанія, по примѣру какъ Египтянъ, такъ и жителей Офира.

LXX толковниковъ еврейское слово «кофимъ» перевели словомъ πίθηκος; славянскіе переводчики греческое реченіе въ 3 Цар. 11, 22 оставили безъ перевода; отсюда въ славянской Библіи въ указанномъ мѣстѣ русскому слову «обезьяны» соотвѣтствуетъ—«пиѳики».

Летучая мышь, по-еврейски *аталлевъ*, упоминается Лев. 11, 19; 14, 18. Иса. 2, 20. Летучія мыши составляютъ отрядъ рукокрылыхъ (Chiroptera), наиболѣе своеобразныхъ, по своему строенію, животныхъ. Рукокрылыя — это полумлеко.

питающія, полуптицы. Они имѣютъ сплюснутое туловище, короткую шею и толстую, удлиненную голову, съ широкимъ отверстіемъ рта. Общимъ строеніемъ тѣла они походятъ на обезьянъ и, подобно послѣднимъ, имѣютъ два соска на груди. Передніе конечности рукокрылыхъ обращены въ органы летанія, вслѣдствіе чего необыкновенно увеличены, а туловище уменьшено до самыхъ незначительныхъ размѣровъ. Верхняя и нижняя часть переднихъ конечностей, или рукъ, и пальцы кистей необыкновенно длинны, въ особенности послѣдніе три пальца, которые приспособлены для растягиванія натянутой между ними перепонки; только большой палецъ, не принимающій никакого участія въ летаніи, имѣетъ нѣчто общее съ пальцами млекопитающихъ; обыкновенно онъ состоитъ изъ двухъ суставовъ, коротокъ и снабженъ крѣпкимъ когтемъ, который во время лазанья и укрѣпленія въ висячемъ положеніи замѣняетъ для животнаго цѣлую руку. Ноги устроены довольно правильно: ступня имѣетъ пять пальцевъ изъ которыхъ каждый снабженъ когтемъ, но и она имѣетъ особенность, именно отъ пятки идетъ особенная кость—шпора, служащая для натягиванія перепонки между ногою и хвостомъ. Рукокрылыя имѣютъ зубы всѣхъ родовъ въ замкнутомъ ряду, что приближаетъ ихъ къ хищнымъ, а еще болѣе къ насѣкомояднымъ. Рукокрылыя представляютъ особенность не только въ развитіи летательной перепонки, но и въ кожистыхъ образованіяхъ носа и ушей. У нѣкоторыхъ видовъ длина ушей превосходитъ длину всего тѣла, а въ ширину уши развиваются до того, что составляютъ одну общу закрытую ушную полость. Полетъ всѣхъ рукокрылыхъ непродолжителенъ,—онъ поддерживается постояннымъ движеніемъ рукъ. Птица можетъ парить въ воздухѣ, летучая мышь—только порхать. Всѣ рукокрылыя днемъ спятъ, а ночью летаютъ. Въ продолженіе дня они укрываются въ разныхъ темныхъ углахъ—въ дуплистыхъ деревьяхъ, въ пустыхъ домахъ, въ пещерахъ, въ старыхъ развалинахъ и т. п.

Рукокрылыя, живущія въ сѣверныхъ странахъ, съ наступленіемъ холодовъ, собираются массами въ мѣста, по возмож-

ности защищенныя отъ непогодъ, и здѣсь, зацѣпившись за что-нибудь задними ногами, повисаютъ внизъ головою и впадаютъ въ крѣпкій зимній сонъ. Пища рукокрылыхъ состоитъ главнымъ образомъ изъ насѣкомыхъ, затѣмъ изъ плодовъ, иногда изъ позвоночныхъ и изъ крови, высасываемой ими изъ большихъ животныхъ. Водятся они преимущественно, въ теплыхъ странахъ. Границею ихъ распространенія на сѣверѣ служитъ средняя Европа.

Древніе Евреи относили рукокрылыхъ къ птицамъ, хотя они не имѣютъ перьевъ, подобно птицамъ, но, какъ звѣри, покрыты мѣхомъ. Согласно съ этимъ воззрѣніемъ, въ Библіи летучія мыши—*аталлевъ*, причислены къ разряду нечистыхъ птицъ, чѣмъ воспрещено употребленіе ихъ мяса въ пищу (Лев. 11, 19. Второз. 14, 18). Современные Арабы также считаютъ летучихъ мышей птицами, принимая конечно во вниманіе ихъ способность летать и затѣмъ то обстоятельство, что онѣ, опустившись на землю, являются очень безпомощными. Но во всякомъ случаѣ рукокрылыя имѣютъ лишь внѣшнее сходство съ птицами, по внутреннему же строенію они вполнѣ примыкаютъ къ четвероногимъ, такъ что современное научное выдѣленіе ихъ изъ класса птицъ слѣдуетъ признать совершенно правильнымъ.

Благодаря теплому климату и обилію пещеръ, которыми, можно сказать, пронизаны палестинскія горы, въ Св. Землѣ рукокрылыя всегда водились въ значительномъ количествѣ, при чемъ горныя пещеры служили для нихъ постояннымъ прибѣжищемъ. На пещеры, какъ на мѣстопребываніе летучихъ мышей, указываетъ пророкъ Исаія. Возвѣщая о томъ, что нѣкогда гнѣвъ Господень постигнетъ Израиля за его идолопоклонство, пророкъ говоритъ, что въ тѣ грозные дни жители Св. Земли войдутъ отъ страха Господа въ разсѣлины скалъ и въ пропасти земныя и обитателямъ этихъ разсѣлинъ и пропастей, между прочимъ, летучимъ мышамъ бросятъ своихъ серебряныхъ и золотыхъ идоловъ; т.-е. съ высотъ и жертвенниковъ, привлекающихъ къ себѣ почитателей боговъ чуждыхъ, идолы будутъ сброшены въ пещеры, отъ которыхъ обыкно-

венно всѣ стремятся прочь и къ обитателямъ которыхъ, въ томъ числѣ къ летучимъ мышамъ, питаютъ невольное отвращеніе.

И въ настоящее время Палестина изобилуетъ рукокрылыми различныхъ видовъ; они встрѣчаются въ окрестностяхъ Мертваго моря, въ Іорданской долинѣ, около Геннисаретскаго озера, въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ и вообще всюду, гдѣ для нихъ находится удобный пріютъ.

Изъ палестинскихъ рукокрылыхъ настоящаго времени обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе виды: ушанъ обыкновенный (Plecotus avritus), большой подковоносъ (Rhinolophus ferrum-equinum) и египетскій ланцетоносъ (Rhinopoma microphillum). Отличительныя черты обыкновеннаго ушана слѣдующія: чрезвычайно длинныя уши, свѣтло-коричневый мѣхъ, морда покрытая бѣлыми волосами, и бѣлая борода подъ нижнею губою. Длина тѣла обыкновеннаго ушана около 2 вершковъ; его уши имѣютъ въ длину болѣе вершка, ширина крыльевъ равна 5 вершкамъ. Обыкновенный ушанъ значительно распространенъ и въ Европѣ.—Отличительную черту подковоноса составляетъ костистый носовой придатокъ, покрывающій почти всю морду до самаго лба. Нижняя основная часть придатка имѣетъ форму подковы, откуда и произошло названіе животнаго; средняя часть придатка напоминаетъ форму гребня, придатокъ наверху заканчивается узкою полоскою, имѣющею форму ланцета; мѣхъ подковоноса свѣтло-сѣраго цвѣта; размѣры нѣсколько болѣе нежели у предшествующаго вида. Подковоносъ принадлежитъ къ семейству листоносовъ (Phillostoma), къ которому пріурочены многочисленныя суевѣрныя сказанія. Въ этихъ сказаніяхъ они носятъ названія вампировъ, лихихъ упырей, кровососовъ. Правда, подковоносы наносятъ раны домашнимъ птицамъ и другимъ мелкимъ животнымъ, во время ихъ сна, и высасываютъ у нихъ кровь; тоже дѣлаютъ и всѣ рукокрылыя, принадлежащія къ семейству листоносовъ. Но листоносы далеко не такъ опасны, какъ это представляется въ народныхъ сказаніяхъ. Такъ раны, которыя они наносятъ, очень не глубо-

ки и количество высасываемой ими крови незначительно; притомъ къ кровососанію они прибѣгаютъ лишь при совершенномъ отсутствіи насѣкомыхъ, составляющихъ главную ихъ пищу. Даже самый крупный изъ листоносовъ (Phyllostoma spectrum), за которымъ наука оставила названіе вампира и который наноситъ раны даже людямъ во время ихъ сна, столь же малоопасенъ и по тѣмъже причинамъ, какъ и мелкіе его родичи.—Египетскій ланцетоносъ отличается отъ прочихъ рукокрылыхъ тѣмъ, что носовой его придатокъ сходенъ по виду съ перпендикулярно стоящимъ ланцетовиднымъ листомъ; кромѣ того ланцетоносъ имѣетъ длинный и тонкій хвостъ, состоящій изъ одиннадцати позвонковъ и заходящій далеко за бедряную летательную перепонку, которая соединяетъ хвостъ рукокрылыхъ съ задними конечностями. Египетскій ланцетоносъ водится по берегамъ Іордана и Мертваго моря; онъ принадлежитъ къ семейству кровососовъ.

Изъ отряда грызуновъ (Rodentia) Библія называетъ мышей и зайцевъ.

Мышь (Mus), по-еврейски *акбаръ*. Указанія на мышей встрѣчаются въ слѣдующихъ мѣстахъ Библіи: Лев. 11, 29. Иса. 66, 17 и 1 Цар. по еврейскому тексту 6, 5, и кромѣ того по тексту греческому и славянскому 5, 36. 61. Къ семейству мышей причисляется необозримое количество видовъ, но не на одинъ изъ нихъ библейскія книги прямо не указываютъ. Однако изъ обстоятельствъ, по поводу которыхъ Библія упоминаетъ о мышахъ, довольно ясно видно, какіе именно виды этихъ животныхъ разумѣлись библейскими писателями. Такъ Лев. 11, 29 законодатель запрещаетъ употребленіе мышей въ пищу; и затѣмъ, съ цѣлію отклонить Евреевъ отъ нарушенія даннаго запрещенія, причисляетъ мышей къ животнымъ крайне нечистымъ, окончательно оскверняющимъ своимъ прикосновеніемъ всякій предметъ. Въ Иса. 66, 17 пророкъ говоритъ о людяхъ, которые ѣдятъ мышей, и видитъ въ этомъ самый омерзительный языческій обычай. Отсюда слѣдуетъ, что въ указанныхъ мѣстахъ библейскаго текста подразумѣваются тѣ виды мышей, которые для язычe-

скихъ народовъ служили самою употребительною и лакомою пищею. Это вѣроятно тѣ самые виды, которыми доселѣ питаются современные палестинскіе Арабы, по примѣру своихъ отдаленныхъ предковъ.

Породы мышей, вообще мелкихъ грызуновъ, употребляемыя въ пищу современными Арабами, суть слѣдующія:

1) *Песчанки* (Meriones); представительницею ихъ служитъ песчанка жирная (Meriones-Psámmomis obesus). Она имѣетъ въ длину около 7 вершковъ, при чемъ около 3 вершковъ приходится на хвостъ, густо покрытый волосами съ черною кисточкою на концѣ. Шерсть сверху красновато-песчанаго цвѣта съ черными крапинками, по бокамъ и снизу свѣтло-желтая. Жирная песчанка водится въ пустынныхъ песчаныхъ мѣстностяхъ, особенно въ тѣхъ горахъ мусора, которыми покрыты развалины древнихъ поселеній; здѣсь она роетъ себѣ довольно глубокіе вѣтвистые ходы, по большей части подъ низкими кустарниками или подъ рѣдкими ползучими растеніями. Песчанки производятъ большія опустошенія на поляхъ.
2) *Тушканчики.* (Halmotis), и преимущественно тушканчикъ египетскій (Halmotis aegyptiacus). Тушканчики какъбы составлены изъ обрѣзковъ другихъ животныхъ, въ уменьшенномъ конечно видѣ. Голова у нихъ заячья, усы — векши, морда свиная, тѣло и переднія лапы мышиныя, заднія птичьи и хвостъ львиный. Глаза у тушканчика большіе, живые и съ кроткимъ выраженіемъ, хвостъ очень длиненъ, обыкновенно немного, а иногда и много длиннѣе тѣла; около корня онъ покрытъ шерстью, а на концѣ имѣетъ перистую раздвоенную кисть, которая придаетъ ему большое сходство со стрѣлою. Переднія лапы очень коротки, и животное, прыгая, прижимаетъ ихъ къ тѣлу и совсѣмъ прячетъ въ шерсти, такъ что вполнѣ оправдываетъ названіе «двуногій», которое дали ему греческіе и римскіе писатели. Заднія лапы въ шесть разъ длиннѣе переднихъ. Мѣхъ мягкій шелковистый, а на спинѣ синевато-сѣрый, частію песочный, на животѣ всегда бѣлый съ боковыми продольными полосами. Арабы очень любятъ мясо тушканчика и усердно охотятся за нимъ. Тушкан-

чики селятся въ самыхъ пустынныхъ и песчаныхъ мѣстахъ. 3) *Бабуны* или алагтачи (Scirtetes); наиболѣе извѣстенъ изъ нихъ земляной заяцъ (Scircetes Iaculus). Бабуны сходны по внѣшнему виду съ тушканчиками и отличаются отъ нихъ, между прочимъ, окраскою шерсти; такъ земляного зайца спина рыжая съ блѣдно-сѣрымъ отливомъ. Кромѣ того бабуны избѣгаютъ песчаныхъ пустынь и избираютъ для своихъ поселеній глинистую почву. Жители степей цѣнятъ мясо земляного зайца такъже высоко, какъ и мясо тушканчиковъ и потому земляной заяцъ служитъ предметомъ усердной охоты. 4) *Хомяки* (Cricetes). Главные признаки хомяка слѣдующіе: толстое, неуклюжее тѣло, короткій, покрытый рѣдкими волосами хвостъ, короткія ноги, двѣ пары огромныхъ рѣзцовъ, верхняя сторона туловища свѣтло-желтовато-бураго цвѣта, впадающаго въ сѣрый;. брюшко, переднія ноги до лапъ и заднія ноги съ внутренней стороны черныя, лапы бѣлыя; длина около 7 вершковъ, при чемъ на хвостъ приходится не болѣе вершка. Хомякъ очень искусно устраиваетъ свое подземное жилище; обыкновенно оно состоитъ изъ двухъ или нѣсколькихъ довольно обширныхъ помѣщеній, соединенныхъ узкими ходами; одно изъ помѣщеній служитъ жилищемъ животнаго, остальныя предназначаются для храненія запасовъ, состоящихъ изъ хлѣбныхъ зеренъ. Хомякъ обладаетъ свирѣпымъ нравомъ и иногда загрызаетъ собственную самку; подверженъ зимней спячкѣ. 5) *Полчки* (Glis vulgaris или Myoxus Glis). *Полчекъ* называется въ Талмудѣ дикою мышью, по внѣшнему виду напоминаетъ бѣлку, въ длину имѣетъ около 6 вершковъ съ половиною, впрочемъ около 3 приходится на хвостъ; мягкая, довольно густая шерсть имѣетъ на спинѣ пепельно-сѣрый цвѣтъ, на нижней части туловища молочный; пушистый хвостъ по бокамъ усаженъ длинными волосами, отчего кажется перистымъ; мордочка похожа болѣе на мышиную нежели на бѣличью; питается желудями, орѣхами и зернами; живетъ въ дуплахъ деревьевъ; впадаетъ въ зимнюю спячку. Полчекъ въ древности пріобрѣлъ знаменитость тѣмъ, что служилъ лакомствомъ для римскихъ обжоръ. Для полч-

ковъ устраивались особые садки. Такіе садки, называвшіеся «глираріями», сдѣлались извѣстными со времени раскопокъ Геркуланума. Это были небольшія полусферическія глиняныя чашки съ плоскими выступами (террасами) на внутреннихъ стѣнкахъ и закрытыя сверху рѣшёткою. Здѣсь помѣщались нѣсколько полчковъ; пища давалась имъ въ излишкѣ и они скоро жирѣли; затѣмъ въ жареномъ видѣ являлись на столѣ римскихъ гастрономовъ. Римляне передали свою привычку своимъ потомкамъ. Современные римскіе народы не чуждаются употреблять въ пищу нѣкоторыхъ членовъ изъ многочисленной семьи мышей.

По современной естественнонаучной классификаціи нѣкоторые изъ перечисленныхъ животныхъ не входятъ, какъ виды, въ семейство мышей, но относятся къ различнымъ семействамъ. Такъ изъ тушканчиковъ составляютъ особое семейство грызуновъ, полчковъ причисляютъ ко семейству сонь (Miоxus), и это семейство считаютъ переходною ступенью между мышами и бѣлками. Но несомнѣнно, что запрещеніе священнаго законодателя употреблять въ пищу мышей касается всѣхъ перечисленныхъ мелкихъ тварей; потому что еврейское слово *акбаръ* не обозначаетъ однихъ только мышей, но всѣхъ вообще мелкихъ грызуновъ, подобно современному арабскому слову «ербоа».

Въ 1 Цар. 6, 5 говорится о мышахъ, опустошавшихъ поля Филистимлянъ. Несомнѣнно, что здѣсь содержится указаніе на полёвокъ (Arvicola), частнѣе на обыкновенную полёвку, или маленькую полевую крысу (Arvicola arvalis). Эта мышь, вмѣстѣ съ хвостомъ, имѣетъ до 3 вершковъ длины; цвѣтъ мѣха на спинѣ желтовато-сѣрый, на бокахъ свѣтлѣе, а на животѣ грязновато-бѣлый, лапы бѣлыя. Обыкновенная полёвка избираетъ для своего мѣстопребыванія безлѣсныя страны, поля и луга; здѣсь она прокладываетъ, неглубоко въ землѣ свои корридоры, имѣющіе отъ 4 до 7 выходовъ. Эта мышь собираетъ себѣ запасы изъ хлѣбныхъ и другихъ зеренъ; когда запасъ истощится, она съ опустошеннаго поля перебирается на другое сосѣднее, иногда же переселяется

цѣлыми стадами изъ одной страны въ другую, переходя горы и переплывая широкія рѣки. Полёвки размножаются невѣроятно, и человѣкъ одними собственными силами не въ состояніи успѣшно имъ противодѣйствовать, такъ что нашествіе полёвокъ составляетъ для культурныхъ странъ величайшее бѣдствіе. Въ борьбѣ съ полёвками вѣрными союзниками человѣка являются другія животныя — непримиримые враги вредныхъ грызуновъ; животныя эти: хорекъ, ласка, домашній кротъ, сова и въ особенности принадлежащій къ орлиной семьѣ сорычъ. Не напрасно поэтому жрецы Филистимлянъ видѣли обнаруженіе божественнаго гнѣва въ нашествіи мышей на ихъ поля.

Въ 1 Царств. 6 гл. повѣствуется, что Филистимляне, смущенные постигшими ихъ бѣдствіями—мучительными наростами и нашествіемъ мышей, рѣшили отпустить отъ себя находившійся у нихъ въ качествѣ военной добычи ковчегъ завѣта Господа Бога Израилева и положили не отпускать его ни съ чѣмъ. Слѣдуя совѣту жрецовъ, руководившихъ всѣмъ этимъ дѣломъ, они изваяли изъ золота шесть золотыхъ наростовъ и шесть золотыхъ мышей, по числу владѣльцевъ Филистимскихъ, положили изваянія въ ящикъ и поставили его на колесницу съ боку кивота Господня; колесница была запряжена двумя первородившими коровами, незнавшими ярма, и отправлена за предѣлы земли Филистимлянъ. Изваянія наростовъ и мышей имѣли въ глазахъ Филистимлянъ жертву повинности, принесенной Богу Израилеву въ томъ предположеніи, что Онъ освободитъ ихъ отъ бѣдствій, если только бѣдствія дѣйствительно ниспосланы Имъ (1 Царст. 6, 1—11). Форма, въ какую облекли Филистимляне жертву повинности, была не измышленіемъ ихъ жрецовъ, но проявленіемъ обычая, широко распространеннаго въ древнемъ языческомъ мірѣ и стоявшаго въ тѣсной связи съ религіозными воззрѣніями язычниковъ. Въ основѣ этого обычая лежало убѣжденіе, что бѣдствія, постигающія людей, посылаются свыше разгнѣваннымъ божествомъ за какія-либо дѣйствія, божеству неугодныя, и что умилостивить божество

возможно жертвою. Чтобы ясно было видно, по случаю какого именно бѣдствія приносится жертва, ей старались придать символическій характеръ: изъ того или другаго матеріала приготовляли изображеніе предмета, причиняющаго бѣдствіе, или самаго бѣдственнаго событія, или наконецъ, въ случаѣ тѣлесной болѣзни, изображеніе части тѣла, пораженной болѣзнію. Эти изображенія, приготовленныя ваятелями, или граверами, и посвящались извѣстному божеству въ качествѣ жертвы то покаянной и умилостивительной, если посвященіе дѣлалось во время бѣдствія, то благодарственной, если посвященіе слѣдовало по минованіи бѣдствія. Такъ, въ Индіи съ незапамятныхъ временъ и доселѣ существуетъ обычай, состоящій въ томъ, что пораженные болѣзнію какого-либо члена приносятъ въ пагоды (т.-е. храмы), для посвященія богамъ, изображенія больныхъ членовъ, приготовленныя, сообразно съ средствами жертвователей, изъ золота, серебра, или мѣди. Служа жертвами, подобныя изображенія составляютъ также украшенія пагодъ (Keil und Delitzsch, B. Commentar über das Alt. Testament. II. Theil, 2. B. 5. 48). Съ подобными символическими жертвами были знакомы и древніе Греки. Замѣчательно, что въ числѣ такихъ жертвенныхъ даровъ употреблялись изваянія мышей, которыя посвящались Аполлону. Страбонъ видѣлъ статую Аполлона съ изваянною мышью у его ногъ (Kurzgefasstes ex. Handbuch zum A. T. 4 Lief. S. 25 2 Aufl). Изваянія мышей употреблялись, преимущественно на островѣ Тенедосѣ; поэтому, между прочимъ, Аполлона называли на Тенедосѣ Сминѳей (Иліада 1, 39) отъ слова «σμινθος» мышь. Символическія жертвы, о которыхъ у насъ рѣчь, были также въ употребленіи у Римлянъ; такъ римскіе рабы, отпущенные на свободу, жертвовали богамъ, въ чувствѣ благодарности, цѣпи—символъ рабства (Keil und Delit. Commentar; II, 2, 4.—48) а).

а) Въ библейскомъ повѣствованіи, изложенномъ въ 5 и 6 главахъ 1 кн. Царств. текстъ еврейскій расходится съ греческимъ, славянскимъ и русскимъ. Въ еврейскомъ текстѣ объ опустошеніи мышами фили-

Заяцъ, по-еврейски *арнебевъ*, названъ Лев. 11, 6, Второзак. 14, 7, въ числѣ нечистыхъ животныхъ. Общими признаками зайца служатъ: вытянутое тѣло съ длинными ногами; длинный вытянутый черепъ съ большими ушами и глазами, пятипалыя переднія и четырехпалыя заднія ноги, толстыя, очень подвижныя глубокораздвоенныя губы съ длинными усами по обѣ стороны и густой мѣхъ. Зайцы питаются растеніями и ѣдятъ ихъ отъ корня до плода, хотя охотнѣе всего питаются листьями мелкихъ растеній. Хотя размноженіе зайцевъ не такъ быстро, какъ другихъ грызуновъ, но все-таки оно довольно сильно. Большинство зайцевъ имѣетъ дѣтенышей нѣсколько разъ (четыре) въ годъ; каждый разъ ихъ раждается отъ трехъ до шести и даже до одинадцати.

стимскихъ полей упоминается только однажды: 1 Царст. 6, 5; въ греческомъ же, а затѣмъ въ славянскомъ—трижды: 1 Царств. 5, 6; 6, 1. 5; тоже находимъ и въ переводѣ русскомъ, съ тѣмъ только различіемъ, что въ немъ слова, отсутствующія въ еврейскомъ подлинникѣ, поставлены въ скобкахъ. Нѣтъ достаточныхъ основаній, предполагать, что греческіе переводчики имѣли передъ собою болѣе полный и совершенный еврейскій подлинникъ, который навсегда утраченъ, мы же имѣемъ предъ собою неполный, а поврежденный еврейскій текстъ. Несомнѣнно, что дополненія къ подлиннику, встрѣчающіяся въ греческомъ переводѣ (LXX), по крайней мѣрѣ большая ихъ часть, принадлежатъ самимъ переводчикамъ; сжатый, и иногда темный языкъ древнееврейскаго текста не гармонируетъ съ духомъ закругленной и ясной греческой рѣчи; поэтому греческіе переводчики, желая придать своему переводу характеръ литературнаго греческаго произведенія, и пополняли, по мѣстамъ, подлинникъ, не измѣняя, конечно, его смысла, а лишь уясняя послѣдній. Возможно, что нѣкоторыя изъ дополненій въ греческомъ переводѣ сдѣланы первыми его читателями и, записанныя первоначально на поляхъ рукописей, послѣдующими переписчиками внесены въ самый текстъ. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что первыя рукописи греческаго перевода предназначались не для богослужебнаго, а для домашняго употребленія, и потому первые ихъ владѣльцы обращались съ ними совершенно свободно; притомъ анализъ нѣкоторыхъ греческихъ дополненій къ подлиннику ясно свидѣтельствуетъ, что эти дополненія могли произойти лишь отъ читателей, а не отъ переводчиковъ, напр. 3 Царст. 2 гл. между 35 и 36 стихами.

Дѣтеныши родятся съ открытыми глазами и вообще уже очень развитыми. Мать остается у дѣтенышей только пять или шесть дней, а потомъ предоставляетъ ихъ собственной судьбѣ. Ни у какого другаго животнаго въ дикомъ состояніи не наблюдали такъ много раждающихся уродцевъ, какъ у зайцевъ. Дѣтеныши съ двумя головами, или съ двойнымъ языкомъ, или съ выдающимися зубами—вовсе нерѣдкость. Зайцы встрѣчаются во всѣхъ частяхъ свѣта, исключая новой Голландіи и ея острововъ, и живутъ во всѣхъ климатахъ, въ равнинахъ и горахъ, въ открытыхъ поляхъ и трещинахъ скалъ, на поверхности земли и подъ нею. Въ Палестинѣ въ настоящее время очень распространены два вида зайцевъ; одинъ изъ нихъ встрѣчается на сѣверѣ страны, въ лѣсистыхъ и воздѣланныхъ мѣстностяхъ: это *сирійскій заяцъ* (lepus siriaeus), очень похожій на нашего обыкновеннаго зайца, но имѣющій болѣе короткія уши и болѣе широкую голову; второй видъ малаго объема, но съ очень длинными ушами, водится на югѣ Іудеи и въ Іорданской равнинѣ; одни изъ естествоиспытателей даютъ этому виду особенное названіе—*іудейскаго зайца* (lepus Iudaeae), другіе считаютъ его разновидностью египетскаго зайца (lepus aegyptiacus). Лев. 11, 6 о зайцѣ сказано, что онъ пережевываетъ жвачку; но это нужно понимать не въ собственномъ смыслѣ. Желудокъ зайца устроенъ совершенно отлично отъ желудка жвачныхъ животныхъ (состоитъ изъ одной, а не изъ четырехъ отдѣльныхъ полостей); поэтому онъ не можетъ отрыгать жвачки и дѣйствительно не отрыгаетъ и не пережевываетъ. Но челюсти зайца такъ устроены, что при жеваніи они двигаются такъже, какъ у жвачныхъ животныхъ (нижняя челюсть во время жеванія двигается постоянно въ одну сторону). Это внѣшнее сходство настолько разительно, что даже Линней относилъ зайцевъ къ отряду жвачныхъ (Keil und Delitzsch, Commentar. Theil, II Bd. II Aufl. S. 85). Въ древности мнѣніе, что заяцъ—жвачное животное, было конечно всеобщимъ.

Кромѣ Лев. 11, 6, Второз. 14, 7, въ переводахъ русскомъ и славянскомъ о зайцѣ упоминается еще въ пс. 103, 18 въ выраженіи (славянскомъ): «камень прибѣжище заяцемъ». Но это упоминаніе не соотвѣтствуетъ подлинному тексту. Въ подлинникѣ пс. 103, 18; стоитъ не «арнебееъ»—заяцъ, но «шофанъ». Послѣднее названіе означаетъ другое какое-либо животное, о чемъ будетъ рѣчь впослѣдствіи, но никакъ не зайца. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что значеніе слова «шофанъ» довольно темно, и потому различные переводчики передаютъ его неодинаково. Неодинаково передается оно и въ русскомъ переводѣ. Такъ въ Лев. 11, 5; Второз. 14, 7 «шофанъ» передано словомъ «тушканчикъ», въ пс. 103, 18—словомъ «заяцъ», въ Притч. 30, 26—выраженіемъ «горная мышь». Что касается перевода славянскаго, то въ немъ пс. 103, 18, слову подлинника «шофанъ» соотвѣтствуетъ слово «заяцъ.

Хищныя.

Левъ; его еврейскія наименованія; изображенія льва и упоминанія о немъ въ библейскихъ книгахъ. — Леопардъ. — Рысь.—Кошка домашняя.—Собака.—Волкъ.—Шакалъ.—Лисица.—Гіена.—Медвѣдь.

Левъ. Евреи имѣли четыре имени для обозначенія льва: самое употребительное—*ари* или *арье*, которое, по всей вѣроятности, прилагалось къ нему, какъ животному, раздирающему свою добычу; *леви* (lebi), только во множественномъ, и *лави* (labî), содержащее указаніе на прожорливость или рычаніе звѣря и по большей части прилагавшееся къ львицѣ (Іез. 19, 2. 3; Іов. 4, 11; 38, 39); *Кефиръ*—молодой левъ-самецъ, покрытый уже гривою и выходящій на добычу; *гуръ*, или *горъ* (gur) gôr)—молодой львенокъ, питающійся еще сосцами и всецѣло находящійся на попеченіи матери (Іез. 19, 2. 3). Сверхъ того были употребляемы поэтическія

или, точнѣе, метафорическія названія, подобныя тѣмъ, которыя и понынѣ употребляются арабами, именно *шахалъ* (schachal) рыкающій, и *лаишъ* (lajisch) крѣпкій. Почти всѣ эти названія можно встрѣтить въ одномъ небольшомъ отрывкѣ древнееврейской поэтической рѣчи, что придаетъ послѣдней музыкальное благозвучіе и живописную образность, но въ то же время затрудняетъ ея правильную и литературную передачу на другой языкъ. Напр., у Іова 4, 10. 11 мы читаемъ: *ревъ льва* (арей) *и голосъ рыкающаго* (шахалъ) *умолкаетъ и зубы скимновъ*—молодыхъ львовъ (кофиримъ) *сокрушаются. Могучій левъ* (лаишъ) *погибаетъ безъ добычи и дѣти львицы* (лаби) *разсѣеваются.*

По изображенію Библіи, левъ есть сильнѣйшій изъ всѣхъ звѣрей, такъ что болѣе сильнаго звѣря невозможно и представить (Притч. 30, 30. Суд. 14, 18). Какъ сильному ему всякій уступаетъ дорогу (Притч. 30, 30), и даже во время успокоенія никто не рѣшится потревожить его (Быт. 49, 9; Числ. 24, 9). Характернымъ признакомъ льва служитъ его рыканіе, или ревъ. Услышавъ рыканіе льва, нельзя остаться равнодушнымъ и не содрогнуться (Ам. 3, 8). Ревъ льва производитъ тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что онъ рыкаетъ только тогда, когда, поймавши добычу, терзаетъ ее (Иса. 5, 29; Іезек. 22, 25; Амос. 3. 4); такимъ образомъ, рыканіе льва вызываетъ всегда представленіе о насильственномъ среди тяжкихъ мученій прекращеніи чьей-либо жизни, что, конечно, не можетъ не привести въ содраганіе. Такъ какъ рыкающій левъ значитъ то же, что и терзающій, то въ библейскихъ книгахъ съ *рыкающимъ львомъ* сравниваются всѣ тѣ, которые притѣсняютъ, грабятъ и мучатъ ближнихъ, злоупотребляя хитростію, ловкостію, властію, вліяніемъ; сравниваются, напр., люди злые (Пс. 21, 14), нечестивые князья, или властителя (Прит. 28, 15), неправедные судьи (Соф. 3, 3), ложные пророки, съѣдающіе души, обирающіе имущество и драгоцѣнности (Іезек. 22, 25) и др. Съ рыканіемъ льва, наводящимъ ужасъ, сравнивается еще шумъ, производимый грознымъ непріятелемъ, который на своемъ пути все

расхищаетъ и разрушаетъ (Иса. 5, 9); наконецъ съ ревомъ льва, какъ разносящимся очень далеко, библейскіе писатели сравнивали голосъ ночнаго стража (Иса. 21, 8) и даже гласъ Господа, созывающаго къ Сіону сыновъ Израилевыхъ, разсѣянныхъ по всей землѣ (Осіи 11, 10). — Несмотря на свою силу, левъ не нападаетъ на свою добычу открыто: подобно всѣмъ кошкамъ, къ породѣ которыхъ левъ принадлежитъ, онъ, обыкновенно, подстерегаетъ свою жертву, находясь въ берлогѣ, въ лѣсной чащѣ, какой-либо засадѣ, вообще потаенномъ, скрытномъ мѣстѣ и, замѣтивъ ее, изгибается, прилегаетъ, наконецъ внезапно ее схватываетъ (Пс. 9, 30; 17, 12; Плач. 3, 4; Сир. 27, 10).—Левъ, однакоже, не по трусости употребляетъ кошачьи пріемы при поимкѣ добычи; будучи сильнымъ и крѣпкимъ, онъ, когда нужно, обнаруживаетъ храбрость и смѣлость. Такъ, томимый голодомъ, онъ открыто нападаетъ на стада и выбираетъ среди нихъ добычу себѣ, несмотря на множество пастуховъ и не обращая вниманія на ихъ крики (Иса. 31, 4). Поймавъ добычу, левъ, если самъ желаетъ воспользоваться ею, начинаетъ терзать ее, т.-е. своими страшными зубами (Іоиль 1, 6; Сир. 21, 3; Іов. 4, 10) раздробляетъ голову и кости и разрывать мускулы своей жертвы (Второз. 33, 20; Иса. 38, 13).—Левъ ведетъ семейную жизнь. Для удобнаго помѣщенія своего семейства, левъ устраиваетъ логовища, или же избираетъ готовыя пещеры (Іов. 38, 39. 40; Наум. 2, 11. 12); сюда, для прокормленія самки и дѣтенышей, онъ сноситъ добычу, похищенную и задавленную, но еще не растерзанную (Наум. 2, 12). Но если левъ заботится о прокормленіи семейства, то собственно воспитаніе дѣтенышей лежитъ на самкѣ; она роститъ своихъ львенковъ, пріучаетъ ихъ ловить добычу; такимъ образомъ, они исключительно подъ руководствомъ матери приготовляются къ самостоятельной жизни (Іез. 19, 23).—Къ этому довольно подробному описанію льва, содержащемуся въ библейскихъ книгахъ, нужно добавить слѣдующее: главные признаки внѣшняго строенія льва заключаются въ сильно развитомъ могущественномъ туловищѣ,

съ короткою, плотно прилегающею одноцвѣтною шерстью (по большей части песочнаго цвѣта), въ гривѣ, покрывающей въ полномъ своемъ развитіи шею и переднюю часть груди и спускающейся до колѣнъ, въ пучкѣ волосъ на концѣ хвоста со спрятаннымъ въ этомъ пучкѣ роговомъ ногтѣ. а также въ усахъ, расположенныхъ въ шесть или восемъ рядовъ. Гриву имѣетъ только самецъ—левъ (Бремъ).

Львы во времена библейскія водились во многихъ мѣстахъ Палестины, преимущественно же въ малонаселенныхъ и невоздѣланныхъ. Прежде всего, пристанищемъ для нихъ служили лѣсныя чащи, покрывающія берега Іордана (Іер. 49, 19; 50, 44; Зах. 11, 3), затѣмъ — обильныя ущельями и дичью горы Ливана, Антиливана и Ермона (Пѣс. 4, 8), пустыня на югѣ Іудеи, примыкающая къ Египту (Иса. 30, 6), а также нѣкоторыя мѣстности внутри страны, богатыя лѣсною растительностью, ущельями и пещерами (Іер. 12, 8; Ам. 3, 4). Изъ этихъ постоянныхъ своихъ пристанищъ львы дѣлали набѣги на мѣстности густо населенныя, особенно же на пастбища, при чемъ они наносили вредъ не только стадамъ, но и людямъ (1 Цар. 17, 33 и слѣд. Иса. 31, 4; Амос. 3, 12; Мих. 5, 7; 3 Цар. 13, 24. 25; 20, 36; Сир. 21, 3). Послѣ опустошенія царства Израильскаго, когда оно было лишь изрѣдка населено колонистами, львы размножились въ немъ до такой степени, что сдѣлались грозою всего населенія, такъ какъ, не довольствуясь животными, стали умерщвлять людей (4 Цар. 17, 25. 26). Вообще появленіе львовъ въ населенныхъ мѣстностяхъ, въ городахъ и селеніяхъ Палестины, было въ древности такъ часто, что всѣ лѣнивцы Израиля находили себѣ въ этомъ благовидный предлогъ уклоняться отъ работъ, производимыхъ внѣ дома. Въ оправданіе своего уклоненія отъ трудовъ они обыкновенно говорили: «левъ на дорогѣ, левъ на улицѣ, левъ на площадяхъ!» (Притч. 22, 13; 26, 13). Въ настоящее время львовъ въ Палестинѣ нѣтъ; они вытѣснены отсюда на низовья рѣкъ Тигра и Евфрата.

Несмотря на отталкивающія свойства льва, каковы: кровожадность, жестокость, алчность, что̀ дало ап. Петру поводъ сравнить съ рыкающимъ львомъ сатану (1 Петр. 5, 8), древніе Евреи не питали къ нему отвращенія, напротивъ высоко цѣнили его, признавая крупными его достоинствами: силу, храбрость, хладнокровіе въ опасностяхъ, внѣшній величественный видъ и под. И благодаря между прочимъ величественному, царственному виду льва, съ нимъ сравнивали богоизбранный Израильскій народъ (Числ. 23, 24; 24, 9) и его отдѣльныя колѣна — Іудино (Быт. 49, 9), Гадово и Дановo (Второз. 33, 20. 22); скульптурныя фигуры львовъ считали наилучшимъ украшеніемъ знаменитаго трона Соломона (3 Цар. 10, 18 и дал.). Пр. Іезекіиль видѣлъ одного изъ херувимовъ подъ символическимъ образомъ льва (Іез. 1, 10); наконецъ самъ Мессія-Царь названъ въ Откровеніи львомъ отъ Іуды (Апок. 5, 5). Затѣмъ благодаря силѣ, храбрости и смѣлости льва, выраженіе «Аріилъ—левъ Божій» считалось почетнымъ наименованіемъ и, какъ собственное имя, давалось отдѣльнымъ лицамъ (Числ. 26, 17; Быт. 46, 16; Ездр. 8, 16); какъ имя нарицательное—усвоялось героямъ, знаменитымъ своею храбростію и физическою силою (2 Цар. 23, 20; 1 Пар. 12, 22; Иса. 33, 7) [a], и пр. Исаія назвалъ Аріиломъ даже Іерусалимъ (Иса. 29, 1. 2. 7), какъ мѣстопребываніе многихъ сильныхъ и храбрыхъ героевъ народа Израильскаго.

Несмотря на страшную физическую силу, какою обладаетъ взрослый левъ, среди Израиля находились люди, для которыхъ львиная сила казалась ничтожною. Такъ нѣкоторые изъ пастуховъ, находившихся при еврейскихъ стадахъ, вступали со львами, нападавшими на стада, въ борьбу, не имѣя при себѣ никакого оружія кромѣ палки и нѣсколькихъ кам-

---

а) Въ славянскомъ переводѣ 2 Цар. 23, 20. 1 Пар. 12, 22 поставлено, согласно съ подлинникомъ: *двоихъ аріиловъ моавскихъ*; у Макарія 2 Цар. 23, 20.—„двухъ сильныхъ мужей, львовъ Моавитскихъ“; въ русскомъ переводѣ Иса. 33, 7 поставлено: „сильные“; у Макарія согласно съ буквою подлинника—„львы“.

ней, догоняли ихъ и, настигнувъ, вырывали изъ ихъ пасти, если не все животное, то нѣкоторыя его части, дабы доставить ихъ хозяину стада и такимъ образомъ доказать, что животное дѣйствительно растерзано звѣремъ, а не похищено имъ—пастухомъ, или, по его небрежности, кѣмъ-либо другимъ (Ам. 3, 12; ср. Исх. 22, 13). Въ библейскихъ книгахъ сохранены имена нѣкоторыхъ героевъ-побѣдителей львовъ и сдѣлано упоминаніе о ихъ подвигахъ. Въ кн. Суд. 14, 5. 6 говорится слѣдующее: «И пошелъ Самсонъ съ отцомъ своимъ и съ матерью своею въ Ѳимнаоу, и когда подходили къ виноградникамъ ѳимнаѳскимъ, вотъ молодой левъ, рыкая, идетъ навстрѣчу ему. И сошелъ на него Духъ Господень, и онъ растерзалъ льва, какъ козленка, и въ рукахъ у него ничего не было». Въ 1 Цар. 17, 34. 35 о Давидѣ мы читаемъ: «И сказалъ Давидъ Саулу: рабъ твой пасъ овецъ у отца своего, и когда, бывало, приходилъ левъ или медвѣдь и уносилъ овцу изъ стада, то я гнался за нимъ, и нападалъ на него, и отнималъ изъ пасти его; и если онъ бросался на меня, то я бралъ его за космы, и поражалъ его и умерщвлялъ его». См. еще замѣчаніе о Бенаіи 2 Цар. 23, 20.

Древніе Евреи устроивали на львовъ правильныя охоты съ тѣмъ, чтобы ловить ихъ живыми. Для этой цѣли они употребляли крѣпкія сѣти, вырывали ямы и пойманныхъ этими способами живыхъ львовъ держали на цѣпяхъ въ клѣткахъ (Іезек. 19, 4. 8. 9). Изъ кн. пр. Даніила мы узнаемъ, что восточные властители содержали въ подземныхъ помѣщеніяхъ или рвахъ понѣскольку живыхъ львовъ и отдавали имъ на съѣденіе людей, приговоренныхъ къ смерти (Дан. 6, 1—24).

По свидѣтельству пророка Исаіи, свирѣпость, кровожадность и имъ подобныя отталкивающія свойства львовъ суть свойства ненормальныя, временныя и что они съ наступленіемъ счастливыхъ и мирныхъ мессіанскихъ временъ исчезнутъ и замѣнятся свойствами противоположными, между прочимъ, кротостію. Тогда, говоритъ пророкъ, «молодой левъ и волъ будутъ вмѣстѣ и малое дитя будетъ водить ихъ; и левъ, какъ волъ, будетъ ѣсть солому» (Ис. 11, 6. 7; 65, 25).

Леопардъ или пардеръ, по-евр. *намеръ*; въ русской разговорной рѣчи вмѣсто «леопардъ» чаще и охотнѣе употребляется тожественное съ нимъ наименованіе «барсъ»; этимъ же наименованіемъ «барсъ» въ русскомъ переводѣ Библіи всюду передано еврейское *намеръ*. Леопардъ представляетъ собою хищнаго звѣря на высшей ступени развитія, до которой онъ только можетъ достигнуть. Величина туловища леопарда не очень значительна. Очень старые самцы, которые всегда гораздо больше самокъ, рѣдко достигаютъ трехъ аршинъ длины; изъ нихъ на хвостъ приходится немного болѣе трети. Леопардъ замѣчателенъ своею поразительною стройностію. Голова у него небольшая, круглая, морда короткая, хвостъ длиненъ и тонокъ, конечности необыкновенно сильны, мѣхъ разрисованъ великолѣпно. На свѣтло-оранжевомъ фонѣ, который книзу переходитъ въ бѣлый, выступаютъ пятна угольно-чернаго или буро-чернаго цвѣта; пятна эти имѣютъ форму колецъ, частію цѣльныхъ, частію состоящихъ изъ двухъ, трехъ или четырехъ крапинъ, расположенныхъ кольцомъ. Каждое кольцо окружаетъ пятно, которое темнѣе фона; эти пятна также дѣлаются свѣтлѣе, приближаясь къ низу. Маленькія уши, которыя животное любитъ закидывать назадъ, и большіе, сверкающіе золотисто-зеленые глаза придаютъ головѣ леопарда выраженіе безстрашной отваги, вмѣстѣ съ хитрою злобою. Леопардъ свирѣпъ, хищенъ, кровожаденъ и мстителенъ. Шкура леопарда продается по большей части подъ именемъ тигровой шкуры. Леопардъ или «намеръ» довольно часто упоминается въ ветхозавѣтной Библіи, наряду съ другими хищниками, преимущественно со львомъ. Онъ обиталъ главнымъ образомъ, въ горахъ Ливана, Антиливана и Ермона, которыя поэтому и назывались «горами леопардовъ» (Пѣсн. Пѣсн. 4, 8). Изъ своихъ горныхъ убѣжищъ леопарды, подобно львамъ, проникали въ населенныя мѣстности и здѣсь подстерегали добычу даже въ окрестностяхъ городовъ (Іер. 5, 6), нападая при этомъ не только на животныхъ, но и на людей—мирныхъ путниковъ (Осіи. 13, 7; Сир. 28, 26). О быстротѣ бѣга леопардовъ, которые на бѣгу

дѣлаютъ громадные прыжки, упоминаетъ пр. Аввакумъ (1, 8), а объ ихъ пестромъ мѣхѣ, какъ постоянномъ и отличительномъ признакѣ, говорится у пр. Іереміи (13, 23). По словамъ пр. Исаіи, и леопардъ, какъ левъ, сдѣлается, съ наступленіемъ мессіанскихъ временъ, настолько кроткимъ, что будетъ лежать вмѣстѣ съ козленкомъ, не нанося вреда послѣднему (Иса. 11, 6).—Въ видѣніи, описаномъ въ кн. пр. Даніила, изображенъ, между прочимъ, звѣрь подобный леопарду. «Видѣлъ я», говоритъ пророкъ, «вотъ еще звѣрь, какъ барсъ; на спинѣ у него четыре птичьихъ крыла, и четыре головы были у звѣря сего». Подобнаго звѣря созерцалъ, также въ видѣніи, Тайновидецъ. «Звѣрь, котораго я видѣлъ», повѣствуетъ св. Іоаннъ, «былъ подобенъ барсу; ноги у него какъ у медвѣдя, а пасть у него какъ пасть у льва».—Этотъ звѣрь пророческихъ видѣній есть символъ одного изъ всемірныхъ языческихъ царствъ, предшествовавшихъ основанію царства Христова (Дан. 7, 17. 18). Толковники расходятся между собою въ опредѣленіи того царства, которое знаменуетъ собою леопардъ пр. Даніила (Keil und Delitzsch, Bibl Commentar. III T. Bd. 5, S. 205—225). Но попытки дать такое опредѣленіе прежде всего напрасны, ибо ни одна изъ нихъ никогда не можетъ пріобрѣсти характера очевидности; а затѣмъ онѣ и излишни, ибо—кровожадность, страсть къ истребленію всего живаго, безпощадность, злоба и низкое коварство—свойства, характеризующія собою леопарда, могутъ быть приложены безъ малѣйшей натяжки къ каждому изъ всемірныхъ языческихъ царствъ древности, такъ какъ эти свойства составляли исключительную основу всей исторически извѣстной политической дѣятельности тѣхъ царствъ.

Названія—леопардъ, пантера, пардель—означаютъ одно и то же животное, или не болѣе, какъ разновидности одного и тогоже вида, различіе между которыми извѣстно и замѣтно лишь спеціалистамъ. Но въ славянскомъ переводѣ Библіи не употреблено ни одно изъ этихъ наименованій тамъ, гдѣ въ подлинникѣ стоитъ «намеръ», или въ греческомъ (LXX) παρδαλις. Такъ въ славянскомъ текстѣ Сир. 28, 26 употреб-

лено «пардъ», Ос. 17, 7—панѳирь (т.-е. пантера) вмѣсто еврейскаго «шахалъ» (левъ), а затѣмъ поставлено названіе «рысь» всюду, гдѣ слѣдовало бы поставить «леопардъ» и гдѣ въ русскомъ переводѣ стоитъ «барсъ». Но употребленіе этого названія неправильно.

Рысь (Lynx)—звѣрь совершенно отличный отъ леопарда, хотя и принадлежащій къ одному и томуже семейству кошекъ. Рысь имѣетъ сильное и сжатое съ боковъ туловище, длиною, вмѣстѣ съ хвостомъ, до $1^1/_2$ арш., довольно длинныя и пріостренныя уши, оканчивающіяся кисточкообразнымъ пучкомъ черныхъ, густыхъ и торчащихъ волосъ. Туловище рыси покрыто густою мягкою шерстію, которая на мордѣ удлиняется и образуетъ длинную жесткую бороду; борода эта раздвоена, и концы ея висятъ по сторонамъ морды и вмѣстѣ съ кисточками ушей придаютъ совершенно особенный отпечатокъ всей головѣ рыси. Мѣхъ рыси на верхней сторонѣ туловища—красновато-сѣрый въ перемѣшку съ бѣловатымъ, на нижней бѣлый, усѣянъ рыже-бурыми и сѣро-бурыми пятнами. Рысь необыкновенно зла и кровожадна; держится въ густыхъ темныхъ лѣсахъ, на горахъ; водится главнымъ образомъ въ Европѣ; это рысь обыкновенная. Впрочемъ, нѣкоторые виды рыси водятся и въ другихъ частяхъ свѣта; такъ въ Азіи распространенъ, между прочимъ, видъ, извѣстный подъ именемъ «каракалъ» (Lynx Caracal; татарское слово «каракалъ» значитъ «черноухій» и указываетъ на отличительный признакъ звѣря); рысь съ этимъ наименованіемъ встрѣчается и въ Палестинѣ. О рыси однакоже въ подлинномъ текстѣ Библіи нигдѣ не упоминается. Правда, нѣкоторые полагаютъ, что Иса. 13, 21 подъ словомъ «ціимъ» разумѣются рыси (Bibl. Naturgeschichte für Schulen und Familien. 7 Aufl. s. 29). Но это неосновательно: еврейское «ціимъ» значитъ «обитатели пустыни» и не указываетъ на какое либо опредѣленное животное, а прилагается и къ людямъ (напр. Пс. 71, 9; Ис. 23, 13) и къ звѣрямъ (напр. Ис. 34, 14) б).

б) Вообще значеніе слова „ціимъ“ спорное: нѣкоторые разумѣютъ

Кошка домашняя (Catus domesticus). Домашняя кошка есть единственное животное изъ всего семейства кошекъ (Felinae), которое удалось приручить человѣку. Домашнія кошки были извѣстны въ Египтѣ съ незапамятныхъ временъ: здѣсь онѣ имѣли исключительно религіозное значеніе. Такъ въ городѣ Бубастѣ (Іер. 30, 17) въ Нижнемъ Египтѣ, чествовалось изображеніе одной изъ многочисленныхъ египетскихъ богинь съ головою кошки; въ этомъ же городѣ хранились муміи кошекъ (Riehm. 1, s. 203—204), трупы которыхъ присылались сюда со всей страны. Религіозное почтеніе, которое питалось къ кошкамъ со стороны Египтянъ, такъ велико, что человѣкъ, даже нечаянно убившій кошку, наказывался смертію. Такъ какъ египетскій культъ, будучи своеобразнымъ, не проникалъ въ другія страны, то и домашняя кошка долгое время не переступала за предѣлы Египта. Правда, древніе классическіе писатели, между прочимъ Геродотъ, упоминаютъ о кошкѣ, но какъ о египетскомъ животномъ. Въ Европѣ кошка появилась около десятаго вѣка нашей эры, въ странахъ восточныхъ ранѣе, но, во всякомъ случаѣ, сравнительно очень поздно. Поэтому въ каноническихъ книгахъ ветхозав. Библіи о ней вовсе не упоминается; она названа только однажды въ неканонической части Библіи, именно въ Посланіи Іереміи 21 ст., но и то потому, что это посланіе составлено по всей вѣроятности въ Египтѣ. Въ подлинномъ (греческомъ) текстѣ посланія кошка названа αἰλουρος (Hehn, Kulturpflanzen und Hausthiere. 1870. s. 340—346).—Въ настоящее время въ Палестинѣ домашняя кошка водится во множествѣ; встрѣчаются тамъ иногда и кошки дикія.

Собака, по-евр. «келебъ». Древніе обитатели Палестины относились къ собакамъ совершенно иначе, нежели какъ это

подъ нимъ, руководясь контекстомъ, звѣрей пустыни, другіе, также руководясь и тѣмъже контекстомъ,—степныхъ кочевниковъ; такъ подъ „ціимъ“ въ Пс. 73, 14, LXX, славянскіе и русскіе переводчики разумѣютъ людей пустыни (Ефіопскихъ),—Гезеніусъ, Деличъ—звѣрей пустыни.

можно иногда наблюдать въ настоящее время. Они смотрѣли на собаку, какъ на собаку, и имъ никогда не приходило на мысль называть ее другомъ человѣка. Изъ указаній Библіи можно заключить, что собаки въ Св. Землѣ и въ древности жили такъже, какъ онѣ живутъ нынѣ въ городахъ и селеніяхъ Востока, чѣмъ отчасти и можно объяснить то, что библейскій человѣкъ далеко держалъ себя отъ псовъ и считалъ неприличнымъ цѣнить ихъ выше своего ближняго.—Собаки въ населенныхъ мѣстахъ нехристіанскаго Востока обыкновенно не принадлежатъ опредѣленному хозяину и всѣ должны быть отнесены къ разряду бродячихъ. Но не принадлежа лицу, восточныя собаки принадлежатъ мѣсту, или точнѣе, сами себя пріурочиваютъ къ нему. Разбившись на группы, онѣ занимаютъ каждая группа въ отдѣльности опредѣленную часть города или селенія для постояннаго жительства; здѣсь онѣ наполняютъ улицы и пустыри, здѣсь плодятся и умираютъ. Дни проводятся ими во снѣ или дремотѣ. Это полусонное состояніе прерывается иногда громкимъ лаемъ, когда въ извѣстный участокъ случайно забѣжитъ чужая изъ другаго участка собака, или зайдетъ неопытный путникъ-чужестранецъ въ отличномъ отъ національнаго одѣяніи. Собачье раздраженіе не оканчивается лаемъ: замѣшкавшаяся собака загрызается; бываетъ, что гибнетъ и путникъ. Отсюда получило начало библейское выраженіе, ставшее пословицею: *ни на человѣка, ни на скота не пошевелитъ песъ языкомъ своимъ* (Исх. 11, 7. Юдиѳ. 16, 19)—выраженіе, прямо указывающее на полнѣйшую безопасность, косвенно же свидѣтельствующее о томъ, что лай псовъ угрожаетъ смертельною опасностію. Что такая опасность нерѣдко угрожала въ древности, какъ угрожаетъ и нынѣ въ городахъ и селеніяхъ Востока, объ этомъ ясно говорятъ слѣдующія слова Пс. 21, 17. 21: *псы окружили меня; скопище злыхъ обступило меня; избавь отъ меча душу мою, и отъ псовъ одинокую мою.* Съ наступленіемъ вечера голодныя стаи псовъ, съ лаемъ и воемъ, обходятъ городъ или селеніе (Пс. 58, 7. 15) и съ жадностію набрасываются на все, что можно пожрать. Къ

утоленію ихъ голода служатъ отбросы разнаго рода, которые втеченіе дня выкидываются изъ домовъ на улицы, особенно же трупы крупныхъ и мелкихъ животныхъ (Исх. 22, 31). Псы, въ своей алчности, нападаютъ даже на трупы людей, оставленные почему-либо безъ погребенія (4 Цар. 9, 35 слл.); поэтому они еще у пророковъ ставятся наровнѣ съ хищными птицами (3 Цар. 14, 11; 16, 4; 21, 23. 24; Іер. 15, 3).— Таковы псы Востока; такими же знали ихъ и древніе обитатели Палестины. Конечно, они были терпимы, такъ какъ, истребляя отбросы и падаль, содѣйствовали оздоровленію населенныхъ мѣстъ; по тойже причинѣ они терпятся и нынѣ. Тѣмъ не менѣе вполнѣ естественно, что сыны Израиля питали къ нимъ глубокое отвращеніе, и потому собака у нихъ служила образомъ всего низкаго, презрѣннаго, дурнаго, отвратительнаго и нечистаго. Такъ, выраженія «собака», «собачья голова», «мертвая собака», если были относимы къ кому-либо другому, то съ цѣлію выразить самое низкое и презрительное мнѣніе объ этомъ человѣкѣ; если же произносившій прилагалъ ихъ къ себѣ, то этимъ онъ высказывалъ передъ другими крайне самоуниженіе в) (1 Цар. 17, 43; 24, 15; 2 Цар. 3, 8; 9, 8; 16, 8; 4 Цар. 8,

в) Впрочемъ, подобныя выраженія, будучи часто употребляемы, утратили, какъ кажется, свой первоначальный дѣйствительный смыслъ и потому какъ произносились безъ всякаго чувства самоуниженія, такъ и принимались безъ смущенія, подобно выраженіямъ, которыя были въ обычаѣ, встарину, на Руси, каковы напр.: „твоя женишка Дунька“, твой холопъ, Ивашка“. Это названіе, какъ замѣтно, потеряло, мало-по-малу, свое оскорбительное значеніе. Поэтому и Спаситель употребилъ его, нисколько не думая оскорбить Хананеянку, и она не оскорбилась, услышавъ его (Мѳ. 15, 26); послѣднее видно изъ отвѣта, который она дала Христу (Мѳ. 15. 27). О томъ же, что Спаситель былъ далекъ отъ презрительнаго отношенія къ язычникамъ, хорошо извѣстно изъ Его воззрѣній на нихъ: Онъ напр. считалъ ихъ вполнѣ достойными, даже болѣе достойными, нежели Іудеи, наслѣдовать царство небесное (Мѳ. 8, 11—12 и др.). Притомъ же евангельская исторія свидѣтельствуетъ, что Онъ и на язычниковъ, равно какъ на Іудеевъ, изливалъ потоки своего милосердія.

13). Для того, чтобы выразить все то отвращеніе, которое возбуждаетъ жертва беззаконника,—агнца, приносимаго имъ, сравнивали съ задушеннымъ псомъ (Иса. 66, 3). Къ подобнымъ сравненіямъ прибѣгали и ветхозавѣтные, и новозавѣтные писатели въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было выставить на видъ всю омерзительность и гнусность извѣстныхъ безнравственныхъ дѣйствій, или всей вообще ненравственной дѣятельности тѣхъ, или другихъ личностей (Второз. 23, 18; Притч. 26, 11; 2 Петр. 2, 20—22; Филип. 3, 2; Откр. 22, 15; и др.).—И сами псы считались животными попреимуществу нечистыми; поэтому вносить въ домъ Господенъ деньги, вырученныя отъ продажи пса, считалось мерзостію для Святаго Израилева (Второз. 23, 18); поверженіе святыни передъ псами было признаваемо величайшимъ для нея осквернсніемъ (Мѳ. 6, 7); Евреи во времена Христа Спасителя, считая язычниковъ нечистыми, называли ихъ псами (Мѳ. 15, 26).—Древніе обитатели Палестины для охраны отъ звѣрей и воровъ стадъ своихъ, держали при послѣднихъ сторожевыхъ псовъ (Іов. 30, 1), и потому чуткость у сторожевыхъ псовъ была необходимымъ и драгоцѣннымъ качествомъ, псы же не имѣвшіе ея, любившіе, находясь на сторожѣ, спать, заботившіеся лишь о насыщеніи своей алчности, почитались никуда негодными; отсюда, пр. Исаія сравниваетъ съ подобными псами невѣжественныхъ, своекорыстныхъ и, вообще, порочныхъ пастырей народа. *Стражи Израильтянъ*, говоритъ пророкъ, *слѣпы всѣ и невѣжды; всѣ они нѣмые псы, не могущіе лаять, бредящіе лежа, любящіе спать. И это псы, жадные душею, незнающіе сытости; и это пастыри безсмысленные; всѣ смотрятъ на свою дорогу, каждый до послѣдняго на свою корысть. Приходите, говорятъ, я достану вина и мы напьемся сикеры и завтра тоже будетъ, что сегодня, да еще и больше* (Иса. 56, 10—12).—Въ позднѣйшіе годы ветхозавѣтнаго періода и во времена Христа, у евреевъ уже существовали домашнія собаки, которыя сопутствовали своимъ хозяевамъ въ ихъ путешествіяхъ (Товит. 5, 17; 11, 3), и, допускаемыя въ жилища, подбирали крошки, падавшія отъ трапезы господъ ихъ (Мѳ. 15, 27; Мрк. 7, 28).

Волкъ (Canis lupus), поевр. *зеебъ*. Волки представляются въ библейскихъ книгахъ главными врагами овечьихъ стадъ, расхищающими и разгоняющими овецъ, и такими хищниками, которые, по своимъ свойствамъ, представляютъ рѣшительную противоположность по сравненію съ овцами. *Я есмь Пастырь добрый*, говоритъ Спаситель: *пастырь добрый жизнь свою полагаетъ за овецъ. А наемникъ не пастырь, которому овцы не свои, видитъ приходящаго волка и оставляетъ овецъ и бѣжитъ, и волкъ расхищаетъ овецъ и разгоняетъ ихъ* (Іоан. 10, 11—12). *Какое общеніе у волка съ ягненкомъ*, замѣчаетъ Сирахъ (Сир. 13, 21; ср. Мѳ. 10, 16; Лук. 10, 3). Днемъ волки скрываются въ логовищахъ, вообще въ уединенныхъ мѣстахъ, вечеромъ же выходятъ на добычу, и потому носятъ у библейскихъ писателей наименованіе «вечернихъ». Охотясь въ вечернее время, волки бываютъ, обыкновенно, голодными; вслѣдствіе этого они, при совершеніи своихъ хищническихъ набѣговъ, обнаруживаютъ быстроту, энергію, такъ что пр. Аввакумъ сравниваетъ съ ними военныхъ коней Халдеевъ (Авв. 1, 8), а главнымъ образомъ—неумолимую жестокость, кровожадность и ненасытную алчность; и въ виду этихъ послѣднихъ свойствъ пр. Софонія уподобляетъ вечернимъ волкамъ неправедныхъ судей: *судьи его* (Израиля)—*вечерніе волки* г), *не оставляющіе до утра ни одной кости* (Соф 3, 3); пр. Іезекиль называетъ волками жестокихъ князей (Іезек. 22, 27), а Спаситель и Апостолы — ложныхъ пророковъ, учителей и открытыхъ враговъ и преслѣдователей царства Божія. *Берегитесь лже-пророковъ*, предостерегаетъ Спаситель, *которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ*,

г) Въ славянскомъ переводѣ стоитъ „волцы Аравійстіи“. Основаніе этого различія заключается въ подлинномъ текстѣ; еврейскія слова „еребъ“ (вечеръ) и „арабъ“ (Аравія) по начертанію совершенно сходны между собою и разнятся лишь въ произношеніи. Впрочемъ, различіе въ переводахъ—на этотъ разъ не существенно: Аравія—страна пустынная и граничитъ съ Палестиною; поэтому, волки изъ Аравійскихъ пустынь, конечно, забѣгали, по ночамъ, въ обильную мелкимъ скотомъ Палестину и старались покончить свою охоту до наступленія дня.

а внутри суть волки хищные (Мѳ. 7, 15; ср: Дѣян. 20, 29; Мѳ. 10, 16; Лук. 10, 3; Іоан. 10, 12).—Съ волкомъ было сравниваемо воинственное и склонное къ убійствамъ колѣно Веніаминово: *Веніаминъ — хищный волкъ, утромъ будетъ ѣсть ловитву, а вечеромъ будетъ дѣлитъ добычу* (Быт. 49, 27. Суд. 20, 21. 25). Такъ какъ въ южной части Палестины, скудной лѣсами, убѣжищемъ для волковъ служили преимущественно степи и пустыни, то пр. Іеремія называетъ волковъ «пустынными» (Іер. 5, 6).

Шакалъ (Canis avreus). Въ подлинномъ библейскомъ текстѣ шакалы обозначаются двумя наименованія: *ійимъ* и *таннимъ* д). Шакалы служатъ соединительнымъ звеномъ между волками и лисицами. Шакалъ ростомъ менѣе волка, имѣетъ морду болѣе острую, нежели послѣдній, длинный, пушистый хвостъ, длинную жесткую шерсть; основной цвѣтъ шерсти сѣро-желтый, переходящій на спинѣ и бокахъ въ черный, а на нижней части туловища—въ рыжій. Шакалъ любитъ общество себѣ подобныхъ, хотя скитается часто одинъ. Днемъ онъ сидитъ въ какомъ-либо скрытомъ убѣжищѣ, ночью отправляется на охоту, при чемъ дѣйствуетъ очень смѣло, заходя преимущественно въ населенныя мѣста. Пищею шакала служатъ мелкія животныя, напр. мыши, также куры; но любитъ одну только падаль. Въ ветхозавѣтныхъ писаніяхъ шакалъ пред-

---

д) Слова *ійимъ* и *таннимъ* тамъ, гдѣ они значатъ „шакалы", русскіе переводчики Библіи передали именно этимъ словомъ, за исключеніемъ Ис. 34, 14, гдѣ слово *ійимъ* передано выраженіемъ „дикія кошки", и Пс. 43 (Евр. 44), 20, гдѣ *таннимъ* переведено словомъ „драконы". LXX, а за ними и славянскіе переводчики передали *ійимъ* и *таннимъ* въ различныхъ мѣстахъ различно. Такъ, въ славянскомъ переводѣ ійимъ Ис. 13, 22; 34, 14—„онокентаври"; Іерем. 50, 39—острова („ійимъ" также зн. „острова", напр. Іез. 27, 15); „таннимъ" Ис. 34, 13; 43, 20—„сирины"; Пс. 43, 20—„озлобленіе"; Іерем. 9, 11 (Евр. 10); 10, 22; 49, 33; 51, 37—„зміи". Эти различія свидѣтельствуютъ, между прочимъ, о томъ, 1) что греческій и славянскій переводы Библіи составлены различными лицами и въ разное время и что 2) приведенные въ одинъ составъ переводы эти никогда не были тщательно и съ знаніемъ дѣла проредактированы.

ставляется однимъ изъ тѣхъ «обитателей пустыни», которые наполняютъ собою развалины городовъ и селеній (Ис. 13, 22; 34, 13. 14; 43, 20. Іер. 9, 11; 10, 22; 49, 33; 50, 39; 51, 37. Пс. 43, 20), притомъ главнѣйшимъ изъ этихъ обитателей. Отличительною чертою шакаловъ служитъ ихъ вой, о которомъ упоминаютъ всѣ путешественники по Палестинѣ и который обыкновенно наводитъ ужасъ на тѣхъ, кто въ первый разъ слышитъ его. Шакалы воютъ въ ночное время, собравшись въ стаи. Обыкновенно одинъ изъ стаи начинаетъ выть глухо и протяжно, постепенно возвышая голосъ; мало-по-малу ему начинаетъ вторить вся стая съ визгомъ и лаемъ. Стаѣ, подавшей голосъ, издали спѣшатъ отвѣчать другія, привлекая къ своему адскому концерту и бродячихъ собакъ. Вой шакаловъ напоминаетъ собою плачъ и рыданія дѣтей. Онъ раздается каждую ночь, но особенно усиливается въ бурныя зимнія ночи; тогда шакалы какъбы усиливаются заглушить своими голосами завыванія ночной бури. Подобныя бурныя ночи зимою—это та кромѣшная или внѣшняя тьма, съ плачемъ и скрежетомъ зубовъ, о которой упоминаетъ Спаситель (Мѳ. 8, 12; 22, 13). Съ меланхолическимъ воемъ шакаловъ въ Библіи сравниваются самыя скорбныя жалобы (Іов. 30, 20. Мих. 1, 8). Въ современной Палестинѣ, особенно въ южной ея части, шакалы очень многочисленны; вѣроятно немало было ихъ тамъ и въ древнее время.

Лисица (Vulpes), по-евр. *шуалъ*. Лисицы въ Палестинѣ обитаютъ въ норахъ, или язвинахъ (Мѳ. 8, 20), любятъ уединенныя мѣста и поэтому для своего пребыванія охотно выбираютъ развалины разрушенныхъ и опустѣвшихъ городовъ и селеній (Іез. 13, 4; Плач. 5, 8). Лисицы приносятъ дѣтенышей раннею весною. Молодые лисенята быстро растутъ и забавляясь начинаютъ рыть подземные ходы, что причиняетъ существенный вредъ цвѣтущимъ виноградникамъ, если лисьи выводки выростаютъ въ виноградныхъ садахъ. Вырываемые лисенятами неглубоко подъ землею ходы повреждаютъ корни виноградныхъ лозъ; кромѣ того, молодые звѣрьки обрываютъ виноградные цвѣты, тогда какъ звѣри взрослые по-

ѣдаютъ спѣлыя ягоды. Отсюда понятно воззваніе невѣсты Пѣсни Пѣсней: *ловите намъ лисицъ, лисенятъ, которые портятъ наши виноградники; а виноградники наши въ цвѣтѣ* (Пѣсн. 2, 15).—Что касается внутреннихъ свойствъ лисицъ, то ихъ общеизвѣстная хитрость и лукавство были конечно знакомы древнимъ обитателямъ Палестины и вѣроятно ихъ имѣлъ въ виду Спаситель, назвавши Ирода лисицею. Евангелистъ Лука повѣствуетъ: *пришли нѣкоторые изъ фарисеевъ и говорили Ему* (Іисусу): *выйди и удалися отсюда, ибо Иродъ хочетъ убить тебя. И сказалъ имъ: пойдите скажите этой лисицѣ: се изгоняю бѣсовъ и совершаю исцѣленія сегодня, и завтра, и въ третій день кончу* (Лук. 13, 31. 32). Названіе, данное Господомъ Ироду, объясняютъ различно. Въ «Толковомъ Евангеліи» арх. Михаила мы читаемъ: «Изъ того что Господь назвалъ Ирода лисицею, нѣкоторые не безъ вѣроятія заключаютъ, что фарисеи были подосланы самимъ Иродомъ, съ цѣлію застращать Господа и удалить Его изъ Галилеи. Лисица—образъ хитрости и лукавства, а равно и кровожадности. Если Иродъ дѣйствительно подослалъ фарисеевъ, то въ этомъ обнаруживается дѣйствительно его хитрость и лукавство, а умерщвленіе Крестителя указываетъ и на кровожадность его» (Т. Евангеліе. 2, 441—442. 1871 г.). Гофманъ, имѣя въ виду Пѣсн. 2, 15 и Іез. 13, 4, полагаетъ, что Иродъ, построившій языческую Тиверіаду и умертвившій Крестителя, получилъ названіе лисицы потому, что причинилъ вредъ винограду Божію (Keil, Commentar uber die Evangelien des Markus und Lukas. s. 368). Объясненіе, помѣщенное въ «Толк. Еванг.», представляется наиболѣе основательнымъ. Въ Палестинѣ, въ библейскія времена, не проводили рѣзкой грани между различными видами собачьяго семейства. Поэтому, тамъ смѣшивали сходныхъ между собою шакала и лисицу. Такъ въ Пс. 62, 11 говорится: *и сразятъ ихъ силою меча, достанутся они въ добычу лисицамъ*; но лисицамъ приписывается здѣсь то, что свойственно шакаламъ. Шакалы дѣйствительно—любители труповъ, и въ древности, только они, вмѣстѣ съ хищными птицами, и об-

ращали вниманіе на убитыхъ во время сраженій, между тѣмъ какъ лисицы питаются лишь живыми животными, которыхъ ловятъ и убиваютъ, падалью же пользуются въ случаяхъ крайняго голода. Далѣе въ Суд. 15, 45 говорится, что Самсонъ, поймавши 300 лисицъ, уничтожилъ, съ ихъ помощью, поля и сады Филистимлянъ. Но и здѣсь правильнѣе разумѣть шакаловъ, нежели лисицъ. Поймать такое значительное количество именно шакаловъ представляется болѣе возможнымъ и легкимъ: шакалы ходятъ многочисленными стаями; стаями укрываются въ пещерахъ; лисицы же живутъ только парами, а всего охотнѣе особнякомъ; открыть ихъ глубокія подземныя норы очень трудно; притомъ лисица вообще звѣрь довольно рѣдкій.

Гіена (Hyaena), по-евр. *цабуа*. Гіены похожи на собакъ и вмѣстѣ съ тѣмъ во всемъ отличаются отъ нихъ. Гіены безобразны. Туловище у нихъ коренастое, шея толстая, голова широкая, морда большая, кривыя переднія ноги длиннѣе заднихъ; поэтому спина у нихъ поката, и животное сзади ниже, чѣмъ у зашейка; глаза поставлены косо, смотрятъ тупо, злобно и безпокойно; мѣхъ длинный и грубый, образующій на спинѣ родъ щетинистой гривы. Все это вмѣстѣ взятое производитъ непріятное впечатлѣніе. Притомъ, гіены имѣютъ отвратительный, рѣзкій голосъ, въ которомъ иногда слышится ужасный хохотъ; онѣ жадны, прожорливы и издаютъ противный запахъ. Днемъ гіенъ можно встрѣтить только случайно, спугнувъ ихъ изъ логовища; добровольно ниодна изъ нихъ не показывается при дневномъ свѣтѣ; только глубокою ночью небольшими партіями выходятъ онѣ на добычу. Главную и любимую ихъ пищу составляетъ падаль, и лишь сильный голодъ побуждаетъ ихъ нападать на живыхъ совершенно беззащитныхъ животныхъ — на овецъ, козъ, поросятъ и под. Въ поискахъ за падалью, гіены, въ западной Африкѣ, вырываютъ иногда трупы Готтентотовъ, которые очень неглубоко засыпаются землею. На этомъ между прочимъ основаніи утверждаютъ, что гіены вообще разрываютъ всякія могилы; это однакоже не подтверждено опытомъ.

Изъ всѣхъ видовъ гіенъ, наиболѣе распространена гіена полосатая (Hyaena striata). Она въ значительномъ количествѣ встрѣчается въ современной Палестинѣ; вѣроятно, она же жила тамъ и въ древности. Мѣхъ полосатой гіены имѣетъ свѣтло-сѣрый цвѣтъ съ желтоватымъ оттѣнкомъ; по этому полю тянутся черныя поперечныя полосы. Длина ея туловища полтора аршина, высота почти такая же. Библія очень рѣдко упоминаетъ о гіенахъ. Сирахъ сравниваетъ вражду между богатымъ и бѣднымъ со враждою между гіеною и собакою (Сир. 13, 22). Пр. Іеремія отъ лица Божія говоритъ о беззаконныхъ сынахъ Израиля: *не вертепъ ли гіенинъ достояніе мое мнѣ, или пещера окрестъ его; идите соберите звѣри сельныя, и да пріидутъ снѣсти е*ж) (Іер. 12, 9). Въ 1 Цар. 13, 18 упоминается о долинѣ Цевоимъ, т.-е. долинѣ гіенъ.

Медвѣдь (Ursus), по-евр. *добъ*. Медвѣдь упоминается въ Библіи на ряду съ крупными и свирѣпыми хищниками (Прит. 28, 15. Амос. 5, 19), потому что вмѣстѣ съ ними нападалъ на стада мелкаго скота (1 Цар. 17, 34). Ярость медвѣдя не имѣетъ предѣловъ, когда у него отнимаютъ дѣтей (Ос. 13, 8. Притч. 17, 12). Находясь въ гнѣвѣ, непріятномъ положеніи, въ большой опасности, медвѣдь издаетъ громкій ревъ,

ж) Въ русскомъ переводѣ Библіи Іер. 12, 9 читается иначе, нежели въ славянскомъ: „Удѣлъ мой сталъ у меня, какъ разноцвѣтная птица, на которую со всѣхъ сторонъ напали другія хищныя птицы. Идите, собирайтесь всѣ полевые звѣри, идите пожирать его“. Такимъ образомъ слово „цабуа“ въ славянскомъ переведено словомъ „гіена“, въ русскомъ—выраженіемъ „пестрая птица“. Слово „цабуа“ однажды употреблено въ Библіи и отсюда различіе его въ переводѣ. LXX, за ними славянскіе переводчики перевели его словомъ „гіена“; съ ними согласенъ переводъ Макарія, изъ новѣйшихъ ученыхъ Гезеніусъ. Іеронимъ и Лютеръ перевели названное слово выраженіемъ: *пестрая птица;* изъ новѣйшихъ имъ слѣдуютъ между прочимъ Гитцигъ и Кейль, въ своихъ комментаріяхъ. Мы считаемъ болѣе основательнымъ склониться на сторону перевода LXX, какъ древнѣйшаго, тѣмъ болѣе, что ему благопріятствуетъ контекстъ: въ предшествующемъ 8 стихѣ 12 главы избранный народъ также сравнивается съ хищнымъ звѣремъ—со львомъ.

выражающій то чувство, подъ вліяніемъ котораго животное находится (Ис. 59, 11). Въ 4 Цар. 2, 23. 24, повѣствуется о томъ, что дѣти изъ города Веѳиля, насмѣхавшіяся надъ пр. Елисеемъ и проклятыя имъ, были въ числѣ 42 растерзаны двумя медвѣдицами, вышедшими изъ лѣса. Дерзкія дѣти знали пророка и, насмѣхаясь надъ нимъ, насмѣхались надъ Іеговою, Богомъ Израилевымъ; этимъ они свидѣтельствовали о развращеніи и безбожіи своихъ родителей, поклонявшихся тельцу, почитаніе котораго было въ Веѳилѣ господствующимъ. Въ проклятіи пророка, дѣйствовавшаго конечно по повелѣнію Господню, и въ истребленіи дѣтей обнаружился праведный гнѣвъ Божій. Въ событіи, о которомъ у насъ рѣчь, заключается фактическое подтвержденіе угрозъ за идолопоклонство, содержащихся во Второз. (6, 14. 15; 7, 4) и исполненіе слѣдующихъ пророческихъ словъ: «Богами чуждыми они раздражили Его и мерзостями разгнѣвали Его. Господь увидѣлъ и сказалъ: соберу на нихъ бѣдствія и истощу на нихъ стрѣлы мои: пошлю на нихъ зубы звѣрей» (Второз. 32, 16. 18. 19. 23. 24).

Однокопытныя.

Однокопытныя животныя, извѣстныя въ древней Палестинѣ.—Кони.—Кони въ Египтѣ и другихъ языческихъ странахъ.—Боевые кони и военныя колесницы.—Свойства боевыхъ коней и ихъ украшенія.—Кони въ Палестинѣ при Давидѣ, Соломонѣ и послѣдующихъ царяхъ — Предубѣжденіе противъ коней въ Нурнилѣ: причины предубѣжденія.—Кони въ видѣніяхъ пророческихъ.

Изъ однокопытныхъ животныхъ въ Св. Землѣ, по свидѣтельству библейскихъ книгъ, были извѣстны: лошадь или конь, оселъ, онагръ, мулъ и лошакъ.

Древніе Евреи не высоко цѣнили коней или лошадей, находили возможнымъ и удобнымъ обходиться безъ нихъ въ своемъ хозяйствѣ, вслѣдствіе чего и не заботились о конс-

водствѣ. Напротивъ у иноплеменныхъ народовъ, съ которыми сыны Израиля находились въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ, коневодство процвѣтало. Поэтому Библія чаще упоминаетъ о коняхъ иноплеменныхъ, нежели о коняхъ еврейскихъ.

Особенно славился конями Египетъ. Въ первый разъ о коняхъ египетскихъ упоминается въ исторіи Іосифа. Когда въ голодные годы Египтяне издержали все серебро на покупку хлѣба, заготовленнаго Іосифомъ, то Іосифъ предложилъ имъ выдавать хлѣбъ за домашнихъ животныхъ. Египтяне согласились. «И пригоняли они къ Іосифу скотъ свой, и давалъ имъ Іосифъ хлѣбъ за лошадей и за стада мелкаго скота, и за стада крупнаго скота, и за ословъ» (Быт. 47, 17). Изъ этого указанія видно, что уже во времена глубокой древности коневодство въ Египтѣ составляло видный отдѣлъ народнаго хозяйства и что лошади употреблялись Египтянами, вѣроятно, для удовлетворенія повседневныхъ потребностей мирной домашней жизни. По крайней мѣрѣ Египтяне пользовались конями во время путешествій (Быт. 45, 19; 50, 17), при торжественныхъ выѣздахъ; причемъ кони были запрягаемы въ колесницы (41, 43). Правда, въ приведенныхъ мѣстахъ не названы животныя, запряженныя въ колесницы, но о томъ, что это были кони, свидѣтельствуютъ изображенія на древнеегипетскихъ памятникахъ. Одно изъ такихъ изображеній, представляющее колесницу, запряженную парою коней, воспроизведено въ словарѣ Рима (Riehm, Handwörterbuch des bibl. Altertums. 1. Bd. S. 761).

Впрочемъ Египтяне занимались коневодствомъ преимущественно для военныхъ цѣлей. Въ египетскихъ войскахъ всегда находились кони въ значительномъ количествѣ, что̀ увеличивало боевую способность воиновъ, ободряло ихъ и дѣлало грозными для непріятелей. Но конницы, въ современномъ значеніи этого слова, въ египетскихъ войскахъ не было. Боевые кони запрягались въ военныя колесницы и воины сражались, стоя на этихъ колесницахъ. Если же въ библейскихъ книгахъ часто говорится о египетскихъ всадникахъ,

то подъ ними, въ большинствѣ случаевъ, слѣдуетъ разумѣть людей, которые должны были заботиться во время походовъ о коняхъ и колесницахъ и управлять во время боя запряженными конями. Эти люди также входили въ составъ войска, были воинами, но нестроевыми, принадлежавшими къ разряду военныхъ служителей (возницы) (Іерем. 51, 21). Между тѣмъ собственно воины становились на колесницу вмѣстѣ съ служителемъ и съ колесницы вели бой, бросая въ непріятеля стрѣлы, запасъ которыхъ находился здѣсь же въ колчанахъ, прикрѣпленныхъ къ колесницѣ. Позднѣе въ египетскихъ войскахъ существовала конница въ собственномъ смыслѣ; воины, вооруженные копьями, вели бой, сидя на коняхъ, но, на ряду съ многочисленными конными отрядами, Египтяне продолжали употреблять и колесницы, запряженныя конями (2 Парал. 12, 3. Іер. 46, 4. 9); потому что дѣйствовать лукомъ и стрѣлами было всего удобнѣе съ колесницъ.

Кромѣ Египтянъ, коней, преимущественно съ военными цѣлями, имѣли хананейскія племена, населявшія Палестину до ея занятія сынами Израиля (Второз. 20, 1. І. Нав. 11, 4. Суд. 5, 22 и др.), Филистимляне (1 Цар. 13, 5. 2 Цар. 1, 6), Сирійцы (3 Цар. 20, 1. 4 Цар. 5, 9; 6, 14; 7, 7. 10) и вообще всѣ могущественные и воинственные народы и племена (Ассиріяне, Вавилоняне, Мидяне, Персы, народы Арменіи—царства Араратскія, Минійскія и Аскеназскія (Іер. 51, 27)), отъ нашествія которыхъ такъ много страдали сыны Израилевы и которые постоянно вели борьбу между собою (Іса. 5, 28; 21, 7. Іер. 4, 13. 29; 6, 23; 8, 16; 50, 37. 42; 51, 27. Іезек. 26, 7. 10. 11. Авв. 1, 8. Наум. 3, 23).

Упоминая о боевыхъ коняхъ у азіатскихъ народовъ, ветхозавѣтные пророки сообщаютъ при этомъ такія подробности, изъ которыхъ видно, какое значеніе имѣли кони въ азіатскихъ войскахъ и какими свойствами они обладали. Необходимою принадлежностію азіатскихъ боевыхъ войскъ, также какъ и египетскихъ, были колесницы, которыя во время походовъ и сраженій запрягались парою коней. Пара коней

была необходима, потому что военная колесница представляла собою, особенно, когда завязывался бой, значительную тяжесть, хотя имѣла малыя размѣры и утверждалась только на двухъ колесахъ. Военныя колесницы имѣли столько желѣзныхъ частей и скрѣпленій, что они назывались у Хананеевъ желѣзными (I. Нав. 17, 16); притомъ на каждую колесницу, когда начинался бой, становились три человѣка: собственно воинъ съ лукомъ и стрѣлами, одѣтый въ панцырь, возница (Іер. 51, 21) и третій, прикрывавшій щитомъ сражавшагося воина и возницу. Такъ по крайней мѣрѣ было въ ассирійскомъ войскѣ (Riehm. 11, 865). Для быстраго передвиженія такой тяжести, конечно, была необходима пара коней. Кромѣ колесницъ при азіатскихъ арміяхъ находилась и конница (Наум. 3, 3. Авв. 1, 8). Конница всегда была очень многочисленна потому, между прочимъ, что рядомъ съ каждымъ вооруженнымъ копьемъ воиномъ ѣхалъ, также верхомъ на конѣ, служитель; его обязанностію было управлять конемъ воина на полѣ сраженія. Благодаря этому, воинъ могъ одною рукою держать лукъ, другою пускать стрѣлы, черезъ голову своего коня, въ ряды непріятельскія (Riehm. 11, 1181). Конницу умножали еще отряды копьеносцевъ и меченосцевъ, которые должны были преслѣдовать и истреблять непріятеля, обратившагося въ бѣгство, а также избивать жителей захваченныхъ городовъ; въ послѣднемъ случаѣ копьеносцы тоже пользовались колесницами (Наум. 2, 3. 4; 3, 2. 3. Іер. 6. 23). Кони, которые набирались для войскъ, отличались силою (Іов. 39, 19. 21. Іер. 47, 3) и обладали чрезвычайною крѣпостію копытъ (Иса. 5, 28) и такъ какъ эти кони употреблялись только для военныхъ дѣлъ, то въ мирное время они жили на свободѣ и дичали. Поэтому, когда они набирались въ войска для военныхъ походовъ, то здѣсь стѣсняемые упряжью и всадниками, обнаруживали всю свою дикость: издавали громкое ржаніе, храпѣли (Іер. 8, 16; 50, 11), приходили въ ярость и въ ярости рыли ногами землю и ѣли ее (Іов. 39, 21. 24. Сир. 23, 6); военные крики и звуки трубъ приводили ихъ въ крайнее возбужденіе (Іов.

39, 24. 25). И эти ярость и возбужденіе боевыхъ коней придавали чрезвычайную быстроту ихъ бѣгу; они неслись съ своими всадниками быстрѣе орловъ, барсовъ, прытче вечернихъ волковъ (Авв. 1, 8. Іер. 4, 13); такою же быстротою бѣга отличались кони, запряженные въ колесницы (Наум. 3, 2); поэтому крутящіяся колеса колесницъ напоминали собою вихрь (Иса. 5, 28), сами колесницы издавали грохотъ и ихъ металлическія скрѣпленія и украшенія, отчищенныя передъ походомъ, блестѣли, подобно огню и сверкали, какъ молнія (Наум. 2, 3. 4; 3. 2). Такихъ полудикихъ коней (Сир. 30, 8) необходимо было обуздывать удилами (Пс. 31, 9) и бичемъ (Притч. 26, 3).

Боевые кони, особенно тѣ, которые, запрягались въ военныя колесницы, украшались самымъ изысканнымъ образомъ. Колесничные кони покрывались узорчатыми попонами, узоры эти состояли изъ металлическихъ и ременныхъ бляхъ, такими же бляхами выкладывались уздѣчки и прочія принадлежности тогдашней конской упряжи; кромѣ бляхъ къ збруѣ подвѣшивались, гдѣ только было возможно, ременныя кисти. Въ составъ конскихъ украшеній входили головные уборы изъ мелкихъ ремней. Головные уборы помѣщались между ушей, надъ глазами и состояли изъ густой ременной кисти; иногда же имъ придавали столь красивую форму и они были такъ роскошны, что ихъ можно было уподоблять коронѣ или вѣнцу (Есѳ. 6, 8. Зах. 10, 3). Красотою убора отличались преимущественно ассирійскіе боевые кони (Riehm, I, 865; II, 1183); проще убирались кони египетскіе; но и ихъ уборъ, особенно когда они запрягались въ колесницы (Пѣсн. 1, 8—10; 6, 12), выдавался своею красотою.

Войска, сопровождаемыя военными колесницами и множествомъ коней, имѣли грозный видъ и обладали дѣйствительно сокрушительною силою, чтò дѣлало военачальниковъ гордыми и надменными. Такъ, когда при царѣ Езекіи ассирійское войско подступило къ Іерусалиму, то одинъ изъ ассирійскихъ военачальниковъ, Рабсакъ велѣлъ передать Езекіи, между прочимъ слѣдующія горделивыя слова: «вступи въ

союзъ съ господиномъ моимъ, царемъ ассирійскимъ: я дамъ тебѣ двѣ тысячи коней; можешь ли достать себѣ всадниковъ на нихъ? Какъ тебѣ одолѣть и одного вождя изъ малѣйшихъ слугъ господина моего?» (4 Цар. 18, 23. 24). Военныя полчища азіатскихъ завоевателей всегда наводили ужасъ на Евреевъ; при одномъ извѣстіи о приближеніи грозныхъ непріятелей, воины Израилевы совершенно теряли присутствіе духа и переживали горькія минуты; особенно ихъ смущали колесницы и кони. У ветхозавѣтныхъ пророковъ мы находимъ живыя и наглядныя изображенія вражескихъ войскъ, ихъ колесницъ и коней, а также того душевнаго состоянія, которое обитатели Палестины переживали въ дни непріятельскихъ нашествій. Такъ Іеремія возвѣщаетъ: «такъ говоритъ Господь: вотъ идетъ народъ отъ страны сѣверной, и народъ великій поднимается отъ краевъ земли. Держитъ въ рукахъ лукъ и копье; они жестоки и немилосерды, какъ одинъ человѣкъ, чтобы сразиться съ тобою, дочь Сіона. Мы услышали вѣсть о нихъ, и руки у насъ опустились, скорбь объяла насъ, муки, какъ женщину въ родахъ. Не выходите въ поле и не ходите по дорогѣ, ибо мечъ непріятелей, ужасъ со всѣхъ сторонъ» (Іер. 6, 22—25) [а]. Этотъ ужасъ наводили преимущественно конные воины, которые настигали всѣхъ, находившихся на открытыхъ мѣстахъ, и убивали. Правда, нѣкоторыхъ изъ настигнутыхъ они забирали въ плѣнъ живыми; но такой плѣнъ былъ ужаснѣе скорой смерти отъ меча. Плѣнниковъ, прежде чѣмъ умертвить, подвергали несказаннымъ мукамъ; имъ выбивали зубы ударами кулака, вырывали бороды, вырѣзывали языки; съ живыхъ снимали кожу, вѣшали грудью на заостренные колья и под. Такъ, между прочимъ, поступали съ плѣнными Ассирійцы (Riehm, I. 869, 870).

Лошади у Евреевъ появились при Давидѣ. Давидъ, пора-

а) Поэтому пророки сравнивали съ непріятельскими конями саранчу, нашествіе которой также повергало въ ужасъ Израильтянъ (Іоил. 2, 4 и сл.).

зивъ Адраазара, царя Сувскаго, изъ военной добычи, взятой у побѣжденныхъ, оставилъ для собственнаго употребленія сто колесницъ и соотвѣтствующее количество колесничныхъ коней (2 Цар. 8, 4; 1 Парал. 19, 4). Авессаломъ, сынъ Давида, также завелъ у себя колесницы и коней (2 Цар. 15, 1), подобнымъ образомъ поступилъ и Адонія, другой сынъ Давида (3 Цар. 1, 5). Оба они желали занять царскій престолъ отца своего, и слѣдовательно считали обладаніе колесницами и конями за признакъ царскаго достоинства. О умноженіи коней въ Палестинѣ преимущественно заботился Соломонъ. У Соломона было тысяча четыреста колесницъ и двѣнадцать тысячъ всадниковъ (3 Цар. 10, 26, 2 Парал, 1, 14; 9, 25). Колесничныхъ коней и коней для колесницъ выводили изъ Египта и Кувы—пограничнаго съ Палестиною египетскаго города, бывшаго центромъ отпускной сухопутной торговли Египтянъ; царскіе купцы покупали коней изъ Кувы за деньги, при чемъ каждый конь обходился въ сто пятьдесятъ сиклей серебра (3 Цар. 10, 28, 29), кромѣ того кони доставлялись Соломону и изъ другихъ сосѣднихъ земель, цари которыхъ или находились въ зависимости отъ могущественнаго царя Еврейскаго или же питали уваженіе (2 Парал. 9, 23, 24. 26. 28) къ его мудрости.— Кони и колесницы были помѣщаемы въ особенныхъ стойлахъ (3 Цар. 4, 26; 2 Парал. 9, 25); а эти послѣднія были устроены въ городахъ колесничныхъ, воздвигнутыхъ Соломономъ, а также въ Іерусалимѣ (3 Цар. 9, 19; 2 Пар. 9, 25). О содержаніи коней позаботился самъ царь. Тѣ лица, на обязанности которыхъ лежало доставлять провизію къ столу Соломона, должны были, въ то же время, по царскому установленію, доставлять и конямъ ячмень, солому (3 Цар. 4, 7. 28). Пользованіе конями для удовлетворенія потребностей мирной жизни считалось, при Соломонѣ, принадлежностью знатныхъ лицъ. Но по обилію коней въ то время ихъ употребляли иногда для ѣзды худородные люди; это, однако же, считалось не нормальнымъ явленіемъ (Еккл. 10, 5, 7). Появленіе въ Палестинѣ лучшихъ коней изъ Египта и дру-

гихъ странъ произвело на сыновъ Израилевыхъ сильное впечатлѣніе. Поэтому въ книгѣ Іова, основательно относимой, по своему происхожденію, ко временамъ Соломона, именно въ рѣчи Господа къ Іову, боевой конь ставится на ряду съ рѣдкими животными, въ строеніи и свойствахъ которыхъ благочестивые Евреи стали видѣть наглядное доказательство всемогущества и премудрости создателя всяческихъ (Іов. 39, 19—25).

Самъ Соломонъ былъ пораженъ красотою коней и ихъ уборовъ до такой степени, что сравнилъ невѣсту Пѣсни Пѣсней съ своею кобылицею, запряженною въ колесницу и убранную различными украшеніями. «Кобылицѣ моей въ колесницѣ Фараоновой я уподобилъ тебя возлюбленная моя. Прекрасны ланиты твои подъ подвѣсками, шея твоя въ ожерельяхъ. Золотыя подвѣски мы сдѣлаемъ тебѣ съ серебряными блестками» (П. П. 1, 8—10).

Со временъ Соломона кони постоянно употреблялись въ Палестинѣ. Преимущественно они назначались для войска, для военныхъ колесницъ, для конницы (3 Цар. 16, 9; 22, 4. 35; 4 Цар. 3, 7; 13, 7; Иса. 2, 7; 30, 16. Мих. 5, 10, Осія 14, 4). Поэтому они составляли государственную собственность и содержались вмѣстѣ съ колесницами подъ надзоромъ особенныхъ начальниковъ въ Іерусалимѣ, имѣвшемъ даже ворота, которыя назывались конскими (3 Цар. 16, 9: 2 Пар. 23, 15; Іер. 31, 40; Неем. 3, 28). Впрочемъ кони иногда содержались простыми земледѣльцами, въ качествѣ рабочаго скота; для вымолачиванія зерноваго хлѣба коней запрягали въ молотильныя колеса и водили по снопамъ (Иса. 28, 28). Но коневодство никогда не процвѣтало въ Палестинѣ, потому главнымъ образомъ, что въ средѣ сыновъ Израилевыхъ во всѣ времена существовало предубѣжденіе противъ коней. Причина этого предубѣжденія заключалась въ томъ значеніи, какое имѣли кони въ жизни воинственныхъ языческихъ народовъ, окружавшихъ Палестину. Употребляемые для военныхъ цѣлей, кони придавали языческимъ войскамъ чрезвычайную силу, такъ что военныя полчища, сопровождаемыя конями и колесницами, казались непобѣдимыми для мало-

численныхъ и слабыхъ племенъ, подвергавшихся нашествію грозныхъ завоевателей; кромѣ того, употребляемые при дворахъ царскихъ, кони увеличивали блескъ и роскошь придворной жизни языческихъ властелиновъ. Все это развивало въ язычникахъ гордость, самонадѣянность, тщеславіе—свойства, которыя были мерзостью въ очахъ Господа Бога Израилева. И избѣгать этихъ свойствъ было обязанностію избраннаго народа; все упованіе онъ долженъ былъ возлагать на Господа, украшаться кротостію и смиреніемъ, такъ какъ Господь былъ щитомъ, охранявшимъ Израиля, и мечемъ его славы (Второз. 33, 29) и взиралъ милостивымъ окомъ только на кроткаго и смиреннаго (Иса. 66, 2). Посему еще пр. Моисей заповѣдалъ, чтобы царь, если Евреи захотятъ его поставить надъ собою, не умножалъ себѣ коней, и не возвращалъ народа въ Египетъ для умноженія себѣ коней (Второз. 16, 15. 16). Въ духѣ постановленій закона, подкрѣпленныхъ прямымъ повелѣніемъ Господа, дѣйствовалъ І. Навинъ. Когда-Хананеи ополчились на Израиля со множествомъ коней и колесницъ, то «Господь сказалъ Іисусу: не бойся ихъ, ибо Я предамъ всѣхъ ихъ на избіеніе сынамъ Израиля; конямъ же ихъ перерѣжь жилы, и колесницы ихъ сожги огнемъ. И поступилъ Іисусъ такъ, какъ сказалъ ему Господь: конямъ ихъ перерѣзалъ жилы, и колесницы ихъ сожегъ огнемъ» (І. Нав. 11, 6, 9). Подобнымъ же образомъ относился къ непріятельскимъ конямъ и колесницамъ царь Давидъ. Когда онъ поразилъ Адраазара, царя Сувскаго, то подрѣзалъ жилы у всѣхъ коней колесничныхъ, взятыхъ у непріятеля, оставивъ себѣ изъ нихъ для ста колесницъ (2 Цар. 8, 3, 4; 1 Парал. 18, 4; 19, 18); колесницы также были, за исключеніемъ ста, разрушены. Побужденія, которыми руководствовался при этомъ Давидъ, онъ самъ объяснилъ въ одномъ изъ своихъ псалмовъ: «позналъ я, что Господь спасетъ помазанника своего, отвѣчаетъ ему съ святыхъ небесъ своимъ могуществомъ спасающей десницы своей. Иные колесницами, иные конями, а мы именемъ Господа Бога нашего хвалимся. Они поколебались и пали, а мы встали и стоимъ прямо»

(Пс. 19, 7—9; ср. Пс. 32, 16—19). Правда, со временъ Соломона, какъ мы знаемъ, кони и колесницы были постоянною принадлежностію палестинскаго войска; но военныхъ коней и колесницъ Евреи всегда имѣли такъ мало (4 Цар. 7, 13; 13, 7), что цари Іудейскіе и Израильскіе, обыкновенно искали союза съ Египтомъ, въ надеждѣ на его военную помощь въ борьбѣ съ восточными завоевателями. Но пророки осуждали это малодушное исканіе союзовъ, какъ преступленіе противъ Господа. «Горе тѣмъ,» говоритъ напр. пророкъ Исаія, «которые идутъ въ Египетъ за помощію, надѣются на коней и полагаются на колесницы, потому что ихъ много, и на всадниковъ, потому что они весьма сильны, а на Святаго Израилева не взираютъ и къ Господу не прибѣгаютъ» (Иса. 31, 1). Была и другая, болѣе серьезная, причина предубѣжденія сыновъ Израилевыхъ противъ коней и нерасположенія къ этимъ животнымъ ветхозавѣтныхъ пророковъ и всѣхъ вообще истинныхъ поклонниковъ Іеговы. Нѣкоторые языческіе народы, съ которыми Евреи входили въ соприкосновеніе, считали коней священными животными. Такъ у персовъ бѣлые кони посвящались богу солнца. Здѣсь эти кони, запряженные въ колесницы, приняли участіе въ торжественныхъ процессіяхъ, имѣвшихъ религіозный характеръ. По всей вѣроятности и Ассиріяне, поклонявшіеся, между прочимъ, свѣтиламъ небеснымъ, смотрѣли на коней, какъ на животныхъ священныхъ. Во всякомъ случаѣ Евреямъ былъ извѣстенъ культъ небесныхъ свѣтилъ (2 Цар. 23, 5) и нечестивые цари іудейскіе, предшественники Іосіи, устроили въ Іерусалимѣ, между прочимъ, поклоненіе солнцу, причемъ установили всѣ обряды, изъ которыхъ слагалось это поклоненіе; не были забыты и кони: при входѣ въ домъ Господень устроили помѣщеніе для коней и колесницъ солнца. Іосія, дѣлавшій угодное въ очахъ Господнихъ, очистилъ Іерусалимъ отъ всѣхъ принадлежностей идолопоклонства, накоплявшихся въ городѣ Іеговы съ послѣднихъ лѣтъ царствованія Соломона «и отмѣнилъ коней, которыхъ ставили цари іудейскіе солнцу предъ входомъ въ домъ

Господень, колесницы же солнца сжегъ огнемъ» (2 Цар. 23, 11). Такимъ образомъ кони, питавшіе языческую гордость, служившіе опорой грубой и разрушительной силы язычниковъ, составляли, кромѣ того, принадлежность идолопоклонства. Понятно, что ветхозавѣтные пророки не могли не противодѣйствовать распространенію коней въ Палестинѣ. Они возвѣщали, что въ тѣ благодатныя времена, когда владыкою въ Израилѣ будетъ Тотъ, котораго происхожденіе изначала отъ дней вѣчныхъ, въ землѣ Израильской будетъ истребляться все языческое, а также кони и колесницы. У пр. Михея мы читаемъ: «и будетъ въ тотъ день, говоритъ Господь, потреблю коней твоихъ изъ среды твоей, и уничтожу колесницы твои. Исторгну чародѣянія изъ руки твоей, и гадающихъ по облакамъ не будетъ у тебя. Истреблю истуканы твои и кумиры изъ среды твоей, и не будешь болѣе покланяться издѣліямъ рукъ твоихъ» (Мих. 5, 2. 10. 12. 13).

Несмотря на предубѣжденіе противъ коней, кони и колесницы были всѣмъ извѣстны въ Палестинѣ; поэтому ветхозавѣтные писатели заимствовали отъ коней и колесницъ образы для нагляднаго выраженія даже религіозныхъ представленій. Такъ псалмопѣвецъ, изображая всемогущество Божіе, говоритъ: «Боже! когда Ты выходилъ предъ народомъ твоимъ; когда Ты шествовалъ пустынею; земля тряслась, даже небеса таяли отъ лица Божія»; и далѣе продолжаетъ: «колесницъ Божіихъ тьмы, тысячи тысячъ. Среди ихъ Господь на Синаѣ во святилищѣ» (Пс. 67, 8. 9. 18). Еще: «Ты устрояешь надъ водами горніи чертоги свои, дѣлаешь облака своею колесницею» (Пс. 103, 2. 3). Подобные же образы были употребляемы пророками: «Вотъ прійдетъ Господь въ огнѣ, и колесницы Его, какъ вихрь,—чтобы излить гнѣвъ свой» (Иса. 67, 15); «развѣ на рѣки воспылалъ, Господи, гнѣвъ твой? развѣ на рѣки негодованіе твое, или на море—ярость твоя, что Ты восшелъ на коней твоихъ, на колесницы твои спасительныя?» (Авв. 3, 8).

Съ конями и колесницами мы встрѣчаемся также въ видѣніяхъ пророческихъ. Въ 4 Цар. 2, 11 повѣствуется: «ког-

да (пророки Илія и Елисей) шли и дорогою разговаривали, вдругъ явилась колесница огненная и кони огненные, и разлучили ихъ обоихъ, и понесся Илія въ вихрѣ на небо». Огненные кони и колесница въ этомъ видѣніи имѣли символическое значеніе, смыслъ котораго и выяснилъ въ то же самое время пр. Елисей. «Елисей смотрѣлъ и воскликнулъ: отецъ мой, отецъ мой, колесница Израиля и конница его! и не видѣлъ его (Илію) болѣе» (4 Цар. 2, 12). Такимъ образомъ славный ученикъ пр. Иліи въ огненныхъ коняхъ и колесницѣ видѣлъ указаніе на то, чѣмъ былъ его великій учитель для Израиля: именно пр. Илія былъ для своего народа, въ тяжелые дни испытаній, твердою и надежною защитою, какою считались кони и колесницы для древнихъ восточныхъ армій въ военное время. Источникомъ несокрушимой нравственной силы для пророка былъ Господь Богъ Израилевъ, который хранилъ истинныхъ пророковъ (Іер. 15, 18—21) и который являлся *огнемъ поядающимъ*, какъ для своихъ враговъ (Пс. 96, 3), такъ и для враговъ избраннаго народа (Втор. 9, 3). Указанное символическое значеніе, коней и колесницъ было извѣстно всему Израилю. «Когда Елисей заболѣлъ болѣзнію, отъ которой потомъ и умеръ, пришелъ къ нему Іоасъ, царь израильскій и плакалъ надъ нимъ, и говорилъ: отецъ мой, отецъ мой! колесница Израиля и конница его» (4. Цар. 13, 14). Этою символическою рѣчью Іоасъ желалъ выразить, что Елисей, подобно Иліи, былъ опорою и защитою сыновъ Израилевыхъ. Въ видѣніи, описанномъ въ 4 Цар. 6, 15—17, огненные кони и колесница символически обозначали собою небесную силу, поборавшую по Израилѣ. Слуга Елисея, который удостоился видѣнія по молитвѣ пророка, понялъ значеніе огненныхъ коней и колесницъ и перестадъ страшиться войска Сирійцевъ. Символическое значеніе имѣютъ также кони, упоминаемые въ видѣніяхъ пр. Захаріи (1, 8—11; 6, 1—8) и Іоанна Богослова (Откр. 6, 1—8; 19, 11—21). О коняхъ идетъ рѣчь въ видѣніяхъ 2 Мак. кн. (2 Мак. 3, 25; 5, 2, 3; 10, 29; 11, 8—10), Евреи называли коней: *сусъ*, *паратъ*, *рекетъ*.

Однокопытныя.

Оселъ.—Свойства восточнаго осла.—Ослы въ древней Палестинѣ.—Работы ословъ.—Символическое значеніе ословъ.—Оселъ, нечистое животное.—Баснословное сказаніе о поклоненіи Евреевъ ослу.—Ослы въ Палестинѣ и Европѣ въ настоящее время.—Дикій оселъ, или онагръ, его свойства; упоминанія о немъ въ Библіи.—Мулъ и лошакъ.—Свойства мула; древнѣйшія указанія на него въ Иліадѣ; мулъ въ древней Палестинѣ; мулы въ настоящее время.—Лошакъ; его особенности; указанія на лошака въ русскомъ переводѣ Библіи.—Дополнительныя замѣчанія о коняхъ.

Оселъ домашній, по-евр. *хаморъ*, ослица—*атонъ*. Признаки, полагающіе различіе между лошадью и осломъ, очень незначительны и немногочисленны. Шея лошади украшена длинной гривой, а хвостъ покрытъ волосами съ самаго основанія; у осла же грива короткая, прямостоячая, похожая на гриву жеребятъ, а хвостъ покрытъ длинными волосами только на концѣ. Уши осла также длиннѣе, загривокъ ниже и подошва копыта овальнѣе, чѣмъ у лошади. Но этимъ и кончаются отличительные признаки; во всемъ остальномъ лошади и ослы весьма близки другъ къ другу (Брэмъ).

Въ восточныхъ странахъ (въ передней и средней Азіи, въ Египтѣ) оселъ существуетъ съ незапамятныхъ временъ, занимаетъ видное мѣсто въ ряду домашнихъ животныхъ и обладаетъ качествами, которыя высоко цѣнятся въ мирной домашней жизни. Восточный оселъ—животное веселое, терпѣливое, и очень выносливое и осторожное; походка у него легкая, равномѣрная, голосъ спокойный; онъ не пугливъ и потому увѣренною и равномѣрною поступью проходитъ по такимъ неудобнымъ и опаснымъ горнымъ тропинкамъ, которыя совершенно недоступны для лошади обыкновенныхъ и наиболѣе распространенныхъ породъ. Оселъ медлительнѣе лошади и на короткихъ разстояніяхъ отстаетъ отъ нея; но будучи выносливѣе лошади, проходитъ большія пространства

въ одинаковое съ нею время. Внѣшній видъ осла, обитающаго въ восточныхъ странахъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ его внутреннимъ качествамъ. Онъ достигаетъ здѣсь роста средней лошади, имѣетъ блестящіе глаза, шею, поднятую вверхъ, хотя длиныя, но хорошо сложенныя и поставленныя уши, напоминающія собою заячьи, и вообще довольно стройную фигуру. Окраска восточнаго осла темно-коричневая или свѣтло-сѣрая, въ томъ и другомъ случаѣ съ красноватымъ отливомъ; свѣтло-сѣрые ослы имѣютъ иногда бѣлыя полосы и пятна. На востокѣ, особенно въ Аравіи, существуютъ двѣ породы ословъ: одна большая, бодрая, быстрая, чрезвычайно удобная для путешествій; другая очень мелкая, которую употребляютъ для перенесенія тяжестей.— Оселъ очень не прихотливъ въ пищѣ и съ охотою питается такимъ кормомъ, который не станетъ ѣсть никакая лошадь; онъ, напримѣръ, не пренебрегаетъ рѣпейникомъ и колючими растеніями; но въ питьѣ очень разборчивъ: томимый самою сильною жаждою, не станетъ пить мутную загрязненную воду, почему и не можетъ служить для путешествій по пустынямъ.

Евреи имѣли ословъ уже во времена патріархальныя. Авраамъ пріобрѣлъ этихъ животныхъ, находясь въ Египтѣ (Быт. 12, 16), и, конечно, они входили въ составъ его палестинскихъ стадъ (Быт. 13, 1. 2, 7). Іаковъ вывелъ въ Палестину ословъ изъ земли сыновъ востока—Харрана (Быт. 29, 1. 4; 30, 43; 31, 18). Дѣти Іакова, конечно, взяли съ собою ословъ и въ Египетъ и позаботились о ихъ размноженіи въ землѣ Гесенъ, тѣмъ болѣе что въ Египтѣ въ то время ослы были во всеобщемъ употребленіи (Быт. 45, 23; 47, 17). По выходѣ Евреевъ изъ Египта, въ ихъ стадахъ ослы находились во множествѣ. На это указываютъ законы Моисея, въ которыхъ очень часто упоминается объ ослахъ, наравнѣ съ волами, какъ о самыхъ употребительныхъ домашнихъ животныхъ въ еврейскомъ хозяйствѣ (Исх. 13, 13; 20, 17; 21, 33; 22, 4, 10; 23, 4, 5, 12; Второз. 5, 14; 22, 3, 4). Въ стадахъ Давида было такъ много ословъ, что для надзора надъ ними былъ назначенъ особый приставникъ

(1 Пар. 27, 30). И въ позднѣйшія времена своей исторіи Евреи считали ословъ необходимою принадлежностію хозяйства; возвращаясь изъ плѣна Вавилонскаго въ Іудею, они вывели съ собою 6.720 ословъ (Ездр. 2, 67; Неем. 7, 69). Во времена Христа Спасителя, эти животныя также содержались въ Палестинѣ въ числѣ домашняго скота (Луки 13, 15; 14, 5).

Ослы въ Палестинѣ служили для удовлетворенія многоразличныхъ нуждъ. Такъ, они употреблялись для верховой ѣзды. На нихъ ѣздили знатные люди (Суд. 5, 10; 10, 4; 12, 14), женщины (I. Нав. 15, 18; 1 Цар. 25, 23; 4 Цар. 4, 22. 24). Знатные люди выбирали для верховой ѣзды бѣлыхъ ословъ, точнѣе свѣтло-сѣрыхъ съ бѣлыми полосами и пятнами (Суд. 5, 10), такъ какъ ослы съ подобною окраскою рѣдки и потому имѣютъ высокую цѣну. Верховому ослу иногда сопутствовалъ погонщикъ и велъ его въ рукахъ. Въ 4 Цар. 4, 24 повѣствуется, что Сонамитянка, отправляясь къ прор. Елисею, «осѣдлала ослицу и сказала слугѣ своему: веди и иди». Ѣздили преимущественно на ослицахъ, потому что ослицы имѣютъ болѣе плавную и спокойную походку, нежели ослы-самцы.—Далѣе, ослами пользовались какъ вьючными животными: на нихъ перевозили жизненные припасы (1 Цар. 16, 20; 25, 18; Неем. 13, 15) и различные товары (Исаіи 30, 6). Затѣмъ, ослы работали при воздѣлываніи полей, наряду съ волами; но законъ воспрещалъ запрягать въ плугъ осла вмѣстѣ съ воломъ (Второз. 22, 10; Исаіи 30, 25; 32, 20), признавая это неестественнымъ, подобно тому какъ онъ считалъ неестественнымъ и также воспрещалъ засѣвать поле сѣменами двухъ родовъ (Лев. 19, 19). Наконецъ, ослы выполняли второстепенныя домашнія работы. Въ подлинномъ евангельскомъ текстѣ встрѣчается выраженіе: «μύλος ὀνικὸς» (Мѳ. 18, 6; Луки 17, 2), что значитъ «жерновъ ослиный». Это выраженіе въ русскомъ переводѣ передано словами «мельничный жерновъ», въ славянскомъ — «жерновъ оселскій». Изъ приведеннаго выраженія видно, что, во времена Христа Спасителя, ослы въ Палестинѣ были

приспособлены къ работѣ на мельницахъ. Въ библейскія времена Евреи готовили муку на ручныхъ мельницахъ. Ручныя мельницы состояли изъ двухъ круглыхъ жернововъ, которые накладывались одинъ на другой. Нижній жерновъ имѣлъ на верхней сторонѣ выпуклость, верхній—снизу впадину, соотвѣтствующую выпуклости. Кромѣ того на верхнемъ продѣлывалось по срединѣ сквозное отверстіе, а на краю утверждалась вертикально стоящая рукоятка. Верхній жерновъ приводился, съ помощью рукоятки, во вращательное движеніе и насыпанное въ отверстіе зерно, попадая между жерновами, перстиралось въ муку. Жернова, обыкновенно, дѣлались малые и легкіе, такъ что на нихъ работали, по большей части, женщины (Луки 17, 35). Но иногда приготовлялись очень большіе и тяжелые жернова, быть можетъ, для растиранія болѣе твердыхъ веществъ, нежели хлѣбныя зерна (напримѣръ гипса, извести): на такихъ жерновахъ ручная работа была невозможна. Въ этихъ-то случаяхъ для движенія верхняго жерноваго камня приспособлялся оселъ. Такимъ образомъ въ словахъ Спасителя: *Иже аще соблазнитъ единаго малыхъ сихъ вѣрующихъ въ Мя, уне есть ему, да обѣсится жерновъ оселскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣй* (Мѳ. 18, 6) — выраженіе «жерновъ оселскій» обозначаетъ самый большой и тяжелый жерновный камень.

Евреи были знакомы и съ недостатками ословъ. Такъ, имъ всегда было извѣстно упрямство этихъ животныхъ, что можно видѣть, между прочимъ, изъ исторіи валаамовой ослицы. Когда Валаамъ, приглашенный Валакомъ, царемъ Моавитянъ, произнести проклятіе на сыновъ Израилевыхъ, отправился въ путь на ослицѣ, то ослица сначала своротила съ дороги и пошла на поле, затѣмъ прижала ногу Валаама къ стѣнѣ виноградника и наконецъ легла подъ своимъ всадникомъ. Видя во всемъ этомъ проявленіе обычнаго ослинаго упрямства, Валаамъ сталъ жестоко бить палкою свою ослицу, но та заговорила подъ воздѣйствіемъ Божественной силы и объяснила разгнѣванному хозяину, что была уважи-

тельная причина ея упрямства и что онъ напрасно три раза принимался бить ее (Числ. 22, 1—30). Но въ глазахъ Евреевъ и, вообще, жителей востока недостатки ословъ казались ничтожными по сравненію съ ихъ многочисленными достоинствами. Поэтому въ древности не считалось унизительнымъ называть именемъ осла даже знатныхъ людей; такъ князь Евреевъ, у котораго Іаковъ, по возвращеніи изъ Месопотаміи, купилъ часть поля, назывался *хеморъ* (Эмморъ) т.-е. оселъ (Быт. 33, 18, 19; 34, 2). Позднѣе, уже въ VIII в. по Р. Х. халифъ Мерванъ II назывался «оселъ Месопотаміи», и это названіе считалось почетнымъ (Riehm, 1, 402).

Оселъ у Евреевъ служитъ символомъ человѣка постоянно трудящагося по любви къ труду и къ тому матеріальному благосостоянію, которое, благодаря труду, можетъ быть пріобрѣтено и сохранено. Патріархъ Іаковъ, возвѣщая, передъ смертію, грядущую судьбу дѣтей своихъ, сказалъ Иссахару: «Иссахаръ оселъ крѣпкій, лежащій между протоками водъ. И увидѣлъ онъ, что покой хорошъ, и что земля пріятна: и преклонилъ плеча свои для ношенія бремени и сталъ работать въ уплату дани» (Быт. 49, 14. 15). Въ этихъ словахъ патріархъ пророчески изобразилъ будущія судьбы потомковъ Иссахара. Удѣлъ колѣна Иссахарова, доставшійся ему по жребію (I. Нав. 19, 17—23), начинался на сѣверъ у горы Ѳаворъ, далеко тянулся на югъ въ направленіи къ Мертвому морю по правому (западному) берегу Іордана и на западѣ примыкалъ къ Кармилу, заключая въ своихъ границахъ, между прочимъ, обильную водами и плодородную долину Израильскую (см. Menke Bibelatlas. № 111). Такимъ образомъ на долю этого колѣна выпали одна изъ лучшихъ частей земли обѣтованной. Притомъ по землямъ колѣна Иссахарова проходили торговые пути изъ Дамаска въ Египетъ и изъ Финикіи въ Аравію. О торговомъ пути въ Египетъ изъ странъ лежавшихъ на востокъ отъ Іордана, упоминается уже въ исторіи Іосифа (Быт. 37, 25); о пути изъ Аравіи въ Финикію говоритъ пр. Іезекіилъ (Іез. 27, 21). Потомки Иссахара воспользовались выгодами своего положенія. Не

забывая, конечно, о земледѣліи, они преимущественное вниманіе обратили на скотоводство и довели его до обширныхъ размѣровъ (Второз. 33, 18. 19) б), чему особено благопріятствовала Израильская долина, богатая луговою растительностію. Они постарались извлечь пользу и изъ торговыхъ путей, пересѣкавшихъ ихъ удѣлъ въ различныхъ направленіяхъ. Такъ потомки Иссахара принимали участіе въ мѣновой торговлѣ съ чужеземцами: въ обмѣнъ на товары финикіянъ — «богатство моря и сокровища, сокрытыя въ пескѣ» (Второз. 33, 19) они доставляли тирскимъ купцамъ произведенія своей земли (Іезек. 27, 17), наравнѣ съ другими колѣнами Израильскими. Такая торговля, конечно, увеличивала матеріальное довольство Иссахарова колѣна (Второз. 33, 18. 19). Сверхъ того, владѣя обширными стадами, потомки Иссахара, несомнѣнно, доставляли вьючныхъ животныхъ иноземнымъ купцамъ, служили проводниками для торговыхъ каравановъ и вообще принимали дѣятельное непосредственное участіе въ передвиженіи тяжелыхъ товарныхъ вьюковъ, слѣдовавшихъ, чрезъ Палестину, въ другія страны (Herzog, Real-Encyklopädie 1 Aufl. B. VII, s. 98). Такимъ образомъ потомки Иссахара *добровольно преклонили* плеча для ношенія бремени, приняли на себя служебный трудъ по отношенію къ чужеземцамъ, какъ бы платя имъ своимъ трудомъ обязательную дань. Такое отношеніе колѣна Иссахарова къ иноземцамъ не было правильнымъ. Избранный народъ не дол-

б) Указаніе на скотоводство у потомковъ Иссахара можно находить въ самомъ предсказаніи патріарха Іакова. Подлинный текстъ этого предсказанія содержитъ слово *мишфетаимъ*, которое въ русскомъ переводѣ передано выраженіемъ: „протоки водъ“; но *мишфетаимъ* можетъ значить „загоны для скота“, или „загоны для овецъ“— овчарни; именно реченіе „овчарни“ употреблено русскими переводчиками для передачи *мишфетаимъ* въ книгѣ Суд. 5, 16. Впрочемъ точный смыслъ слова *мишфетаимъ* не ясенъ; почему древніе переводчики или переводили его различно, или оставляли вовсе безъ перевода; такъ въ переводѣ славянскомъ, согласно съ переводомъ LXX, *мишфетаимъ* въ Быт. 49, 14 передано словомъ „предѣлы“, а въ Суд. 5, 16 реченіемъ *Μοσφαθεμι*, т.-е. оставлено безъ перевода.

женъ былъ служить иноплеменникамъ, напротивъ его назначеніемъ было—господствовать надъ язычниками, особенно Хананеями (Второз. 20, 10. 11; 3 Цар. 9, 20. 21). Но колѣно Иссахарово, полюбивъ покой въ своей пріятной землѣ и высоко цѣня матеріальное благосостояніе, которымъ привыкло пользоваться, никогда не оставляло скромной трудовой жизни; поэтому оно уклонялось отъ постояннаго дѣятельнаго участія въ общественной жизни своего народа и не стремилось къ преобладанію надъ прочими колѣнами, хотя и отличалось многочисленностію (1 Парал. 7, 1—5) в). И вотъ, провидя такую жизнь потомковъ Иссахара въ землѣ обѣтованной, патріархъ Іаковъ и сравнилъ Иссахара съ крѣпкимъ осломъ, который непрерывно и неутомимо работаетъ, постоянно преклоняетъ хребетъ свой для ношенія бремени и желаетъ только одного обильнаго и сытнаго корма.

Такъ какъ работы, для которыхъ употреблялись ослы, могли быть успѣшно выполняемы только во времена полнаго общественнаго спокойствія: то оселъ считался также символомъ глубокаго мира, въ противоположность коню, представленіе о которомъ неразрывно соединялось съ представленіемъ о войнѣ и ея горестныхъ послѣдствіяхъ. Такъ пр. Захарія, созерцая мессіанскія времена, видитъ своимъ духовнымъ просвѣтленнымъ взоромъ праведнаго и кроткаго Мессію, который всѣдши на молодаго осла, грядетъ къ дщери Сіоновой, дабы возвѣстить народамъ миръ и уничтожить всѣ принадлежности войны, какъ-то: колесницы, коней и бранные луки (Зах. 9, 9. 10). Пророчество это исполнилось на Іисусѣ

в) Нѣкоторые изъ новѣйшихъ толковниковъ полагаютъ, что греческіе переводчики (LXX) видѣли въ словахъ патріарха Іакова къ Иссахару суровую укоризну и, желая смягчить ее, передали подлинникъ не съ буквальною точностію (Kurzgefasstes exeget. Handbuch zum A. T. Lif. 11, 3 Aufl, S. 483). Дѣйствительно, въ славянскомъ переводѣ греческаго текста Быт. 49, 14. 15 читается такъ: *Иссахаръ доброе возжела, почивая посредь предѣловъ. И видѣвъ покой яко добръ, и землю, яко тучна, подложи рамы свои на трудъ и бысть мужъ земледѣлецъ.*

Христѣ. Евангелистъ Іоаннъ повѣствуетъ: на другой день (по воскрешеніи Лазаря) множество народа услышавъ, что Іисусъ идетъ въ Іерусалимъ, взяли пальмовыя вѣтви вышли на встрѣчу Ему, и восклицали: Осанна! благословенъ грядущій во имя Господне, Царь Израилевъ! Іисусъ же, нашедши молодаго осла, сѣлъ на него, какъ написано: не бойся, дщерь Сіонова! се, Царь твой грядетъ, сидя на молодомъ ослѣ» (Іоан. 12, 12—15) г). Впрочемъ, не смотря на мирный характеръ ословъ, ихъ, въ древности, употребляли иногда на службу въ войскахъ, наряду съ боевыми конями (Ис. 21, 7).

г) Всѣ четыре евангелиста повѣствуютъ о торжественномъ вшествіи Господа въ Іерусалимъ (Мѳ 21, 2—5; Мр. 11, 2—7; Лук. 19, 30—35; Іоан. 12, 12—15); но повѣствованія ихъ не вполнѣ согласны между собою.—Такъ, евангелистъ Матѳей говоритъ о двухъ животныхъ—ослицѣ и молодомъ ослѣ, согласно съ пророчествомъ Захаріи (Зах. 9, 9). въ которомъ рѣчь идетъ также о двухъ животныхъ и которое евангелистъ Матѳей приводитъ, близко придерживаясь подлиннаго текста. Прочіе евангелисты говорятъ объ одномъ животномъ — молодомъ ослѣ, причемъ евангелисты Маркъ и Лука не указываютъ на пророчество Захаріи и не приводятъ его; евангелистъ Іоаннъ хотя и приводитъ это пророчество, но излагаетъ его сокращенно, не такъ, какъ изложено оно у пророка и у евангелиста Матѳея. По изложенію евангелиста Іоанна въ пророчествѣ названо одно только животное—молодой оселъ. Но эти разности не заключаютъ въ себѣ противорѣчія и могутъ быть объяснены безъ труда вполнѣ удовлетворительно.—Евангелистъ Матѳей предназначалъ свое евангеліе прежде всего для Іудеевъ и потому подробно изложилъ событіе вшествія Господня въ Іерусалимъ и сполна привелъ пророчество Захаріи. Благодаря этому сдѣлалось очевиднымъ буквальное исполненіе ветхозавѣтнаго пророчества въ новозавѣтномъ событіи, что, въ глазахъ Іудеевъ, должно было имѣть важное значеніе. Прочіе евангелисты, излагая свои евангелія, не имѣли въ виду непосредственно Іудеевъ и потому кратко разсказали о вшествіи Господа въ священный городъ, упомянувши лишь о существенныхъ чертахъ событія. Отсюда у всѣхъ трехъ евангелистовъ говорится не о двухъ животныхъ, а только объ одномъ—молодомъ ослѣ, такъ какъ именно на молодомъ ослѣ совершилось вшествіе Мессіи—Христа во градъ дщери Сіоновой (Keil, Commentar. über das Evangelium des Matthäus. S. 413—416).

Оселъ, какъ животное однокопытное и не жующее жвачки, почитался нечистымъ и его нельзя были ѣсть (Лев. 11, 3). Правда ослиное мясо иногда было употребляемо въ пищу, но лишь въ случаяхъ крайней нужды; такъ, напримѣръ, это было въ Самаріи, во время осады города войсками Сирійцевъ (4 Цар. 6, 25). Какъ животныя нечистыя, ослы не могли быть приносимы въ жертву, не исключая и первородныхъ, хотя вообще всѣхъ первородныхъ изъ скота (мужскаго пола) слѣдовало, по закону, посвящать Богу (Исх. 13, 12). Поэтому законъ предписывалъ Евреямъ: «Первородное изъ ословъ замѣняй агнцемъ; а если не замѣнишь, то выкупи его» (Исх. 34, 20; 13, 13).

Въ Финикіи оселъ былъ посвященъ одному изъ языческихъ божествъ; такимъ образомъ Финикіяне признавали осла священнымъ животнымъ. Не имѣя точныхъ свѣдѣній о религіозныхъ воззрѣніяхъ азіатскихъ народовъ и смѣшивая Евреевъ съ Финикіянами, нѣкоторые изъ греческихъ и римскихъ писателей утверждали, что Евреи боготворятъ осла и что будто бы Антіохъ Епифанъ нашелъ во святомъ святыхъ іерусалимскаго храма ослиную голову, изваянную изъ золота (Іос. Флав. прот. Апіона). Презрѣніе къ Евреямъ и желаніе выставить ихъ въ самомъ неблаговидномъ свѣтѣ не мало также содѣйствовали возникновенію и распространенію такого баснословнаго сказанія.

Въ настоящее время обитатели Палестины содержатъ ословъ въ большомъ количествѣ и употребляютъ ихъ, преимущественно, для перевозки тяжестей, въ качествѣ вьючныхъ животныхъ. Такъ на ослахъ возятъ воду, строительные матеріалы (не исключая каменныхъ плитъ), соль съ южныхъ береговъ Мертваго моря, сжатый хлѣбъ съ полей и т. п. (Robinson, Palästina. II, B, s. 128, 321, 440, 520). Вообще на востокѣ ослы и доселѣ разводятся съ бо́льшею охотою, нежели какія-либо другія крупныя животныя, напр. лошади. Особенно много ословъ въ Египтѣ, именно въ Каирѣ.

По словамъ русскаго путешественника Маркова, ослы въ Каирѣ мелькаютъ, какъ мухи, и замѣняютъ здѣсь, для де-

мократической городской толпы, нашихъ извощиковъ (Марковъ, «Въ странѣ Фараоновъ», *Русскій Вѣстн.* 1889 года, ноябрь, стр. 22, 23). Подобное же свидѣтельство даетъ Робинзонъ (Robinson, Palästina, 1. B. s. 38). Гольцъ, слова котораго приведены Брэмомъ, замѣчаетъ: Каиръ — высшая школа для ословъ. Здѣсь только узнаешь это превосходное животное, научаешься дорожить имъ, уважать и любить его (Брэмъ, «Жизнь животныхъ», народное изданіе, т. I, ч. 2, стр. 131). Въ современной Европѣ ослы разводятся въ Греціи, Италіи, Испаніи и Франціи. Въ сѣверныхъ странахъ Европы ословъ нѣтъ, потому что они не выносятъ холоднаго климата. Сѣверною границею распространенія ословъ въ Европѣ служитъ Германія. Но въ этой странѣ они уже рѣдки; притомъ, вслѣдствіе холода, дурнаго ухода и жестокаго обращенія, они совершенно утратили хорошія природныя свойства и сохранили лишь отдаленное сходство съ своими восточными родичами. Поэтому къ ослу сѣверныхъ мѣстностей Европы можно, какъ замѣчаетъ Брэмъ, вполнѣ примѣнить слова Окена: «ручной оселъ такъ упалъ отъ продолжительнаго дурнаго обращенія, что вовсе не похожъ теперь на своихъ прародителей. Онъ не только меньше ростомъ, но даже сѣро-пепельный цвѣтъ блѣднѣе и уши длиннѣе и висятъ болѣе вяло; мужество превратилось въ немъ въ упрямство, быстрота—въ медленность, живость—въ лѣность, умъ—въ тупость, храбрость—въ равнодушіе къ побоямъ». Всѣ эти насильственно, такъ-сказать, привитые недостатки и послужили главнымъ основаніемъ для того презрительнаго и насмѣшливаго отношенія къ осламъ, вслѣдствіе котораго самое имя осла сдѣлалось въ западныхъ странахъ браннымъ и крайне унизительнымъ словомъ. Впрочемъ насмѣшливое отношеніе къ осламъ издавна существовало въ Европѣ, притомъ въ южныхъ ея странахъ, гдѣ всегда имѣлись лучшіе экземпляры этихъ животныхъ. Такъ въ древней Греціи осломъ называли человѣка грубаго, лишеннаго вкуса и любви къ искусствамъ (см. греческо-русскій словарь, изд. Департаментомъ Народн. Просв., подъ словомъ «Ὄνος») Въ восточ-

ныхъ странахъ какъ въ древности смотрѣли, такъ и доселѣ смотрятъ на ословъ очень хорошо.

Дикій оселъ (Asinus Onager. Ονάγρος), по-еврейски *пере*, *ародъ*. Дикій оселъ выше обыкновеннаго осла. Онъ имѣетъ большую голову, выпуклый лобъ, толстыя губы, усаженныя до самаго края жесткими щетинистыми волосами, длинныя уши, но болѣе короткія, нежели у обыкновеннаго осла, и поставленныя прямо, какъ у лошади. Преобладающій цвѣтъ шерсти дикаго осла бѣлый съ серебристымъ блескомъ, только верхняя часть головы, боковыя части шеи и туловища нѣсколько темнѣе: онѣ — свѣтлосѣраго цвѣта. Дикій оселъ живетъ въ пустынныхъ безлѣсныхъ степяхъ и всегда стадами. Стадамъ, состоящимъ изъ самокъ и жеребятъ, предводительствуетъ самецъ. Солонцоватыя растенія составляютъ для дикаго осла самую пріятную пищу; онъ любитъ такъ же растенія съ горькимъ сокомъ, не пренебрегаетъ различными видами клевера; но ему совершѣнно противны всѣ пахучія и болотныя растенія, а такъ же рѣпейникъ—обыкновенная пища домашняго осла. Пьетъ дикій оселъ мало и на водопой отправляется только чрезъ день, соленую воду предпочитаетъ прѣсной; но пьетъ только чистую воду, до мутной не касается. Дикій оселъ любитъ свободу, пугливъ, неукротимъ и упрямъ. Внѣшнія его чувства — зрѣніе, слухъ, обоняніе — очень тонки; по быстротѣ бѣга съ нимъ можетъ сравняться только самая лучшая лошадь. Дикій оселъ водится въ Персіи, Монголіи, въ долинѣ Евфрата и Аравійской пустынѣ; изрѣдка встрѣчается на востокѣ отъ Гаврана и къ сѣверу отъ Домаска. Но въ библейскія времена это животное было очень распространеннымъ въ Сиріи и потому древніе Евреи были очень хорошо знакомы съ его свойствами и образомъ жизни, что видно изъ обстоятельныхъ и нерѣдкихъ указаній на него библейскихъ писателей. На особенности дикаго осла, или онагра, и образъ его жизни обстоятельно указывается въ кн. Іова. По изображенію составителя этой книги, дикій оселъ живетъ въ пустынныхъ солончаковыхъ степяхъ, вдали отъ многолюдства населенныхъ

мѣстностей, питается всякою травою, которую съ ранняго утра, ищетъ въ степи и горахъ; онъ свободолюбивъ не знаетъ привязи и погонщика. «Кто пустилъ дикаго осла на свободу, и кто разрѣшилъ узы онагру, которому степь Я назначилъ домомъ и солончаки—жилищемъ? Онъ посмѣвается городскому многолюдству и не слышитъ криковъ погонщика, по горамъ ищетъ себѣ пищи и гоняется за всякою зеленью» (Іов. 39, 5—8; 24, 5). Въ другихъ библейскихъ книгахъ мы находимъ слѣдующія указанія на дикаго осла. Въ книгѣ Бытія съ дикимъ осломъ д) сравнивается Измаилъ, будущій свободолюбивый обитатель пустыни (Быт. 16, 11. 12; 21, 20. 21). Прор. Исаія указываетъ на пустынныя мѣстности, какъ на убѣжище дикихъ ословъ (Иса. 32, 14). Пр. Іеремія и Осія уподобляютъ Израиля, неудержимо стремившагося къ идолопоклонству—первой—дикой ослицѣ, неудержимой и неистовой въ періодъ спариванія (Іер. 2, 24), второй дикому ослу, одиноко бродящему (Ос. 8, 9). По свидѣтельству пр. Даніила, Навуходоносоръ, въ состояніи умоизступленія, жилъ съ дикими ослами (Дан. 5, 21). Псалмопѣвецъ и Іисусъ Сираховъ упоминаютъ о дикихъ ослахъ, ищущихъ водопоя (Пс. 103, 11) и составляющихъ въ пустынѣ добычу львовъ (Сир. 13, 23).

Дикіе ослы въ ранней молодости легко становятся ручными. Ихъ, обыкновенно, приручаютъ для спариванья съ домашними ослами. Благодаря такому спариванью, въ Персіи и Аравіи постоянно существуютъ хорошія и цѣнныя породы домашнихъ ословъ.

д) Въ Быт. 16, 12 объ Измаилѣ въ подлинномъ текстѣ сказано: *пере адамъ*. Эти два слова въ различныхъ переводахъ переданы различно. У LXX ἄγριος ἄνθρωπος (въ славянск. сельный человѣкъ); въ русскомъ переводѣ—между людьми, какъ дикій оселъ; у Мандельштама — человѣкъ-дикарь; у Макарія—*онагръ-человѣкъ*. Въ греческомъ переводѣ, бывшемъ у Митрополита Филарета при составленіи „Записокъ на кн. Бытія“ поставлено ἡμίονος; переведено — „дикій лошакъ“. (Записки на книг. Бытія. 1816 года. II ч. стр. 153).

Въ славянскомъ переводѣ библіи удержано греческое названіе дикаго осла—*онагръ*; тоже названіе употребляется и въ русскомъ переводѣ (Іов. 39, 5). Дикій оселъ называется также *куланъ*.

Мулъ и лошакъ. Кони въ древности употреблялись преимущественно въ военное время, были полудикими животными и потому неудобными для домашнихъ работъ. Между тѣмъ кони обладаютъ такими качествами, въ которыхъ природа отказала осламъ, но которыя очень желательны въ рабочемъ скотѣ, каковы напримѣръ значительная сила, быстрота въ движеніяхъ. Для того, чтобы привить, такъ сказать, осламъ конскія свойства, съ давнихъ поръ начали скрещиватьословъ и лошадей. Попытка скрещиванья удалась: появились помѣси — мулъ и лошакъ. Мулъ происходитъ отъ кобылицъ и осла, лошакъ отъ коня и ослицы. *Мулъ* (Asinus vulgaris Mulus, ἡμίονος) евр. *перед*ъ-мулъ-самецъ, *пирда*-мулъ-самка; славянск. *мескъ*. Мулъ ростомъ почти съ лошадь. Строеніемъ шеи и вообще всего туловища, внѣшнимъ красивымъ видомъ онъ также приближается къ лошади; но его крупная голова, длинныя уши, хвостъ, покрытый у основанія короткими волосами, тонкія бедра, узкія копыта, голосъ (ревъ, а не ржаніе) похожи на ослиныя. Къ достоинствамъ мула, которыя особенно цѣнятся въ немъ, принадлежатъ: бодрость, быстрота, выносливость, неприхотливость и воздержность въ пищѣ, осторожность и очень значительная физическая сила. Благодаря осторожности мула, ему съ совершенныхъ спокойствіемъ можно ввѣриться на самой опасной горной тропинкѣ. Что касается силы, то въ этомъ отношеніи мулъ долженъ быть поставленъ выше лошади: лошадь не можетъ нести на спинѣ болѣе 6 пуд. груза: мулъ несетъ иногда до 8 пуд. Притомъ мулъ, пройдя съ своимъ грузомъ цѣлый день, можетъ и на другой день продолжать свой путь, при самомъ скудномъ кормѣ, не теряя бодрости: для лошади такой трудъ не по силамъ. Такимъ образомъ желаніе древ-

нихъ развить въ ослѣ извѣстныя свойства, принадлежащія лошади, вполнѣ осуществилось: мулъ соединяетъ въ себѣ лучшія свойства коня и осла.

Частыя упоминанія о мулахъ и довольно точныя свѣдѣнія о нихъ мы находимъ въ Иліадѣ Гомера. Они появились въ малоазійскихъ областяхъ, занимавшихъ южный берегъ Чернаго моря и лежавшихъ къ западу отъ Арменіи, именно въ Пафлагоніи и Мизіи. Разведеніемъ муловъ занимались Енеты, жившіе въ Пафлагоніи. Мулы цѣнились высоко и потому Мизійцы привели муловъ Пріаму, какъ цѣнный подарокъ [e]. Муловъ употребляли для тяжелыхъ работъ, между прочимъ, для вывозки тяжелыхъ дубовыхъ бревенъ изъ гористыхъ малодоступныхъ мѣстностей (Ил. XXIII, 110 — 122). Изъ малоазійскихъ областей, гдѣ мулы разводились въ большомъ количествѣ, эти животныя были отправляемы, чрезъ Арменію, и въ другія азіатскія страны для продажи. Такъ, по свидѣтельству пр. Іезекіиля, Финикіяне получали за свои товары муловъ (слав. *мѹата*, евр. *ферадимъ*) изъ Арменіи (Θогарма). Вѣроятно, изъ тѣхъ же областей и тѣмъ же путемъ мулы были выведены въ первый разъ и въ Палестину, при Давидѣ. Давидъ имѣлъ мула, который назывался царскимъ и былъ употребляемъ въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ (3 Цар. 1, 33. 38. 44). Муловъ имѣли также для верховой ѣзды, всѣ сыновья Давида (2 Цар. 13, 29; 18, 9). Впрочемъ мулы во времена Давида распространились и въ народѣ, въ качествѣ вьючныхъ животныхъ (1 Пар. 12, 40). Соломону мулы были доставляемы ежегодно изъ сосѣднихъ странъ (3 Цар. 10, 25; 2 Парал. 9, 24). Сыны Израилевы, возвращаясь изъ плѣна, привели съ собою въ Іудею 245 муловъ

---

e) Въ Иліадѣ говорится: Пилемонъ Пафлагонамъ предшествовалъ, выведшій ихъ изъ Генетъ, гдѣ стадятся дикіе мески» (ἐξ Ἐνετῶν ὁθεν ἡμιόνων γένος ἀγροτεράων. Ил. II. 751. 752. См. переводъ Гнѣдича). Еще: „Муловъ запрягли водовозныхъ дебелокопытныхъ (точнѣе крѣпкокопытныхъ), нѣкогда въ даръ подведенныхъ владыкѣ Пріаму отъ Мизовъ“ (Ил. XXIV, 277—8). „Мески яремные, одѣтые крѣпкою силою“ (Ил. XVII, 743).

(*мскові* 1 Ездр. 2, 66; Неем. 7, 68). Упоминаніе о мулахъ встрѣчается, кромѣ указанныхъ, еще въ слѣдующихъ мѣстахъ священныхъ книгъ: 3 Цар. 18, 5; Пс. 31, 9; Иса. 66, 20; Зах. 14, 15.

Евреи не занимались сами разведеніемъ муловъ; это было запрещено имъ: «скота твоего не своди съ иною породою» (Лев. 19, 19). И имъ никогда не могло представиться поводовъ къ нарушенію столь ясно выраженнаго постановленія закона: они постоянно могли имѣть въ своемъ хозяйствѣ улучшенную породу домашнихъ ословъ, спаривая ихъ съ дикими ослами, или онаграми, что доселѣ практикуется въ Аравіи.—Замѣчательно, что въ странѣ Елейцевъ (Елидѣ въ Греціи) существовало такъ же запрещеніе спаривать коней и ословъ. Древній царь Елейцевъ, Еномей, запретилъ такое неестественное спариваніе подъ угрозою проклятія. Елейцы, однакоже, придумали средство имѣть своихъ муловъ. Боясь навлечь на себя проклятіе, они не рѣшались практиковать запрещенное спариванье въ своей странѣ; но ихъ кобылицы были переправляемы въ сосѣднія земли для случки съ ослами и по возвращеніи на родину давали желаемый приплодъ (Victor Hehn, Kulturpflanzen und Hausthiere. 5 Aufl. s. 109).

Въ настоящее время мулы встрѣчаются въ Палестинѣ повсюду; Робинзонъ упоминаетъ о нихъ такъ же часто, какъ и объ ослахъ (Robinson, Palästina).—На югѣ Европы, особенно въ странахъ, заселенныхъ романскими племенами, мулы очень многочисленны; въ Испаніи о разведеніи муловъ заботятся болѣе, нежели о разведеніи лошадей. Привязанность къ муламъ романскіе народы унаслѣдовали отъ древнихъ Римлянъ.

Лошакъ (Asinus vulgaris Hinnus). Лошакъ наслѣдуетъ отъ матери—ослицы ея некрасивое сложеніе и небольшой ростъ, а такъ же медлительность; отъ коня—отца заимствуетъ тонкую и длинную голову, короткія уши, полныя бедра, волосистый хвостъ и ржаніе. Лошакъ по своимъ качествамъ, мало полезенъ для тяжелыхъ работъ и потому о разведеніи

его не заботятся. Въ Европѣ его разводятъ Испанцы, въ Африкѣ — жители Абиссиніи и сѣверныхъ африканскихъ областей.

Въ тѣхъ странахъ Азіи, обитатели которыхъ со временъ глубокой древности занимались размноженіемъ муловъ, лошаки не существовали; если же и появлялись, то случайно. Ничего опредѣленнаго не знали о лошакахъ и древніе Евреи. Поэтому въ еврейскомъ текстѣ библіи употребляется только одно слово *перѣдъ* обозначающее помѣсь, происшедшую отъ коня и осла, и относящееся собственно къ мулу. Составители греческаго перевода LXX еврейское *перѣдъ* всюду передали реченіемъ ἡμίονος. Славянскіе переводчики, въ свою очередь перевели греческое ἡμίονος словомъ *мескъ*. Между тѣмъ въ русскомъ переводѣ библіи говорится о мулѣ и лошакѣ (о лошакѣ: 3 Цар. 18, 4; 4 Цар. 5, 17; Ездр. 2, 66; Неем. 7, 68; Пс. 31, 9; Езек. 27, 14; Зах. 14, 15). Но русскіе переводчики, несомнѣнно, полагали, что названія *мулъ* и *лошакъ* относятся къ одному и тому же животному, и что употребленіе того или другаго названія безразлично. Такое безразличіе въ употребленіи словъ *мулъ* и *лошакъ* очень обыкновенно у насъ. Причина этого обстоятельства заключается въ томъ, что мулъ и лошакъ очень сходны между собою; притомъ лошакъ очень рѣдокъ, такъ что даже нѣкоторые изъ западныхъ ученыхъ не имѣютъ о немъ яснаго представленія и не въ состояніи съ точностію опредѣлить разностей между муломъ и лошакомъ. Напримѣръ, нѣкто Натузіусъ, спеціально занимавшійся изученіемъ различныхъ породъ домашняго скота, говоритъ: «Въ книгахъ лошакъ играетъ такую же роль, какъ и мулъ; въ дѣйствительности же первый продуктъ скрещиванья коня и ослицы почти неизвѣстенъ. Нѣтъ ни одного описанія лошака, сдѣланнаго человѣкомъ знающимъ. Въ Европѣ за исключеніемъ Испаніи, о которой въ этомъ отношеніи мы знаемъ очень мало, лошакъ совершенно неизвѣстенъ, точно такъ же какъ и въ Америкѣ, родинѣ безчисленнаго множества муловъ». Относительно сходства между муломъ и лошакомъ француз-

скій профессоръ Коленъ замѣчаетъ: «Мулъ есть оселъ, къ которому примѣшаны нѣкоторые изъ признаковъ лошади; лошакъ же еще болѣе чѣмъ мулъ походитъ на осла» ж). Послѣ этого представляется вполнѣ понятнымъ безразличное употребленіе двухъ различныхъ наименованій *мулъ* и *лошакъ* по отношенію къ одному и тому же животному.

Изложенныя свѣдѣнія о палестинскихъ однокопытныхъ, упоминаемыхъ въ библіи, мы заключимъ нѣкоторыми дополненіями къ тому, что уже было сказано о коняхъ.

Кромѣ названій коня *сусъ*, *парашъ*, *рехешъ*, въ еврейскомъ текстѣ библіи встрѣчаются и нѣкоторыя другія, именно *рехевъ*, *суса*, *рамакъ*, абиримъ. *Сусъ* указываетъ на бодрый и быстрый бѣгъ коня и употребляется преимущественно для обозначенія коней, которые были запрягаемы въ колесницы; *парашъ* относится къ верховому коню и содержитъ указаніе на положеніе ногъ всадника: словомъ *рехевъ* называются колесничные кони (2 Цар. 8, 4; 10, 18; Пс. 75, 7), какъ и словомъ *сусъ*; *суса* (Пѣсн. 1, 7), *рамакъ* (Есѳ. 8, 10 слово персидское зн. «приносящая дѣтенышей») — наименованія кобылицъ; *рехешъ* значитъ «быстро бѣгущій», «скачущій», *абиримъ* — сильные.

Въ подлинномъ текстѣ Притч. 30, 31 поставлено выраженіе *зарзиръ матнаимъ*, что значитъ «по бедрамъ препоясанный». Выраженіе это, судя по контексту, указываетъ на какое-то животное, отличающееся стройною походкою; но на какое именно, совершенно неизвѣстно. Поэтому всѣ переводчики и толкователи еврейской библіи переводили и толковали названное выраженіе, исключительно основываясь на догадкахъ; въ результатѣ получилось удивительное разногласіе; такъ LXX истолковали разсматриваемое выраженіе словами: αλεκτωρ εμπεριπατων θηλειαις εὐψυχος а. славянскіе переводчики передали смыслъ греческихъ словъ

ж) Слова Натузіуса и Колена взяты изъ сочиненія П. Кулешова: „Научныя и практическія основанія подбора племенныхъ животныхъ".

слѣдующимъ образомъ: «пѣтелъ ходя въ кокошехъ благодушенъ» (т.-е. пѣтухъ благодушно ходящій между курами). Нѣкоторые въ непонятномъ еврейскомъ выраженіи видѣли указаніе на какую-либо птицу изъ породы вороновъ, иные— на зебру, леопарда, охотничью собаку и под. (Keil und Delitzsch, Commentar. IV, 3. S. 512 — 515) Въ русскомъ переводѣ библіи поставлено слово «конь». Этотъ переводъ слѣдуетъ признать наиболѣе вѣроятнымъ и правильнымъ. Къ боевому коню временъ Соломона выраженіе: «по бедрамъ препоясанный» *(зарзиръ матнаимъ)* вполнѣ приложимо. Боевой конь былъ украшаемъ; и украшенія эти, состоявшія изъ ремней и бляхъ, охватывали, между прочимъ, его бедра; стройною же походкою онъ, несомнѣнно, отличался.

Въ Быт. 14, 11. 16 употреблено въ подлинномъ текстѣ слово *рехушъ*. LXX перевели его словомъ ἵππος; въ славянск. стоитъ «конная». Но въ названныхъ стихахъ рѣчь идетъ объ имуществѣ (*рахашъ* пріобрѣтать), о чемъ и говорится въ русскомъ переводѣ.

Двукопытныя; ихъ перечень. — Верблюдъ.—Верблюдъ одногорбый, или дромадеръ. — Внѣшній видъ дромадера; его приспособленность къ странствованіямъ по песчанымъ пустынямъ. — Время появленія верблюда въ Палестинѣ; верблюдъ во времена патріархальныя и позднѣйшіе періоды еврейской исторіи.—Упоминанія библіи о племенахъ, владѣвшихъ верблюдами, и о верблюдахъ, употреблявшихся въ военное время.—Верховые и вьючные верблюды у Евреевъ; молоко и шерсть верблюдовъ.—Верблюды двугорбые.— Библейскіе образы, заимствованные отъ верблюдовъ; изрѣченіе Спасителя Мѳ. 19, 24. Неправильныя представленія о верблюдахъ.—Различныя наименованія верблюдовъ въ Евр. библіи.

Изъ животныхъ двукопытныхъ или жвачныхъ (Rummantia), обитавшихъ въ Палестинѣ, въ библіи упоминаются: верблюды, быки (крупный рогатый скотъ), бараны, козы, газели, серны и олени.

Верблюдъ (κάμηλος, camelus, велбудъ) евр. *гамалъ*. Наиболѣе извѣстны два вида верблюдовъ—верблюдъ одногорбый или дромадеръ (camelus Dromedarius) и верблюдъ двугор-

бый или бактрійскій (camelus bactrianus). Западная Азія— область распространенія одногорбаго верблюда; его именно и знали древніе Евреи. — Одногорбый верблюдъ имѣетъ въ вышину отъ 2 до 3, въ длину, считая отъ конца морды до конца хвоста, отъ 3 до 4 аршинъ. У него довольно большой животъ, туловище подтянуто въ пахахъ и обезображено мягкимъ жирнымъ наростомъ или горбомъ по срединѣ спины; ноги длинныя съ широкими мозолистыми ступнями и двумя небольшими копытами; шея очень длинна, но животное почти никогда не держитъ ее вверхъ, а обыкновенно горизонтально и слегка выгнувъ; на ней сидитъ маленькая безобразная голова; хвостъ всего болѣе напоминаетъ хвостъ коровы.

Для обитателей жаркихъ и маловодныхъ странъ, особенно во время передвиженій по обширнымъ песчанымъ пустынямъ, верблюдъ является животнымъ совершенно необходимымъ, такъ какъ онъ обладаетъ свойствами, которыя даютъ ему возможность сравнительно легко переносить всѣ неудобства непривѣтливой пустынной природы. — Прежде всего верблюдъ крайне неприхотливъ относительно пищи; онъ охотно поглощаетъ полузасохшія древесныя вѣтви, сухую осоку и даже, благодаря своему твердому хрящеватому рту, колючія растенія, покрытыя крупными и острыми иглами. Правда, верблюдъ прожорливъ; но, за отсутствіемъ корма, онъ можетъ довольствоваться очень малымъ его количествомъ: достаточно двухъ пригоршней проса или ячменя въ сутки, чтобы поддержать его силы. Такое воздержаніе оказываетъ замѣтное вліяніе лишь на его горбъ: горбъ, по недостатку пищи, быстро уменьшается и наконецъ становится едва замѣтнымъ. Затѣмъ верблюдъ можетъ долгое время обходиться безъ воды. Весною, когда пищею верблюда служитъ сочная покрытая росою зелень, онъ въ состояніи обойтись безъ воды впродолженіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ. Въ сухое время года верблюдъ выноситъ жажду дня два и даже три, не ослабѣвая въ своихъ силахъ. Наконецъ, благодаря широкимъ, мозолистымъ ступнямъ, ноги верблюда не вязнутъ въ пескѣ.—Указанныя свойства верблюда сдѣлали его жи-

вотнымъ, весьма полезнымъ для древнихъ народовъ Западной Азіи. Пользуясь его услугами, народы эти имѣли возможность находиться между собою въ постоянныхъ и оживленныхъ сношеніяхъ, особенно по дѣламъ торговли, несмотря на то, что ихъ отдѣляли одинъ отъ другаго моря безплодныхъ и сыпучихъ пустынныхъ песковъ. Тоже значеніе одногорбый верблюдъ сохраняетъ и доселѣ для обитателей западной части Азіи и Сѣверной Африки. Значеніе верблюда для странъ, разобщенныхъ пустынями, можно сравнить съ тѣмъ значеніемъ, которое имѣютъ въ современныхъ международныхъ сношеніяхъ корабли, содѣйствующіе сближенію народовъ, раздѣленныхъ океанами. Поэтому арабы справедливо называютъ верблюда «кораблемъ пустыни».

Родиною одногорбаго верблюда считаютъ Аравію. Отсюда онъ распространился по другимъ странамъ, проникъ, между прочимъ, въ древній Египетъ (Исх. 9, 3) и Палестину. Впрочемъ древніе Евреи никогда не держали верблюдовъ въ значительномъ количествѣ, потому что горные палестинскіе пути очень затруднительны для верблюдовъ, и вести сношенія по такимъ путямъ было гораздо удобнѣе на ослахъ. Кромѣ того Евреи были очень привязаны къ своей благословенной странѣ и не любили далекихъ путешествій; по этой причинѣ они не принимали дѣятельнаго участія въ международной караванной торговлѣ, для поддержанія которой необходимо имѣть многочисленныя стада верблюдовъ.

Верблюды появились въ Палестинѣ со временъ патріархальныхъ. Авраамъ пріобрѣлъ верблюдовъ, находясь въ Египтѣ, и вывелъ ихъ оттуда, вмѣстѣ съ прочимъ домашнимъ скотомъ, въ Палестину (Быт. 12, 16; 13, 1). Отправляя старшаго раба своего въ Месопотамію за женою для Исаака, Авраамъ далъ посланному десять верблюдовъ; на этихъ верблюдахъ прибыла въ Ханаанъ Ревекка съ своими служанками (Быт. 24, 1—4. 10, 61). Іаковъ, во время продолжительнаго пребыванія въ Месопотаміи, пріобрѣлъ тамъ много верблюдовъ. Изъ нихъ онъ отдѣлилъ въ подарокъ Исаву «тридцать верблюдицъ дойныхъ съ жеребятами ихъ»; остальныхъ

привелъ съ собою въ Ханаанскую землю (Быт. 30, 43; 32, 13. 15; 33, 17. 18).—Верблюдовъ имѣлъ Давидъ. Но въ то время между Евреями не нашлось человѣка, опытнаго въ уходѣ за этими животными; такъ что царь принужденъ былъ поставить надъ своими верблюдами Исмаильтянина Овила (1 Парал. 27, 30). Въ числѣ многочисленныхъ стадъ Іова было также стадо верблюдовъ. Іовъ жилъ въ сосѣдствѣ съ Аравійскою пустынею, гдѣ верблюды были необходимы и высоко цѣнились, это и побудило его развести и содержать верблюжье стадо въ три тысячи головъ. Когда Іова постигли всевозможныя несчастія, его верблюды были уведены халдеями. Чтобы овладѣть такою цѣнною добычею, хищные сыны Востока составили три вооруженныхъ отряда (Іов. 1, 3. 17). Возвращаясь изъ плѣна, Іудеи привели съ собою въ Палестину 435 верблюдовъ (Эздр. 2, 67; Неем. 7, 69). Вѣроятно, верблюды эти были захвачены нѣкоторыми изъ возвращавшихся плѣнниковъ для перевозки дѣтей по пустыннымъ мѣстностямъ.

Если Евреи вообще мало имѣли верблюдовъ, то этими животными были очень богаты кочевыя племена, заселявшія пустыни, пограничныя съ Палестиною. Такъ библія упоминаетъ о верблюдахъ у Исмаилитянъ (Быт. 37, 25) Мадіанитянъ, Амаликитянъ (Суд. 6, 5; 7, 12; 8, 21. 26), Гессурянъ, Герзеянъ (1 Цар. 27, 9) и у другихъ племенъ, кочевавшихъ на югъ отъ Палестины по направленію къ Египту (2 Парал. 14, 13—15), также у Савеевъ (3 Цар. 10, 1. 2), обитателей Ефы (Иса. 60, 6) и Кидара (Іер. 49, 29. 32) и наконецъ у Сирійцевъ (4 Цар. 8, 9), Мидянъ (Тов. 9, 2; Иса. 21, 7), Ассиріянъ (Іудиѳ. 2, 17). Упоминая о верблюдахъ у кочевыхъ племенъ, библія говоритъ, что у нѣкоторыхъ изъ этихъ племенъ, какъ напр. у Мадіанитянъ и Амаликитянъ, верблюдовъ было безъ числа, какъ песку на берегу моря и что во время нашествій названныхъ кочевниковъ на Палестину ихъ многочисленные верблюды принимали дѣятельное участіе въ опустошеніи страны (Суд. 6, 5; 7, 12).

Дѣйствительно верблюды должны были производить страшное опустошеніе въ Палестинѣ, богатство которой состояло, между прочимъ, въ обширныхъ хлѣбныхъ поляхъ и множествѣ фруктовыхъ садовъ. Употребляя въ пищу самыя дурныя, неудобосъѣдаемыя растенія, верблюды въ то же время очень любятъ и хлѣбные злаки. Получивъ доступъ къ хлѣбному полю, они быстро его выѣдаютъ. Сверхъ того, они не щадятъ деревьевъ: перебѣгая отъ дерева къ дереву, они обламываютъ древесныя вѣтви, какія только могутъ достать, и быстро ихъ пожираютъ. Словомъ, верблюдовъ можно приравнять къ саранчѣ по тѣмъ опустошеніямъ, которыя они способны произвести въ плодородной странѣ. Изъ упоминаній библіи о верблюдахъ мы узнаемъ далѣе, что у нѣкоторыхъ племенъ и народовъ верблюды несли службу въ военное время. Эти животныя не только перевозили военныя тяжести, слѣдуя за войсками (Іудиѳ. 2, 17), но и замѣняли для воиновъ коней во время сраженій (Суд. 8, 21; 1 Цар. 30, 17). Дѣйствительно, при всей своей неуклюжести, верблюды могли съ успѣхомъ служить верховыми животными для воиновъ-всадниковъ въ древнихъ азіатскихъ войскахъ. Дѣло въ томъ, что верблюды отличаются выносливостью и рѣзвостью—свойствами очень цѣнными въ военныхъ походахъ и сраженіяхъ. Объ этихъ свойствахъ верблюдовъ Брэмъ говоритъ слѣдующее: смотря на спокойно стоящаго верблюда, трудно повѣрить, что это животное въ скорости бѣга мало уступаетъ лошади. Но между тѣмъ это такъ. Верблюды, рожденные въ пустынѣ и степи, прекрасные бѣгуны. Если верховому верблюду дать отдыхъ въ полдень, но затѣмъ ѣхать отъ ранняго утра до поздней ночи, то животное можетъ бѣжать рысью въ продолженіе 16-ти часовъ и свободно пройти въ это время двадцать нѣмецкихъ миль (140 верстъ). Хорошій верблюдъ, котораго хорошо кормятъ и поятъ, можетъ выносить такое напряженіе въ продолженіе трехъ и даже четырехъ дней. Такимъ образомъ, въ четыре дня можно проѣхать на одномъ верблюдѣ восемьдесятъ

миль (560 верстъ) р). Шеи боевыхъ верблюдовъ были украшаемы. Эти украшенія состояли, между прочимъ, изъ золотыхъ цѣпей (Суд. 8, 26). Современные арабы и доселѣ украшаютъ своихъ верблюдовъ подобнымъ же образомъ. Именно арабы перевязываютъ верблюжьи шеи полосой какой-либо матеріи или кожи; на этихъ перевязяхъ обыкновенно вышиваются изъ мелкихъ раковинъ узоры, имѣющіе серповидную или лунообразную форму. Начальники арабскихъ племенъ или шейхи къ узорамъ изъ раковинъ присоединяютъ серебряныя бляхи (Keil und Delitzsch, Bibl. Commentar. Th. II, Bd. I, s. 270). Отдѣльныя бляшки шейныхъ верблюжьихъ цѣпей и въ древности имѣли также лунообразную форму. На эту форму указываетъ еврейское слово *сагаронимъ*, употребленное по отношенію къ верблюжьимъ цѣпямъ въ подлинномъ текстѣ Суд. 8, 21 (въ русскомъ переводѣ: пряжки, въ славянскомъ: украшенія). Слово *сагаронимъ* значитъ: «маленькія луны, луночки», какъ и передано оно въ русской библіи Иса. 3, 18.

Евреи употребляли верблюдовъ для верховой ѣзды во время путешествій по пустынямъ; по крайней мѣрѣ указаніе на это мы находимъ въ исторіи патріархальныхъ временъ (Быт. 24, 61. 64; 31, 17). Какія дѣлались въ древности приспособленія для спокойной по возможности ѣзды на горбатой спинѣ верблюда, съ точностью неизвѣстно; по всей вѣроятности, приблизительно такія же, какъ и теперь. Въ настоящее время обыкновенно устроиваютъ деревянное корытообразное сѣдло, которое кладутъ на горбъ верблюда. Чтобы сѣдло и опирающіеся на него предметы не давили исключительно на горбъ, подъ сѣдло подкладываютъ деревянныя подпорки и мягкія подушки, облегающія горбъ. Сѣдло утверждается на животномъ съ помощью трехъ широкихъ поясовъ: два проводятся подъ животъ (подпруги), третій, прикрѣпленный къ переднему краю сѣдла, обматывается вокругъ

р) Брэмъ, *Иллюстрированная жизнь животныхъ*. Т. 1-й, ч. II, стр. 139. 140.

шеи животнаго. На переднемъ и заднемъ краяхъ сѣдла имѣется по возвышенію (лука). Къ возвышеніямъ привѣшиваютъ обыкновенно дорожные припасы. Сѣдло застилается кожей, ближе кпереди кладется кожанная подушка, всадникъ помѣщается на сѣдлѣ бокомъ, закидываетъ ногу за переднее возвышеніе и, управляя верблюдомъ съ помощью тонкой ременной веревки, привязанной къ проколотой ноздрѣ животнаго, пускается въ путь. Для путешествующихъ женщинъ и дѣтей на сѣдлѣ устраиваютъ палатку. Остовъ палатки, состоящей изъ тонкихъ жердей, закрываютъ сверху и по бокамъ какимъ-либо полотномъ для защиты отъ солнечныхъ лучей; внутри помѣщаютъ мягкое сидѣнье; получается такимъ образомъ маленькая комнатка, облегчающая тягость путешествія по пустынѣ. Можно полагать, что въ такомъ именно женскомъ сѣдлѣ-палаткѣ Рахиль успѣшно скрыла идоловъ, похищенныхъ у Лавана (Быт. 31, 17. 19. 34). Верблюды служили иногда древнимъ евреямъ въ качествѣ вьючныхъ животныхъ, наряду съ ослами. Когда къ Давиду въ Хевронъ пришли воины изъ всѣхъ колѣнъ Израилевыхъ, чтобы воцарить Давида надъ всѣмъ Израилемъ, то они, по словамъ священнаго бытописателя, пробыли тамъ у Давида три дня, ѣли и пили, потому что братья ихъ все приготовили для нихъ; да и близкіе къ нимъ, даже до колѣна Иссахарова, Завулонова и Нефѳалимова, привозили все съѣстное на ослахъ и *верблюдахъ*, мулахъ и волахъ (1 Парал. 12, 38—40). Съѣстные припасы были доставлены на верблюдахъ, вѣроятно, изъ колѣна Симеонова, такъ какъ это колѣно, выславшее къ Давиду «семь тысячъ и сто храбрыхъ въ войскѣ» (1 Парал. 12. 25), обитало въ южныхъ степяхъ Палестины въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ различными кочевыми племенами, обладавшими множествомъ верблюдовъ. На верблюдахъ Евреи возили также товары въ Египетъ (Иса. 30, 6). Навьючивали верблюдовъ въ древности, вѣроятно, такимъ же образомъ, какъ навьючиваютъ ихъ и современные вожаки верблюжьихъ торговыхъ каравановъ. Теперь для навьючиванія верблюдовъ употребляютъ обыкно-

венно корытообразное сѣдло, приготовленное изъ дерева, на которое вѣшаютъ грузъ, раздѣленный на два тюка. Каждый тюкъ приготовляется особо. Приготовленные тюки связываются веревками, изъ концовъ веревокъ дѣлаютъ двѣ петли, которыя всовываются одна въ другую и укрѣпляются поверхъ сѣдла колышкомъ, причемъ тюки висятъ по бокамъ животнаго и удерживаются на сѣдлѣ единственно собственнымъ давленіемъ и равновѣсіемъ. При такомъ способѣ нагрузки, навьюченный верблюдъ представляетъ очень широкую фигуру, тѣмъ болѣе, что онъ имѣетъ круто выгнутые, раздавшіеся въ стороны бока, и верблюду, несущему грузъ, почти невозможно слѣдовать по гористому, чѣмъ-либо стѣсненному пути; единственно удобный для него путь—ровная, отовсюду открытая пустыня.

Служа Евреямъ въ качествѣ верховаго и вьючнаго животнаго, вербюдъ былъ полезенъ для нихъ и въ другихъ отношеніяхъ. Такъ молоко верблюда, хотя и непріятное на вкусъ для непривычнаго человѣка, какъ очень густое и жирное, служитъ однакоже питательною и любимою пищей для сыновъ пустыни. Во времена патріархальныя Евреи, какъ кажется, пользовались верблюжьимъ молокомъ. Іаковъ велъ изъ Месопотаміи въ Палестину очень много дойныхъ верблюдицъ и тридцать изъ нихъ отдѣлилъ въ подарокъ Исаву (Быт. 32, 15). Въ болѣе позднія времена для Евреевъ невозможно уже было употреблять въ пищу ни верблюжьяго мяса, ни молока, потому что законъ причислилъ верблюдовъ къ нечистымъ животнымъ: сихъ не ѣшьте: верблюда, потому что онъ жуетъ жвачку, но копыта у него не раздвоены, нечистъ онъ для васъ (Лев. 11, 4). Дѣйствительно, верблюдъ не имѣетъ ясно выраженныхъ признаковъ чистыхъ животныхъ. Хотя онъ отрыгаетъ жвачку, но его два пальца, несущіе копыта, совершенно раздвоены только на концахъ, а затѣмъ они лежатъ до самаго основанія на широкой мясистой подошвѣ, сросшись съ нею, такъ что подошва снизу соединяетъ ихъ; притомъ ихъ узкія маленькія копытца живо напоминаютъ собой когти звѣря. Затѣмъ изъ шерсти вер-

блюда, которая сама собой выпадаетъ весной (верблюды линяютъ), или изъ верблюжьяго волоса, приготовляли ткани для одеждъ (Мѳ. 3, 4) и палатокъ.

Сказанное доселѣ о верблюдѣ относится къ верблюду одногорбому или дромадеру. Двугорбаго (бактрійскаго) верблюда въ Палестинѣ не существовало, потому что областью его распространенія служитъ средняя и восточная Азія. Бактрійскій верблюдъ несравненно безобразнѣе одногорбаго верблюда. У него на спинѣ два горба: одинъ поднимается на загривкѣ, другой на крестцѣ, туловище его больше чѣмъ у одногорбаго, но ноги короче, что̀ увеличиваетъ его уродливость. Евреи хотя не имѣли у себя двугорбаго верблюда, однакоже могли имѣть о немъ ясное представленіе, такъ какъ имъ хорошо были извѣстны страны, лежавшія на востокъ отъ Палестины, и обитавшіе въ нихъ народы, напр. Ассиріяне. У Ассиріянъ двугорбые верблюды употреблялись въ качествѣ вьючныхъ животныхъ; и нужно думать, что въ Іудиѳ. 2, 17 рѣчь идетъ именно о верблюдахъ двугорбыхъ (см. Riehm, I, 809; именно рисунокъ на этой страницѣ).

Такъ какъ верблюды мало были распространены въ Палестинѣ, то въ библейскихъ книгахъ рѣдко встрѣчаются образы, заимствованные отъ верблюдовъ. Въ изрѣченіяхъ Христа Спасителя верблюдъ иногда служитъ образомъ для рельефнаго выраженія понятія чего-либо великаго, напр. великой важности, великой трудности. Желая наглядно выразить то, что книжники и фарисеи, забывши коренныя существенныя предписанія закона, всѣ силы употребляютъ на точное выполненіе незначительныхъ по своему внутреннему достоинству правилъ, Господь Іисусъ сказалъ: горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что даете десятину съ мяты, аниса и тьмина, и оставили важнѣйшее въ законѣ, судъ, милость и вѣру, сіе надлежало дѣлать, и того не оставлять. Вожди слѣпые, оцѣживающіе комара, и верблюда поглощающіе (Мѳ. 23, 23. 24)! Въ другой разъ уясняя великую трудность для богатаго достигнуть Царствія Небеснаго, Божественный Учитель произнесъ: удобнѣе верблюду пройти

сквозь игольныя уши, нежели богатому войти въ Царство Божіе (Мѳ. 19, 24).—Многіе не удовлетворялись буквальнымъ пониманіемъ выраженія: «удобнѣе верблюду пройти сквозь *игольныя уши*» и придумывали различныя его объясненія. Одно изъ такихъ объясненій состоитъ въ слѣдующемъ: слово *некба* на іудейско-арамейскомъ нарѣчіи, которое употреблялъ Христосъ,—слово, переданное по-гречески выраженіемъ τρύπημα ῥαφίδος (отверстіе, просверленное въ разсматриваемомъ выраженіи Христа *некба* можетъ значить узкое ущелье на какомъ-либо горномъ Палестинскомъ пути, приспособленное для сколько-нибудь удобнаго путешествія. При этомъ толкованіи изрѣченіе Христа будетъ имѣть такой приблизительно смыслъ: верблюду, крупному и широкому животному, притомъ навьюченному товарами, неудобно пройти по узкому ущелью, стѣсняющему путь; но все же удобнѣе, нежели богатому, несущему бремя матеріальныхъ избытковъ, войти въ Царство Божіе по узкому и тернистому пути, ведущему въ это Царство. Тѣми, кого не вполнѣ удовлетворяетъ буквальное пониманіе словъ Христа, изложенное объясненіе ихъ можетъ быть принято, какъ наиболѣе удовлетворительное, сравнительно со всякимъ другимъ. Оно вполнѣ соотвѣтствуетъ общему характеру метафорическихъ выраженій и притоčныхъ рѣчей Спасителя, съ поразительною точностію живописующихъ физическія свойства и особенности Палестины.

Точныя и всесторонніе наблюденія надъ своеобразными особенностями верблюда были произведены лишь въ послѣднее время; мы находимъ ихъ, между прочимъ у Брэма. Прежде европейскіе путешественники и ученые сообщали объ этомъ животномъ неосновательные и непровѣренные разсказы и такимъ образомъ давали поводъ къ неправильнымъ о немъ представленіямъ. Такъ, напр. утверждали, что даже во время засухи верблюды могутъ оставаться безъ воды отъ 14 до 20 дней. Но относительно этого утвержденія Брэмъ говоритъ слѣдующее: «Подобные разсказы слѣдуетъ причислить къ баснямъ. Во время палящаго

зноя африканскаго лѣта верблюдъ, во время путешествія, долженъ получать достаточно воды, при порядочномъ кормѣ, и имѣть по крайней мѣрѣ отъ 30 до 40 часовъ отдыха чрезъ каждые четыре дня; только при такихъ условіяхъ верблюдъ можетъ выдержать путешествіе. Въ прежнія времена считали возможнымъ объяснить себѣ устройствомъ желудка верблюда способность его такъ долго переносить жажду. Полагали, что большія ячейки въ двухъ первыхъ отдѣленіяхъ желудка, служатъ пріемниками для воды и, исходя изъ этого предположенія, выдумывали разныя сказки. Во многихъ старыхъ описаніяхъ путешествій, а еще болѣе въ скучныхъ сочиненіяхъ компиляторовъ, можно найти разсказы о томъ, какъ путешествующіе по пустынѣ, въ крайнихъ случаяхъ, утоляли жажду запасомъ воды, найденнымъ въ желудкахъ верблюдовъ. Я съ намѣреніемъ распрашивалъ объ этомъ старыхъ вожаковъ верблюдовъ; ни одинъ изъ нихъ не зналъ о подобныхъ исторіяхъ. Впослѣдствіи, убивая верблюдовъ, которыхъ поили за день предъ тѣмъ, я вполнѣ убѣдился, что невозможно пить воду, пробывшую въ желудкѣ въ смѣси съ пищей и желудочнымъ сокомъ. Вонь отъ только-что разорваннаго желудка верблюда буквально невыноси-ма» [c]. Тоже самое говоритъ Фитцингеръ съ своемъ ученомъ трудѣ по естественной исторіи млекопитающихъ [т].

Кромѣ общеупотребительнаго названія *гамалъ*, въ еврейской библіи встрѣчается еще два наименованія для обозначенія верблюда. Наименованія эти: *бекеръ* (женск *бикра*) и *киркара*.

Бекеръ означаетъ молодого, полнаго силъ верблюда, *бикра*—молодую верблюдицу. *Бекеръ* употреблено у Иса. 60, 6. Въ этомъ мѣстѣ *бекеръ* по русски передано словомъ «дромадеръ» (одногорбый верблюдъ), по славянски — словомъ «верблюдъ». *Бикра* поставлено у Іер. 2, 23. Въ русскомъ

с) Брэмъ, „Иллюстрированная жизнь животныхъ. Т. I, ч. II, стр 132.

т) Fitzinger, Naturgeschichte Säugethiere. B. IV, s. 13—16. Сказанное у Брема и Фитцингера кратко повторяетъ Римъ. (Riehm, Handwörterbuch des Biblischen Alterhums B. I, s. 810).

переводѣ ему соотвѣтствуютъ — «верблюдица», въ славянскомъ —«вечеръ» (согласно съ переводомъ LXX; у LXX— ὀψὲ—поздно). Русскій переводъ совершенно правиленъ, въ чемъ можно убѣдиться, между прочимъ, изъ контекста рѣчи; въ греческомъ и славянскомъ переводахъ смыслъ пророческой рѣчи совершенно затемненъ, хотя переводы эти также имѣютъ нѣкоторое основаніе въ подлинномъ текстѣ; потому что еврейскій корень *бакаръ* содержитъ въ себѣ указаніе на сумеречный свѣтъ.

Киркара, слово это встрѣчается только однажды въ подлинномъ текстѣ у Иса. 66, 20 и здѣсь поставлено во множественномъ числѣ—*киркаротъ*. *Киркаротъ* (отъ *киркеръ* у) плясать) значитъ «пляшущія», совершающія быстрыя движенія» (а въ примѣненіи къ верблюдамъ — «быстроходныя верблюдицы»). Этимъ именемъ Арабы называютъ верблюдовъ, изъ которыхъ составляются караваны для перевозки различныхъ тяжестей. Названіе *киркаротъ* указываетъ на характерную особенность верблюдовъ. Верблюды — животныя очень тупоумныя, относящіяся ко всему съ полнымъ безразличіемъ, за исключеніемъ пищи, дѣтенышей и громкихъ звуковъ: на всякую пищу верблюды набрасываются съ большою жадностію, къ дѣтенышамъ они очень нѣжны, а звуки дѣйствуютъ на нихъ возбуждающимъ образомъ. Такъ, заслышавъ пѣніе или музыку или бряцаніе колокольчиковъ и бубенчиковъ, верблюды становятся живѣе и бодрѣе, начинаютъ мѣнять походку, приспособляясь къ звукамъ, какъ бы подплясывать, и быстрѣе двигаться впередъ, что всегда желательно для ихъ погонщиковъ и вообще для лицъ, сопровождающихъ верблюжьи караваны по безплоднымъ мертвымъ пустынямъ. Отсюда и названіе *киркаротъ* для верблюдовъ, перевозящихъ тяжести и во время пути приводимыхъ различными звуками

у) Слово *киркеръ* употреблено въ 2 Царст. 6, 14, 16 для обозначенія дѣйствій царя Давида, который „изъ всей силы скакалъ (*киркеръ*) и плясалъ передъ ковчегомъ Господнимъ“.

въ возбужденное состояніе.—*Киркаротъ* въ русскомъ переводѣ библіи передано выраженіемъ «быстрые верблюды» ф).

Общеупотребительное еврейское названіе верблюда *гамалъ* указываетъ на выдающуюся особенность животнаго на его горбъ, возвышающійся надъ спиною, подобно *холму*, и состоящій изъ *массы жира*.

Двукопытныя.

Крупный рогатый скотъ. — Скотоводство у Евреевъ во времена патріархальныя и по занятіи земли Обѣтованной. Составъ еврейскихъ стадъ. Свойства крупнаго рогатаго скота въ древней Палестинѣ. Польза, которую извлекали Евреи изъ крупнаго рогатаго скота. Молоко и молочные продукты, сыръ, масло, творогъ; древнееврейскія названія различныхъ молочныхъ продуктовъ и переводы этихъ названій на славянскій и русскій языки. Мясо крупнаго рогатаго скота, откормленныя животныя, обиліе мясной пищи въ древней и ея скудость въ современной Палестинѣ. Принесеніе въ жертву крупнаго рогатаго скота. Употребленіе кожи и роговъ крупнаго скота на различныя подѣлки. Земледѣльческія работы, производившіяся при помощи крупнаго рогатаго скота, воздѣлываніе полей, уборка съ полей хлѣба и его молотьба; молотильная машина. Тельцы и телицы, какъ вьючныя животныя. Древнееврейскія наименованія крупнаго рогатаго скота и ихъ славянскій и русскій переводы.

Скотоводство было извѣстно евреямъ съ древнѣйшихъ временъ. Уже патріархи Израиля вели исключительно кочевую, пастушескую жизнь, и ихъ богатство состояло преимущественно изъ стадъ. Стада различнаго скота были у Авраама, Исаака и Іакова (Быт. 12, 16; 13, 7; 26, 14; 32, 13—15; и др.). Находясь въ Египтѣ, евреи продолжали заниматься скотоводствомъ въ землѣ Гесемъ (Быт. 46, 31—34; 47, 1—6) и, возвратившись изъ Египта въ Ханаанъ, привели съ собою многочисленныя стада домашнихъ животныхъ. Овладѣвши Ханааномъ, сыны Израилевы сдѣлались вообще народомъ осѣдлымъ и земледѣльческимъ; но нѣкоторыя изъ колѣнъ Израилевыхъ продолжали и въ Палестинѣ

ф) *Киркаротъ* у LXX переведено выраженіемъ „μετὰ σκιαδίων“, по славянски—*подъ сѣнми*. Вѣроятно переводчики подъ *киркароть* разумѣли тѣ шатры или палатки, которые утверждаются надъ сѣдлами верблюдовъ для путешествующихъ женщинъ и дѣтей съ цѣлію защиты ихъ отъ палящихъ лучей солнца.

вести пастушескую жизнь; таковы колѣна Рувимово, Гадово, Манассіино и Симеоново. Для того, чтобы можно было заниматься скотоводствомъ въ обширныхъ размѣрахъ, эти колѣна, при раздѣленіи земли Обѣтованной, заняли удѣлы, наиболѣе богатые пастбищами. Такъ колѣна Рувимово и Гадово и половина колѣна Манассіина еще у Моисея выпросили себѣ въ удѣлъ восточную часть Палестины, къ востоку отъ Іордана, какъ землю, пригодную для стадъ (Числ. 32 гл.); а потомки Симеона поселились на югѣ страны, въ пограничныхъ степныхъ мѣстахъ, и въ послѣдствіи увеличивали свои пастбища путемъ завоеваній (1 Пар. 4, 24. 38—41). Но и прочія колѣна Израилевы, занявшись въ Палестинѣ земледѣліемъ, не оставляли скотоводства: оно всегда находилось у нихъ въ цвѣтущемъ состояніи и считалось очень почетнымъ занятіемъ. Владѣльцами стадъ были даже цари, причемъ они усердно заботились о размноженіи и наилучшемъ содержаніи своего скота. Стада были у Саула (1 Цар. 21, 7); многочисленными стадами обладалъ Давидъ (1 Пар. 27, 29—31); объ Озіи во 2 Пар. 27, 10 замѣчено, что онъ «построилъ башни въ пустынѣ, и изсѣкъ много водоемовъ, потому что имѣлъ много скота, и на низменности и на равнинѣ».

Стада евреевъ состояли преимущественно изъ двукопытныхъ животныхъ: крупнаго рогатаго скота и мелкаго — овецъ и козъ.

Крупный рогатый скотъ въ древней Палестинѣ отличался, что можно видѣть изъ нѣкоторыхъ библейскихъ сравненій, крѣпостію и силою, бодростію, красивымъ внѣшнимъ видомъ и принадлежалъ къ длиннорогой породѣ (Второз. 33, 17; Іер. 46, 20; 50, 11; Осіи 10, 11). Такимъ образомъ онъ походилъ на скотъ Египтянъ, обладавшій названными свойствами, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ изображенія египетскаго скота на древнихъ египетскихъ памятникахъ (см. рисунки въ словарѣ Рима; Riehm, Handwörtertuch des Bibl. Altert., 1, 20—22).

Изъ крупнаго рогатаго скота евреи извлекали многооб-

разную пользу, и онъ служилъ къ удовлетворенію самыхъ насущныхъ потребностей древнихъ обитателей Палестины. Прежде всего крупный рогатый скотъ доставлялъ своимъ владѣльцамъ обильную, питательную и пріятную пищу. Такъ коровьимъ молокомъ, и преимущественно имъ, питались всѣ— и дѣти и взрослые, а для тѣхъ евреевъ, которые вели съ своими стадами кочевую жизнь, молоко, вѣроятно, служило по временамъ единственною пищею. По крайней мѣрѣ такъ бываетъ иногда у современныхъ восточныхъ кочевниковъ. Одинъ изъ путешественниковъ Пальмеръ, говоритъ, напр, слѣдующее: «въ пустынѣ, во многихъ мѣстностяхъ молоко составляетъ единственную, доступную для бедуиновъ пищу. Я узналъ изъ достовѣрнаго источника, что одинъ арабъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, не употреблялъ ни воды, ни твердой пищи»; значитъ этому арабу достаточно было одного только молока для поддержанія жизни. Тотъ же путешественникъ сообщаетъ объ арабахъ Моавитской возвышенности: «свѣжее и кислое молоко имѣется у нихъ въ изобиліи; и только оно одно предлагается гостю; мнѣ приходилось спрашивать воды для питья; и я часто получалъ въ отвѣтъ, что воды нѣтъ въ лагерѣ уже нѣсколько дней». Такимъ образомъ арабы-кочевники молокомъ утоляютъ свою жажду; что же касается до ихъ скота, то онъ, питаясь сочною и росистою травою, можетъ подолгу обходиться безъ водопоя [x]). — Молоко у евреевъ считалось самою пріятною пищею и однимъ изъ лучшихъ напитковъ; поэтому они сопоставляли его съ медомъ и виноградным виномъ (Пѣсн. 4, 11; 5, 1), а обиліе молока въ странѣ разсматривали какъ несомнѣнный признакъ благословенія Божія, почивающаго надъ страною: Палестина обѣтованная земля избраннаго народа Израильскаго, богатая молочнымъ скотомъ, всегда называлась страною текущею медомъ и молокомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда указывалось на особенное благоволеніе Господа къ этой землѣ (Исх. 3, 8; Іоиль 3, 23).— При изобиліи молока въ

x) Riehm, 11, s. 998.

древней Палестинѣ, оно не могло быть потребляемо все безъ остатка въ жидкомъ состояніи. Поэтому евреи издавна научились искусству сохранять молоко въ огустѣвшемъ видѣ, воспользовавшись при этомъ способностью молока къ различнымъ видоизмѣненіямъ. Такъ въ библейскихъ книгахъ мы находимъ указаніе на сыръ изъ коровьяго молока, который въ отдѣльныхъ кускахъ или отрѣзкахъ могъ быть переносимъ на далекія пространства, и слѣдовательно обладалъ значительною степенью твердости. Такъ-называемый молочный сыръ считался у евреевъ цѣннымъ продуктомъ и иногда посылался въ подарокъ знатнымъ лицамъ. Во время войны Саула съ Филистимлянами, Іессей отправилъ съ Давидомъ въ военный еврейскій станъ десять сыровъ изъ молока для подарка тысяченачальнику (1 Цар. 17, 18) [ц]. Это вѣроятно, былъ высшій сортъ сыра, подобный тому, что въ настоящее время называется сливочнымъ масломъ. Во 2 Цар. 17, 29 упоминается иной сортъ сыра — *коровій сыръ*. Этотъ сортъ сыра производился въ большомъ количествѣ и служилъ для евреевъ обычною пищею. Давиду и его воинамъ, въ то время когда онъ, спасаясь бѣгствомъ отъ возмутившагося Авессалома, остановился въ Галаадѣ, были доставлены, на ряду съ другими припасами, и коровьи сыры [ч] (2 Цар. 17, 28, 29).— Кромѣ различнаго вида сыровъ, древніе евреи приготовляли изъ коровьяго молока масло. Для полученія масла, молоко «сбивали» (Притч. 30, 33); затѣмъ добытое такимъ путемъ

ц) Сыры, отправленные Іессеемъ тысяченачальнику, названы въ подлинномъ еврейскомъ текстѣ „молочными отрѣзками", у LXX— „кусочками молока (Γρυφαλίδες γάλακτος)", въ славянскомъ переводѣ—„сырами отъ млека", въ перев. русскомъ—просто „сырами".

ч) Въ евр. текстѣ коровій сыръ названъ *шефотъ*: слово это однажды только употреблено въ еврейской библіи въ связи съ словомъ *бакаръ* — крупный рогатый скотъ (2 Цар. 17, 29) и въ такой связи оставлено у LXX толковниковъ безъ перевода (Σαφφώθ); но во объясненію еврейскихъ комментаторовъ *шефотъ бакаръ* зн. коровій сыръ, какъ и поставлено въ славянскомъ и русскомъ переводахъ библіи.

масло, вѣроятно, перетапливали, чтобы освободить его отъ сторонних примѣсей и предохранить отъ порчи на возможно продолжительное время. Такъ, по крайней мѣрѣ, приготовляютъ масло въ настоящее время восточные кочевники-арабы. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что въ древности такъ-называемое коровье масло мало употреблялось. Греки и римляне были знакомы съ нимъ; но оно имѣло для нихъ значеніе исключительно наружнаго медицинскаго средства, очень полезнаго при лѣченіи ранъ; пищею же оно имъ не служило[ш]. Не могло быть коровье масло значительно распространенныхъ и у древнихъ евреевъ: они привыкли къ оливковому маслу, которымъ изобиловала Палестина, и вполнѣ довольствовались имъ, находя употребленіе его въ пищу очень пріятнымъ и полезнымъ (Іез. 16, 13); притомъ же оливковое масло, по сравненію съ масломъ коровьимъ, имѣло то преимущество, что могло долгое время (2—3 года) сохраняться въ неиспорченномъ видѣ, а это давало возможность дѣлать обширные его запасы (1 Парал. 27, 28). Поэтому еврейское слово *хема*, которое много разъ встрѣчается въ подлинномъ еврейскомъ текстѣ библіи, означаетъ, какъ кажется, въ большинствѣ случаевъ, не коровье масло въ собственномъ смыслѣ, но какой-либо иной молочный продуктъ, скорѣе всего лучшую составную часть молока—густыя сливки (Быт. 18, 8; Суд. 5, 25; Іов. 20, 17, Пс. 54, 22; Иса. 7, 15. 22; 2 Цар. 17, 29); и только въ Притч. 30, 33 *хема* несомнѣнно означаетъ коровье масло[щ].—Въ русскомъ

ш) Victor Hehn, Kulturpflanzen und Hausthiere. 5 Aufl., s. 129—133.

щ) Въ русскомъ переводѣ библіи еврейское слово *хема* передается различно. Быт. 18, 8—масло; Суд. 5, 25—молоко лучшее; Іов. 20, 17—молоко; Пс. 54, 22—масло; Исх. 7, 15—молоко; Иса. 7, 22—масло; 2 Цар. 17, 29—масло. У LXX толковниковъ всюду, гдѣ они въ подлинномъ текстѣ читали слово *хема*, этому слову соотвѣтствуетъ слово βυτυρον, что зн. „масло“; въ славянск. переводѣ также—масло. Нѣтъ возможности положительно опредѣлить, въ какомъ изъ названныхъ переводахъ вполнѣ точно переданъ подлинникъ, потому что значеніе еврейскихъ словъ, обозначавшихъ въ древности тѣ или другіе молочные продукты, не было въ точности извѣ-

переводѣ кн. Іова 10, 10 названъ «творогъ» (евр. *гебина*, слав. сыръ). Нѣтъ сомнѣнія, что древніе евреи питались и этою худшею составною частію закисшаго молока; по крайней мѣрѣ современные восточные кочевники потребляютъ кислое молоко съ охотою и въ большомъ количествѣ.

Кромѣ молока и различныхъ молочныхъ продуктовъ, крупный рогатый скотъ доставлялъ пріятное и питательное мясо. Законъ разрѣшилъ евреямъ употреблять въ пищу прежде всего мясо быковъ или воловъ (Второз. 14, 4), и оно сдѣлалось самою обычною и необходимою принадлежностію питанія для древнихъ обитателей Палестины. Животныя—телята и быки (волы),—которыя предназначались для стола, обыкновенно откармливались. Обычай откармливанья былъ очень распространеннымъ: даже въ мелкихъ хозяйствахъ всегда находился въ запасѣ хотя одинъ откормленный теленокъ, который и закалывался для случайно появившагося въ домѣ гостя (1 Цар. 28, 24). Для столовъ же богатыхъ лицъ, особенно для столовъ царскихъ, откармливались цѣлыми десятками быки, и откормленныя животныя употреблялись не въ исключительныхъ какихъ-либо случаяхъ, но ежедневно (3 Цар. 4, 22. 23). Вообще древніе евреи питались говяжьимъ мясомъ постоянно и въ такомъ изобиліи, которое для современныхъ насельниковъ Палестины должно представляться баснословнымъ: въ настоящее время обитатели св. земли считаютъ говяжье мясо для стола почти непозволительною роскошью. Исключеніе составляютъ лишь жители Ливана; въ этой мѣстности крупный рогатый скотъ нерѣдко закалывается для употребленія въ пищу (Riehm, 11, 1716).

Крупный рогатый скотъ былъ употребляемъ евреями при принесеніи различнаго рода жертвъ, установленныхъ зако-

---

ство даже греческимъ переводчикамъ. Въ настоящее время о значеніи этихъ словъ лишь догадываются, основываясь въ своихъ догадкахъ на практикѣ современныхъ восточныхъ кочевниковъ, такъ какъ бытовая сторона ихъ жизни, съ древнѣйшихъ временъ и донынѣ, во многомъ осталась неизмѣнною.

номъ. Такъ въ жертву Господу о грѣхѣ представляли изъ крупнаго скота тельца безъ порока (Лев. 4, 3. 14; 16, 3. 6. 11; Исх. 29, 1. 14. 36; Лев. 8, 2. 14; Числ. 8, 8. 14; Исх. 9, 2. 8) или, въ случаѣ осквернения отъ прикосновения къ трупу, рыжую телицу безъ порока, на которой не было ярма (Числ. гл. 19). Далѣе тельцы были преимущественно приносимы въ жертву всесожженія (Лев. 1, 3; 23, 18; и мн. др.). При жертвахъ всесожженія очень часто приносилось по 7 тельцовъ (Числ. 23, 1—3. 14. 29; Іов. 42, 8; Іезек. 45, 23; и др.); въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ число жертвенныхъ тельцовъ возростало до тысячи. Такъ, когда общество вождей Израилевыхъ собравшееся въ Іерусалимѣ, выслушало предсмертное завѣщаніе царя Давида относительно его преемника, Соломона, и относительно построенія храма, тогда «сказалъ Давидъ всему собранію: благословите Господа Бога нашего. И благословило все собраніе Господа Бога отцовъ своихъ, и вознесли всесожженія Господу: тысячу тельцовъ» (1 Пар. 29, 1. 20. 21). Крупный рогатый скотъ мужескаго или женскаго пола употреблялся при принесеніи жертвъ мирныхъ (Лев. 3, 1), притомъ въ такомъ иногда количествѣ, которое «невозможно было исчислить и опредѣлить по причинѣ множества» (2 Парал. 5, 6); это потому, что мирныя жертвы приносились, между прочимъ, во время всенародныхъ торжествъ и соединялись съ пиршествами. Такъ, напр., было при торжественномъ освященіи новосозданнаго храма Соломонова (3 Цар. 8, 63, 65; 2 Парал. 7, 5. 8).

Кожи и рога крупнаго скота, который закалывался для пищи и жертвоприношеній также были полезны древнимъ евреямъ. Кожи выдѣлывались и изъ нихъ приготовлялись различныя вещи необходимыя въ домашнемъ обиходѣ (Лев. 13, 48—59). О кожахъ крупнаго рогатаго скота библейскія книги нигдѣ не упоминаютъ отдѣльно; но несомнѣнно, что кожи эти, по своей величинѣ и прочности, имѣли обширное и во многихъ случаяхъ, можно сказать, исключительное употребленіе, напр. при устройствѣ кожаныхъ поясовъ

(4 Цар. 1, 8; Мѳ. 3, 4).—Что касается роговъ, то и они, такъ кажется, служили матеріаломъ при нѣкоторыхъ подѣлкахъ; именно, изъ нихъ приготовлялись сосуды для храненія жидкостей (1 Цар. 16, 1. 13; 3 Цар. 1, 39). Впрочемъ нельзя положительно утверждать, что такіе сосуды устраивались евреями дѣйствительно изъ роговъ крупнаго скота; возможно, что сосуды эти выдѣлывались изъ другихъ матеріаловъ и имъ лишь придавалась форма роговъ. Но во всякомъ случаѣ въ древности рога животныхъ употреблялись на выдѣлку кубковъ, музыкальныхъ инструментовъ и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ домашней утвари (Riehm, 1, 642).

Особенно полезенъ былъ крупный рогатый скотъ для земледѣлія: онъ былъ употребляемъ древними евреями при производствѣ всѣхъ наиболѣе важныхъ сельско-хозяйственныхъ работъ и, какъ рабочій скотъ, былъ незамѣнимъ по своей силѣ и выносливости. Гдѣ нѣтъ воловъ, говорится въ кн. Притчей, тамъ ясли пусты; а много прибыли отъ силы воловъ (Притч. 14, 4).—На быкахъ или волахъ пахали (орали) поля (Второз. 22, 10; 1 Цар. 11, 5; 3 Цар. 19, 19 и слл., Іов. 1, 14; Ам. 6, 12 и др.). Въ земледѣльческій плугъ обыкновенно запрягали пару воловъ, соединяя ихъ однимъ общимъ ярмомъ, которое возлагалось на шею животныхъ; поэтому воловъ считали всегда парами (напр. Іов. 1, 3). Въ плугъ запрягали иногда и телицъ (Суд. 14, 18). Вспаханную плугомъ землю размягчали или боронили тоже съ помощью крупнаго рогатаго скота (Іов. 39, 10). Сжатый и свезенный на гумно хлѣбъ обмолачивали волами и телицами: животныя попарно были запрягаемы въ молотильную машину [ъ]), которую они медленно возили по хлѣбнымъ снопамъ,

---

ъ) Молотильная машина устраивалась такимъ образомъ: изъ дерева приготовлялась четвероугольная продолговатая рама; продольныя ея стѣнки состояли изъ довольно толстыхъ досокъ или брусьевъ; поперечныя были тоньше и уже. Между продольными стѣнками вдѣлывалось три вращающихся вала на одинаковомъ разстояніи одинъ отъ другаго; на каждый изъ этихъ валовъ насаживались желѣзные круги—на средній валъ по три, на крайніе—по четыре кру-

разостланнымъ на гумнѣ (Мих. 4, 12), причемъ зерна выпадали изъ колосьевъ, но не раздроблялись (Иса. 28, 28), солома же ломалась и обращалась въ мякину (Иса. 41, 15). Животнымъ, производившимъ молотьбу, не заграждали устъ (Второз. 25, 4): заграждать уста молотящаго вола почиталось несправедливымъ. Молодыхъ тельцовъ и телицъ, прежде чѣмъ производить на нихъ сельско-хозяйственныя работы, укрощали, то-есть обучали ходить подъ ярмомъ (Іер. 31, 18, Ос. 10, 11). Тельцы и телицы иногда запрягались въ повозки для передвиженія тяжестей (Числ. 7, 3. 7 и слл.; 1 Цар. 6, 7; 2 Цар. 6, 3. 6), иногда служили даже въ качествѣ вьючныхъ животныхъ (1 Парал. 12, 40); впрочемъ послѣднее практиковалось, вѣроятно, въ исключительныхъ случаяхъ, такъ какъ прямая спина быковъ и ихъ крутые выдающіеся бока совершенно неудобны для укрѣпленія вьюковъ.

Для обозначенія крупнаго рогатаго скота вообще въ еврейской библіи употребляется слово *бакаръ*. Слово это въ славянскомъ и русскомъ переводахъ передается различно, напр. Быт. 12, 16 по-славянск. *тельцы*, по-русск. *крупный скотъ*; Быт. 13, 5 — славянск. волы, русск. *крупный скотъ*, Быт. 18, 7—славянск. *кравы*, русск. *стадо*; Іерем. 31, 12—славянск. *скоты*, русск. *волы*. Слово *бакаръ* заключаетъ въ себѣ понятіе раздѣленія, раздвоенія и указываетъ на крупный скотъ, имѣющій раздвоенныя копыта.—Кромѣ «бакаръ», въ еврейской библіи для обозначенія крупнаго рогатаго скота вообще употребляются еще иногда слова *елефъ*, *аллуфъ*

га. На продольныхъ брусьяхъ, сверху, прилаживалось сидѣнье для погонщика, къ передней поперечной перекладинѣ придѣлывалось дышло, къ которому и припрягались животныя. Для понужденія животныхъ погонщикъ имѣлъ въ рукахъ длинный шестъ съ желѣзнымъ наконечникомъ. Это—„воловій рожонъ“, „рожонъ“—по-русскому переводу (Суд. 3, 31; 1 Цар. 13, 21) или „остенъ“—по переводу славянскому (Сир. 38, 25). — Желѣзные круги въ молотильной машинѣ назывались молотильными колесами (Иса. 28, 27. 28), желѣзными молотилками (2 Цар. 12. 31), или молотилами (Ам. 1, 3).— Молотильныя машины такого устройства существуютъ на востокѣ и въ настоящее время (Riehm, I, 23).

(Второз. 7, 13; 28, 4. 18; Пс. 143, 14), указывающія на прирученность, на домашній характеръ этого скота. Въ славянскомъ и русскомъ переводахъ библіи *елефъ*, *аллуфъ* переданы словомъ *волъ*.—Еврейскія слова *паръ*, *пара* означаютъ—первое—быка, преимущественно молодаго, послѣднее—корову; въ поэтическомъ языкѣ быкъ, достигшій полнаго развитія, называется *аббиръ* (сильный; Пс. 21, 13 о тельцахъ. Васанскихъ); евр. слова *егелъ*, *егла* означаютъ теленка; впрочемъ слово *егла* употребляется о трилѣтней телицѣ Быт. 15, 9), а также о коровѣ, дающей молоко (Иса. 7, 21) и производящей сельско-хозяйственныя работы (Суд. 14, 18; Осія 10, 11); но во всякомъ случаѣ слово *егла* указываетъ на молодое животное, что̀ выражено въ славянскомъ переводѣ библіи словомъ *юница*. Кромѣ сего въ евр. библіи встрѣчается слово *шоръ*, означающее отдѣльное животное, преимущественно мужскаго пола, безъ различія возраста; въ слав. библіи передается словомъ *телецъ*, *волъ* (Исх. 20, 17), въ русск.—волъ (Исх. 34, 19; Числ. 18, 17 и др.). Впрочемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ *шоръ* употребляется для обозначенія вообще крупнаго рогатаго скота, именно въ десятой заповѣди десятословія Исх. 20, 17 (въ выраженіи: *вола его*).

Двукопытныя.

Овцы. Овцы въ Палестинѣ во времена патріархальныя. Обиліе овецъ въ древней Палестинѣ. Палестинскія пастбища, удобныя для мелкаго скота. Какимъ путемъ пополнялись стада мелкаго скота у древнихъ Евреевъ? Особая порода овецъ въ древней Палестинѣ: широкохвостыя или курдючныя овцы. Мясо, молоко и шерсть овецъ. Свойства овецъ, сравненія и образы, заимствованные отъ этихъ свойствъ и встрѣчающіеся въ Библіи. *Козы.* Козы въ древней Палестинѣ. Мясо, молоко, шерсть и шкура козъ. Козы, какъ жертвенныя животныя. Наименованіе козъ въ еврейскомъ подлинномъ текстѣ. Пастьба мелкаго скота въ древней Палестинѣ. Заботы еврейскихъ пастырей о своихъ стадахъ. Библейскіе образы, заимствованные отъ пастырей и ихъ отношеній къ стадамъ мелкаго скота.

Овцы. Евреи издревле, со временъ патріархальныхъ (напр. Быт. 32, 14), были овцеводами. Они владѣли стадами овецъ, находясь въ Египтѣ, въ землѣ Гесемской (Быт. 47, 3; Исх. 10, 9). Въ Палестинѣ ихъ овцеводство расширилось и постоянно имѣло очень обширные размѣры. Богатые люди владѣли тысячами овецъ. Такъ, у Навала ихъ было 3 тысячи (1 Цар. 25, 2), у Іова, при концѣ его жизни, 14 тысячъ вмѣстѣ съ козами (Іов. 42, 12). О томъ, какъ много овецъ было въ древней Палестинѣ, можно судить по тому, что во время торжественныхъ жертвоприношеній овцы закалались тысячами (2 Пар. 15, 11; 30, 24) и даже сотнями тысячъ (3 Цар. 8, 63) вмѣстѣ съ другимъ мелкимъ скотомъ. Развитію овцеводства у древнихъ Евреевъ содѣйствовали многочисленность и обширность палестинскихъ пастбищъ, удобныхъ для мелкаго скота. Этими пастбищами служили значительныя полосы земли внутри страны, затѣмъ пустыня Іудина съ прилегающею къ ней частью Іудиныхъ горъ, наконецъ весь югъ страны и южныя части заіорданской равнины. Покрытыя невысокою, но по большей части густою травою и низкорослымъ кустарникомъ, эти обширныя мѣстности могли прокармливать сотни тысячъ мелкаго скота, тѣмъ болѣе, что растительность южныхъ палестинскихъ пастбищъ отличается богатымъ содержаніемъ соли, что воз-

вышаетъ питательность корма. Многочисленныя овечьи стада Евреевъ пополнялись время отъ времени и со стороны. Различныя кочевыя племена, обитавшія на южныхъ границахъ Палестины, также занимались овцеводствомъ въ обширныхъ размѣрахъ. При враждебныхъ столкновеніяхъ съ этими племенами и въ случаяхъ побѣды надъ ними, Евреи обращали въ свою собственность стада побѣжденныхъ. Такъ еще во времена Моисея, при занятіи земли Ханаанской, Евреи взяли у Мадіанитянъ 675 тысячъ мелкаго скота (Числ. 31, 32); потомки Рувима захватили у Агарянъ 250 тысячъ. Кромѣ того, нѣкоторыя пограничныя племена, находившіяся въ зависимости отъ еврейскихъ царей, платили Евреямъ ежегодную дань стадами овецъ. Такъ извѣстно, что Меса, царь Моавитскій, ежегодно присылалъ Ахаву, царю Израильскому, по сту тысячъ овецъ и по сту тысячъ неостриженныхъ барановъ (4 Цар. 3, 4). Древніе Евреи разводили овецъ особенной породы—такъ называемыхъ *курдючныхъ* или широкохвостыхъ (ovis laticaudata) и доселѣ существующихъ въ Палестинѣ. Отличительною чертою этой породы овецъ служитъ длинный и широкій, съуженный на концѣ и покрытый шерстью хвостъ, заключающій въ себѣ отъ 5—15 и иногда до 30 фунтовъ жира. Сверхъ того эти овцы отличаются прекрасною курчавою и густою шерстью. О курдючныхъ овцахъ говорится уже въ Пятокнижіи. Такъ законъ о жертвахъ предписываетъ, между прочимъ, слѣдующее: возми отъ овна тукъ и *курдюкъ*... и сожги на жертвенникѣ со всесожженіемъ, если изъ овецъ приноситъ жертву свою, пусть принесетъ изъ мирной жертвы въ жертву Господу... весь *курдюкъ*, отрѣзавъ его по самую хребтовую кость (Исх. 29, 22. 25; Лев. 3, 7. 9 и др.). Изъ приведенныхъ и имъ подобныхъ мѣстъ видно, что широкохвостыя или курдючныя овцы были преобладающею породою въ еврейскихъ стадахъ, а быть можетъ и единственною, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Овцы въ палестинскихъ стадахъ были преимущественно бѣлаго цвѣта (Пс. 47, 5; Пѣсн. 4, 2; Исх. 1, 18), черныя и пестрыя составляли

исключеніе (Быт. 30, 32—43). Самки отличались плодовитостію: приносили, большею частію, по два ягненка (Пѣсн. 4, 2; 6, 6).

Овцы были очень полезны древнимъ Евреямъ, что собственно и побуждало послѣднихъ заниматься овцеводствомъ въ обширныхъ размѣрахъ. Овечье мясо служило для Евреевъ обычною пищей и было доступно всѣмъ. По несложности ухода за овцами, по дешевизнѣ ихъ содержанія, овецъ могъ имѣть и дѣйствительно имѣлъ почти каждый, самый послѣдній бѣднякъ, какъ это видно, между прочимъ, изъ притчи, сказанной царю Давиду пророкомъ Наѳаномъ (2 Цар. 12, 1—4). Поэтому въ тѣхъ мѣстахъ библіи, гдѣ, по тому или другому случаю, перечисляются съѣстные припасы, которыми питались въ древней Палестинѣ, всегда, на ряду съ хлѣбомъ различныхъ сортовъ и сушеными плодами, упоминается и объ овцахъ, приготовленныхъ и предназначенныхъ въ пищу (1 Цар. 25, 18; 2 Цар. 17, 28. 29; 1 Пар. 12, 40). Въ пищу употребляли также и овечье молоко (Второз. 32, 14; Исх. 7, 21. 22). Но самымъ цѣннымъ и полезнымъ продуктомъ овецъ была ихъ шерсть. Шерсть пряли, и пряденіе ея было самымъ распространеннымъ занятіемъ между еврейскими женщинами. Въ зажиточныхъ семействахъ пряденіемъ занимались служанки подъ наблюденіемъ заботливыхъ хозяекъ, которыя и сами принимали дѣятельное участіе въ этомъ занятіи (Притч. 31, 10. 13. 15. 19). Изъ шерстяной пряжи приготовлялось полотно для одежды. Шерстяную одежду носили всѣ—даже бѣдные люди (Лев. 13, 47. 48; Іов. 31, 19. 20; Притч. 27, 26; 31, 21; Іезек. 34, 3). По всей вѣроятности, изъ шерсти же, между прочимъ, приготовлялись и тѣ покрывала и пояса, которые служили предметомъ внѣшней торговли (Притч. 31, 24). Такъ какъ овечья шерсть имѣла большое значеніе въ еврейскомъ хозяйствѣ, то время сбора шерсти или стрижки овецъ было у Евреевъ праздничнымъ временемъ. Владѣльцы стадъ устраивали для стригущихъ шерсть пиршества и даже приглашали на эти пиршества родныхъ и знакомыхъ (1 Цар.

25, 4—11; 2 Цар. 13, 23—27). Овецъ послѣ стрижки имѣли обыкновеніе купать. И ихъ бѣлизна по выходѣ изъ купальни преимущественно бросалась въ глаза. Поэтому составитель книги «Пѣснь Пѣсней», описывая внѣшнюю красоту невѣсты, говоритъ: зубы твои, какъ стадо выстриженныхъ овецъ, выходящихъ изъ купальни (Пѣсн. 4, 2; 6, 6). Начатки овечьей шерсти, по предписанію Моисеева закона, слѣдовало отдавать священникамъ на содержаніе ихъ, подобно начаткамъ хлѣба, вина и елея (Второз. 18, 3. 4). Шерсть снималась не со всѣхъ овецъ въ стадѣ; для первородныхъ дѣлалось исключеніе. Въ законѣ относительно этого дано слѣдующее предписаніе: не стриги первороженнаго изъ мелкаго скота твоего; предъ Господомъ, Богомъ твоимъ, каждогодно съѣдай это ты и семейство твое (Второз. 15, 19, 20). Такъ какъ первородные изъ скота, между прочимъ изъ мелкаго, въ силу постановленій закона, посвящались Богу (Исх. 13, 12), были приносимы въ жертву и съѣдаемы во время жертвенныхъ торжествъ (Второз. 12, 5—7. 17. 18; 14, 23), то владѣльцы первородныхъ не должны были брать что либо отъ послѣднихъ и обращать на удовлетвореніе своихъ обыденныхъ житейскихъ нуждъ.

Овцы отличаются многими качествами, которыя всего чаще бонаруживаются въ нихъ среди опасностей и которыя неовльно возбуждаютъ сочувствіе къ себѣ. Поэтому въ библейскихъ метафорахъ и сравненіяхъ очень часто дѣлаются указанія на характерныя особенности овецъ, дабы съ наибольшею рельефностью выставить на видъ извѣстныя, преимущественно нравственныя, свойства людей. Такъ въ библейскомъ образномъ языкѣ очень часто упоминается о покорности, кротости (Іоан. 10, 3 слл.), терпѣніи (Иса. 53, 7; Іер. 11, 19) и добродушіи овецъ, исключающемъ всякое коварство (2 Цар. 24, 17; 1 Парал. 21, 17), съ другой стороны о ихъ безпомощности, беззащитности въ томъ случаѣ, если стадо ихъ останется случайно безъ пастуха (Числ. 27, 17; 3 Царст. 22, 17; Іезек. 34, 5; Мѳ. 9, 36; 26, 31) или отдѣльныя овцы отобьются отъ стада (Пс. 118, 176;

Иса. 53, 6; Осіи 4, 16; Мѳ. 18, 12 сл. Лук. 15, 4 слл.; 1 Петр. 2, 25).

Тѣ сравненія, метафоры и образы, которые въ ветхозавѣтной библейской рѣчи заимствованы отъ агнцевъ, овецъ и ихъ характерныхъ свойствъ, имѣютъ особенное значеніе для христіанскаго міра, потому что эти сравненія, метафоры и образы поставлены священными вз. писателями въ ближайшее отношеніе къ грядущему Мессіи, а новозавѣтными писателями приложены къ Мессіи пришедшему—Господу Іисусу Христу. Такъ пр. Исаія изображаетъ Мессію слѣдующими, всѣмъ извѣстными, словами: какъ овца, веденъ Онъ былъ на заколеніе, и какъ агнецъ предъ стригущими его безгласенъ, такъ Онъ не отверзалъ устъ своихъ (Ис. 33, 7). Іоаннъ Креститель прямо называетъ Іисуса Христа агнцемъ: вотъ Агнецъ Божій, Который беретъ на Себя грѣхъ міра; ап. Павелъ называетъ Христа Спасителя пасхою или агнцемъ пасхальнымъ: Пасха наша, Христосъ, закланъ за насъ (1 Кор. 5, 7); ап. Петръ—агнцемъ непорочнымъ и чистымъ (1 Петр. 1, 17—19).

Козы, подобно овцамъ, съ древнѣйшихъ временъ составляли крупную отрасль еврейскаго хозяйства (Быт. 32, 14); они были разводимы въ большомъ количествѣ и люди богатые считали ихъ въ своихъ стадахъ сотнями и тысячами (1 Цар. 25, 2). Козы паслись то отдѣльными небольшими стадами на горахъ (Пѣсн. 4, 1; 6, 4; 3 Цар. 20, 27), то были соединяемы съ овцами въ одно большое стадо; причемъ такимъ смѣшаннымъ стадомъ обыкновенно и предводительствовали козлы, какъ животныя, по сравненію съ овцами, наиболѣе бойкія (Притч. 30, 31; Іер. 50, 8). Козы въ древней Палестинѣ были обыкновенно чернаго цвѣта; поэтому въ книгѣ Пѣснь Пѣсней черныя кудри возлюбленной, ниспадающія съ ея головы на плеча, сравниваются со стадомъ козъ, спускающихся внизъ съ вершины горы Галаада (Пѣсн. 4, 1; 6, 6), поэтому также бросались въ глаза своимъ чернымъ цвѣтомъ и всѣ вещи, которыя, для удовлетворенія различныхъ житейскихъ потребностей, выдѣлывались

изъ козьей шерсти (Пѣснь 1, 4; Исх. 50, 3; Откр. 6, 12). Встрѣчались, хотя и рѣдко, пестрыя козы (Быт. 30, 32 и сл.). Мясо козъ Евреи употребляли въ пищу, какъ и мясо овецъ, съ большою охотою, особенно же мясо молодыхъ козлятъ (Быт. 27, 9: Суд. 15, 1; 1 Цар. 16, 20), козье молоко было также очень распространенной пищей между Евреями (Притч. 27, 27). Всего болѣе, какъ кажется, было употребляемо въ пищу мясо взрослыхъ козловъ; во всякомъ случаѣ эти животныя высоко цѣнились на рынкахъ и торговля ими доставляла владѣльцамъ стадъ очень большую выгоду (Притч. 27, 26). Козьи шкуры служили для бѣдныхъ людей верхнею одеждою (Евр. 11, 37), козью шерсть пряли (Исх. 35, 26) и изъ пряжи приготовляли грубую матерію, которая была употребляема между прочимъ на верхнія покрывала для палатокъ (Пѣснь 1, 4), на траурныя или покаянныя одежды—вретища (Исх. 50, 3) и пр. Козы были приносимы въ жертву наравнѣ съ овцами. Козленокъ становился жертвеннымъ животныхъ съ восьмидневнаго возраста (Лев. 22, 27); но для пасхальной жертвы ему, какъ и ягненку, слѣдовало быть однолѣтнимъ (Исх. 12, 5). Въ силу постановленій закона, козы и мужскаго пола и женскаго могли быть употребляемы при принесеніи мирной жертвы (Лев. 3, 1. 6), для жертвы же всесожженія слѣдовало закалать лишь козловъ (Лев: 1, 10; 20, 19). Въ томъ и другомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, животныя должны были быть безъ порока. Впрочемъ козы преимущественно были приносимы въ жертву за грѣхъ. Если жертву за грѣхъ приносилъ простой человѣкъ изъ народа, то онъ долженъ былъ принести козу (Лев. 4, 28), если же приносилъ князь, то онъ долженъ былъ привести для жертвы козла (Лев. 4. 22. 23). Козелъ также былъ приносимъ въ жертву за грѣхъ отъ всего общества сыновъ Израилевыхъ, это жертвоприношеніе отъ всего народа совершалось въ праздничные дни (Лев. 23, 19) и въ день очищенія, когда, по закону, слѣдовало «очищать сыновъ Израилевыхъ отъ всѣхъ грѣховъ ихъ однажды въ году» (Лев. 16. 7 слл.). Въ этотъ

день къ святилищу, предъ лице Господа, приводили двухъ козловъ. Одинъ изъ нихъ былъ приносимъ въ жертву за грѣхъ; что касается другаго козла, оставшагося въ живыхъ, то относительно его въ законѣ предписаніе: и возложитъ первосвященникъ обѣ руки свои на его (козла) голову и исповѣдаетъ надъ нимъ всѣ беззаконія сыновъ Израилевыхъ и всѣ преступленія ихъ и всѣ грѣхи ихъ, и возложитъ ихъ на голову козла и пошлетъ съ нарочнымъ человѣкомъ въ пустыню: и понесетъ козелъ на себѣ всѣ беззаконія ихъ въ пустыню непроходимую и пуститъ онъ козла въ пустыню (Лев. 16, 21. 22). Въ библейскомъ языкѣ встрѣчаются образы, заимствованные отъ козъ, именно отъ свойствъ, которыя характеризуютъ собою этихъ животныхъ. Такъ мы уже замѣтили, что въ смѣшанныхъ стадахъ, состоящихъ изъ овецъ и козъ, козлы обыкновенно занимаютъ первый рядъ и какъ бы предводительствуютъ стадомъ. Отсюда въ Библіи предводители войскъ цари и полководцы, а также руководители народа сопоставляются, сравниваются съ козлами (Притч. 30, 31, Іер. 50, 8) и даже называются именемъ козловъ (Зах. 10. 3); отсюда же въ книгѣ пророка Даніила подъ видомъ козла съ рогомъ между глазами изображается грозный и побѣдоносный полководецъ именно Александръ Македонскій (Дан. 8, 5—8. 21). Далѣе козы отличаются, по сравненію съ овцами, живостью и, такъ сказать, бойкостью, но эта бойкость часто переходитъ въ дурныя свойства: козы начинаютъ притѣснять и безъ всякаго повода обижать болѣе слабыхъ животныхъ, какъ напр., овецъ, становятся строптивыми, злобными. Поэтому у пр. Іезекіиля именемъ козловъ обозначаются своекорыстные руководители народа (Іезек. 34, 1—17); поэтому и въ изображеніи страшнаго суда именемъ козловъ обозначены люди порочные, жестокосердные, безучастно относящіеся къ страданіямъ своихъ ближнихъ (Мѳ. 25, 32. 33. 41—46).

Для обозначенія козъ въ подлинномъ еврейскомъ текстѣ употреблено нѣсколько различныхъ словъ, указывающихъ то на полъ, то на извѣстный возрастъ, то на особую породу,

этихъ животныхъ. Такъ *езъ*, *иззимъ* означаютъ козу, козъ вообще безъ указанія на полъ и возрастъ, *тайишъ*, *аттудъ* названіе козла-самца (послѣднее названіе указываетъ на вполнѣ выросшее, крѣпкое животное); затѣмъ *геди* значитъ молодой козленокъ; наконецъ *сеиръ*, *сеиримъ* употреблены для обозначенія козловъ, которые приносились въ жертву за грѣхъ. *Сеиръ* значитъ косматый; поэтому можно полагать, что животныя, назначавшіяся для названной жертвы, выбирались изъ особой породы козъ, отличавшихся длинною шерстью. Въ позднѣйшихъ книгахъ—вз. Библіи козелъ, приносившійся въ жертву за грѣхъ, называется *цафиръ*. Всѣ вышеприведенныя еврейскія наименованія въ славянскомъ и русскомъ переводахъ Библіи всюду переданы соотвѣтствующими словами. Въ настоящее время въ Палестинѣ встрѣчаются двѣ породы козъ: одна изъ нихъ имѣетъ между прочимъ короткую, другая длинную шерсть.

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда козы были приносимы въ жертву, приносились вмѣстѣ съ ними и овцы, за исключеніемъ жертвъ за грѣхъ; здѣсь изъ мелкаго скота приносились только козы самцы и самки.

При большомъ количествѣ мелкаго рогатаго скота въ древней Палестинѣ требовалась постоянная и особенная заботливость объ охраненіи его. Для того, чтобы охранить мелкій скотъ отъ нападенія воровъ и хищныхъ звѣрей, на пастбищахъ обыкновенно устраивали загоны, т. е. извѣстное свободное пространство земли обносили загородкой, которой придавали форму или круга или четвероугольника и въ которую черезъ продѣланную въ ней дверь загоняли на ночь овецъ и козъ. Такіе загоны, называвшіеся также овчими дворами (Числ. 32, 16; 1 Цар. 24, 4; Іоил. 10, 1 сл.), устраивались или изъ камней или изъ дерева. Если въ загонѣ ночевало нѣсколько стадъ, то утромъ каждый пастухъ вызывалъ свое стадо изъ загона, причемъ овцы и козы, привыкшія къ голосу своего пастуха, выходили на его зовъ.

Для того, чтобы заранѣе предвидѣть опасность, грозившую стаду, въ загонахъ иногда воздвигались башни, которыя назывались башнями стадъ, башнями сторожевыми (Мих. 4, 8; 4 Цар. 17, 9; 18, 8), и съ которыхъ, конечно, озирали по ночамъ окрестности загоновъ. Отвѣтственность за стадо лежала на пастухѣ; получивъ отъ хозяина стадо, онъ долженъ былъ въ цѣлости сдать его и всякую потерю въ немъ вознаградить такъ или иначе; онъ освобождается отъ платы за потерянное въ томъ только случаѣ, если животное было растерзано звѣремъ и хозяину были доставлены какія-либо части растерзаннаго животнаго (Исх. 22, 13; Мих. 3, 12). Такая отвѣтственность вызывала въ пастухахъ или пастыряхъ особенную внимательность и заботливость по отношенію къ стаду. Чтобы убѣдиться въ томъ, что стадо не потерпѣло ущерба, его пересчитывали утромъ и вечеромъ. Для вѣрности счета овецъ и козъ при входѣ въ загонъ и выходѣ изъ него, пропускали по одиночкѣ, причемъ животныя, какъ выражено въ Библіи, проходили подъ жезломъ или рукою считающаго (Лев. 27, 32; Іер. 33, 13).

Наибольшая потеря въ стадахъ мелкаго скота могла происходить и вѣроятно происходила отъ различныхъ болѣзней. Поэтому еврейскіе пастухи зорко слѣдили за состояніемъ здоровья ввѣренныхъ ихъ попеченію стадъ мелкаго скота. Они тщательно осматривали сомнительныхъ относительно здоровья животныхъ, перевязывали раненыхъ, заботились объ укрѣпленіи малосильныхъ и врачеваніи разболѣвшихся (Іезек. 34, 4. 16). Такъ какъ во время пастьбы стада переходили съ мѣста на мѣсто, то при этихъ переходахъ ягнята и козлята нерѣдко отставали отъ своихъ матокъ: и такъ какъ нѣкоторыя пастбища находились въ горныхъ мѣстностяхъ, то животныя, случайно заходившія въ узкія горныя долины и ущелья, не всегда могли возвращаться къ своему стаду и запутывались въ незнакомыхъ для нихъ переходахъ, блуждали. Все это также не ускользало отъ зоркихъ глазъ заботливыхъ пастуховъ: они немедленно отправлялись на поиски и найденныхъ ослабѣвшихъ животныхъ приносили къ

стаду на своихъ плечахъ, а ягнятъ брали просто на руки и прижимали къ своей груди (Іезек. 34, 12).

Правильно организованныя, добрыя, чрезвычайно заботливыя отношенія древнихъ еврейскихъ пастуховъ къ стадамъ мелкаго скота дали поводъ ко многимъ трогательнымъ образамъ, которые не только украсили собою библейскую рѣчь, но перешли во всѣ языки христіанскихъ народовъ, и въ каждой истинно христіанской душѣ какъ вызывали всегда, такъ вызываютъ и доселѣ свѣтлыя представленія. Чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно привести на память только то, что Самъ Іисусъ Христосъ назвалъ своихъ послѣдователей овцами, а Себя добрымъ пастыремъ, душу Свою полагающимъ за овецъ своихъ (Іоан. 10, 1—16).

Двукопытныя дикія животныя.

Дикія двукопытныя животныя, обитавшія въ Палестинѣ въ библейскія времена Принадлежность этихъ животныхъ къ семействамъ оленей и антилопъ.—Общія свойства и особенности семейства оленей. *Ланъ*; отличительныя признаки ланей, основательное знакомство древнихъ Евреевъ съ ланями, еврейское названіе ланей; передача этого названія въ славянскомъ и русскомъ переводахъ. *Козуля или дикая коза*; отличительныя признаки козули, ея еврейское названіе.—Общія свойства и особенности антилопъ. *Серна*; особенности сернъ; еврейское названіе серны, славян. и русск. переводы этого названія. *Газель*; ея отличительныя свойства; ея еврейское названіе и его переводы; значеніе этого названія. *Оріксъ (сернобыкъ) или единорогъ*; изображеніе единорога въ книгѣ Іова и въ другихъ свящ. вз. книгахъ; какое животное слѣдуетъ разумѣть подъ единорогомъ; подъ библейскимъ единорогомъ неосновательно разумѣть носорога; единорогъ, по всей вѣроятности, есть антилопа оріксъ или сернобыкъ; особенности этой антилопы, совпадающія съ библейскимъ изображеніемъ единорога; откуда произошло названіе *единорогъ*? Еврейское названіе одинорога и переводы этого названія. Еврейское наименованіе *тео* или *то* и его значеніе. *Сайга*; особенности сайги; еврейскія наименованія, переведенныя словомъ *сайгакъ*. Замѣчаніе о *камелопардѣ* или *жирафѣ*. Намеки библейскихъ вз текстовъ на *мендесъ-антилопу* или *винторога* и *антилопу-бубала*. Употребленіе Евреями въ пищу дикихъ двукопытныхъ животныхъ; охота за этими животными.

Сообщая свѣдѣнія о двукопытныхъ животныхъ, упоминаемыхъ въ библіи и обитавшихъ въ древней Палестинѣ, мы говорили доселѣ о домашнихъ животныхъ, разведеніемъ которыхъ Евреи усиленно занимались и которыя приносили своимъ владѣльцамъ существенную пользу, будучи для нихъ постояннымъ источникомъ благосостоянія. Но кромѣ того въ библейскихъ книгахъ находятся упоминанія о животныхъ двукопытныхъ дикихъ, которыя, оставаясь на свободѣ, служили обыкновенно предметомъ охоты и разнообразили по временамъ пищу нѣкоторыхъ обитателей Палестины. Дикія двукопытныя животныя, встрѣчавшіяся въ лѣсахъ, горныхъ и пустынныхъ мѣстностяхъ древней Палестины, поименованы, во второзаконіи 14, 5. Всѣ они могутъ быть отнесены къ двумъ семействамъ — семейству оленей и семейству антилопъ.

Олени.

Олени отличаются отъ прочихъ жвачныхъ животныхъ тѣмъ, что они имѣютъ вѣтвистые рога. Туловище оленей, вообще, стройное, ноги длинныя и тонкія, шея крѣпкая и сильная, голова къ мордѣ суживающаяся, глаза большіе и живые, уши средней величины, очень подвижныя и торчащія кверху. Рога большей частію бываютъ только у самцовъ; они составляютъ продолженіе лобной кости и ежегодно мѣняются, отпадаютъ; ростъ новыхъ роговъ длится отъ 10 до 30 недѣль. Всѣ олени очень робки, въ движеніяхъ живы и легки, по умственнымъ способностямъ стоятъ довольно высоко и обладаютъ острыми чувствами. Пища оленей состоитъ изъ растительныхъ веществъ, именно они ѣдятъ травы, цвѣты, листья, хвойныя иглы, почки, молодые побѣги, хлѣбные злаки, плоды, ягоды, древесную кору, мхи, лишаи и грибы. Хлѣбнымъ полямъ и лѣсамъ олени причиняютъ большой вредъ; поэтому въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ упрочилось земледѣліе и лѣсное хозяйство всѣ виды оленей уничтожены, или уничтожаются. Если же въ нѣкоторыхъ культурныхъ странахъ оленей охраняютъ, то это исключительно для охоты, точнѣе для развлеченія.

Изъ многихъ видовъ оленей наиболѣе типичнымъ, наиболѣе совершеннымъ считается тотъ видъ, къ которому относятъ такъ-называемаго королевскаго или настоящаго оленя (cervus Elaphus). Королевскій олень, по сравненію съ оленями другихъ видовъ, отличается, между прочимъ, своими крупными размѣрами, чрезвычайною стройностію и гордою осанкою. Но не имѣется никакихъ указаній на то, чтобы королевскій олень когда-либо существовалъ въ Палестинѣ. Въ библійскія времена тамъ водились представители только двухъ видовъ оленей: *лани* (Dama platiceros) и *козули* (capreolus vulgaris) или дикія козы; по крайней мѣрѣ эти животныя встрѣчаются въ Палестинѣ въ настоящее время.

Лани. Отличительный признакъ ланей составляютъ рога, внизу округленные и раздвоенные, въ верхней своей части расширяющіеся и принимающіе на каждомъ концѣ видъ продолговатой лопатки съ боковыми отростками *) Лань, по сравненію съ настоящимъ оленемъ, имѣетъ значительно меньшіе размѣры (напр. длина настоящаго оленя 7 фут.—3 аршина, а длина лани $4^1/_2$—5 ф.—немного менѣе или немного болѣе 2-хъ аршинъ); ноги ея болѣе коротки и менѣе сильны, тѣлосложеніе сравнительно тучнѣе, шея и рога короче, хвостъ длиннѣе. Цвѣтъ шерсти у ланей измѣняется, между прочимъ, смотря по времени года. Такъ лѣтомъ верхняя часть тѣла у ланей и ихъ лопатки бываютъ красновато-коричневыя, нижняя часть и внутренняя сторона ногъ—бѣлыя; зимою же на верхней части тѣла коричневый цвѣтъ смѣшивается съ сѣрымъ оттѣнкомъ, животъ и внутренняя сторона ногъ бываютъ пепельнаго цвѣта иногда съ красноватымъ отливомъ. Довольно часто встрѣчаются совершенно бѣлыя лани, которыя никогда не перемѣняютъ своей окраски; встрѣчаются лани черныя, но это очень рѣдко.—Быстротою, ловкостью и силою прыжка лань развѣ немного уступаетъ настоящему оленю, хотя этотъ послѣдній очень подвиженъ и силенъ. Походка лани очень красива. Лань постоянно весела и только во время бури она становится безпокойною. Лань любитъ болѣе умѣренный, чѣмъ холодный климатъ, а потому чаще встрѣчается въ странахъ, лежащихъ близъ Средиземнаго моря. Но она—не рѣдкость и въ странахъ сѣверныхъ: такъ напр. въ Англіи богатые землевладѣльцы содержатъ не мало ланей въ своихъ паркахъ**).

Въ древнія библейскія времена лань была однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ дикихъ животныхъ въ Палестинѣ, вслѣдствіе чего Евреи основательно были знакомы съ выдающимися свойствами ланей и особенностями ихъ жизни.

---

*) У настоящаго оленя рога съ начала до конца вѣтвистые, безъ расширеній въ верхней части.

**) См. Брэмъ, Иллюстрированная жизнь животныхъ т. II. ст. 415—417, 449 453

Такъ Евреямъ было извѣстно, что громъ, вообще грозы производили на ланей, особенно на матокъ, сильное впечатлѣніе—смущали и пугали ихъ (Пс. 28, 9); было также имъ извѣстно, хотя приблизительно, то, когда лани разрѣшались отъ бремени, какъ долго оставались при матеряхъ дѣтеныши (Іов. 39,—1—4) и при какихъ обстоятельствахъ самки ланей оставляли своихъ дѣтей тотчасъ же по рожденіи (Іер. 14, 1—5). Очень сильно и пріятно поражали древнихъ Евреевъ быстрота и бодрость ланей, стройность и красота ихъ движеній. Поэтому они сравнивали съ ланями крѣпкихъ, стройныхъ и быстрыхъ воиновъ (Ис. 35, 6. Пс. 17, 32—35) и юношей (Пѣсн. 2, 9. 17; 8, 14) и называли любезною ланью молодую жену, достойную любви за свою привлекательность и красоту (Притч. 5. 18 19). Въ подлинномъ еврейскомъ текстѣ библіи лань-самецъ обозначается словомъ *айяль*, лань-самка—словами *айяла*, *айелетъ*. Въ славянскомъ и русскомъ переводахъ слову *айяль* всюду соотвѣтствуетъ слово—елень, олень, за исключеніемъ лишь Авв. 3, 19, гдѣ въ славянской библіи еврейскому *айялотъ* соотвѣтствуетъ слово—*совершеніе* *); еврейскія названія лани-самки *айяла*, *айелетъ* (Прит. 5, 19) въ русскомъ переводѣ передано словомъ лань, въ славянскомъ—словомъ елень и Іер. 14, 5—еленица, за исключеніемъ Пѣсн., 2, 7; 3, 5. гдѣ въ славян. текстѣ словомъ *крѣпости* переведено евр. слово *айялотъ*.

Козуля. Козуля или дикая коза является представителемъ особой породы оленей съ короткими вилообразными рогами. Козуля имѣетъ $1^1/_2$ арш. ($3^1/_2$ фута) длины и почти

*) Здѣсь въ греческомъ переводѣ LXX еврейское выраженіе каайалотъ—*какъ олени* передано словами εἰς συντέλειαν. Συντέλεια, значитъ *совершеніе, окончаніе, конецъ*; отсюда славянское: *на совершеніе*. Переводъ LXX не имѣетъ въ разсматриваемомъ мѣстѣ достаточныхъ основаній и потому не можетъ быть признанъ правильнымъ, тѣмъ болѣе, что въ параллельномъ мѣстѣ Пс. 17, 34 то же еврейское выраженіе каайалотъ у LXX передано съ буквальною точностію: ὡσεὶ ἐλάφου; отсюда и въ славянскомъ переводѣ поставлены слова: *какъ елени*,—слова соотвѣтствующія еврейскому и греческому текстамъ.

1 арш. (2¼ фута) высоты. Отъ настоящаго оленя козуля, кромѣ роста, отличается болѣе тучнымъ туловищемъ и болѣе короткою головою. Спина козули прямая, въ задней части покатая, ноги высокія и стройныя, копыта узкія, шея умѣренно-длинная, уши прямыя, средней величины, далеко одно отъ другаго отстоящія, большіе глаза сверху окаймленные длинными рѣсницами; каждый изъ роговъ имѣетъ обыкновенно по два отростка—рѣдко болѣе, шерсть гладкая и густая, зимою удлинняющаяся, верхняя часть туловища — темно-ржаваго цвѣта съ красноватымъ оттѣнкомъ, окраска нижней части значительно свѣтлѣе; хвоста у козули нѣтъ, точнѣе—онъ состоитъ у ней изъ тупаго, едва замѣтнаго отростка, не болѣе 8 линій длины. Козуля — вообще очень красивое животное. Она доселѣ встрѣчается во всей Европѣ и Азіи за исключеніемъ сѣверныхъ частей этихъ странъ.

Еврейское названіе козули *яхмуръ*; по крайней мѣрѣ козулю и теперь обозначаютъ этимъ именемъ въ Палестинѣ именно на Кармилѣ, гдѣ она доселѣ водится. Слово *яхмуръ* дважды употреблено въ еврейской библіи: Второз. 14, 5, гдѣ оно въ славянскомъ и русскомъ переводахъ передано словомъ *буйволъ*, и 3 Цар. 4, 23; здѣсь слову *яхмуръ* въ русскомъ переводѣ соотвѣтствуетъ слово *сайгакъ*, въ славянскомъ же—соотвѣтствующаго слова не имѣется.

Антилопы.

Антилопы—вообще стройныя оленеобразныя животныя съ короткою плотно прилегающею шерстью, съ кольчатыми рогами, бывающими, по большей части, у самцовъ и самокъ. Рога антилопъ могутъ быть названы и называются кольчатыми потому, что поперечныя, довольно выпуклыя морщины, число которыхъ, во многихъ случаяхъ, указываетъ на число лѣтъ животнаго, опоясываютъ рогъ кругомъ, на подобіе кольца, и находятся одна отъ другой въ опредѣленномъ разстояніи. Выдающеюся особенностію семейства

антилопъ слѣдуетъ признать то, что различные и многочисленные ихъ виды и разновидности напоминаютъ по внѣшности то козу, то козулю, то лошадь, то осла, то быка. Антилопы кормятся только растеніями, преимущественно травами, листьями, почками и молодыми побѣгами. Антилопы вообще живыя, быстрыя и очень красивыя животныя. Онѣ водятся во всѣхъ частяхъ свѣта, кромѣ Австраліи. Впрочемъ, большинство видовъ этого животнаго обитаетъ въ обширныхъ и пустынныхъ степяхъ жаркихъ странъ *).

Въ древнія времена, въ Палестинѣ, изъ семейства антилопъ, существовали по указаніямъ библіи серны, газели, ориксы или единороги, по всей вѣроятности сайгаки и, какъ кажется, нѣкоторые другіе, преимущественно крупные виды.

Серны. Серна (Capella rupicapra **) очень похожа на козу, но отличается отъ нея короткимъ, плотнымъ туловищемъ, болѣе сильными и длинными ногами, болѣе длинною шеею и особенно рогами: рога у серны стоятъ прямо, подавшись даже нѣсколько впередъ, и только на концѣ загнуты крючкомъ назадъ, у козъ же рога закинуты назадъ полудугой. Въ длину серна имѣетъ до 1½ арш. (3 фут. 8 д.), въ высоту около арш. (2 ф. 4 д.). Окраска короткой шерсти серны мѣняется по временамъ года. Лѣтомъ верхняя часть туловища серны имѣетъ ржаворыжій цвѣтъ, а нижняя—болѣе свѣтлый рыжевато желтый; зимою верхняя половина туловища становится темно-бураго или блестящаго черно-бураго цвѣта, нижняя—бѣлаго. Вездѣ, гдѣ только ни водится серна, она живетъ на высокихъ горахъ. Она чрезвычайно искусно взбирается на утесистыя вершины горъ и не боится самыхъ опасныхъ мѣстъ. Когда серна идетъ медленно, ея походка кажется тяжелой, неуклюжей, и въ ея осанкѣ нѣтъ красоты; но когда ей приходится бѣжать она становится легче, сильнѣе, красивѣе и мчится быстрыми скачками даже по самымъ крутымъ

*) Брэмъ. Т. II, стр. 497—498.

**) Брэмъ. Т. II, стр. 528—537.

утесамъ. Въ настоящее время серна водится, главнымъ образомъ, на высокихъ горахъ Западной Европы, а также въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Азіи, напр. на Кавказѣ, въ Грузіи, Сибири. Въ современной Палестинѣ она, какъ кажется, не встрѣчается *).

Еврейское наименованіе серны—*іаель* заключаетъ въ себѣ указаніе на ея пребываніе на горныхъ скалахъ. Какъ на обитательницу горныхъ мѣстностей, очень привлекательную по внѣшнему виду, указываетъ на нее и библія (1 Цар. 24, 3; Іов. 39, 1; Псал. 103, 18; Притч. 5, 9). Слово *іаель* въ славянскомъ и русскомъ переводахъ библіи передано не вездѣ одинаково. Такъ 1 Цар. 24, 3 въ славян. поставлено *саддей* **), въ русск.—*серна*; Іов. 39, 1 и въ славян. и въ русск.—коза ***), псал. 103, 18 въ славян. елень, въ русск.

---

* Брэмъ, т. II, стр. 528—529.

**) Здѣсь въ русск. переводѣ стоитъ выраженіе: по горамъ, гдѣ живутъ серны, а въ славянск.: прямо лицу *саддеомъ*. Слово *саддей* появилось вѣроятно потому, что подлинный текстъ въ библіи, съ котораго дѣлали переводъ LXX толковниковъ, былъ поврежденъ въ разсматриваемомъ мѣстѣ; отсюда неясное выраженіе у LXX, именно: вмѣсто еврейскаго *хайеелимъ* (серны) они поставили Ἀειαμείν; то-есть такъ прочитали они и такъ написано было въ ихъ еврейской рукописи еврейское слово *хайеелимъ*. Прочитанное такимъ образомъ слово греческіе переводчики приняли за собственное имя, переписали его греческими литерами, вслѣдствіе чего и получилось Ἀειαμείν. Славянскіе переводчики, руководствовавшіеся греческимъ текстомъ LXX, не рѣшились повторить Ἀειαμείν и употребили вмѣсто него хотя и другое, но столь же темное по смыслу слово *саддеомъ*. Можно, конечно, дѣлать догадки относительно того, какимъ образомъ появилось въ славянскомъ текстѣ *саддеомъ*. Но подобныя догадки, необходимо ведущія къ мелочнымъ и утомительнымъ подробностямъ, представляются излишними. И безъ нихъ ясно, что въ данномъ случаѣ греческій и славянскій тексты неправильны. Удовлетворительный и вполнѣ соотвѣтствующій подлиннику смыслъ содержитъ въ себѣ текстъ русскій, какъ въ разсматриваемомъ мѣстѣ, такъ и во многихъ другихъ, гдѣ въ греч. и славянскомъ текстахъ смущаетъ совершенная неясность.

***) Передача въ славянскомъ и русскомъ переводахъ Іов. 39, 1. евр. слова *іаель* словомъ коза не можетъ быть признано неправильнымъ. По всей вѣроятности слово *іаель* у древнихъ Евреевъ обозначало и серну и горную козу—животное, которое принадлежитъ, по современной клас-

серна; Притч. 5, 19 въ славян. *жребя* *), въ русск.—серна. Въ славянскомъ и русскомъ переводахъ библіи словомъ *серна* передается, кромѣ наименованія *іаель*, и другое еврейское наименованіе—именно *цеби*. Этимъ наименованіемъ, которое довольно часто встрѣчается въ подлинномъ текстѣ вз. священныхъ книгъ, обозначается собственно *газель*—животное также изъ семейства антилопъ.—Газель, (Antilope dorcas) водящаяся въ настоящее время въ Палестинѣ, имѣетъ въ длину $1^1/_2$ арш. ($3^1/_2$ ф.) въ высоту около 1 арш. (2 ф.) Ноги газели высокія, тонкія и сухія, туловище поджатое и при длинныхъ ногахъ кажется тощимъ; оно въ задней части нѣсколько возвы-

---

сификаціи, не къ семейству антилопъ, а къ семейству козъ. *Горная коза* водилась, конечно, въ древней Палестинѣ, какъ водится тамъ и въ настоящее время одна изъ разновидностей этой козы, такъ называемая *коза синайская* (Capra sinaitica). Синайская или горная коза имѣетъ въ длину болѣе 2 арш. ($4^1/_2$ — 5 ф.); въ высоту болѣе 1 арш. (2 — 3 ф.), обладаетъ очень большими, крѣпкими, кольчатыми полукругомъ изогнутыми и закинутыми назадъ рогами (у самки рога значительно меньше); шерсть у синайской козы короткая, но на спинѣ нѣсколько удлиннена и напоминаетъ гриву, удлиннена она и подъ нижнею челюстью на подобіе бороды (у самцовъ) длиною болѣе вершка. Основной цвѣтъ шерсти лѣтомъ желтовато-коричневый, зимою—коричневый, грива и борода (у самки ихъ нѣтъ) темно-коричневыя, почти черныя; нижняя часть туловища и частію ноги—бѣлыя. Синайскія козы отличаются стройнымъ тѣлосложеніемъ, живыми глазами и легкостью въ движеніяхъ. Онѣ любятъ находиться на самыхъ высокихъ и скалистыхъ вершинахъ горъ; днемъ онѣ спокойно лежатъ или стоятъ на выступахъ скалъ, пасутся въ ночное время. Синайскія козы, обладая очень крѣпкими ногами, дѣлаютъ невѣроятно смѣлые прыжки по утесамъ и разсѣлинамъ горъ. У древнихъ Евреевъ для горныхъ козъ существовало и особое напмепованіе. По крайней мѣрѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ толковниковъ, евр. слово *акко*, употребленное Второз. 14, 5 (и переданное въ русск. и слав. переводахъ словомъ *лань*) означаетъ именно горную козу (Riehm, Handwörterbuch des biblischen Alterthums s. 1569—1571).

*) Въ греческомъ переводѣ LXX здѣсь употреблено слово πῶλος, что знач. *жеребенокъ, молодое животное отъ осла, верблюда*, въ переносномъ смыслѣ—*юноша, дѣва*. Это-то греч. слово, поставленное переводчиками въ соотвѣтствіе съ еврейскимъ *іаель*, и передано въ славянск. переводѣ словомъ *жребя*.

шается; уши стоячія, длинныя и острыя, рога у самца и самки умѣренной высоты, кольчатые, черные, нѣсколько откинуты назадъ и такъ изогнуты, что напоминаютъ собою лиру, (лира—музыкальный инструментъ) и потому называются лирообразными; шерсть короткая и плотно прилегающая къ тѣлу окрашена въ верхней части туловища въ желтопесочный, а снизу въ бѣлый цвѣтъ; хвостъ короткій. Газель отличается необыкновенной стройностію, живостію и изяществомъ движеній, быстротою и легкостію бѣга; она бѣжитъ едва касаясь земли и безъ труда перескакиваетъ препятствія, встрѣчающіяся ей на пути,—кусты, большіе камни. Газель водится въ сѣверо-восточной Африкѣ, Аравіи и Палестинѣ. Газели обыкновенно живутъ небольшими стадами, въ пустынныхъ низменностяхъ и холмистыхъ мѣстностяхъ, не избѣгаютъ и горъ.

Хотя древніе Евреи имѣли различныя наименованія для серны, горной козы (*іаель*) и газели (*цеби*), но въ дѣйствительности, какъ кажется, смѣшивали ихъ тѣмъ болѣе, что эти животныя въ общемъ сходны между собою, имѣютъ одни и тѣ же выдающіяся свойства Поэтому-то упоминая въ своихъ сравненіяхъ и образахъ о животныхъ, обозначаемыхъ словомъ *цеби*, или о газеляхъ, священные ветхо-завѣтные писатели усвояютъ имъ тѣ же особенности, которыми отличаются и серны, именно красивую, привлекательную внѣшность (Пѣсн. 2, 9; 4, 5; 7, 4), быстроту бѣга по горнымъ вершинамъ и легкость движеній (2 Цар. 2, 18; 1 Пар. 12, 8; Пѣсн. 2, 17; 8, 14). Подобное смѣшеніе было тѣмъ возможнѣе, что газели, вслѣдствіе свойственнаго имъ миролюбія, живутъ иногда вмѣстѣ съ другими видами животныхъ, конечно съ тѣми, къ которымъ они по внѣшнему виду и привычкамъ наиболѣе подходятъ. Отсюда нельзя назвать неправильностью того, что въ позднѣйшихъ переводахъ вз. библіи (напр. русскомъ) переводчики подъ еврейскими наименованіями *іаель* и *цеби* разумѣли одно и тоже животное—серну.

Слово *цеби* и въ славянск. и русск. переводахъ всюду передано словомъ *серна*, за исключеніемъ Пѣсн. 2, 7; 3, 5—

гдѣ въ русск. стоитъ *серна*, въ славянскомъ же *силы* *). *Цеби* значитъ украшеніе, въ каковомъ смыслѣ это слово иногда и употребляется (2 Цар. 1, 19). Слово *цеби* въ женской формѣ (*цибейя*) Евреи употребляли иногда какъ имя собственное и давали его женщинамъ; такъ мать царя Іоаса (4 Цар. 12, 1) называлась *Цибейя* (*Савіа, Цивья*). Это же имя, только въ арамейской формѣ, встрѣчается, какъ имя собственное. *Тавиѳа*, въ кн. Дѣян. 9, 36. 39 и поясняется словомъ *серна*.

Единорогъ, или ориксъ (*сернобыкъ*). По изображенію кн. Іова 39, 9—12, единорогъ есть животное очень крупное по размѣрамъ, напоминающее быка, употребляемаго для производства полевыхъ работъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ настолько дикъ и силенъ, что сдѣлать его совершенно ручнымъ и приспособить къ воздѣлыванію поля и вообще къ сельскимъ работамъ положительно невозможно. Съ этимъ изображеніемъ кн. Іова согласны и всѣ другія указанія на единорога, встрѣчающіяся въ библейскихъ вз. книгахъ. Такъ во второзак. 33, 17, гдѣ съ единорогомъ сравнивается Іосифъ, единорогъ представляется сильнымъ и страшнымъ въ своей силѣ животнымъ (въ русск. переводѣ буйволъ, въ славян. единорогъ), причемъ сопоставляется съ самымъ крѣпкимъ (первороднымъ) тельцомъ. Такое же сопоставленіе мы встрѣчаемъ въ псалмѣ 28, 6. Далѣе — единорогъ выставляется подвижнымъ и быстрымъ животнымъ, Числ. 23, 22, сильнымъ и страшнымъ для своихъ враговъ, Числ. 24, 8; Пс. 21, 22.

Но къ какому именно животному относится славяно-

*) Въ Пѣсн. 2, 7; 3, 5 въ русск. переводѣ стоитъ выраженіе: *заклинаю васъ сернами или полевыми ланями*,—въ славянск. же: *заклятъ васъ въ силахъ и крѣпостехъ сельныхъ*. Послѣдній переводъ могъ произойти слѣдующимъ образомъ: множ. числ. отъ *цеби* будетъ *цебаотъ*; но и другое евр. слово *цаба*, что знач. воинство, сила, имѣетъ во множ. числ. также *цебаотъ* (Господь-Саваоѳъ—Господь силъ, воинствъ) затѣмъ множ. числ. отъ *айала* (самка оленя) айалотъ могло быть произведено отъ *ейаль*, что значитъ *крѣпость*. Такимъ образомъ, вмѣсто *серны* и *лани* могли появиться *силы* и *крѣпости* и составиться выраженіе: *заклятъ васъ въ силахъ и крѣпостехъ*.

русское наименованіе *единорогъ* и соотвѣтствующее ему въ подлинномъ еврейскомъ текстѣ *реемъ*? Не разумѣется-ли подъ этими названіями носорогъ — животное, имѣющее на носу подобіе рога? Брэмъ дѣйствительно отожествляетъ единорога съ носорогомъ и полагаетъ, что въ кн. Іова 39, 9—12 разумѣется послѣдній *). Но съ этимъ, принимая во вниманіе указанныя мѣста библіи, согласиться невозможно. Такъ единорогъ представляется въ библейскихъ книгахъ очень подвижнымъ, очень быстрымъ животнымъ, чего относительно носорога сказать нельзя. Это самое неуклюжее, самое лѣнивое и неповоротливое животное. Затѣмъ единорогъ сопоставляется съ молодымъ тельцомъ (Второз. 33, 17); о немъ говорится, что онъ страшенъ для своихъ враговъ, въ томъ числѣ и для людей, бодается не рогомъ, а рогами, которые притомъ настолько длинны и остры, что единорогъ можетъ пронзить ими своего врага; но имѣющій очень короткую и толстую шею и потому мало подвижную голову носорогъ не въ состояніи бодаться, подобно быку. Правда онъ пользуется иногда своимъ единственнымъ рогомъ и наноситъ имъ тяжелыя раны своему врагу; однако онъ предпочитаетъ топтать ногами то, что навлекаетъ на себя его гнѣвъ, вообще же страшнымъ врагомъ, особенно для человѣка, носорогъ быть не можетъ. Дѣло въ томъ, что, во время преслѣдованія своего непріятеля, носорогъ бѣжитъ, обыкновенно, по одному, однажды принятому направленію, не дѣлая поворотовъ въ стороны; поэтому стоитъ только уклониться въ пути направо или налѣво, чтобы избѣжать опасности: носорогъ пробѣгаетъ мимо и скрывается вдали. Такимъ именно образомъ охотники по большей части спасаются отъ ярости чудовища. Наконецъ, при взглядѣ на единорога можетъ возникнуть мысль и желаніе приспособить это животное къ полевымъ работамъ (Іов. 39, 9. 12), но толстый, коротконогій, неповоротливый и медлительный носорогъ вызвать подобныхъ мысли и желанія ни какъ уже не

*) Брэмъ, иллюстрированная жизнь животныхъ. Т. II, стр. 759—760.

можетъ.—Но въ такомъ случаѣ, что же за животное единорогъ, евр. *реемъ*? Полагаютъ, что это—то животное, которое у древнихъ грековъ было извѣстно подъ именемъ *орикса* и которое обозначается арабскимъ словомъ *римъ* *). Это опредѣленный видъ антилопъ—*сернобыкъ*, извѣстной въ зоологіи подъ именемъ Antilope leucoryx. Сернобыкъ или орикъ есть антилопа величиною съ взрослаго и крупнаго оленя, живо напоминающая быка, особенно своимъ широкимъ и толстымъ носомъ. Но сернобыкъ гораздо сильнѣе оленя и даже быка. Онъ обладаетъ крѣпкими и очень длинными рогами, нѣсколько закинутыми назадъ и на концахъ узкими какъ бы заостренными. При встрѣчѣ со врагомъ орикъ наклоняетъ голову, пронзаетъ рогами своего врага и поднимаетъ его кверху. Орикъ отваживается поступать такъ даже со львомъ и тигромъ. Принадлежа къ семейству антилопъ, орикъ быстръ на ходу и легокъ въ движеніяхъ.—Такимъ образомъ особенности орикса совпадаютъ съ чертами, какими обрисованъ въ библейскихъ книгахъ *реемъ*. А въ этомъ заключается достаточное основаніе признать въ еврейскомъ *реемъ* антилопу-орикса. Но почему же реемъ въ переводѣ LXX названъ единорогомъ (μονόκερως)? Поводъ къ этому могъ заключаться въ одномъ обычаѣ, существовавшемъ въ древнемъ Египтѣ. Такъ какъ антилопа-орикъ животное крупное и очень сильное, притомъ живо напоминающее быка, то древніе египтяне дѣлали попытки приручить его и сдѣлать безопаснымъ, въ надеждѣ извлечь изъ него значительную пользу. Съ этою цѣлію египтяне молодому орику и обламывали одинъ рогъ, а другому старались придать такую форму, при которой онъ могъ бы быть совершенно безвреднымъ. О подобныхъ опытахъ свидѣтельствуютъ изображенія, начертанныя на египетскихъ памятникахъ, между прочимъ на мемфисской пирамидѣ **). Здѣсь на ряду съ орикcами,

*) Арабское *римъ* тожественно по мнѣнію нѣкоторыхъ, съ еврейскимъ *реемъ*. См. объ этомъ и вообще объ единорогѣ Riehm, Handwörterbuch des Bibl. Altert., 2 Aufl., s. 369, 370.

**) См. Riehm. Handwörterbuch des bibl. Altertums 2 Aufl., s. 370.

имѣющими оба рога, представлены другіе, у которыхъ одинъ рогъ отломанъ, а другому находящіеся при животныхъ люди стараются придать желаемую форму. Очень вѣроятно, что греки, жившіе въ Египтѣ, назвали единорогами животныхъ, у которыхъ оставался одинъ рогъ, а затѣмъ перенесли это названіе вообще на всѣхъ антилопъ-ориксовъ, представители которыхъ названнымъ опытамъ, или точнѣе увѣчью, подвергались. Переводчики священныхъ ветхозавѣтныхъ книгъ на греческій языкъ, жившіе въ Египтѣ, передали, что вполнѣ естественно—словомъ единорогъ (μονόκερως) слово *реемъ*, которымъ евреи называли, а арабы и доселѣ называютъ ориксовъ

Еврейское наименованіе *реемъ* въ славянскомъ и русскомъ переводахъ библіи всюду передано словомъ единорогъ, за исключеніемъ Второз. 33, 17, гдѣ въ русск. пер. употреблено слово *буйволъ*, и Ис. 34, 7, гдѣ въ русск. тоже поставлено *буйволъ*, а въ славян. *сильный*.

Съ словомъ *реемъ* толковники (напр. Кейль) отожествляютъ еврейское слово *тео* или *то*. Это слово употреблено въ подлинномъ текстѣ вз. библіи дважды: Второз. 14, 5 и Ис. 51, 20; въ первомъ случаѣ въ русск. пер. поставлено *оригъ*, въ послѣднемъ—*серна*.

Сайга или степная антилопа (Cervicapra Saiga). Сайга величиною съ лань, имѣетъ очень подвижной носъ, выдающійся много впередъ надъ нижнею челюстію, короткія и широкія уши и короткую морду, густую, прямую и мягкую шерсть, которая на головѣ и шеѣ имѣетъ пепельный цвѣтъ, на спинѣ, бокахъ и бедрахъ—грязно-бѣлый или желтовато-сѣрый, на нижней части туловища ярко-бѣлый. Слухъ и чутье у сайгъ превосходные, но зрѣніе слабо. Сайги очень быстры на бѣгу, но скоро устаютъ. Сайги живутъ стадами, водятся въ восточной Европѣ, преимущественно въ восточной Россіи, затѣмъ въ Азіи, въ киргизскихъ степяхъ до Алтая. Въ Палестинѣ сайги въ настоящее время не встрѣчаются. Слово *сайга*, *сайгакъ* употреблено въ славян. переводѣ, Второз. 14, 5; здѣсь оно соотвѣтствуетъ еврейскому слову *земеръ*, которое только однажды встрѣчается въ под-

линномъ текстѣ вз. библіи и означаетъ животное, имѣющее быстрый бѣгъ *). Въ русскомъ переводѣ словомъ сайгакъ передано еврейское—*яхмуръ* (3 Цар. 4, 23). Но подъ словомъ *яхмуръ* правильнѣе разумѣть козулю (см. выше).

Кромѣ единорога и сайгака въ Палестинѣ въ древнія времена существовали, какъ кажется, и другіе виды антилопъ; по крайней мѣрѣ намеки на нихъ встрѣчаются въ текстахъ вз. библіи.

Въ подлинномъ еврейскомъ текстѣ (Второз. 14, 5) употреблено наименованіе *дишонъ*, которое у LXX передано словомъ πύγαργος, что значитъ *бѣлохвостый*. Слово πύγαργος встрѣчается у Геродота, какъ названіе одного изъ видовъ антилопъ. Это всего вѣроятнѣе *мендесъ-антилопа* (Antilope addax)), или *винторогъ*. Антилопы этого вида, крупныя и быкообразныя, всего болѣе подходятъ къ ориксамъ или сернобыкамъ и отличаются отъ послѣднихъ лишь своими довольно

*) Слово *земеръ* Второз. 14, 5, въ русск. переводѣ библіи передано словомъ *камелопардъ*, согласно съ нѣкоторыми изъ древнихъ переводовъ (Вульгата); этимъ названіемъ римляне обозначали *жирафа*, который представлялся имъ смѣсью верблюда и пантеры. Жирафъ единственный представитель особаго семейства, которому оставлено старо-латинское названіе (camelo-pardalis girafa). Жирафъ отличается невѣроятно длинной шеей, длинными ногами, толстымъ туловищемъ съ покатой спиной, съ красивой и тонкой головой, съ большими и свѣтлыми глазами и двумя странными невысокими (ниже ушей) отростками лобной кости, покрытыми кожей. Длина взрослаго жирафа—3 арш., (7 фут.), высота съ шеей—болѣе 6 арш. (отъ 15 даже до 19 фут.), вѣсъ свыше 27 пудовъ. Жирафъ состоитъ какъ бы изъ частей, принадлежащихъ различнымъ животнымъ. Голова и туловище у него лошадиныя, шея и плечи—верблюжьи, уши какъ у быка, хвостъ ослиный, ноги—антилопы, цвѣтъ и окраска гладкой шерсти напоминаютъ пантеру. Жирафъ животное двукопытное, травоядное, жвачное. Онъ обитаетъ исключительно въ центральной и южной Африкѣ (Брэмъ). Нельзя думать, чтобы жирафъ обиталъ когда-либо въ Палестинѣ. Если бы это было такъ, то о немъ непремѣнно упоминалось бы въ библіи или при описаніи чѣмъ-либо замѣчательныхъ животныхъ въ кн. Іова (39 гл.), или же въ тѣхъ сравненіяхъ и образахъ, которыхъ такъ много въ библейскихъ книгахъ и которые заимствовались отъ всего, что было замѣчательнаго въ палестинской природѣ и что, конечно, было хорошо извѣстно библейскимъ писателямъ.

тонкими, винтообразно закрученными рогами (у сернобыковъ рога гладкіе, безъ винтообразныхъ извивовъ и менѣе тонкіе), а затѣмъ—шерстью; именно у мендесъ-антилопъ отъ основанія роговъ идетъ хохолъ, опускающійся на лобъ; кромѣ того на передней части шеи волосы удлиннены, на подобіе гривы, чего у ориксовъ нѣтъ; что касается окраски шерсти, то бурый цвѣтъ головы, шеи и гривы этихъ антилопъ довольно рѣзко отличается отъ желто-бѣловатаго цвѣта остальной части туловища: на эту особенность окраски, именно на свѣтлый цвѣтъ задней части, указываетъ греческое слово πυγαργος, употребленное у LXX при передачѣ евр. слова *дишонъ*, и свидѣтельствующее о томъ, что евр. *дишонъ* относится къ животному, которое дѣйствительно принадлежитъ къ семейству антилопъ. Родина мендесъ-антилопы — восточная Африка, и потому эта антилопа была хорошо извѣстна въ древнемъ Египтѣ. Ея изображенія нерѣдко встрѣчаются на египетскихъ памятникахъ. Ея рога служили образцомъ роговъ, украшающихъ головы боговъ, жрецовъ и царей древняго Египта. Плиній упоминаетъ о мендесъ-антилопѣ подъ греческимъ названіемъ *стрепсицеросъ*, что значитъ *винторогій, винторогъ*. Въ настоящее время винторогъ встрѣчается въ сѣверной Аравіи, но въ Палестинѣ теперь его нѣтъ. Въ славянскомъ и русскомъ переводахъ библіи евр. *дишонъ* передано словомъ *зубръ*.

Въ славянскомъ и русскомъ переводахъ библіи употреблено, между прочими названіями животныхъ, названіе *буйволъ*. Втораз. 14, 5, оно соотвѣтствуетъ евр. слову *яхмуръ*, Втораз. 33, 17—слову *реемъ* *) (только въ русскомъ переводѣ). Животное, къ которому можно приложить такое названіе, встрѣчается въ Палестинѣ въ настоящее время, хотя и рѣдко; вѣроятно оно существовало тамъ и въ древнія библейскія времена. Это — *антилопа бубалъ* (Antilope bubalis). Толстая спина съ значительнымъ возвышеніемъ передъ шеей,

*) Еврейскія наименованія *яхмуръ* и *реемъ*, не означаютъ, какъ мы видѣли выше, буйвола, но всего вѣроятнѣе, другихъ животныхъ.

но болѣе всего рога, подымающіеся отъ основанія вверхъ въ видѣ лиры и загибающіеся вдругъ на послѣдней трети, подъ тупымъ угломъ назадъ, отличаютъ антилопу-бубала отъ другихъ видовъ антилопъ. Основной цвѣтъ шерсти у описываемой антилопы довольно яркій — коричнево бурый; на лбу онъ переходитъ въ черный, на задней части живота и на внутренней поверхности голеней—въ бѣлый; шерсть короткая, плотно прилегающая къ тѣлу. Взрослый самецъ антилопы-бубала имѣетъ въ длину 3 арш., (7 фут.) въ высоту—около 2 арш. (4 фут.) Антилопы, о которыхъ рѣчь, довольно неуклюжи и тяжелы въ движеніяхъ, но на бѣгу быстры; на пищу очень неприхотливы и потому живутъ въ самыхъ пустынныхъ и безплодныхъ мѣстностяхъ. Онѣ водятся, между прочимъ, въ сѣверной Африкѣ и встрѣчаются иногда въ Палестинѣ, на востокъ отъ Іордана. Антилопа бубалъ издали очень похожа на корову, вслѣдствіечего арабы въ Палестинѣ называютъ ее дикою коровою.

Если наименованіе *буйволъ*, употребленное въ русскомъ и славянскомъ переводахъ библіи, можетъ быть приложено къ одному изъ животныхъ, встрѣчающихся въ настоящее время въ Палестинѣ и, вѣроятно, обитавшихъ въ ней и въ древнія времена, то во всякомъ случаѣ, оно, это наименованіе не обозначаетъ буйвола въ собственномъ смыслѣ,—то-есть животное, принадлежащее къ семейству быковъ и отличающееся въ большей части своихъ видовъ и разновидностей крайнею дикостію, свирѣпостью и силою,—не обозначаетъ, ибо не подлежитъ сомнѣнію, что подлинный текстъ библіи не содержитъ даже намековъ на существованіе буйволовъ въ Палестинѣ въ древнія времена. Притомъ же они, какъ кажется, и не могли существовать тамъ, такъ какъ болѣе или менѣе извѣстные виды буйволовъ имѣютъ своей первоначальной родиною страны, въ значительной мѣрѣ удаленныя отъ Палестины. Такъ родина кафрскаго буйвола — южная Африка, буйвола обыкновеннаго — Индія, зубра—Европа, бизона—Америка. Правда, такъ называемый порабощенный или нѣсколько прирученный буйволъ, происходя-

щій отъ дикаго индійскаго буйвола, не только распространенъ въ Египтѣ и въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ (напр. въ болотистыхъ мѣстностяхъ Италіи), но былъ встрѣчаемъ также въ Палестинѣ; однако же потомки обыкновеннаго индійскаго буйвола были распространены далеко за предѣлы своей порвоначальной родины уже въ позднѣйшія, во всякомъ случаѣ въ послѣбиблейскія, времена, такъ что библейскіе писатели не могли видѣть буйвола въ св. землѣ, вообще не могли имѣть о немъ какихъ-либо свѣдѣній и называть его на ряду съ другими двукопытными животными, обитавшими въ Палестинѣ въ библейскія времена.

Всѣ вышеописанныя животныя были употребляемы древними евреями въ пищу, согласно постановленію закона Моисеева, изложенному во Второз. 14, 3—6. Между прочимъ, нѣкоторыя изъ этихъ животныхъ, наиболѣе распространенныя въ древней Палестинѣ, ежедневно и въ значительномъ количествѣ были доставляемы ко двору Соломона для продовольствія (3 Цар. 4, 22. 23). Потребныя для продовольствія дикія животныя добывались путемъ охоты. Охотники вооружались, главнымъ образомъ, лукомъ и стрѣлами (Ис. 7, 24), а также пращами (Іов. 41, 20); иногда при поимкѣ животныхъ, особенно крупныхъ и очень быстрыхъ, прибѣгали къ хитрости: разставляли на ихъ путяхъ сѣти, тенета, петли (Іов. 18, 8 — 10; Ис. 51, 20; Сир. 27, 22), вырывали ямы (Пс. 9, 16). Охота производилась по горамъ, холмамъ, ущельямъ скалъ (Іер. 16, 16) и въ пустынныхъ мѣстностяхъ, заросшихъ кустарникомъ (Ис. 7. 24). Прежде чѣмъ употребить въ пищу дикое животное, пойманное на охотѣ, нужно было, по закону, выпустить всю кровь его (Лев. 17, 13).

Многокопытныя.

Особенности многокопытныхъ по ихъ внѣшнему виду; многокопытныя, упоминаемыя въ Библіи.—*Даманъ* или *жирякъ*; его внѣшній видъ и образъ жизни. Можно ли подъ библейскимъ наименованіемъ *шафанъ* разумѣть дамана? Передача славянскими и русскими переводчиками Библіи слова *шафанъ*.—*Свинья*; характерные признаки многокопытныхъ, принадлежащіе свиньѣ. Законъ, запрещавшій Евреямъ употребленіе въ пищу свинаго мяса; причины, вызвавшія это запрещеніе.—Дикія свиньи или *кабаны* въ Палестинѣ.—*Бегемотъ*; особенности его внѣшняго строенія; образъ его жизни. Изображеніе бегемота въ кн. Іова; обстоятельность и точность этого изображенія. Родина бегемота; водился ли бегемотъ когда-либо въ Палестинѣ? Наименованія бегемота и ихъ значеніе.—*Слонъ*; родина слоновъ; слоны африканскій и индійскій. Слоны въ Палестинѣ во времена Маккавеевъ; употребленіе слоновъ въ войскахъ; слоны во время сраженій. Слоновая кость; употребленіе ея въ Палестинѣ и другихъ странахъ въ древнія времена — Замѣчаніе о водныхъ млекопитающихъ.

Характерныя черты многокопытныхъ по ихъ внѣшнему виду суть слѣдующія: они отличаются тяжелымъ, массивнымъ строеніемъ тѣла, ноги у нихъ, короткія и толстыя, имѣютъ отъ трехъ до пяти пальцевъ, причемъ каждый палецъ покрытъ отдѣльнымъ копытомъ; почти у всѣхъ лицевая часть болѣе или менѣе удлиннена, а у нѣкоторыхъ носъ вытягивается до значительныхъ размѣровъ, образуя хоботъ; шея короткая, едва отдѣляющаяся отъ туловища, хвостъ—незначительной длины; кожа на тѣлѣ очень толстая, изрѣдка покрытая рѣдкими щетинами, мѣстами совершенно голая; густыя щетины встрѣчаются рѣже, и только одно семейство толстокожихъ одѣто мѣхомъ (Брэмъ).

Изъ многокопытныхъ въ Библіи упоминаются: даманы, свиньи, слоны и бегемоты.

Даманъ (Hyrax Syriacus). Въ скалахъ, возвышающихся надъ Кедронскою долиною и Мертвымъ моремъ, водится въ значительномъ количествѣ оригинальное животное. Оно ростомъ не болѣе кролика съ мягкимъ, пушистымъ мѣхомъ сверху сѣро коричневаго, снизу бѣловатаго цвѣта, и короткими ногами, съ раздвоенной верхней губою, съ малымъ, скрытымъ въ мѣху хвостомъ; на переднихъ ногахъ оно

имѣетъ по четыре пальца, на заднихъ—по три, каждый палецъ одѣтъ тонкимъ копытомъ. Животное это быстро бѣгаетъ почти по отвѣснымъ крутизнамъ, гнѣздится обществами въ разсѣлинахъ скалъ, питается травой, причемъ употребляетъ ее въ большомъ количествѣ.

Описанное животное по-русски называется *даманъ* или *жирякъ*; въ Аравіи оно носитъ наименованіе *вабръ*. греки на Синаѣ называютъ его *хёрогрильонъ*.

По утвержденію многихъ ученыхъ (Кейль, Деличъ, Римъ), даманъ былъ извѣстенъ библейскимъ писателямъ, и подъ наименованіемъ шафанъ, употребленномъ въ еврейскомъ текстѣ Библіи (Лев. 11, 5; Второз. 14, 7; Пс. 103, 18; Притч. 30, 26), слѣдуетъ разумѣть именно это животное. Дѣйствительно *шафанъ* въ Библіи характеризуется такими чертами, которыя даютъ въ немъ видѣть дамана или жиряка.

Такъ о шафанѣ прежде всего говорится, что онъ хотя жуетъ жвачку, но не имѣетъ раздвоенныхъ копытъ (Лев. 11, 5). Это замѣчаніе можетъ быть приложено къ даману. Правда, даманъ не принадлежитъ къ жвачнымъ животнымъ, но онъ такъ двигаетъ челюстями во время питанія, что напоминаетъ животныхъ, отрыгающихъ жвачку; въ этомъ отношеніи онъ совершенно подобенъ зайцу, котораго даже Линней отнесъ къ жвачнымъ животнымъ (Keil und Delizsch, Bibl. Commentar über das A. Test. 1870. I, 2. S. 85), принимая во вниманіе только внѣшніе признаки. По той же причинѣ и въ Библіи шафанъ и заяцъ отнесены къ жвачнымъ животнымъ. Что касается замѣчанія, что шафанъ не имѣетъ раздвоенныхъ копытъ, то это, несомнѣнно, можно сказать о даманѣ; по строенію своихъ ногъ онъ не принадлежитъ къ животнымъ парнокопытнымъ. Далѣе шафанъ выставленъ у библейскихъ писателей животнымъ, имѣющимъ прибѣжище въ камняхъ, скалахъ и названъ слабымъ (Пс. 103, 18; Притч. 30, 26). Но именно это можно утверждать о доманѣ или жирякѣ. Исключительнымъ убѣжищемъ дамановъ служатъ скалы, или разсѣлины и обломки скалъ; только здѣсь они гнѣздятся и находятъ свою безопасность;

даже по необходимости, для отысканія пищи въ долинахъ, они неохотно разстаются съ своими скалами. Слабыми даманы также могутъ быть названы по всей справедливости. Они не располагаютъ никакими средствами для свой защиты; поэтому они невѣроятно робки и пугливы. Ворона, пролетающая мимо, даже ласточка пугаютъ ихъ и заставляютъ укрываться въ свои норки.

Славянскіе и русскіе переводчики вз. Библіи передали еврейское *шафанъ* различными словами: хирогрилль, тушканчикъ, заяцъ, горная мышь. Ясно, что переводчики отнесли животное, которое въ древней Палестинѣ называлось шафанъ, къ отряду грызуновъ и къ семейству или тушканчиковъ или заячьихъ. Но эти животныя не имѣютъ тѣхъ особенностей, которыми характеризуется шафанъ въ библейскихъ книгахъ. Такъ, напр., тушканчики обитаютъ въ степяхъ и песчаныхъ пустыняхъ; въ скалахъ же, въ разсѣлинахъ скалъ ихъ никогда не встрѣчали. Что касается зайцевъ, то одинъ изъ ихъ видовъ, именно кроликъ (Lepus cuniculus) можетъ жить и живетъ въ скалистыхъ мѣстностяхъ; но онъ точно также водится и въ странахъ, гдѣ скалъ вовсе не имѣется; притомъ же кролика въ Сиріи и Палестинѣ въ настоящее время нѣтъ и, вѣроятно, никогда не бывало.

Свинья. Свиньи представляются и ихъ обыкновенно считаютъ двукопытными животными. На самомъ же дѣлѣ, каждая нога у свиньи несетъ по двѣ пары пальцевъ: переднюю и заднюю. Передняя пара пальцевъ на каждой ногѣ вполнѣ развита, доходитъ до земли и служитъ подпорой туловищу, задняя пара пальцевъ развита невполнѣ и до земли не доходитъ. Но во всякомъ случаѣ свинья, имѣющая на каждомъ изъ четырехъ пальцевъ копыто, должна быть отнесена къ многокопытнымъ животнымъ, тѣмъ болѣе, что она имѣетъ и другіе характерные признаки этого разряда млекопитающихъ: толстую кожу, клыки, удлиненное рыло и проч.

Употребленіе въ пищу свинаго мяса было запрещено Евреямъ, какъ нѣчто скверное. Ближайшая причина этого

запрещенія указана въ законѣ: не ѣшьте свиньи, потому что копыта у нея раздвоены, и на копытахъ разрѣзъ глубокій, но она не жуетъ жвачки, нечиста она для васъ (Лев. 11, 7; Второз. 14, 8). Но кромѣ этой ближайшей и внѣшней причины, были другія, болѣе существенныя побужденія къ такому запрещенію. Прежде всего — и это главное — свинину употребляли въ пищу языческіе народы, притомъ въ связи съ религіозными обрядами. Такъ Египтяне, справляя торжественный годичный праздникъ въ честь богини луны и Озириса, приносили свиныя жертвы названнымъ божествамъ и затѣмъ поѣдали жертвенное мясо; свиныя жертвы были также въ употребленіи у Вавилонянъ; наконецъ свиньи принадлежали къ числу жертвенныхъ животныхъ у Грековъ и Римлянъ; поэтому-то Антіохъ Епифанъ, желая отвлечь Іудеевъ отъ закона Моисеева и отъ почитанія Іеговы, принуждалъ ихъ ѣсть жертвенное свиное мясо. Такимъ образомъ употреблять въ пищу свинину для преданнаго законамъ отеческимъ Іудея значило то же, что забыть Бога истиннаго и склониться на сторону язычества; но законъ всячески старался оградить отъ этого сыновъ Израиля. Дальнѣйшія побужденія къ разсматриваемому запрещенію могли заключаться въ томъ, что свиное мясо въ теплыхъ странахъ не безвредно, преимущественно же въ свойствахъ, характеризующихъ собою свиней и возбуждающихъ отвращеніе. Свинья—животное необыкновенно прожорливое и въ своей прожорливости очень неразборчивое; она ѣстъ все, не исключая падали и вообще всяческой мерзости, затѣмъ она животное крайне нечистоплотное, валяться въ грязи для нея высшее наслажденіе (2 Петр. 2, 23; ср. Притч. 11, 22); въ довершеніе всего свиньи, раздраженныя чѣмъ-либо, приходятъ въ ярость и бываютъ готовы, несмотря ни на что, броситься на человѣка и нанести ему чувствительный вредъ (Мѳ. 7, 6). Вслѣдствіе указанныхъ отталкивающихъ свойствъ, въ древности многіе народы съ отвращеніемъ и презрѣніемъ относились къ свиньямъ и воздерживались отъ употребленія въ пищу ихъ мяса; то же можно сказать и о нѣкоторыхъ

современныхъ племенахъ, обитающихъ на Востокѣ. Изъ древнихъ народовъ, это можно сказать о Египтянахъ. Правда, они, какъ сказано, ѣли жертвенное свиное мясо, но только однажды въ годъ, въ день празднованія богинѣ луны и Озирису. Правда, они разводили свиней съ указанною религіозною цѣлію, но смотрѣли на нихъ съ рѣшительнымъ отвращеніемъ, и такое же отвращеніе простирали даже на пастуховъ свиныхъ стадъ. Ни одинъ Египтянинъ не рѣшался отдать дочь свою за свинопаса, вслѣдствіе чего эти люди могли родниться лишь между собою. Далѣе, отъ свинаго мяса воздерживались Финикіяне, Арабы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сирійцы. Имѣя въ виду отвращеніе къ свиному мясу народовъ Здапаной Азіи, Магометъ въ Коранѣ запретилъ употреблять его въ пищу; вслѣдствіе этого запрещенія всѣ современные магометанскіе народы воздерживаются отъ свинины. Такъ какъ законъ призналъ свиней животными нечистыми, то Евреи никогда не занимались ихъ разведеніемъ. Правда, въ Евангеліяхъ упоминается о свиньяхъ, пастьбою которыхъ занимался блудный сынъ во время своихъ скитаній, а также о многочисленныхъ свиньяхъ гадаринскихъ; но дѣло въ томъ, что блудный сынъ скитался среди язычниковъ, въ далекой странѣ (Лук. 15, 13), внѣ предѣловъ Палестины, гдѣ къ разведенію свиней со стороны закона не могло быть препятствій. Что касается страны Гадаринской, то она во времена Христа также была населена язычниками, которымъ, вѣроятно, и принадлежало стадо, устремившееся въ озеро (Лук. 8, 32*).

Такъ какъ древніе Евреи не занимались разведеніемъ прирученныхъ свиней, то объ этихъ животныхъ очень рѣдко упоминается въ ветхз. Библіи. Точно также у библейскихъ писателей не встрѣчается указаній и на свиней дикихъ, или кабановъ, за исключеніемъ Ис. 79, 14, хотя можно думать, что кабаны въ древней Палестинѣ были обыкновеннымъ явленіемъ. По крайней мѣрѣ въ настоящее время они въ

*) Riehm Handwörterbuch des biblischen Altertums. 2 Aufl. S. 1462—3.

Палестинѣ водятся повсюду: въ Іорданской равнинѣ, близъ Іерихона, въ окрестностяхъ озеръ Геннисаретскаго и Меромскаго, на Ѳаворѣ, Кармилѣ и во мн. др. мѣстахъ.

Бегемотъ (Hippopotamus amphibius) можетъ быть названъ самымъ неуклюжимъ и самымъ массивнымъ изъ многокопытныхъ животныхъ. Наиболѣе рѣзкій, отличительный признакъ этого животнаго—его голова. Она почти четырехугольная, снабжена небольшими высокосидящими глазами и имѣетъ длинную, необыкновенно широкую и толстую морду, которая спереди расширяется и въ видѣ верхней губы спалаетъ очень низко, закрывая ротъ со всѣхъ сторонъ, причемъ совершенно также закрываются изогнутые полукругомъ клыки нижней челюсти, несмотря на ихъ громадность. Тяжелое, толстое туловище бегемота очень вытянуто; брюхо круглой, почти цилиндрической формы въ серединѣ виситъ такъ низко, что касается земли, когда животное идетъ по тинистой почвѣ, толстыя ноги его очень коротки, немного выше аршина даже у взрослыхъ экземпляровъ, и имѣютъ каждая по четыре копыта; короткій хвостъ сплющенъ съ боковъ и на концѣ усаженъ небольшими жесткими щетинами вродѣ проволокъ; толстая кожа на туловищѣ, образующая глубокія складки на шеѣ и на груди, лишь изрѣдка покрыта короткими щетинистыми волосами и представляется почти голой, цвѣтъ кожи мѣдно-бурый со множествомъ буроватыхъ и синеватыхъ пятенъ; длина бегемота простирается до 7 арш., вышина до $2^1/_2$,—вѣсъ—отъ 150 до 200 и болѣе пудовъ (50—70 центнеровъ).—Бегемотъ живетъ преимущественно въ водѣ, причемъ черезъ 2—4 минуты выставляетъ надъ водою верхнюю часть головы, чтобы втянуть струю свѣжаго воздуха. Пищею бегемота служатъ водоросли; за недостаткомъ ихъ животное, по ночамъ, выходитъ на сушу и отыскиваетъ пищу или въ лѣсахъ, или на воздѣланныхъ поляхъ, причемъ послѣднимъ причиняетъ страшныя опустошенія, пожирая въ большомъ количествѣ хлѣбные злаки и вытаптывая ихъ (Брэмъ).

Въ ветхз. Библіи, именно въ кн. Іова 40, 10—19, содержится обстоятельное описаніе бегемота, съ указаніемъ

наиболѣе характерныхъ особенностей этого животнаго. По изображенію священной книги, бегемотъ ѣстъ траву, какъ волъ, отыскивая, между прочимъ, на горахъ свою пищу (ст. 10, 15); такъ какъ онъ не принадлежитъ къ числу хищниковъ, то прочія животныя не убѣгаютъ отъ него въ страхѣ; напротивъ они остаются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ пасется, и сохраняютъ при этомъ полное спокойствіе (—15). Вода для бегемота—родная стихія; поэтому онъ любитъ жить въ мѣстностяхъ, обильныхъ водою, напр., въ болотахъ, а также въ большихъ рѣкахъ, и послѣднія не устрашаютъ его, хотя бы онѣ были очень быстры и заливали его своими волнами. Живя въ болотахъ и рѣкахъ, бегемотъ отдыхаетъ обыкновенно въ чащѣ тростниковъ, вообще болотныхъ растеній, и подъ тѣнью деревьевъ, растущихъ при водахъ (—16—18). Но несмотря на то, что бегемотъ принадлежитъ къ числу травоядныхъ животныхъ, онъ, по изображенію священной книги, поражаетъ своею крѣпостію и силою. Особенное впечатлѣніе крѣпости производятъ тучныя чресла животнаго, его бедра и брюхо, покрытыя частою сѣтью толстыхъ жилъ; подобное же впечатлѣніе производитъ даже хвостъ животнаго; очень небольшой по сравненію съ туловищемъ, онъ, однако же, живо напоминаетъ своимъ видомъ короткій и толстый стволъ кедроваго дерева (—11, 12). Хотя бегемотъ отличается крупными размѣрами своего туловища и массивностію, онъ тѣмъ не менѣе совершенно свободно и даже быстро двигается въ водѣ и легко взбирается на крутизны, что даетъ основаніе предполагать чрезвычайную крѣпость въ его ногахъ и вообще во всемъ костяномъ скелетѣ, и потому священный поэтъ и называетъ его ноги мѣдными трубами, а кости сравниваетъ съ желѣзными прутьями (—13). Массивность бегемота и крѣпость различныхъ частей его туловища даютъ, наконецъ, видѣть въ немъ присутствіе необычайной силы. Отсюда, въ разсматриваемомъ библейскомъ изображеніи бегемота это животное называется верхомъ путей Божіихъ (рус. перев.) или началомъ созданія Господня (славян. пер.), т. е. однимъ изъ первыхъ въ

ряду выдающихся представителей животнаго царства, затѣмъ страшные его клыки называются мечемъ, который могъ ему даровать или къ нему приблизить только Создатель его (—14); въ заключеніе представляется крайне труднымъ, почти невозможнымъ открыто напасть на него и одержать надъ нимъ скорую побѣду (—19). Нужно замѣтить, что изображеніе бегомота въ книгѣ Іова, несмотря на фигуральный, поэтическій языкъ этого изображенія, вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Такъ, между прочимъ, совершенно вѣрно, что открыто нападать на бегемота почти невозможно: это—тоже самое, что итти на вѣрную погибель. Потому-то въ настоящее время суданцы-охотники со всевозможными предосторожностями приближаются къ бегомету въ то время, когда онъ, окончивъ сухопутную прогулку, входитъ въ воду. Въ этотъ моментъ они бросаютъ въ животное, не замѣчающее ихъ, гарпунъ, тяжело ранятъ его и немедленно скрываются. Затѣмъ, спустя день или два, когда бегемотъ ослабѣетъ отъ потери крови, его находятъ въ рѣкѣ и тогда уже добиваютъ.

Родина бегемота—Африка на югъ отъ Сахары. Въ древнія времена бегемотъ былъ въ Египтѣ обыкновеннымъ явленіемъ; но въ концѣ четвертаго вѣка по Р. Х., какъ свидѣтельствуетъ Амміанъ Марцеллинъ, это животное уже не встрѣчалось въ названной странѣ. Теперь бегемоты въ значительномъ еще количествѣ водятся въ рѣкахъ и озерахъ внутренней Африки, хотя и здѣсь они безпощадно истребляются, потому что клыки бегемота, не уступающіе по своему достоинству слоновой кости, его толстая кожа, наконецъ, его вкусное мясо и сало представляютъ для охотниковъ очень цѣнную и привлекательную добычу (Брэмъ). Но водился-ли когда-либо бегемотъ въ Палестинѣ? Никакихъ указаній и даже намековъ на это не имѣется ни въ библейскихъ книгахъ, ни въ какихъ либо сочиненіяхъ свѣтскихъ писателей; поэтому слѣдуетъ думать, что свящ. писатель кн. Іова путешествовалъ по Египту и имѣлъ случай видѣть тамъ бегемота и обстоятельно ознакомиться съ нимъ. Во всякомъ,

впрочемъ, случаѣ можно предположить, что древніе Евреи много слышали о необыкновенномъ животномъ-обитателѣ египетскихъ водъ и имѣли о немъ—его внѣшномъ видѣ, его образѣ жизни—отчетливое представленіе; въ противномъ случаѣ для нихъ было бы не вполнѣ яснымъ и вразумительнымъ описаніе бегемота, помѣщенное въ книгѣ Іова и предназначавшееся прежде всего для нихъ.—Еврейское названіе *бегемотъ* значитъ: громадное, колоссальное животное. Впрочемъ и еврейское названіе производятъ въ свою очередь отъ египетскаго (*п-еге-мо*), означающаго: водяный быкъ. Бегемотъ извѣстенъ также подъ именемъ *гиппопотама*; это послѣднее имя заимствовано отъ грековъ и означаетъ: водяная лошадь. Но наименованіе *бегемотъ*, въ смыслѣ водянаго быка, ближе подходитъ къ описываемому нами животному, потому что оно своимъ внѣшнимъ видомъ, глухимъ ревомъ и громкимъ мычаньемъ скорѣе напоминаетъ быка, нежели лошадь (Delitzsch, Riehm).

Слоны водятся въ Африкѣ и Индіи: только въ этихъ странахъ слоны всегда были туземными животными. Африканскій и индѣйскій слоны представляютъ собою разновидности одного и того же рода и по внѣшности замѣтно отличаются одинъ отъ другаго. Африканскій слонъ имѣетъ плоскую голову, наклонный лобъ и поразительно большія неподвижныя уши; у индійскаго слона голова болѣе высокая съ отвѣснымъ лбомъ и меньшими подвижными ушами; бивни его или клыки тоже не такъ велики, какъ у африканскаго.

Евреи узнали слона уже въ позднѣйшіе годы своей исторіи, именно въ періодъ Маккавеевъ. Въ это время слоны появились въ Палестинѣ въ качествѣ дрессированныхъ, приспособленныхъ къ войнѣ животныхъ. Персы первые стали употреблять слоновъ съ военными цѣлями. Такъ Дарій въ битвѣ при Арбелахъ (331 г. до Р. Х.) имѣлъ въ своемъ войскѣ 15 слоновъ. Съ тѣхъ поръ эти животныя, въ продолженіе почти трехъ вѣковъ, занимали видное мѣсто въ многочисленныхъ войнахъ, которыя были ведены различными

народами за обладаніе міромъ. Слоновъ имѣли въ своихъ войскахъ и Селевкиды, стремившіеся завоевать Іудею и уничтожить ея самостоятельность. И вотъ въ достопамятные дни борьбы Маккавеевъ съ Селевкидами Іудеи впервые увидѣли слоновъ на поляхъ палестинскихъ. Такъ во время перваго похода на Іудею Лисія, полководца царя Антіоха Евпатора, въ войскѣ этого полководца находилось 80 слоновъ (2 Мак. 11, 4), во время втораго похода Лисій имѣлъ при себѣ 32 (или 22) слона (1 Мак. 6, 30; 2 Мак. 11, 2). Участвовавшіе въ сраженіи слоны были раздѣлены на отряды, при каждомъ слонѣ находилось по тысячѣ пѣшихъ воиновъ въ желѣзныхъ кольчугахъ и съ мѣдными шлемами на головахъ, а также по пятисотъ отборныхъ всадниковъ; эти воины служили охраною животнаго и слѣдовали за нимъ, когда оно устремлялось на непріятеля. Слоны имѣли на спинахъ деревянныя башни, укрѣпленная на нихъ «помочами»; въ каждой башнѣ помѣщались вооруженные воины, принимавшіе участіе въ сраженіи; кромѣ того каждому слону сопутствовалъ проводникъ. Въ 1 Мак. 6, 37 проводники эти названы Индійцами, изъ чего слѣдуетъ, что слоны Лисія были выведены изъ Индіи. Извѣстно, что слоны очень любятъ опьяняющіе напитки; поэтому слонамъ, находившимся въ войскахъ Лисія, передъ началомъ сраженія показывали сокъ винограда и тутовыхъ ягодъ, чтобы возбудить ихъ къ битвѣ (1 Макк. 6, 34—37). Слѣдуетъ замѣтить, что слоны Лисія не въ состояніи были привести въ ужасъ и смутить храбрыхъ іудейскихъ воиновъ. Такъ во время сраженія при Веесахарѣ іудейскій воинъ, именемъ «Елеазаръ, сынъ Саварана, увидѣлъ, что одинъ изъ слоновъ покрытъ броней царской и превосходитъ всѣхъ, и казалось, что на немъ былъ царь — и онъ предалъ себя, чтобы спасти народъ свой и пріобрѣсти себѣ вѣчное имя: и смѣло побѣжалъ къ нему въ середину отряда, поражая направо и налѣво; и подбѣжалъ онъ подъ того слона, легъ подъ него и убилъ его, и палъ на него слонъ на землю, и онъ умеръ тамъ» (1 Макк. 6, 33.

43—46). Слонъ, убитый Елеазаромъ, вѣроятно, былъ передовымъ слономъ въ цѣломъ отрядѣ животныхъ.

Но если слоны появились въ Палестинѣ въ позднѣйшій періодъ еврейской исторіи, то слоновая кость была тамъ издавна извѣстна. Раннѣйшее и вполнѣ опредѣленное свидѣтельство о слоновой кости въ Палестинѣ мы находимъ въ 3 Царствъ 10, 22. Здѣсь говорится, что Ѳарсисскій корабль Соломона привозилъ ему, вмѣстѣ съ золотомъ и серебромъ, и слоновую кость. Со временъ Соломона слоновая кость быстро вошла въ употребленіе между богатыми Евреями: изъ нея приготовляли различные предметы, она шла на украшеніе жилищъ. Такъ Соломонъ сдѣлалъ изъ слоновой кости большой тронъ и обложилъ его чистымъ золотомъ (3 Цар. 10, 18). Далѣе Ахаавъ, царь Израильскій, построилъ себѣ домъ изъ слоновой кости, т. е. домъ, въ которомъ, по всей вѣроятности, комнаты по стѣнамъ были выложены слоновой костью (3 Цар. 22, 31), точнѣе—пластинками и рѣзными украшеніями изъ нея. Во времена пр. Амоса именитые люди царства Израильскаго устраивали для себя изъ слоновой кости ложа или софы (Ам. 6, 4), а также употребляли этотъ драгоцѣнный матеріалъ для украшенія своихъ жилищъ (Ам. 3, 15). Указанія на употребленіе слоновой кости между Евреями можно также видѣть въ Пс. 44, 9; Пѣсн. 5, 14; 7, 4. По свидѣтельству Библіи, слоновую кость употребляли и другіе народы, жившіе по сосѣдству съ Евреями. Такъ пр. Іезекіиль дѣлаетъ указаніе на то, что Финикіяне оправляли слоновою костью нѣкоторыя части своихъ мореходныхъ судовъ (Іез. 27, 6).

Палестина можетъ быть названа приморскою страною: западную ея границу составляетъ восточное побережье Средиземнаго моря; кромѣ того Еланитскій заливъ Краснаго моря соприкасается съ южными ея предѣлами. Поэтому Евреи всегда хорошо знали, что моря имѣютъ многочисленныхъ обитателей, какъ малыхъ, такъ и великихъ, и въ этомъ

они, между прочимъ, усматривали обнаруженіе премудрости божественной. Такъ напр., въ Пс. 103 мы находимъ слѣдующія вдохновенныя слова: «Какъ многочисленны дѣла Твои, Господи! Все содѣлалъ ты премудро. Это—море великое и пространное: тамъ пресмыкающіяся, которымъ нѣтъ числа, животныя малыя съ большими; тамъ плаваютъ корабли, тамъ этотъ левіаѳанъ, котораго ты сотворилъ играть въ немъ» (ст. 24—26). Но подробныхъ свѣдѣній, отчетливыхъ представленій о тѣхъ или другихъ породахъ морскихъ животныхъ у древнихъ Евреевъ никогда не было; ничего опредѣленнаго не знали они и о крупнѣйшихъ обитателяхъ морей—китообразныхъ, которыя встрѣчаются также и въ сопредѣльныхъ съ Палестиною водахъ Средиземнаго моря. Отсюда даже краткихъ упоминаній объ этихъ животныхъ въ библейскихъ книгахъ почти не встрѣчается. Такъ, по мнѣнію толковниковъ (Деличъ), только въ вышеприведенныхъ словахъ псалмопѣвца подъ именемъ левіаѳана несомнѣнно разумѣется китъ. Правда, нѣкоторые изъ толковниковъ утверждаютъ, что морскія млекопитающія разумѣются въ слѣдующихъ словахъ кн. плача Іереміи: «чудовища подаютъ сосцы и кормятъ своихъ дѣтенышей (Плач. 4, 3); но большинство ученыхъ комментаторовъ полагаетъ, что въ этихъ словахъ правильнѣе видѣть указаніе на шакаловъ (Keil und Delitzsch, Commentar, III Th., 2 B., S. 610. См. выше стр. 71).

ВАЖНѢЙШІЯ ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	Строка.	Напечатано	Слѣдуетъ читать
20	снизу 9	Дитеныши	Дѣтеныши
22	» 10	дитеныши	дѣтеныши
23	» 5	луга сады,	луга, сады
26	сверху 16	дитеныши	дѣтеныши
49	» 1	*цефацы и фони*	*цефа и цифони*
66	» 11	рыбой	рябью
67	снизу 6	пищей	пищей
78	» 9	хищныхъ нтицъ	хищныхъ птицъ
81	сверху 13	страшыхъ	страшныхъ
95	» 11	о—ребъ	оребъ
96	снизу 2	но вился	а вился
97	» 11	вороны	воронѣ
99	» 1	кормиться	кормяться,
105	сверху 6	агнпа	агнца
118	снизу 15	дольныя	продольныя
119	сверху 3	западной	западной
120	» 18	упомина-	упомина-
121	снизу 12	направившія	направившій
128	сверху 11	перелетныя;	перелетныя,
133	» 18	struthio	Struthio
136	» 8	*можетъ*	*можетъ*
140	» 2	N	A.
140	снизу 18	развивается	развѣвается
145	» 3	Prophel	Prophet
148	снизу 1	Rkiem	Riehm
156	» 10	общу	общую
164	» 18	5.	S.
164	» 12	25 2 Aufi.	25. 2 Aufl
169	» 16	раздроблять	раздроблять
175	сверху 17	въ перемѣшку	въ перемѣжку
181	снизу 16	но любитъ	но любитъ онъ
186	» 8	въ Нурнилѣ	въ Израилѣ
189	» 17	непріятельскія	непріятельскіе
195	» 16	приняли	принимали
196	» 10	горнія	горніе
199	» 10	Гесенъ	Гесемъ
202	» 9	Израильскую	Изреельскую
202	» 9	111	III
202	» 8	выпали	выпала
202	» 2	Іезекіилъ	Іезекіиль

Стран.		Строка.	Напечатано	Слѣдуетъ читать.
204	сверху	15	одного	одного—
210	»	15	кобылицъ	кобылицы
224	сверху	8—9	(отверстіе, просверленное въ разсматриваемомъ выраженіи Христа *нежба*	(отверстіе иглы),—въ разсматриваемомъ выраженіи Христа
240	снизу	14	бонаруживается	обнаруживается
240	»	13	неовльно	невольно
242	сверху	18	животныхъ	животнымъ
242	снизу	5	Израилевыхъ,	Израилѣвыхъ;
243	сверху	4	предписаніе:	предписано:
245	снизу	4	и запутывались	и, запутываясь
247	сверху	18	одинорога	единорога
256	»	8	собственное.	собственное,
257	»	14	раговъ	враговъ
257	»	15	вогами	рогами
257	»	16	динорогъ	единорогъ
258	»	6	извѣстной	извѣстный
265	снизу	5	скалахъ	скалахъ,

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Мягкотѣлыя, черви, паукообразныя, насѣкомыя . . 1— 35

Общія предварительныя замѣчанія, ... 1— 4

Мягкотѣлыя; *пуговровыя раковины.* Черви; *піявки.* Паукообразныя; упоминаніе въ Библіи о *паукахъ* вообще и паутинѣ; *скорпіоны.* Насѣкомыя; *червецъ; пчелы; саранча; комары; слѣпни; москиты; моль; щерши; муравьи.* 5— 35

Пресмыкающіяся и гады . . . . . 36— 64

Змѣи. . . . . 36— 49

Китозъ; сарафъ; шефифонъ; петенъ; ефе; цефа; цифони; акшубъ.

Крокодилы и ящерицы . . . . . 50— 64

Крокодилъ, описаніе крокодила въ кн. Іова. Ящерицы; *анака; коахъ; летаа; тиншеметъ;* цабъ.

Рыбы . . . . . 65— 73

Недостаточность *рыбы* въ Палестинѣ. Рыба въ Геннисаретскомъ озерѣ и другихъ водахъ Палестины. Рыболовство въ Палестинѣ. Раздѣленіе рыбъ на чистыхъ и нечистыхъ.

Птицы . . . . . 74—149

Общія замѣчанія о птицахъ въ Св. землѣ. Хищныя птицы. 74—149

Обиліе птицъ въ Св. землѣ, по указаніямъ Библіи. — Употребленіе Евреями въ пищу птичьяго мяса и яицъ. Добываніе птицъ. Разведеніе Евреями домашнихъ птицъ. Образы, взятые изъ жизни птицъ. Разряды птицъ, упоминаемыхъ въ Библіи. Хищныя птицы: *орлы, морской орелъ; грифы; сипъ; коршунъ; соколъ; ястребъ; сова, филинъ.*

Вороновыя, лазящія, голубиныя, скребущія . . . . . 95—122

СТРАН.

Воронъ; удодъ; голуби и *горлицы; домашнія куры; куропатки* и *рябки, перепела, павлины.*

Воробьиныя, широкоротыя, пѣвчія птицы, короткокрылыя, голенастыя, веслоногія, длиннокрылыя, пластинчатоклювыя . . . . . 123—149

Домашній воробей, жаворонокъ; ласточка; соловей; страусъ; аистъ, цапля, журавль, ибисъ, зуй; пеликанъ, рыболовъ; чайка, лебедь.

Млекопитающія въ Св. землѣ . . . . . 150—175

Отряды, къ которымъ принадлежатъ млекопитающія животныя Св. земли, упоминаемыя въ Библіи. Обезъяны, рукокрылыя, грызуны . . . . . 150—167

Гульманы, мартышки, павіаны; летучія мыши; мыши, зайцы.

Хищныя . . . . . 167—186

Левъ, леопардъ, рысь, домашняя кошка, собака, волкъ, шакалъ, лисица, гіена, медвѣдь.

Однокопытныя . . . . . 186—197

Кони. Кони въ Египтѣ и другихъ языческихъ странахъ; боевые кони; кони въ Палестинѣ.

Однокопытныя . . . . . 198—215

Оселъ; дикій оселъ или *онагръ; мулъ* и *лошакъ.*—Дополнительныя замѣчанія о коняхъ.

Двукопытныя . . . . . 215—227

Верблюдъ. Верблюдъ одногорбый или дромадеръ; верблюдъ двугорбый.

Двукопытныя . . . . . 227—236

Крупный рогатый скотъ; польза, которую извлекали Евреи изъ крупнаго рогатаго скота; молоко и молочные продукты; мясо, кожи, рога; работы, производившіяся при помощи крупнаго рогатаго скота.

Двукопытныя . . . . . 237—246

Овцы; молоко и шерсть овецъ; свойства овецъ, сравненія и образы, заимствованные отъ этихъ свойствъ и встрѣчающіеся въ Библіи. *Козы;* козы, какъ жертвенныя животныя.—Пастьба мелкаго скота въ древней Палестинѣ. Библейскіе образы, заимствованные отъ пастырей и ихъ отношеній къ стадамъ мелкаго скота

СТРАН.

Двукопытныя дикія животныя . . . . . 247—263

Дикія двукопытныя животныя, обитавшія въ Палестинѣ въ библейскія времена. Двукопытныя изъ семейства оленей: *лань*, *козуля*. Двукопытныя изъ семейства *антилопъ*: *серна*, *газель*; *ориксъ* (*сернобыкъ*) или *единорогъ*; изображеніе единорога въ кн. Іова и въ другихъ свящ. книгахъ; какое животное слѣдуетъ разумѣть подъ единорогомъ; откуда произошло названіе *единорогъ*? еврейское наименованіе *тео* или *то*; *сайга*; замѣчаніе о *камелопардѣ* или *жирафѣ*. Намеки библейскихъ вз. текстовъ на другіе виды антилопъ.

Многокопытныя . . . . . 264—275

Особенности многокопытныхъ по ихъ внѣшнему виду; многокопытныя, упоминаемыя въ Библіи. *Даманъ* или *жирякъ* (*шафанъ*); *свинья*; почему законъ запрещалъ Евреямъ употребленіе въ пищу свиного мяса? *хабаны*; *бегемотъ*; изображеніе бегемота въ кн. Іова; *слонъ*; слоны въ Палестинѣ во времена Маккавеевъ; слоновая кость и ея употребленіе сынами Израиля. Замѣчаніе о водныхъ млекопитающихъ.

Важнѣйшія опечатки 277

Оглавленіе 279